Исторический архив

6

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

**ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС
И
ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

К сведению авторов:
Рукописи авторам не возращаются.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Адрес редакции: Москва, Г-19, Волхонка, 14, тел. Б 8-81-42.

Подписано к печати 24/XI 1959 г. Т-12280 Формат бумаги $70 \times 108^1/_{16}$. Бум. л. $6^1/_4$
Печ. л. 17,12 + 1 вкл. Зак. 2243 Уч.-изд. листов 19,8 Тираж 3825 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

ДОКУМЕНТЫ

ОБРАЩЕНИЯ И РЕЧИ СЕН КАТАЯМА ПРОТИВ ВОЙНЫ И ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ГНЕТА

К 100-летию со дня рождения

Документы Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

3 декабря 1959 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося деятеля японского и международного рабочего движения, основателя Коммунистической партии Японии, старейшего члена Исполкома Коммунистического Интернационала — Сен Катаяма. Вся его жизнь была посвящена самоотверженной борьбе за дело трудящихся и угнетенных всего мира, за освобождение человечества от кровавого гнета капитала, борьбе за коммунизм.

Публикуемая ниже краткая автобиография Сен Катаяма содержит основные вехи его жизни и деятельности до 1921 г., до его приезда в Советский Союз (см. док. № 1). Этот документ является живым свидетельством его трудного жизненного пути борьбы и исканий, в результате которых Сен Катаяма твердо стал на позиции революционного марксизма.

Выходец из народа, он испытал в своей жизни все тяготы капиталистической эксплуатации. Напряженный труд в поисках куска хлеба, скитания по многим странам мира, ненасытная жажда знаний — все это было подчинено основной цели, которую поставил перед собой Катаяма — служить делу рабочего класса и, в первую очередь, организовать и направить по пути марксизма молодое рабочее движение Японии. Вынужденный из-за полицейских преследований покинуть родину, Катаяма принимает активное участие в социалистическом движении США, примыкая к его левому крылу и продолжая поддерживать связь с японским рабочим движением. В годы первой мировой войны он последовательно отстаивал пролетарские антивоенные позиции. Широко пропагандируя идеи пролетарского интернационализма, Катаяма окончательно и бесповоротно становится стойким последователем В. И. Ленина.

С радостью встречает он весть о Великой Октябрьской социалистической революции и активно выступает в защиту Советской России. В 1919 г. он переводит на японский язык книгу Ленина «Государство и революция».

Неоднократно Катаяма пытался вернуться на родину, но японская полиция зорко следила за ним, и все его попытки в этом направлении терпе-

ли неудачу. В марте 1921 г. Катаяма уезжает в Мексику и там принимает деятельное участие в создании Мексиканской коммунистической партии.

В декабре 1921 г. по приглашению Коминтерна Сен Катаяма приехал в Советскую Россию в качестве одного из организаторов Первого съезда трудящихся Дальнего Востока, проходившего в Москве. Он сразу включился в интенсивную работу и был избран членом Исполкома Коминтерна.

Настоящая публикация отражает лишь небольшую часть многогранной деятельности Сен Катаяма. В нее включены его воззвания и выступления за 1921—1932 гг. (в период его пребывания в Советском Союзе) против японской интервенции на Дальнем Востоке, против насилий империалистов над китайским и другими угнетенными народами. Документы показывают его последовательную борьбу против империалистического гнета, против попыток империалистических держав задушить молодую Советскую республику, подавить национально-освободительное движение в Китае.

Приехав в Москву, Катаяма 15 декабря 1921 г. обращается к русским рабочим и крестьянам со словами сочувствия в связи с голодом и разрухой в стране. Он говорил, что ему, как и другим коммунистам Японии, стыдно за вторжение японских войск в Сибирь, за поведение японского правительства и его армии (см. док. № 2). С первых дней работы в Москве Сен Катаяма с присущей ему революционной страстностью выступил против японской интервенции на советском Дальнем Востоке. В многочисленных открытых письмах, воззваниях и обращениях к русским рабочим и крестьянам, к солдатам японской армии в Сибири, к трудящимся Японии он разоблачает кровавые планы японских империалистов.

Публикуемые ниже обращения Сен Катаяма к японским солдатам в Сибири в 1922 г., написанные простым, понятным для рабочих языком, размножались на японском языке в виде листовок (см. док. №№ 3 и 4) и находили широкий отклик среди солдат японской оккупационной армии. Обращения и речи Сен Катаяма рисуют нам облик подлинного марксиста-ленинца, сочетающего любовь к своей родине, к ее трудовому народу, страстное желание добиться освобождения японских рабочих и крестьян от гнета капитала с глубоким чувством пролетарского интернационализма.

Особенно ярко выражено в публикуемых документах его стремление оказать помощь рабочим и крестьянам России, отстаивающим свое социалистическое отечество от нападения японских и других империалистов. В обращении к японским солдатам в Сибири в мае 1922 г. Сен Катаяма писал: «Вас вовлекли в самую бесчестную и бесчеловечную войну. Ваша война — это разбойничья война, имеющая целью ограбление другой страны. Ваша смерть — это собачья смерть. Никто от нее не получит пользы, только Япония покроет себя позором... Бросьте свое оружие, соберите свои вещи, отправляйтесь обратно в свою страну и улучшайте условия в своей собственной стране! Это лучшая политика для вас и для вашей страны. Она поможет русским рабочим и крестьянам» (док. № 3).

После создания в 1922 г. в Японии Коммунистической партии Сен Катаяма вел большую работу по ее укреплению, направляя партию по марксистско-ленинскому пути. Будучи одним из руководителей Коминтерна (членом Президиума ИККИ), Катаяма вел организационную и политическую работу в масштабе всего международного коммунистического движения. Он выступал за единство действий компартий стран метрополий с компартиями колониальных стран, за единый фронт.

С 1927 г. Катаяма — один из учредителей Международной антиимпериалистической лиги борьбы за национальную независимость и член ее президиума (до конца своих дней). Он был одним из виднейших руководителей Исполкома МОПР, работая в нем с 1927 г. в качестве заместителя председателя.

В августе 1932 г. весь мир был свидетелем горячих выступлений Сен Катаяма на знаменитом антивоенном конгрессе в Амстердаме против угрозы войны и военных авантюр, против агрессивной политики японского империализма в Китае. В своих выступлениях на XII пленуме ИККИ[1] и на антивоенном митинге в Париже в сентябре 1932 г. (см. док. № 7) Катаяма призывал к борьбе против японского империализма, в защиту Советского Союза и освободительного движения китайского народа.

Публикуемые документы показывают неутомимую энергию этого славного борца за мир, за победу социализма в СССР. Жизнь Сен Катаяма — сплошная борьба, сплошная цепь тревог, лишений и скитаний по всему миру, и только конец своей жизни он провел в безопасности — в стране освобожденного пролетариата. «Пользуясь гостеприимством русских товарищей,— говорил Катаяма,— я в безопасности провожу свою старость».

5 ноября 1933 г. Сен Катаяма скончался и был похоронен на Красной площади в Москве.

Настоящая публикация освещает одну из ярких сторон жизни выдающегося деятеля международного коммунистического движения Сен Катаяма, его кипучую, неутомимую деятельность по разоблачению кровавых планов японских империалистов на Дальнем Востоке и по предотвращению войны во всем мире.

* * *

Публикуемые документы хранятся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Публикация подготовлена при консультации дочери Сен Катаяма — Ясу Катаяма.

Л. Я. Шрамченко

№ 1

Краткая автобиография Сен Катаяма

Не ранее декабря 1921 г.

ОЧЕРК МОЕЙ ЖИЗНИ

Я родился в Японии 5 декабря[1)] 1859 г. в небольшой деревушке Хадеги в Окаямской префектуре. Мои родители были крестьяне. Вся наша семья занималась сельским хозяйством. В детстве мне тоже пришлось много поработать на полях, хотя я и любил бродить по лесам и купаться в ручье. Школу я посещал ровно 100 дней, так как к моменту, когда она открылась в нашей деревне, я был уже достаточно велик, чтобы работать на хуторе, рубить лес и обжигать уголь.

Когда мне исполнилось 20 лет, я решил продолжать образование и несколько времени спустя, в 1879 г. поступил в среднюю школу. Окончив ее, я отправился в Токио, поступил там на работу в типографию и одно-

---

[1] См. Стенографический отчет XII пленума ИККИ, М., 1933, т. III, стр. 50—51, 78, 154—155.

временно изучал китайских классиков. Не имея надежды обеспечить себе сносное существование в Японии, я уехал в Америку и прибыл в Сан-Франциско в 1884 г.

Моя жизнь в Америке протекала очень разнообразно. Чтоб заработать кусок хлеба, я брался за все: мыл полы, служил поваром у частных лиц, в гостиницах и ресторанах, был официантом, косил сено, пахал землю, сажал рис и т. д. В течение всего этого времени я посещал школу. Я учился в академии, колледже и университете. Летом 1894 г. я побывал в Англии, изучая там социальную жизнь, и в 1895 г. сдал дипломный экзамен при Иельском университете. Все же по своей основной специальности я повар и в этой профессии достиг больших успехов.

Социалистом я стал в 1891 г. На меня произвела громадное впечатление жизнь Фердинанда Лассаля.

Своей специальностью я избрал агитацию и пропаганду. В 1896 г. я вернулся в Японию, но вести работу в Токио мне не удалось, и год спустя я стал настоящим рабочим-агитатором, организовал профсоюз металлистов, наладил издание рабочей газеты «Мир труда» [2] и совершил целый ряд агитационных поездок по стране, с большим успехом популяризируя в массах идеи организации рабочего класса и социализма. Я был одним из шести социалистов, создавших в мае 1901 г. социал-демократическую партию. Партия просуществовала недолго, но все же успела проделать большую работу по пропаганде социализма.

В 1903 г. я возвратился в Америку, работал на всемирной выставке в Сент-Луисе. Я был делегирован на Международный социалистический конгресс в Амстердаме, где познакомился со многими русскими товарищами, в том числе с Плехановым. В 1906 г. я был в Японии и принимал участие в организации японской социалистической партии. Затем я опять поехал в Америку и, вернувшись в 1907 г. на родину, приступил к изданию социалистической газеты, в которой и работал до августа 1911 г.

В январе 1912 г. я был как один из организаторов забастовки токийских железнодорожников приговорен к 9-месячному тюремному заключению. В течение нескольких лет я редактировал журнал «Восточный экономист».

Не имея возможности заработать себе на пропитание, в силу преследований со стороны полиции, после моего выхода из тюрьмы, я был вынужден в 1914 г. покинуть Японию. Я поехал в Америку и, работая в Сан-Франциско простым чернорабочим, в то же время состоял редактором небольшого социалистического ежемесячного журнала. В декабре 1916 г. я прибыл в Нью-Йорк и тотчас же приступил к организации левого крыла. Я продолжал работать в газете, на жизнь же зарабатывал в качестве повара, продавал на улицах социалистические газеты и принимал участие в коммунистическом движении.

С ноября 1920 г. я был председателем Американской секции Коминтерна. Впоследствии я был вызван в Москву, куда и прибыл в декабре 1921 г.

Сен Катаяма

ЦПА ИМЛ, ф. 521, ед. хр. 14.— Копия.

№№ 2—5

Обращения Сен Катаяма

№ 2

15 декабря 1921 г.

Моим русским товарищам рабочим и крестьянам

Товарищи, я считаю для себя большой честью и удовольствием обращаться к читающей публике Советской рабоче-крестьянской России. Моим искренним желанием было приехать в Россию и видеть ваше великое благородное дело и его завершение. И вот сейчас я нахожусь здесь, пользуясь гостеприимством ваших представителей.

Я приехал теперь в вашу великую рабоче-крестьянскую Советскую республику не только для того, чтобы видеть и изучать ваши великие достижения и все растущие дела вашей революции, выразить свое уважение моим старым друзьям и сочувствие в ваших настоящих трудностях и ободрять вас к продолжению борьбы против всех препятствий, стоящих перед вами сейчас и ожидающих вас в будущем,— но также и для того, чтобы сказать вам, какое сильное и широкое влияние оказало ваше революционное дело на рабочих и крестьян всего мира. В особенности же я хочу сказать вам, что ваша революционная деятельность вдохновляет японских рабочих и крестьян. «На кого нападал тигр, тот действительно понимает рассказ о тигре», говорит японская пословица. Хотя мне не пришлось переносить таких ужасных испытаний, какие переносили и продолжаете переносить вы, все же и в моей жизни были некоторые испытания. Так, например, мне пришлось испытать мучения голода, плавая в течение 78 дней по Тихому океану на поврежденном пароходе. Когда голод начинал мучить нас слишком сильно, мы готовы были есть, что угодно (кроме яда), чтобы уменьшить наш голод.

Но, товарищи рабочие и крестьяне, прошлые и настоящие испытания, трудности, лишения и ужасы не имеют цены в нашей жизни до тех пор, пока они не дадут нам знаний и силы противостоять еще большим трудностям и лишениям, чем те, которые мы встретили и можем еще встретить в нашей жизни. Тот, кто встретил в жизни большие трудности, страдания и мужественно прошел сквозь них, должен чувствовать себя благословенным и одаренным от природы терпением и силой к сопротивлению. Такова была моя философия за последние 30 лет. Всякий раз как я встречал в своей жизни какие-либо трудности или лишения, или даже опасности, я чувствовал всегда, что пробую свои силы, и когда я думал о том, что действительно преодолел эти опасности или трудности, я чувствовал себя сильнее, чем раньше, и я поверил в себя, в то, что могу бороться и ждать лучшего будущего.

Я глубоко сочувствую вам, рабочие и крестьяне, в вашей великой борьбе и революционной деятельности и в ваших страданиях от голода. И я также возделывал землю, обжигал уголь, носил громадные тяжести и часть своей жизни провел как рабочий, поденщик, печатник и повар. Вы же работаете для себя и для Советской России, которая теперь является вашей в буквальном смысле этого слова, да и не только для нее, но для дела мировой революции.

Вы знаете хорошо какое сильное влияние оказала ваша пролетарская революция на Европу, Америку, на Ближний и Дальний Восток вообще, но вам мало известно о жизни японских рабочих и крестьян в настоящее время. Японские рабочие притесняются правительством, именно его полицией и жандармерией, совершенно так же, как и русские рабочие дорево-

люционного периода, они эксплуатируются предпринимателями, как и во всех других капиталистических странах. Японские крестьяне притесняются и эксплуатируются помещиками, как и во всех странах, кроме России. Японские рабочие и крестьяне глубоко заинтересованы в вашей революции и в последующей успешной работе по строительству вашей страны и защите ее от реакционных бунтовщиков и иноземных посягателей из союзных стран. Японские рабочие и крестьяне сочувствуют вам и восхищаются вашим героизмом в борьбе против жестокой и бесчеловечной блокады и вашей победой в революции.

Я рад сказать вам, что и японские рабочие и крестьяне защищаются путем забастовки, саботажа и даже восстаний против предпринимателей и угнетателей. Наиболее выдающийся пример этого был в августе 1918 г., когда японская армия была послана в Сибирь. Этот было в форме рисовых бунтов. Они возникли среди жен и дочерей рыбаков в маленькой деревушке на берегу Японского моря против Владивостока. Через 1—2 недели все главнейшие города были охвачены рисовыми бунтами, которые становились все сильнее, напряженнее, по мере того как увеличивалась площадь их распространения. Через 6 недель 142—143 города с окрестностями были охвачены рядом бунтов, распространившихся на $^2/_3$ всей территории страны. По достоверным сведениям в рисовых бунтах принимало участие 10 000 000 человек, 90% которых составляли рабочие и крестьяне. Для подавления бунта были вызваны правительственные войска, при столкновениях было много убитых и раненых. Около семи тысяч бунтовщиков были преданы суду и понесли различного рода наказания. Но японский пролетариат узнал здесь силу и влияние своих массовых действий. Силы полиции, жандармерии и даже армии были бессильны перед массами в их решительных действиях.

После рисового бунта индустриальные рабочие не раз устраивали забастовки, то успешные, то кончавшиеся их поражением, но всегда усиливавшие их влияние и силу. Крестьяне, раньше притесняемые и совершенно бессильные против этих притеснений, научились организовываться и временами устраивают восстания, направленные против алчных землевладельцев. В Японии забастовки считаются преступлением, а забастовщики подлежат аресту и тюремному заключению на шесть месяцев, рабочие же организации фактически запрещены. Но сейчас исключительно благодаря силе и деятельности рабочих и крестьян эти притеснения на практике уничтожены. Со времени рисового бунта по всей стране прошли сотни забастовок, саботажей и бунтов, принимавших все большие размеры и становившихся все напряженнее. Требования рабочих и крестьян в Японии становятся все более прямыми и существенными, они требуют контроля над промышленностью и землей (land).

В Кобе, самом большом портовом городе Японии, имеются две большие судостроительные верфи. Рабочие обеих верфей в числе 30 000 человек одновременно объявили забастовку. В течение шести недель они стойким фронтом стояли перед предпринимателями и враждебными властями, полиция, жандармерия и даже войска которых не могли остановить забастовку. Несколько раз в течение забастовки они устраивали демонстрации на улицах города. Однажды полиция подлым ударом в спину убила одного из забастовщиков. Это было сигналом для рабочих и сочувствующих им. В отличие от западных стран рабочие Кобе, Осако и Токио, так же как и организации юристов, выступили против правительства, протестуя против убийства рабочего. Все бастовавшие рабочие открыто приняли участие в похоронах убитого полицией их товарища. Как сообщают, все 30 тысяч рабочих принимали участие в похоронной процессии, прошедшей по всем главным улицам Кобе и остановившейся прямо против той

СЕН КАТАЯМА

Сен Катаяма во время съезда народов Дальнего Востока в Москве. 1921 г.

верфи, где работал убитый. Сами рабочие поддерживали во время шествия идеальную дисциплину и порядок, ни разу не нарушенные, показав себя в этом отношении с лучшей стороны. Во время этой забастовки рабочими была занята одна из верфей, но не так, как итальянскими металлистами год тому назад, наши забастовщики превратили эту верфь в место собраний, на которых совещались, как проводить забастовку.

Товарищи русские рабочие и крестьяне. Вы слышали и знаете хорошо о вторжении Японии в вашу Сибирь. Нам, социалистам и коммунистам, стыдно за поведение японского правительства и его армии, мы всегда были против позорной интервенции и вторжения, но мы с грустью должны сказать, что в данном случае мы бессильны перед прекрасно организованным милитаризмом и империализмом, поддерживаемыми капиталистами не только Японии, но и Франции, Англии и даже Америки. Но я с радостью говорю вам, что и в этом печальном и позорном вторжении японской армии в Сибирь вы косвенным образом оказали громадное воспитательное влияние на японских солдат своей благородной революционной деятельностью. От времени до времени японские газеты сообщали о случаях восстаний японских солдат в Сибири. Бывали случаи, когда происходило разложение целой роты; солдаты, убив своих офицеров, разбегались. Армии, стоявшие в различных частях Японии, числом около двух дюжин или даже больше, были проникнуты идеями большевизма и коммунизма. Солдаты, возвратившиеся из Сибири, приносили с собой эти идеи и распространяли их среди своих товарищей-солдат. Таким образом, сообщают о многих и многих случаях мятежей и возмущений среди солдат, и вы видите, как в результате русской большевистской революции японская армия была почти разложена.

Влияние и действие вашей революции и последующий рост и развитие страны чувствовались все сильнее среди наших рабочих и крестьян и проявлялись в их повседневной жизни и поведении. Требования, предъявляемые ими предпринимателям, становятся все более и более существенными и определенными как по содержанию, так и по форме, а рабочее движение и агитация становятся все более и более красными и революционными.

Товарищи рабочие и крестьяне Советской России, японские рабочие и крестьяне шлют вам свои лучшие пожелания и сердечный привет.

Да здравствует Рабоче-крестьянская Советская Республика!

Да здравствует Коммунистическая партия Советской России!

Да здравствуют Коммунистический и Профессиональный Интернационалы!

Да здравствует всемирная социальная революция!

Москва, 15 декабря 1921 г.

ЦПА ИМЛ, ф. 521, ед. хр. 25.— Подлинник на английском языке с правкой автора.

№ 3

12 мая 1922 г.

К солдатам японской армии в Сибири!

Японские солдаты! Вы и ваши братья-солдаты в течение долгих четырех лет находились в Сибири. Кроме того, многие из вас пожертвовали счастьем и комфортом, даже больше, многие из ваших братьев-солдат были убиты на полях сражения Сибири, и теперь вас снова втягивают в кровавую борьбу с русскими солдатами! Что же вы получаете за все эти жерт-

вы и смерти? Задумывались ли вы серьезно над этим вопросом и подумали ли вы о себе в этом кровавом деле? Нет, вы никогда не задумывались над вопросами, которые я задаю вам сейчас. Вы просто подчиняетесь военному приказу и, кроме того, вас заставляют выполнять жестокую работу для милитаристического класса Японии. Если бы вы подумали над этим, вас не было бы там, где вы сейчас находитесь!

Солдаты! Вы совершаете грубую ошибку, слепо подчиняясь военному приказу. Разве вы не знаете, что вы боретесь против русских красных солдат, защищающих единственное рабоче-крестьянское правительство, Советскую республику? Я знаю, что вы являетесь сыновьями японских рабочих и крестьян, как и русские красные солдаты. Своим настоящим поведением вы боретесь за капиталистическое правительство и интересы капиталистов Японии. Правительство и капиталисты Японии у себя дома угнетают и эксплуатируют вас в своих собственных интересах. Но разве вы не знаете, что русские красные солдаты защищают свое собственное правительство и свою собственную страну? Русские солдаты и крестьяне свергли капиталистическое правительство и покончили с капиталистическим классом.

Вашим слепым повиновением японскому милитаризму в течение почти четырех лет вы старались разрушить Советскую республику рабочих и крестьян, которые свергли своего угнетателя-царя и его капиталистическое правительство. Для какой цели вы в течение всех этих четырех лет находитесь в Сибири? Для того чтобы укрепить правительство капиталистов Японии, которые угнетают и будут угнетать вас до тех пор, пока вы будете согласны бороться и жертвовать собой ради их интересов! Неужели вы хотя бы на один момент допускаете, что вы служите высшим интересам страны, оставаясь в Сибири, которая является не вашей страной, а страной русских рабочих и крестьян? Наоборот, вы наносите вред и ущерб высшим целям и интересам вашей собственной страны — Японии. Русские не являются вашими врагами, против которых следовало бы бороться. Япония никогда не объявляла войны России. Русские рабочие являются вашими друзьями, если бы только вы могли понять и последовать примеру русских рабочих и крестьян! Вы морально совершаете самое возмутительное преступление против русских и всего человечества! Не стыдитесь ли вы самих себя теперь? Ведите себя, как подобает мужчинам, сложите свое оружие и отправляйтесь домой! Это лучше всего будет соответствовать интересам Японии.

Солдаты! Русские красные солдаты борются не только за свою собственную революцию, но за мировую социалистическую революцию! Они служат высшим интересам рабочих и крестьян. Они стараются перестроить свое народное хозяйство, несмотря на голод и бесчисленные трудности, стоящие на их пути как результат длительной внешней (foreign) и гражданской войны. Японские солдаты! Вы должны бы восхищаться героической борьбой русских рабочих и крестьян и всячески помогать им вместо того, чтобы нападать на них в тяжелый и критический момент их новой национальной жизни!

Солдаты! Вас вводят в заблуждение и жертвуют вашей жизнью и счастьем в несправедливом вторжении в чужую страну. Вас вовлекли в самую бесчестную и бесчеловечную войну. Ваша война — это разбойничья война, имеющая целью ограбление другой страны. Ваша смерть — это собачья смерть. Никто от нее не получит пользы, только Япония покроет себя позором, и в будущем ей будет трудно установить дружественные отношения с ее соседями, русскими рабочими и крестьянами.

Бросьте свое оружие, соберите свои вещи, отправляйтесь обратно в свою страну и улучшайте условия в своей собственной стране! Это лучшая

политика для вас и для вашей страны. Она поможет русским рабочим и крестьянам. Если ваши офицеры будут препятствовать вам, разоружите их и поступите так, как поступили русские солдаты четыре года тому назад! Вот вам советы человека, который любит Японию и японский пролетариат, который вырос крестьянским мальчиком, занимался сельскохозяйственным трудом, жег древесный уголь, таскал тяжести для своего пропитания и бывший в течение последних 50 лет рабочим лидером, социалистическим агитатором и коммунистическим организатором.

Поддержите Российскую рабоче-крестьянскую республику немедленным очищением Сибири. Это лучшее, что вы можете сейчас сделать!

Сен Катаяма

Москва, 12 мая 1922 г.

ЦПА ИМЛ, ф. 521, ед. хр. 25.— Подлинник на английском языке с правкой автора.

№ 4

16 мая 1922 г.

К японским солдатам в Сибири

Товарищи японские солдаты!

Вот уже четыре года льется кровь японских и русских крестьян и рабочих. Четыре года одни из вас гибнут на полях сражения, другие, изувеченные, возвращаются домой и там, как инвалиды, влачат жалкое существование. В течение четырех лет одних из вас уводят с фронта, других ведут на заклание... Товарищи, не пора ли, наконец, поставить вопрос, ради чего вы гибнете, ради чего вы убиваете других рабочих и крестьян, так же как и вы добывающих хлеб свой?

Подумайте, товарищи. Ведь не русские к вам, а вы к ним пришли отнимать у них земли, их добро... Вас оторвали от семьи, от пашни, от станков, от труда и бросили на гибель в далекую Сибирь... Не сознавая даже того, что вы творите, слепо повинуясь своему начальству, своим эксплуататорам и угнетателям, которые в мирное время обогащаются вашим трудом, а в военное — торгуют вашей кровью, вы для их обогащения творите в Сибири величайшее преступление...

Русские рабочие и крестьяне целые столетия находились в таком положении, в каком находитесь вы теперь, их обременяли непосильным трудом, их эксплуатировали, их угнетали, с ними обращались, как со скотом, а когда хищники различных государств, желая отбить друг у друга добычу, затевали войны,— их посылали на убой.

Долго терпели русские рабочие и крестьяне, но стало, наконец, невмоготу. Они прогнали своих угнетателей, взяли власть в свои руки и сами управляют своим государством...

Вот все их преступление, вот вся их вина. Но капиталисты и землевладельцы всех стран испугались, чтобы и их рабы, рабочие и крестьяне их страны, не последовали примеру русских. Испугалось и японское правительство, японские землевладельцы, японские капиталисты... И послали вас, чтобы вы вновь подчинили освободившихся русских крестьян их угнетателям.

Ваши капиталисты и ваши помещики наживутся на этом. Они завладеют богатствами Сибири, они избавятся от страха, что вы последуете примеру русских... А вы, товарищи, в далекой Сибири или погибнете, или наживете увечья, или еще туже затянете петлю гнета на собственной шее.

Товарищи солдаты! Бессознательно участвуя в борьбе против трудовых масс Советской России, вы только порочите имя Японии, которой будет трудно в будущем установить дружеские взаимоотношения с ее соседями — с рабочими и крестьянами красной России.

Бросайте ваше оружие, складывайте свои вещи, идите к себе домой, в Японию, улучшайте ваше положение в вашей собственной стране. Это самая лучшая политика для вас и для всего трудового народа Японии. Если ваши офицеры, продажные слуги японских капиталистов, мешают вам это сделать, обезоружьте их. Поступайте так, как поступали рабочие и крестьяне Советской России в 1917 году.

Товарищи японские солдаты! К вам обращается с этим призывом ваш японский товарищ, который, будучи сам крестьянином, выполнял всевозможные полевые работы, таскал всевозможные грузы, чтобы заработать себе на жизнь, а в течение последних 50 лет отдает свои силы борьбе трудовых масс всего мира против гнета мирового капитала.

Сен Катаяма

Москва, 16 мая 1922 г.

ЦПА ИМЛ, ф. 521, ед. хр. 25.— Копия.

№ 5

Август 1925 г.

К китайским рабочим и крестьянам, борющимся против империализма

Японские рабочие и крестьяне шлют революционным бойцам Шанхая, Ханькоу и других городов сердечный привет и выражают свою солидарность с ними в их отважной, героической борьбе против империалистов и капиталистов Японии, Англии, Америки и других стран. Удары, которые вы наносите им, и особенно японским империалистам, являются и прямой и косвенной помощью японскому пролетариату. Вы не только боретесь за свое освобождение от ига империализма, но и помогаете нам и укрепляете наше движение.

Империалисты в вашей стране боятся утратить свои позиции, они прибегают ко все большим и большим жестокостям, совершают над вами бесчеловечные зверства и расстреливают ваших товарищей — рабочих и студентов в стремлении сохранить свою колеблющуюся власть.

Рабочие, крестьяне и учащиеся, борющиеся против зверского империализма капиталистических держав! Японский пролетариат на вашей стороне, он старается помогать вам и поддерживать вас, но реакционное японское правительство подавляет всякий протест рабочих против его зверств и против деяний японских милитаристов в вашей стране. Однако японские рабочие и крестьяне всецело с вами в вашей геройской, полной решимости борьбе.

Японские, английские и американские империалисты пытаются спровоцировать ваш народ на неорганизованные бунты с тем, чтобы под предлогом восстания против иностранцев напасть на вас со своей армией и флотом и превратить в народное восстание, во вторичный боксерский бунт. Они рассчитывают еще раз выжать из вас боксерские возмещения и упрочить на более широкой основе свой оккупационный аппарат. Они, по-видимому, замышляют гнусные нападения, но, товарищи рабочие, крестьяне, студенты и сочувствующие, мировой пролетариат и Советская Россия поддерживают вас в борьбе, протестуют против империалистических зверств в Китае и организуют мощный единый фронт общественного мнения всех стран против империалистических правительств.

Мы искренно с вами, борющимися против империалистических разбойников, которые пользуются правом экстерриториальности и располагают могущественной армией и флотом.

Но твердая решимость рабочих и всего китайского трудового народа, поставившего себе целью добиться независимости страны, победит. Заба-

стовки и бойкот иностранных товаров, демонстрации и резолюции сочувствия, принимаемые международным пролетариатом, являются лишь предостережением, предрекающим более серьезную борьбу против империалистов в Китае. Продолжайте бороться и бойкотировать товары империалистов. Не давайте себя спровоцировать, оставайтесь тверды для того, чтобы нанести чужеземному капиталу еще более тяжелый удар, продолжайте бороться до победы.

Долой империалистов и капиталистов Японии, Великобритании и других стран!

Да здравствует китайское революционное движение!

Да здравствует независимый объединенный революционный Китай!

Да здравствует союз угнетенных народов Востока и революционного пролетариата Запада!

Да здравствует Коминтерн и мировая революция!

ЦПА ИМЛ, ф. 521, ед. хр. 25.— Подлинник на английском языке с правкой автора.

№ 7

Речь Сен Катаяма, произнесенная по радио в Москве

14 июня 1925 г.

Мировой империализм, воодушевленный временной стабилизацией капитализма в Европе, пытался упрочить и распространить его влияние в своих колониях, среди отсталых народов. Замечательным примером этих стремлений служит современное положение в Китае и Марокко, где империализм борется против восставших эксплуатируемых масс, для того чтобы поддержать жадную руку капитализма.

В течение веков Восток был местом капиталистической эксплуатации и угнетения для европейских стран. Так было и с Китаем. Китай — обширная страна, с огромным населением, с колоссальнейшими естественными богатствами — угнетался и эксплуатировался в продолжение многих столетий, особенно после позорной «опиумной» войны, объявленной Китаю Англией в 1841 году. Нанкинским договором, заключенным в следующем году, началось водворение иностранцев в различные порты Китая, которое, постепенно развиваясь, привело к полному захвату страны под предлогом закона об экстерриториальности, который устанавливает права граждан эксплуатирующих наций над эксплуатируемым народом.

Экстерриториальность дает право эксплуатации и угнетения китайцев по воле и желанию эксплуататоров. Но что это означает для англичанина, китайца или японца? Это означает, товарищи, что англичане могут убивать китайцев безо всякого повода или причины. Так, например, во время настоящей резни в Шанхае, или, например, англичанин отправляется в китайскую деревню, предположим, на охоту, там он вдруг может рассердиться на невинного китайца, повстречавшегося ему на пути, и хладнокровно выстрелить в него из своего охотничьего ружья. Такой убийца — англичанин, американец или японец остается, конечно, ненаказанным, так как его или совершенно не привлекают к суду, или же китайские власти будут настойчиво требовать у консула страны убийцы суда над ним, так что все равно судить его будет не китайский суд, а его же собственный, расположенный к нему консул, не имеющий понятия о судебном производстве, и убийца очень скоро очутится на свободе. Благодаря безнаказанности иностранцы в Китае ведут себя чрезвычайно нагло. И ничего удивительного, что американский консул в Шанхае оправдал расстрел рабочих и студентов, мирно демонстрировавших по улицам Шанхая.

Товарищи, Китай подвергался этой несправедливости в продолжение 80 последних лет. Он находился не только в политическом рабстве, но благодаря тем же так называемым договорам был порабощен и экономически. У Китая в силу этого договора нет экономической самостоятельности. Это означает, что он не имеет права налагать пошлины на ввозимые иностранные товары; это означает, товарищи, что Китай не может развить свою собственную промышленность, так как свободный ввоз иностранных товаров убивает ее. Таким образом, Китай и китайцы порабощены политически и экономически, став легкой добычей мирового империализма.

Но, товарищи, ясно, что такое положение вещей далее стало невыносимым, и вполне понятно, что китайцы решили сбросить ненавистное иго и уничтожить унизительные договоры. Всеобщая забастовка превратилась в общее освободительное движение широко национального характера. Вначале это была простая экономическая забастовка в Шанхае и Чинь-Тао, направленная против японских хлопчатобумажных фабрик. Китайские рабочие невероятно эксплуатируются японскими владельцами фабрик. Их избивают и вообще обходятся хуже, чем со скотом. И когда возмущенные студенты произвели в знак протеста демонстрацию в Шанхае, британские солдаты и полиция стреляли в них. В Чинь-Тао японцы выслали военные суда и подавили забастовку, но не уничтожили забастовщиков. Стрельба и аресты рассердили их еще более, и в результате — всеобщая забастовка — события, о которых мы читаем ежедневно в газетах.

Всеобщая забастовка, как пламя, охватила всю страну, и повсюду происходят митинги и демонстрации протеста против произвола японского и британского империализма. И китайские рабочие и крестьяне потребовали национального освобождения. Сила протеста оказалась настолько решительной, что другие капиталистические страны отказались действовать совместно с главными притеснителями — Японией и Англией. Так, например, Франция предоставила право собраний на территориях ее концессий, а Америка решила сохранить нейтралитет. Это помогло восставшим сосредоточить свои силы и усилить забастовку во всей стране. Симпатии всего народа и многочисленные пожертвования оказывают огромную поддержку. Даже реакционный генерал Чжан Цзо-лин и его генералы прислали денег шанхайским забастовщикам, чтобы поддержать их. Сам президент Дуан Дзи-чжуй обещал поддержку и послал протест капиталистическим разбойникам. Мало того, главнокомандующий национальной армией вызвался поддержать бастующих. Таким образом, мы видим, что рабочие, крестьяне, купцы, мелкая буржуазия и реакционные генералы объединились в настоящий момент против Японии и Англии — двух главных угнетателей Китая. Перспективы движения самые благоприятные для рабочих и крестьян.

Но враг с его военными судами, солдатами и деньгами силен в Китае, и сознательный мировой пролетариат должен энергично поддержать китайское движение и сильнейшим образом протестовать перед империалистическими правительствами Японии и Англии. Впервые объединились британские рабочие всех цветов и оттенков против правительства Болдуина для поддержки китайского революционного движения. Японские союзы рабочих организовали митинг протеста, но были разогнаны полицией.

Товарищи, вы проявили уже большой интерес к китайскому движению и поддержали его. Пусть следующей советской республикой будет Китай с его 400-миллионным населением, и успех русской революции будет обеспечен и укреплен.

Китайская коммунистическая партия образует в настоящее время сильное левое крыло гоминдана, единственной революционной политической партии в Китае. И она сыграет огромную роль в приближающейся борьбе

против империализма в Китае, и мы должны поддержать гоминдан, чтобы поддержать революционное движение в Китае.

Долой империализм — капитализм в Китае! Да здравствует китайское революционное движение и Китайская советская республика! Да здравствует Коминтерн, да здравствует мировая революция!

Сен Катаяма

14 июня 1925 г.

ЦПА ИМЛ, ф. 521, ед. хр. 23.— Копия

№ 7

Речь Сен Катаяма на антивоенном митинге в Париже[3)]

2 сентября 1932 г.

Товарищи!

Если мне удастся моим выступлением убедить вас, что интервенционная война против Советского Союза неизбежна и что угроза ее значительно серьезнее, чем, быть может, вы полагаете, то цель моей речи будет вполне достигнута.

Мне нет надобности отнимать ваше время указаниями на все обостряющийся мировой экономический кризис и растущие противоречия между империалистическими державами — англо-американские, японо-американские, американо-французские и т. д., или на то, что последние переговоры относительно долгов могут коснуться не только двух стран, но привести к международным осложнениям. Все эти проблемы связаны с войной — либо с прошлой, либо с будущей. Международная обстановка быстро изменялась за последнее время, и мы являемся свидетелями перегруппировки империалистических держав. Однако развитие событий ясно указывает на тот факт, что Англия и Япония более чем когда-либо единодушны в отношении раздела Китая и совместной подготовки реакционной войны против Советского Союза. «Манчжурия для Японии и Великий Тибет для Англии». А самая южная часть Китая — для Франции — можно добавить к заголовку, недавно фигурировавшему в японской прессе. Это соглашение ограничивается не только Китаем, но распространяется и на самую подготовку нападения на Советский Союз. «Великий Тибет» — под военным управлением и опекой британского империализма должен рассматриваться как прямая угроза мирной политике Советского Союза, так как эта страна на большом протяжении граничит с СССР.

Расторжение торгового договора между Англией и Советским Союзом и недавнее аннулирование нефтяной концессии со стороны персидского правительства являются симптомами крушения британского империализма. Недавнее заключение пакта о ненападении между СССР и Францией, а также с польским правительством и возобновление дипломатических отношений с нанкинским правительством указывают на крупную дипломатическую победу СССР, его непоколебимой политики мира, в то время как решительный отказ Японии от заключения пакта о ненападении возлагает всю ответственность за сохранение мира на Дальнем Востоке на нее одну. Всеобщие выборы в САСШ, имевшие своим результатом падение Гувера и избрание президентом Рузвельта, несомненно будут иметь следствием установление отношений между САСШ и СССР в форме признания последнего Соединенными Штатами.

Все эти факты означают полную изоляцию империалистического правительства в Токио и в то же время усиление позиции китайских рабочих и крестьян, борющихся за независимость Китая и Манчжурии как неотъемлемой части его против иностранных империалистических держав в Ки-

тае. Возобновление дипломатических отношений между двумя крупными соседями — СССР и Китаем — объясняется прямым или косвенным действием такого сильного фактора, как укрепление власти и расширение территории Китайской Советской Республики, означающих в свою очередь революционную победу китайских пролетариев.

Однако нельзя современную обстановку на Дальнем Востоке рассматривать слишком оптимистически. Сквозь дымовую завесу внешне дружественного обмена дипломатическими любезностями и соглашения между Советским Союзом и Японией (нефтяное соглашение между Матсуката и советским правительством и теплый прием, оказанный последним, японскому дипломату Митсуока) и усиления связи между Америкой и Японией, перспектива интервенционной войны против Советского Союза как бы утрачивает на первый взгляд свою остроту. Кроме того, империализм втирает очки широким народным массам. Отдаленность Европы от театра военных действий заставляет европейцев думать, что настоящая война в Манчжурии является колониальной войной старинных времен. Однако легко понять, что такой взгляд является слишком поверхностным и в корне ошибочным, если присмотреться к военным приготовлениям, лихорадочно проводимым в Японии и ее колониях — Корее, Формозе и, конечно, Манчжурии.

Говоря о внутреннем положении Японии, я должен обратить ваше внимание на тот непреложный факт, что Япония находится сейчас накануне войны, она готовится к интервенции против Советского Союза. Вся страна, народ, промышленность, школы и университеты военизированы до последней степени и в любой момент могут быть мобилизованы. Военная промышленность, государственная и частная, процветает. На оружейных заводах число рабочих все увеличивается, рабочий день удлиняется без повышения зарплаты.

Что касается политической обстановки, то должен отметить, что теперешний кабинет Саито является временным и рано или поздно он уступит место фашистскому кабинету как более яркому выразителю военных приготовлений милитаристской клики, возглавляемой военным министром Араки, клики, которая фактически стала диктатором в области внешней политики и дипломатии.

Далее, положение японского империализма характеризуется следующими чертами: недостаток военных материалов в Японии; слабость тяжелой промышленности; узость внутреннего рынка; потеря китайских рынков и общий упадок внешней торговли Японии как в относительных, так и абсолютных цифрах. Все это — бесспорные факты. Однако недооценка мощи японского империализма в интервенционной войне против Советского Союза была бы грубейшей ошибкой.

Под влиянием обострения финансового, промышленного и аграрного кризиса наблюдается революционный подъем и возможность перерастания его в настоящий политический кризис: рабочие и крестьянские массы постепенно начинают сознавать весь ужас войны, начинают понимать, что Манчжурия не является каким-то Эльдорадо, как это старались изобразить военные власти и капиталисты. Голод на Северо-Востоке с каждым днем усиливается; растет количество крестьянских стачек, стачки рабочих начинают принимать все более острые формы; зарплата снижается при одновременном повышении цен в результате инфляции и обесценения иены; цены на рис растут, но у бедных крестьян нет риса для продажи. Широко рекламируемая помощь сельскому хозяйству не достигает бедноты. Военная промышленность процветает, но рабочие подвергаются еще большей эксплуатации посредством низкой зарплаты и продолжительного рабочего дня. Растет безработица, растут и налоги. В то же самое время

мы наблюдаем подъем революционного движения в Китае, Корее и Формозе, партизанского движения в Манчжурии и победоносное продвижение китайской Красной армии.

Я мог бы привести значительно больше фактов для иллюстрации военных приготовлений на Дальнем Востоке. Там строятся аммуниционные и другие военные заводы, работающие день и ночь. В особенности это относится к авиа- и автозаводам, а также к другим отраслям производства, предназначенным для интервенционной войны. Япония закупила в Канаде специальные автомобили для манчжурских равнин. Строятся новые железнодорожные линии и морские порты, облегчающие быструю и непосредственную доставку оружия, продовольствия и людского состава в Северный Китай. Вооруженные эмигранты массами вливаются в Манчжурию, с оружием и пулеметами в руках вместо лопат и других орудий труда!

Оборотной стороной военных приготовлений является то, что реакционное правительство применяет самые зверские методы подавления рабочего и крестьянского движения, прибегая к белому террору и фашистскому насилию. Начиная с 15 марта 1928 года, с облавы на коммунистов в национальном масштабе, до настоящего времени было арестовано около двадцати тысяч революционных рабочих и три тысячи из них ожидают в настоящее время суда по обвинению в революционной деятельности, караемой смертной казнью. Более пятидесяти коммунистов и революционных рабочих и крестьян были брошены в тюрьмы. Четыре вождя партии приговорены к пожизненному заключению и 160 человек — к 700 годам каторжных работ.

Рабочие и крестьяне все более и более восстают против такого террора путем стачек, саботажа и восстаний. Уличные бои, кровавые столкновения с полицией и жандармами стоят в порядке дня. Красные профсоюзы, число членов которых возросло с 3000 до 15 000 со времени манчжурских событий, руководят рабочими массами во время стачек, постоянно увязывая их с антивоенной борьбой (стачка на электрической дороге Тамагава, стачка рабочих токийского метрополитена и т. д.). Стачка рабочих токийского метрополитена носила антивоенный характер. Все подземные линии были остановлены на несколько дней: властям и предпринимателям ничего не оставалось, как согласиться на требования стачечников. Стачка была так хорошо подготовлена и так искусно проводилась, что стачечникам благополучно удалось загородить вход в подземку тремя вагонами. Если бы компания выключила ток, то через несколько часов все подземные линии и даже вся столица Японии были бы залиты водой.

Антивоенное движение революционного пролетариата Японии проводилось весьма энергично на основе правильной революционной линии. Социал-фашистские союзы поддерживают буржуазную войну, хотя недавно они и выдвинули антивоенные лозунги исключительно с той целью, чтобы обмануть быстро революционизирующихся рабочих. Социал-демократические вожди боятся потерять массы, они принимают революционные лозунги, никогда не забывая при этом выставлять и антикоммунистические и антисоветские лозунги! Социал-фашисты всех мастей и оттенков являются самыми опасными врагами антивоенного движения, особенно сейчас. Мы должны бороться против новых маневров социал-фашистов.

Нашей задачей должна быть организация работы среди безработных, число которых колоссально возросло во всем мире, с целью сплочения их в национальном и интернациональном масштабе в крепком боевом антивоенном движении. Его непосредственной задачей должно быть ослабление военных приготовлений путем организации стачек и саботажа. Голодные, умирающие с голоду рабоче-крестьянские массы должны быть также организованы в мощную боевую антивоенную организацию. Эти голодные

рабочие могут легко проникнуться антивоенными идеями и настроениями и превратиться в мощную революционную силу; они находятся перед перспективой мучительной голодной и холодной зимы! Нужны только крепкая организация и направляющее руководство со стороны антивоенного комитета. Нельзя допустить, чтобы миллионы и миллионы безработных, повергнутых в нужду и нищету, оставались в состоянии инертности и пассивности, а надо превратить их в революционную силу, для того чтобы они освободили себя от теперешних тяжких проклятых условий.

Надо бороться против белогвардейцев, организованных в антисоветские армии в Манчжурии; они имеют свои отделения в капиталистических странах. Несомненно, первейшей задачей французских и японских товарищей является разгром контрреволюционной белогвардейской армии, поддерживаемой японским и французским империализмом. Они являются заклятыми и опасными врагами Советского Союза, как это видно на примере Манчжурии. Помните, товарищи, что белогвардейцы являются очень беспокойным врагом Советского Союза; их поддерживают все царские эмигранты, рассеянные по всему миру. Говорят, что в Манчжурии имеется белогвардейская армия численностью более 100 000 бойцов, хорошо вооруженная, прекрасно снабженная и действующая в полном контакте с японской армией!

Мы должны мобилизовать массы рабочих и крестьян на защиту Советского Союза, который успешно завершил свой первый пятилетний план и готовится ко второму, т. е. к построению бесклассового общества. Активнейшая сила мирового пролетариата в состоянии будет повернуть интервенционную войну так, чтобы она соответствовала нашим собственным интересам.

Я заканчиваю серьезным и искренним призывом к рабочим, крестьянам и интеллигентам всего мира — немедленно усилить антивоенную организацию и антивоенные массовые выступления в каждой национальной секции, мобилизуя рабочих, крестьян и в особенности молодежь, которая должна быть революционизирована в процессе антивоенных движений. Молодежь не знает ужасов и бедствий войны. Высшим долгом Международного антивоенного комитета и всех его секций является — убедить молодежь в необходимости борьбы против капиталистической войны, за интересы Советского Союза, Советской республики Китая и борьбы против зачинщиков империалистической войны, против военных клик, для защиты Советского Союза, строящего бесклассовое общество в ходе выполнения второго пятилетнего плана! Советский Союз является сильнейшей революционной крепостью мирового пролетариата. Но Советскому Союзу нужна революционная помощь со стороны мирового пролетариата! Лучшей защитой Советского Союза и Китайской Советской республики является превращение капиталистической войны в гражданскую войну.

ЦПА ИМЛ, ф. 521, ед. хр. 23.— Подлинник на английском языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Дату своего рождения Сен Катаяма указывает по-разному: в одних документах — 5 декабря, в других — 3 декабря. В настоящее время установлено, что правильной датой его рождения является 3 декабря 1859 г.— 5.

2) «Мир труда» — «Родо сэкай» («Рабочий мир») газета союза металлистов, первого профсоюза в Японии, организованного Сен Катаяма. Он являлся редактором этой газеты; на ее страницах он начал пропаганду идей марксизма.— 6.

3) Антивоенный митинг в Париже, посвященный отчету делегатов Амстердамского антивоенного конгресса, был организован 2 сентября 1932 г.; в нем участвовало 40 000 человек. Открыл митинг Анри Барбюс, обратившийся к присутствующим с приветствием. Выступали Марсель Кашен, Сен Катаяма и другие.— 15.

ПОЛИТИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА В КРАСНОЙ АРМИИ

(1918—1920 гг.)

После завоевания власти пролетариатом в октябре 1917 г. Коммунистическая партия направила все свои усилия на удержание и упрочение Советской власти. Важнейшим результатом этих усилий было создание Рабоче-Крестьянской Красной Армии, ставшей надежной защитницей завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции.

Вырабатывая военную политику, Коммунистическая партия придавала большое значение политическому содержанию Красной Армии. В декрете Совнаркома от 15 января 1918 г. о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии было сказано, что она «создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов». В. И. Ленин считал, что новая армия должна быть надежной защитницей Советского государства, организацией дружбы между народами и оплотом мира во всем мире. Задача достижения этих благородных целей выдвигала на первое место не только военно-техническую подготовку войск, но и такую организацию политической работы, которая воспитывала бы в каждом красноармейце сознание гражданина Советского государства, выполняющего великий патриотический долг защитника своей Советской Родины. Созданный в Красной Армии партийно-политический аппарат и призван был осуществлять военную политику Коммунистической партии.

Политические органы Красной Армии прошли большой и сложный путь развития и проделали большую работу.

В публикуемом докладе Политического управления Реввоенсовета Республики дается достаточно полное представление о формах политико-просветительной и культурно-массовой работы в Красной Армии с начала ее организации до 1 октября 1920 г. Из доклада видно, как Коммунистическая партия добивалась классового сплочения и социалистического просвещения армии, какие трудности приходилось преодолевать партийно-политическому аппарату в этой работе. Ценность публикуемого документа состоит и в том, что он дополняет и в ряде случаев уточняет имеющиеся в нашей литературе сведения о партийно-политической работе в Красной Армии.

Доклад свидетельствует о трудностях организации и развертывания партийно-политической работы в период гражданской войны, убедительно и правильно показывает, что политико-просветительная и культурно-массовая работа была не голым культурничеством, а необходимым условием, без которого немыслима глубокая партийно-политическая ра-

бота в Красной Армии. Так, в документе мы читаем: «Просветительная работа сплетается с политической. Через все инструкции и положения красной нитью проходит та мысль, что никакая углубленная политическая работа немыслима без усвоения элементарных основ знания. Неграмотный и темный человек неспособен глубоко воспринять, переработать и сознательно усвоить высокие идеалы коммунистической морали. Печатное слово должно быть понятно и доступно всякому. Безграмотный человек не может разобраться в сложных задачах социалистического строительства, сознательно пойти навстречу всем начинаниям Советской власти, поняв их глубокий жизненный и идейный смысл» (стр. 27—28).

Организуя партийно-политическую работу в Красной Армии, Коммунистическая партия направляла главные усилия на борьбу с темнотой и бескультурьем, которые нам достались от прошлого. Об этом убедительно свидетельствует публикуемый документ, в котором большое внимание уделяется освещению вопросов истории организации и развития очагов культуры в Красной Армии: школ, библиотек, клубов, театров и других учреждений, обеспечивавших подъем культуры красноармейской массы и их социалистическое просвещение.

Большой интерес представляют содержащиеся в докладе сведения о том, как партийно-политические органы армии организовывали борьбу с безграмотностью, как развивалась эта работа на фронте и в тылу. Не меньший интерес представляют сведения о развитии клубов, театров и библиотек в армии.

Изучение документов различных фондов, хранящихся в ЦГАСА, позволяет утверждать, что публикуемый документ является вполне достоверным источником. Он был составлен официальной комиссией Политического управления Реввоенсовета Республики, которую возглавила начальник агитационно-просветительного отделения ПУРа В. И. Суздальцева, для использования внутри ПУРа в связи с подведением итогов политической работы в Красной Армии в годы гражданской войны. Такие же итоговые доклады были составлены и другими главными управлениями Красной Армии в связи с победоносным окончанием гражданской войны.

В публикации опущены III и V разделы, подробно раскрывающие историю создания политических органов Красной Армии в 1918—1920 гг., о чем достаточно полно говорится в литературе [1].

Документ извлечен из фонда Политического управления при Революционном военном совете Республики (ПУР РВСР: ф. 9), хранящегося в Центральном государственном архиве Советской Армии СССР (ЦГАСА СССР).

С. М. Кляцкин, А. Ф. Горленко

[1] См. Н. Савко. Очерки по истории партийной организации в Красной Армии. 1918—1923 гг. М.—Л., 1928. Ю. П. Петров. Строительство партийно-политического аппарата Советской Армии (1918—1920 гг.). М., 1952. Его же. Военные комиссары в годы гражданской войны (1918—1920 гг.). М., 1956. Н. И. Шатагин. Организация и строительство Советской Армии в 1918—1920 гг. М., 1954.

Доклад Политического управления Реввоенсовета Республики о политико-просветительной работе в Красной Армии с начала ее организации по 1 октября 1920 г.

8 октября 1920 г.

I. Период Красной гвардии и демобилизации

Огромное значение политическо-просветительной работы в Красной Армии определяется теми принципами, которые были положены в основу развития этой последней. «Рабоче-Крестьянская Красная Армия создается из наиболее сознательных и организованных элементов трудящихся классов» — гласит первый пункт декрета Совета Народных Комиссаров от 15 января 1918 г. — декрета об учреждении Красной Армии.

Поэтому наряду с органами, ведавшими военно-технической стороной дела, первейшей заботой правительства было создание и развитие политико-просветительного аппарата. Задача эта представляла величайшие трудности, так как не имела прецедентов в военной [истории]. На место армии, построенной на основах слепой дисциплины, армии, строго оберегаемой от вмешательств в политику, предстояло создать армию нового типа, армию политически сознательных бойцов и просвещенных людей.

Солдат старых империалистических армий, не рассуждающий, не имеющий представления о причинах и целях войны, должен был уступить место воину, воодушевленному коммунистическими идеалами, с ясными представлениями о путях, ведущих к освобождению трудящегося человечества. Задачу эту приходилось выполнять среди разрухи, явившейся следствием империалистической бойни, наконец, при отсутствии опыта, подготовленных работников, литературы, в атмосфере недоверия и скептицизма, сопровождающих всякое новое дело, тем более дело такого небывалого масштаба.

Неудивительно поэтому, что работа не сразу приняла стройные формы и в первое время производилась ощупью, носила случайный и кустарный характер. Органы, на которые были возложены политико-просветительные функции, и в центре и на местах действовали вразброд, часто видоизменялись в своей структуре и в своих взаимоотношениях сообразно с требованиями, выдвигавшимися жизнью, пока не приняли форму стройной сложной системы с бесчисленными разветвлениями, охватившими все дело политического и общего просвещения красноармейских масс.

Борьба в первые месяцы Октябрьской революции и защита ее завоеваний выпала на долю Красной гвардии, в особенности ее петербургского отряда. Агитационно-политическая работа на петербургских заводах началась чуть ли не с первых дней после Февральской революции, которая не принесла пролетариату осуществления его заветных идеалов. Вооружение рабочих петербургских заводов, носившее стихийный характер, побудило партийных товарищей внести планомерность в это движение и приступить к организации Красной гвардии. Этот момент можно считать началом политической работы среди нарождающейся военной силы, призванной к осуществлению социалистической революции.

Организационно-агитационную работу решено было начать с тех районов, где рабочие были проникнуты наиболее сильным революционным настроением. Первые красногвардейские части были сформированы на заводах и фабриках Выборгского района, за которым последовали Нарвский и Невский, а затем районные штабы — эти первые ячейки Красной гвар-

дии — возникли во всех районах Петербурга. В августе месяце [1917 г.] объединяющим центром движения стал Главный штаб Красной гвардии.

После июльского выступления организационно-агитационная работа временно приостановилась, но вскоре возобновилась с новой силой. Корниловское восстание в конце августа заставило опереться на Красную гвардию даже колеблющиеся элементы Петроградского совета, и после восстания начинается лихорадочная работа по формированию Красной гвардии. На многих заводах рабочие целиком записываются в Красную гвардию. Политическим аппаратом военной силы в это время является военная организация партии, едва успевающая посылать нужные количества инструкторов, которые вербовались главным образом из рабочих, прошедших военную школу в старой армии. На военную организацию выпала задача наладить правильные военно-учебные занятия на заводах, разбить обученные массы рабочих на батальоны, роты и т. д. под командой унтер-офицеров и солдат из рабочих.

К началу октября дело настолько подвинулось вперед, что ЦК партии счел возможным поднять вооруженное восстание, осуществление которого было возложено на Военно-революционный комитет при Петроградском совете. Подготовка и проведение Октябрьской революции свидетельствует о том, какую важную историческую роль сыграла организационно-агитационная деятельность первых политических работников.

Соединившись с матросами, вызванными из Кронштадта и Выборга красногвардейские части 24 и 25 октября заняли Смольный институт, и постепенно по плану, выработанному Военно-революционным комитетом, овладели почтой, телеграфом, телефонной станцией и всеми важнейшими правительственными учреждениями. Образцовую дисциплину и сознание проявили красногвардейские части в первые дни после падения Зимнего дворца, когда приходилось нести в городе охранную службу, влиять на солдат, поддерживать режим сурового революционного порядка. Красной гвардии, ее энтузиазму обязаны Октябрьская революция и победы над войсками Керенского. После этой победы Красная гвардия приняла на себя охрану нового правительства, несла караулы во всех важнейших местах, в Смольном, у Совнаркома, в артиллерийских складах, всюду, где нельзя было довериться солдатам старой армии, прекращала разгромы винных складов и т. д. Без этого высокого революционного подъема петербургского пролетариата Октябрьская революция едва ли могла бы так благополучно миновать первый самый опасный этап своей истории.

Политическая работа по демобилизации царской армии носила хаотический характер. Собравшийся в декабре 1917 г. съезд по демобилизации выделил из своего состава Агитаторскую коллегию, которая разработала основные положения организации агитационной работы по созданию Красной Армии и утвердила инструкцию агитаторам. Съезд принял решение, свидетельствовавшее о том, что считалось возможным создать новую армию путем преобразования старой царской. Съезд постановил «немедленно приступить к организации корпусов социалистической армии», причем кадры их должны были составиться из: а) солдат старой армии, b) запасных частей и с) всех добровольцев, желающих вступить в ее ряды. Принцип добровольчества должен был проводиться в жизнь в тылу немедленно. На фронте же этот принцип следовало проводить «постепенно по мере замены всех демобилизуемых элементов социалистическими формированиями из тыла; параллельно с формированием корпусов социалистической армии должно идти свертывание и сведение существующих военных соединений в более узкие».

Этими заданиями определялся и характер деятельности политического

органа эпохи демобилизаци, т. е. Агитаторской коллегии. Съезд выработал порядок формирования по линии фронта: назначение комиссаров и инспекторов по формированию, определение корпусными комитетами более устойчивых полков (желательно три полка на корпус) в боевом революционном и социалистическом отношении; эти полки объявляются затем первым, вторым, третьим полком такого-то корпуса; полковой комитет переформированного полка объявляет запись добровольцев.

Выборное начало приводило к тому, что из старого командного состава попадали в командиры наиболее ловкие, умевшие подлаживаться к солдатам, тогда как офицеры, вводившие строгую дисциплину, изгонялись; командный состав находился в полной зависимости от солдатских масс. Характерным выражением момента может служить «Воззвание к воинам свободной Украины» от имени военного отдела Центрального Исполнительного Комитета Рады рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины: «Если мы не соединимся в крепкие революционные полки, батареи, отряды и т. д., если мы побежим домой, то разрушим Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Воззвание приглашает записывается в ряды «червонного казачества», что «сейчас формулируется на фронте и везде», зорко следить, чтобы «не было меж нас волков в овечьих шкурах, которые в некоторых полках стали атаманами», не допускать их, созывать общие собрания, выбирать надежных товарищей в армейские фронтовые рады и комитеты, делать все «в согласии с комиссарами, революционными и иными комитетами» («Вестник Украинской народной республики», 18 января 1918 г.).

Несостоятельность принципов, на которых строилась Красная гвардия, обнаружилась с полной очевидностью при ее столкновении с регулярными немецкими войсками на Украине. Необходимо было организовать защиту революции и Республики на новых началах, а вместе с тем создать политический орган новой армии.

II. Период Всероссийской коллегии [по организации и формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии]

(15 января 1918 г. — 8 апреля 1918 г.)

Первым шагом на этом пути было учреждение Всероссийской коллегии по организации и формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии по декрету 15 января 1918 г. Через 10 дней после издания декрета при Всероссийской коллегии сконструировался организационно-агитационный отдел. Этот отдел стал первым политическим органом армии в центре. На местах организационная и агитационная работа ведется различными органами в тылу и на фронте. В тылу такими органами являются военные отделы, учрежденные для этой цели при местных Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. При некоторых Советах были организованы особые штабы Красной Армии, военно-революционные комитеты и т. п. организации.

На фронте организационно-агитационная работа возложена на армейские, корпусные и дивизионные комитеты, для чего при них были созданы штабы Красной Армии.

Отдел должен был стать источником указаний и распоряжений для местных органов в тылу и на фронте. Но задача эта, несмотря на лихорадочную работу, при своем осуществлении натолкнулась на ряд затруднений. Во-первых, трудно было установить связь между центром и местами. Организационно-агитационный отдел для установления такой связи ведет переговоры по прямому проводу, пользуется почтой и телеграфом,

рассылает соответствующие обращения к Советам, открывает у себя запись организаторов, которых снабжает специальными инструкциями и отправляет на места. Но несмотря на это, в условиях военного времени связь между центром и местами далеко не стояла на той высоте, которая диктовалась требованиями момента.

Вторым важным препятствием, затруднявшим деятельность организационно-агитационного отдела и местных органов, являлось отсутствие единства как по вопросу о структуре самих органов, так и по вопросу о задачах и методах работы. Никаких определенных положений и штатов не существовало в первое время. Местные органы отличались большой пестротой. Например, Рязанский военный отдел был подразделен на три подотдела (снабжения, формирования, агитационно-организационный). Костромской — на два (организационный и агитационный), а Вологодский — на девять.

Агитационную и культурно-просветительную работу вели особые агитационно-организационные подотделы, местами агитационные подотделы, а при некоторых военных отделах, например при Витебском, независимо от агитационных были организованы даже самостоятельные культурно-просветительные подотделы.

Необходимо было придать планомерный характер деятельности политико-просветительных органов, и несколько позднее центром была издана «Инструкция для руководства Советам, комитетам и т. п. для создания отделов по организации Красной Армии». Согласно этой инструкции военные отделы составляются из представителей Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, штабов Красной гвардии, где таковые имеются, и военных штабов, а в армии из представителей армейских, корпусных и дивизионных комитетов. Военные отделы подразделяются на восемь подотделов, из которых на организационно-агитационный подотдел возлагается вербовка добровольцев, агитационная работа среди населения и войсковых частей и удовлетворение культурно-просветительных нужд красноармейских частей.

С каким трудом налаживалось дело в эпоху Всероссийской коллегии, об этом свидетельствует отчет заведующего организационным подотделом (организационно-агитационного отдела), относящийся к апрелю 1918 г. Отчет рисует картину хаоса, царившего на местах, где господствовало полное неведение о начинаниях центра в деле организации Красной Армии.

Идею создания добровольческой армии встречали с сочувствием. Но как провести ее в жизнь? Вот тут-то и начинается целый град вопросов: каковы условия приема формальные и неформальные, кто именно должен взять на себя это дело и т. д. На первые вопросы отвечали согласно декрету Совета Народных Комиссаров, на другие же, не имея пред собою никаких точных данных, приходилось ограничиваться подачей советов или общих указаний.

Несовершенная структура политических органов и условия их деятельности в значительной степени ослабляли продуктивность работы. Тем не менее уже в эпоху Всероссийской коллегии политико-просветительный аппарат Красной Армии сыграл большую роль. Задачи, поставленные организационно-агитационному отделу по положению, заключались в следующем: 1) вести широкую агитацию за создание Красной Армии; 2) организовать вербовку добровольцев за вступление в ее ряды; 3) участвовать в строительстве военного аппарата, который мог бы на местах ведать формированием и обучением частей, и 4) поставить широкую агитационно-просветительную работу среди навербованных красноармейцев в целях содействия выработке ими себе сознательной революционной дисцип-

лины и преданности революции и коммунизму («Бюллетень», изд. организационно-агитационного отдела при Всероссийской коллегии по организации Красной Армии).

По условиям переживаемого момента самой неотложной представлялась первая из четырех отмеченных выше задач. Необходимо было подготовить среди населения благоприятную почву для создания Красной Армии. Обстановка в психологическом смысле мало благоприятствовала успешному выполнению задачи. Солдатская масса была утомлена империалистической войной, стремилась домой и жаждала мира. Новую армию приходилось вербовать главным образом среди крестьянства. Советская власть натолкнулась здесь на недоверие и непонимание. Поэтому прежде всего предстояло подготовить и разослать повсюду агитаторов. Требования на них поступали со всех сторон и не могли быть удовлетворены. В центре и на местах спешно организуются курсы агитаторов. Первые курсы открываются при ВЦИК и Всероссийской коллегии. О качестве трудно было заботиться, курсы были краткосрочными (от двух до шести недель). К концу 1918 г. насчитывалось 16 таких курсов с количеством слушателей от 150 (курсы при Всероссийской коллегии) до 29 (в Орле). С 14 февраля по 26 марта отделом было отправлено 286 агитаторов, причем представленный отделом поименный список дает точные сведения о политических убеждениях агитаторов (все большевики, за исключением трех-четырех левых эсеров или беспартийных), о времени установления связи с каждым прибывшим на место агитатором, о вербовочных пунктах и т. д. В число агитаторов принимались лица по рекомендации партийных организаций, профессиональных союзов и отдельных членов партии.

Требования, предъявляемые к агитаторам, были незначительны: «Каждый агитатор, уезжая агитировать за Красную Армию, должен знать, во-первых, что такое Красная Армия, и для какой цели она создается, вовторых, какие у него функции по прибытии на место». Агитаторы не ставили себе целью сообщать слушателям сведения сколько-нибудь глубокого и широкого политического характера. Они старались при помощи нескольких ярких фактов и параллелей подействовать на чувство слушателей, вызвать настроение в пользу Советской власти и добиться от собравшихся соответствующей резолюции. Речи носили стереотипный характер и (как констатировало совещание агитаторов-организаторов политико-просветительного отдела Московского окрвоенкома) освещали текущий момент «односторонне, отрывочно и без всякой связи и последовательности фактов, предшествовавших моменту «при том захватывали» почти исключительно область военной политики и тесно связанный с этим вопрос о международной политике». Неудивительно, что столь мало подготовленные агитаторы временами оказывались в затруднительном положении по поводу обращенных к ним крестьянами вопросов.

Организационно-агитационный отдел не ограничился только устной агитацией. В представленной отделом ведомости о заказанной и распространенной литературе число выпущенных с февраля по апрель [1918 г.] изданий определяется цифрой в 2 406 000 экземпляров, причем первое место занимает «Воззвание от организационно-агитационного отдела к населению записываться в Красную Армию», распространенное в количестве 450 000 экземпляров. В эти цифры не входит рассылавшаяся отделом газета «Красная Армия и Флот». Листки и воззвания отдела раздавались агитаторами непосредственно после митингов и бесед.

Несмотря на описанные выше неблагоприятные условия работы, несмотря на то, что во многих глухих углах так и не удалось произнести ни одного слова о Красной Армии вследствие недостатка агитаторов, в общем первая из задач, поставленных отделу, была в значительной степени осу-

ществлена благодаря лихорадочной напряженной работе политических органов.

С первой задачей тесно связана вторая. Армия по декрету 15 января строилась на принципе добровольчества. Агитаторам приходилось не только убеждать население в необходимости создания Красной Армии для защиты завоевания Октябрьской революции. На их обязанности лежали и вербовочные функции.

Запись желающих поступить в Красную Армию производилась непосредственно после митингов. Следующие цифры свидетельствуют о результатах вербовочной деятельности в Петрограде:

к 25 февраля было навербовано		5500 чел.
» 26 »	» »	9600 »
» 28 »	» »	12 320 »
» 1 марта	» »	15 300 »
» 1 апреля	» »	25 000 »

О движении записи добровольцев в провинции можно судить по следующим данным:

Название губерний	К 1 апреля	К 10 апреля	К 20 апреля
Московская	10397	12549	19319
Новгородская	974	3760	38[illegible]5
Ярославская	1400	1446	53[illegible]9
Владимирская	1203	2377	2714
Костромская	2100	2946	5329

В общем в течение двух с половиной месяцев вербовка дала значительные результаты, доставив Советской республике армию приблизительно около 106 000 добровольцев.

Столь же энергично приступил организационно-агитационный отдел к выполнению третьего возложенного на него задания, именно к созданию на местах аппаратов, которые ведали бы военным делом. Для этой цели была издана и разослана местным Советам инструкция по организации при них военных отделов и были приняты меры к набору кадра организаторов. С февраля по апрель отделом было отправлено на места 140 организаторов. Из ста с лишком мест, где побывали организаторы, в 85 они не нашли совсем военных отделов, причем благодаря их энергии военные отделы были немедленно созданы в 77 из этих пунктов. К концу апреля в большинстве населенных мест России, особенно в фабрично-заводских, уже имелись правильно построенные отделы по организации Красной Армии.

Что касается четвертой задачи, стоявшей перед организационно-агитационным отделом, то здесь трудно было на первых порах достигнуть сколько-нибудь заметных результатов, навербовать армию было легче, чем осуществить дело политического воспитания новых частей, упрочить и углубить в них сознательное отношение к совершающимся событиям, чувство долга и революционной дисциплины. Организационная и агитационная работа в первый период почти целиком поглощает внимание политического аппарата армии. Он был построен с расчетом в возможно короткий срок создать Красную Армию и как можно лучше ее организовать в военном отношении.

А между тем потребность в широкой культурно-просветительной работе среди красноармейцев сказалась с самого начала. Пьянство, картежная игра, безграмотность, политическое невежество были распространенными явлениями среди добровольческой армии, составившейся по-преимуществу из крестьян. Не прошло трех месяцев со времени учреждения Всероссийской коллегии, как уже пришлось перестроить и расширить весь политическо-просветительный аппарат армии в соответствии с быстро разраставшимися требованиями жизни. На небольшую армию агитаторов и организаторов, наспех подготовленную, ложилось все. Им приходилось не только убеждать население, привлекать в ряды армии добровольцев, устраивать военные отделы на местах, разрешать местные споры, обучать политической грамоте, но и брать на себя функции характера военно-технического, стратегического, приходилось быть зачастую командирами, интендантами и пр. Растущие запросы требовали планомерного распределения частей общего дела, дифференциации прав и обязанностей, специализации знаний и умений, разграничения функций организационных, агитационных и просветительных, отделения работы среди населения от работы в самой армии. Уже через три месяца после учреждения Всероссийской коллегии политический аппарат армии подвергся коренному преобразованию...

IV. Политико-просветительная работа в эпоху Всероссийского бюро военных комиссаров

С конца октября 1918 г., когда окончательно сконструировалось Всероссийское бюро военных комиссаров и связанная с ним система политических органов, работа аппарата принимает общегосударственные формы и развивается по определенному плану. Она выходит из состояния местных начинаний и несогласованных действий, обнимает всю территорию Республики, проникает во все мелкие административные единицы, охватывает красноармейскую массу, включая тыл и фронт, части пограничной железнодорожной охраны, население прифронтовой полосы и даже войска неприятеля. Просветительная работа, раньше соединенная с другими видами работы (вербовка и пр.), начинает рассматривать как самодовлеющая цель [1], как путь к развитию красноармейцев и к углубленному осознанию ими своей роли в совершающихся событиях. Ставится вопрос о внешкольном образовании в Красной Армии, делаются попытки к установлению контакта с учреждениями Наркомпроса. Далее, в этот период закладываются прочные основы к развитию самодеятельности масс, принимаются меры к пробуждению творческих сил красноармейцев, более талантливые и энергичные вовлекают в работу своих товарищей и вместе с ними двигают дело просвещения, умело приспособляя его к боевой обстановке.

Для осуществления этих задач Всероссийское бюро военных комиссаров через свой агитационно-просветительный отдел издает с конца 1918 г. ряд инструкций и положений о сети просветительных учреждений, которыми покрывается тыл и фронт. Просветительная работа сплетается с политической. Через все инструкции и положения красной нитью проходит та мысль, что никакая углубленная политическая работа немыслима без усвоения элементарных основ знания. Неграмотный и темный человек неспособен глубоко воспринять, переработать и сознательно усвоить высокие идеалы коммунистической морали. Печатное слово должно быть понятно и доступно всякому. Безграмотный человек не может разобраться в

[1] В тексте «ценность».

сложных задачах социалистического строительства, сознательно пойти навстречу всем начинаниям Советской власти, поняв их глубокий жизненный и идейный смысл.

В «Положении о клубах в Красной Армии» («Положения и инструкции по постановке политико-воспитательной работы в Красной Армии», изд. 2-е, М., 1919, стр. 37) цели клуба определяются так: «Объединение красноармейцев и трудящихся, прояснение и развитие классового самосознания и совершенствование в просвещении, эстетической, физической и политической культуре в духе социальной революции».

Приказом № 363 12 декабря 1918 г. объявлена для руководства «Схема организации культурно-просветительного дела в красноармейских частях, находящихся на фронте», где клуб называется «организацией, преследующей широкие цели культурного, политического и эстетического развития своих членов, направленного на выработку ими себе стройного и цельного социалистического миросозерцания. Во «Временном положении о школах грамотности для красноармейцев» (там же, стр. 91) указывается, что школы для красноармейцев, содействуя общему культурному развитию, должны вызвать стремление к самообразованию и самовоспитанию, для чего они должны способствовать: 1) накоплению запаса знаний и навыков, необходимых как основание для самодеятельности в этом направлении; 2) пробуждению личного классового и общественного миросозерцания; 3) поднятию общего культурного уровня. «В результате осуществления этих целей должно выработаться твердое коммунистическое миросозерцание, которое явится основой для пролетарской культуры».

Красноармейцы должны выделить из своей среды кадр преподавателей и вовлекаются сами в дело обучения своих безграмотных товарищей. «Инструкция об учреждении школ грамоты» (там же, стр. 95) делает обучение в школах грамотности обязательным для всех красноармейцев. Для красноармейцев, имеющих звание учителя, вменяется в обязанность преподавать в школах грамотности. Красноармейцы, имеющие достаточное образование для преподавания, могут быть привлекаемы к преподаванию в школах грамотности. Преподаватели школ грамотности могут быть освобождаемы от других обязанностей в каждом отдельном случае по особому ходатайству агитационно-просветительного отдела.

Инструкция не ограничивается общими указаниями, а сопровождается продуманными программами и указателями литературы для школ трех ступеней по русскому языку и литературе, по математике, истории и географии. Преподавание ведется в духе марксизма. Например, при преподавании литературы «во главу угла должны быть положены: чтение, изучение и художественно-идейный анализ классических произведений родной литературы, подобранных соответственно трудовым интересам слушателей». Программа литературы разбита на отделы «Рабочий вопрос в литературе», «Крестьянский вопрос», «Русская интеллигенция», «Чиновничество» и т. п.

Необходимость в углублении политической работы сказывается в резолюциях целого ряда съездов, происходивших в конце 1918 г. и в начале 1919 г. Так, съезд военных комиссаров Калужской губернии находит желательным «в агитационной и пропагандистской работе перейти от митингов к чтению лекций и устройству собеседований».

К агитаторам, как указано выше, предъявляются высокие требования. Агитатор «должен быть лицом, компетентным по всем вопросам политической жизни», и т. д. Более требовательными становятся и места, которые нередко отсылают обратно в центр агитаторов, оказавшихся негодными. Сообразно с новыми требованиями расширяются программы и удлиняется срок занятий на курсах.

Наконец, развивается политическо-агитационная работа среди населения, особенно в деревне, в таких широких размерах, что некоторые товарищи считают нужным предостеречь от излишнего увлечения в этом отношении. Так, например, заведующий Казанским губагитпросветом на съезде агитпросветов замечает: «во многих губерниях агитация ведется преимущественно среди населения, задача же агитационных отделов, как политических, направить все силы в ряды войск, чтобы создать классовую, понимающую свои интересы Красную Армию, и только попутно работать для населения». Многие политотделы выделяют у себя особые «крестьянские секции». В эти секции входят товарищи, которые специализируются только по работе среди крестьян. На съезде политотделов фронтов (19 января 1919 г.) один из товарищей объясняет это тем, что «для армии нужны одни агитаторы, для крестьян — другие: между той и другой [аудиторией] громадная разница». Впоследствии крестьянские секции были официально введены во всех политотделах и под названием «советских отделений» санкционированы приказом РВСР за № 116 от 22 января 1920 г. Армия становится не только военной силой Республики, она выступает в роли могучего органа советского строительства. Во второй половине 1918 г. политработники принимают деятельное участие в организации деревенской бедноты, в создании комбедов, которым в то время Советская власть придавала важное значение. Политотделы и агитпросветы создают и другие советские учреждения, почему-либо отсутствующие в той или другой местности. Политработники иногда невольно исполняют роль инспекторов, контролируют деятельность местных учреждений, борются с злоупотреблениями и неправильностями. Деятельность политических органов армии в деревне имела огромное влияние. Несомненно, ей в значительной степени Советская Россия обязана успокоением деревни, ликвидацией крестьянских восстаний [1], одно время охвативших ряд губерний, и успешным ходом мобилизации.

Некоторые цифры дают представление о ходе политико-просветительной работы. Например, в отчете агитпросвета Петроградского округа за 1-е полугодие 1919 г. находим такие данные:

Губернии	Послано агитаторов	Устроено митингов		Устроено бесед	Устроено лекций на политические темы
		для населения	для красноармейцев		
Череповецкая	46	198	113	42	13
Новгородская	42	211	36	112	21
Псковская	55	141	49	15	8
Олонецкая	32	101	18	7	17
Петроградская	88	248	61	48	37

Таким образом, по одному Петроградскому округу было разослано 267 агитаторов, тогда как в эпоху Всероссийской коллегии почти такой же цифрой выражается число агитаторов, разосланных по всей России. В Московском округе с января по апрель 1919 г. было проведено 236 митингов, 116 бесед и 31 политическая лекция. Темы бесед и лекций свидетельствуют, что дело устной агитации росло не только в ширину, но и в глубину. Из 236 митингов только 28 были устроены на тему о Красной Армии.

[1] Имеются в виду кулацкие восстания.

Расширение и углубление политико-просветительной работы сказалось в области не только устной, но и письменной агитации и пропаганды. Не только центр, но даже местные[1] политико-просветительные органы развивают широкую издательскую деятельность. Так, Мосальский уезд Калужской губернии сообщает о том, что воззвания и листовки печатаются им еженедельно. Представитель Суздальского уезда на декабрьском съезде агитпросветов Владимирской губернии сообщает, что отделом «издано и распространено среди населения до десяти видов воззваний, обращений и призывов, направленных к разъяснению хода социальной революции, политики и действий Советской власти, причины экономической разрухи и голода, и призывов к оружию для защиты всех завоеваний социальной революции и пр.».

Но особенно показательны для роста издательской деятельности некоторые цифры, говорящие о работе трех наиболее крупных издательских центров, именно Петроградского и Уральского округов и Вятской губернии. В Петрограде издан ряд брошюр и листовок на иностранных языках. С ноября издается газета «Коммуна» на английском, французском, сербском, немецком, итальянском и русском языках. Тираж первого номера 44 000, второго — уже 55 880 экземпляров. В течение того же ноября месяца [издано] 3 немецкие прокламации в количестве до 300 000 экземпляров и т. д. В конце 1918 г. в Уральском округе насчитывалось до 61 издания, в том числе брошюры и инструкции. Количество выпущенных воззваний 3 000 000. В Вятке издано к началу 1919 г. до 300 000 брошюр нескольких названий. Кроме того, в большинстве политотделов издавались свои газеты, иногда и журналы.

Само собой разумеется, что так широко поставленное дело политического воспитания армии и населения могло осуществляться только при наличии источника, откуда можно было черпать кадры работников, воодушевленных коммунистическим идеалом, и при умелом пользовании этими кадрами. Вот почему учет и распределение партийных сил стали одной из важнейших задач. В эпоху Всероссийского бюро военных комиссаров задача эта была разрешена учреждением 5 декабря 1918 г. учетно-распределительного отдела.

К декабрю месяцу [1918 г.] относятся и первые наши сведения о массовых отправках коммунистов из центра. В декабре месяце было отправлено 534 работника, из них коммунистов — 411, сочувствующих — 48. Соответствующие цифры для января: 170, 126 и 10, для февраля: 216, 199 и 11, для марта: 152, 120 и 12, для апреля: 290, 254 и 17, для мая: 715, 603 и 33. Цифры эти, конечно, не определяют всего количества коммунистов, выделенных для Красной Армии, так как во много раз большее число партийных работников отправлялось непосредственно на фронт из губернских центров. Так, например, в политотделе одного только Южного фронта к декабрю месяцу насчитывалось присланных из разных мест коммунистов 872 человека. Вливаясь в армию, коммунисты являлись здесь проводниками советской политики. Коммунистические ячейки были не только учреждением, способствовавшим закреплению в массах результатов агитации, но вместе с тем служили центром, вокруг которого группировались все живые силы. К середине 1919 г. уже трудно было найти часть, в которой не была бы организована коммунистическая ячейка. К сожалению, полных сведений о количестве комячеек в армии мы не имеем, так как места не всегда аккуратно откликались на настойчивые запросы центра, требовавшего данных о ячейках. По поступившим в центр далеко

[1] В тексте «мелкие».

неполным данным в феврале 1919 г. насчитывалось около 1500 комячеек. В начале 1919 г. была издана «Инструкция партийным ячейкам в красноармейских частях в тылу и на фронте», определяющая их права, обязанности и структуру. На ячейки возлагается обязанность «проводить в жизнь все постановления руководящих партийных организаций и учреждений, вырабатывать путем пропаганды и агитации среди своих членов твердое и ясное коммунистическое сознание, вести в окружающей массе культурно-просветительную работу, содействовать со всей энергией комиссару и командиру в борьбе с нарушением красноармейской дисциплины и самим показывать пример соблюдения таковой, работать над сближением красноармейцев и местных рабочих и беднейшего населения и устранением всяких недоразумений между ними». 14-й пункт инструкции гласит: «на ячейку возлагается обязанность показывать пример беззаветной храбрости и стойкости в бою, терпения, выносливости ко всем трудностям и лишениям боевой обстановки; в случае вызова добровольцев на опасное предприятие,— разведка в неприятельском тылу, составление ударной группы и т. п.,— предлагать себя на самые опасные поручения».

Огромная роль, которую сыграли комячейки в деле оздоровления армии, обрисовывается в ряде докладов. Комячейка содействует проведению в жизнь постановлений партии, она на страже против язв[1] революции, начиная с контрреволюционных влияний и кончая азартом, пьянством, дезертирством, мародерством и т. д.

Политработа в эпоху Всероссийского бюро военных комиссаров была поставлена на должную высоту благодаря условиям момента, который требовал чрезвычайных усилий для быстрого политического воспитания армии. Работа культурно-просветительная в эту эпоху, хотя и привлекает внимание политико-просветительных органов, но не осуществляется в таких же широких размерах. Лучшие партийные силы заняты пропагандой. Тем не менее и культурно-просветительная деятельность сильно развилась по сравнению с периодом Всероссийской коллегии.

К началу января 1919 г. насчитывается около 4500 изб-читален, задача которых, согласно «Положению об избах-читальнях», заключалась в пропаганде идей Красной Армии в деревне. Число клубов к этому же времени определялось цифрой 383, драматических кружков — 100, музыкальных — 22, художественных — 3, хоров — 21, оркестров — 5. Музыкальная секция культурно-просветительного отделения Петроградского округа с 8 ноября 1918 г. по 6 января 1919 г. устроила 66 симфонических вечеров и концертов, использовав до 100 артистов. Центр тоже придавал большое значение обслуживанию фронта театральными труппами, и до 1 января 1919 г. театральной секцией просветотдела Всероссийского бюро военных комиссаров были посланы на фронт 28 трупп, посетивших все участки фронта и имевших везде большой успех. Не всегда качество культурно-просветительных учреждений соответствовало количеству. Были клубы, в которых жизнь замерла и которые скорее числились на бумаге, чем существовали в действительности.

Еще медленнее развивалось школьное дело. Школа требует большего умственного напряжения, усилий, чем клуб, и привлечь сюда красноармейские массы было труднее. Не было устойчивого состава преподавателей и учащихся вследствие частых передвижений и изменений, не было пособий, отапливаемых помещений и т. п. Всего в семи округах к концу 1918 г. насчитывалось 444 школы.

[1] В тексте первоначально написано «врагов», а затем исправлено на «язв».

Значительное развитие получило лекционное дело, а также библиотечное, хотя библиотеки распределялись неравномерно, преобладала в них литература по общественным и политическим вопросам и чувствовался огромный недостаток книг научного и беллетристического характера. К концу 1918 г. в армии насчитывалось 1795 библиотек.

В период существования Всероссийского бюро военных комиссаров объем и содержание политико-просветительной работы в армии определились с полной ясностью. Сама жизнь подсказала целесообразное разделение частей работы и систему специальных органов, необходимых для правильного разрешения определившейся задачи. Тем не менее в эпоху Всероссийского бюро военных комиссаров задача правильного построения политико-просветительного аппарата и его нормального и продуктивного функционирования далеко не вполне была разрешена. Было бы ошибкой думать, что этот аппарат представлял собою стройную машину, легко и быстро работающую во всех своих частях. Целые армии не находили в центре ответа на запросы, возникавшие на местах, развивали самостоятельную политическую и культурно-просветительную работу. Условия на севере, где английские, американские и сербские войска охраняли русских белогвардейцев, требовали совершенно иного темпа и характера работы по сравнению с востоком во времена чехословаков. Центр не обладал органами, которые могли бы быстро суммировать опыт отдельных фронтов, находить пути наиболее целесообразному и продуктивному распределению партийных сил, литературы и т. п. Тем менее мог он инструктировать уверенно все отдельные части многотысячного фронта. Инструкции центра были часто нежизненны, не могли быть применяемы к отдельным частям по условиям их деятельности и местной жизни. Благодаря этому приказы, издаваемые центром, оставались неисполненными. История всевозможных съездов и совещаний отмечена рядом заявлений с мест об отсутствии связи между центром и местами. Нередко крупные местные политико-просветительные органы, как, например, в Уральском военном округе, опережали центр своими изданиями, инструкциями по школьному, театральному, библиотечному делу, изданием учебников и руководств и т. п. Нередко местные органы, не считаясь с центром, вступали в самостоятельные сношения с различными учреждениями, правительственными и даже частными, по закупке книг, по привлечению лекторских и артистических сил и т. д. Не прошло и года со времени учреждения Всероссийского бюро военных комиссаров, как явилась необходимость в реконструкции политического аппарата Красной Армии ввиду всех этих недочетов, обнаруженных практикой...

VI. Политико-просветительная работа ПУРа

Переходя от структуры политического аппарата к обзору политико-просветительной работы в эпоху ПУРа, необходимо отметить огромный рост этой работы в количественном и качественном отношениях. Агитация, преследовавшая узко практические цели в эпоху демобилизации и отчасти Всероссийской коллегии, принявшая более планомерные и углубленные формы в период Всебюровоенкома, в период ПУРа продолжает развиваться в сторону расширения и углубления своих задач. Прежде всего достигнуты крупные успехи в деле учета и распределения партийных сил. Мобилизационно-учетный орган выработал определенную систему для быстрой и удобной отправки получившего то или другое назначение товарища, для ведения, так сказать, послужного списка каждого отправленного политработника и для составления суточных, еженедельных

и месячных ведомостей о движении партийных сил. Движение это за время существования ПУРа выражается в следующих цифрах. Отправлено ПУРом политработников:

В июне 1919 г.	335	В январе 1920 г.	399
» июле »	438	» феврале »	275
» августе »	431	» марте »	433
» сентябре »	10[illegible]7	» апреле »	532
» октябре »	5403	» мае »	3692
» ноябре »	1752	» июне »	1482
» декабре »	609	» июле »	899

Вообще же всего с декабря 1918 г., когда начали поступать точные данные о движении политработников, по 15 августа [1920 г.] отправлено через центральный орган 20 838 политработников. Подавляющее число из них коммунисты и сочувствующие. Колебания в приводимых цифрах объясняются условиями момента. Мобилизация коммунистов — испытанное оружие в минуту надвигающейся опасности. Неудивительно поэтому, что наибольшее число падает в 1919 г. на октябрь. Из 5403 отправленных работников главная доля (2411) приходится на Южный фронт. В текущем 1920 г. крупную цифру (3692) встречаем в мае, из них большинство (2312 чел.) направлено на Западный фронт. Цифры эти, конечно, не определяют всего количества партийных работников, находящихся в Красной Армии, так как многие партийные товарищи направляются в округа и в армии непосредственно с мест. Известные представления о количестве коммунистов могут дать следующие цифры. На 1 октября 1919 г. число коммунистов и сочувствующих определялось в действующей армии цифрой 61 681 человек. Относительно тыла, т. е. запасных армий и гарнизонов, точных данных к этому времени не имелось, но, по предположению, число партийных товарищей не могло быть меньше их числа на фронте.

По сведениям, полученным в ПУРе, на 1 августа 1920 г. мы имеем уже более точные данные, хотя все еще неполные, так как некоторые армии представили цифры не по всем дивизиям. В действующих армиях и флотилиях Волжско-Каспийской и Балтийской по этим данным число коммунистических ячеек — 2962, коммунистов и кандидатов — 120 185. В тылу по 12 округам (Петроградский, Московский, Приуральский, Орловский, Харьковский, Приволжский, Заволжский, Беломорский, Западно-Сибирский, Киевский, Туркестанский, Западный) число ячеек 3975, число коммунистов и кандидатов — 157 858. Таким образом, всего во всей Красной Армии число ячеек доходит до 7000, а число коммунистов — до 300 000.

Перечитывая доклады политотдела фронтов и армий, нетрудно видеть, какую огромную роль играет дело учета и распределения коммунистов. Будущий историк с изумлением отметит, что, стараясь предусмотреть шансы победы, ответственные лица иной раз считали более тщательно количество имеющихся налицо коммунистов, чем количество пушек и пулеметов. Поэтому работа мобилизационно-учетного отделения принадлежит к числу наиболее важных сторон деятельности ПУРа. Несмотря на достигнутые крупные результаты, отделение и к концу третьего года еще не могло довести до полного совершенства свою работу по учету и распределению всех политработников, не только проходящих через ПУР, но и получающих назначения и перемещения на местах во всех учреждениях и частях Красной Армии и Флота и по всей территории Советской Республики. Мешали не только общие причины,

вроде трудности подыскания соответствующих работников, но и тот факт, что меры, принимаемые отделением к учету политработников на местах, встречали чрезвычайно слабый отклик учетно-распределительных аппаратов при политотделах фронтов, армий и округов с их губернскими и уездвоенкомами. Благодаря этому, учетный аппарат временами отставал от распределительного.

Для правильного ведения политработы необходимы не только быстрота и подвижность в технической стороне дела учета и распределения. В эпоху ПУРа сильно углубляется работа по обследованию всего сложного аппарата Красной Армии, центральных и местных учреждений, обслуживающих ее, а также инструктирование местных частей и учреждений о методах работы, о законодательстве центральной власти. Эта задача в своей главной части ложится на инспекторско-осведомительный отдел, развивший в этом направлении интенсивную деятельность. Для достижения живой связи с частями инспекция посылает инспекторские группы и отдельных инспекторов на места. Последние представляют подробные доклады о результатах обследования, о нуждах, недочетах или злоупотреблениях в инспектируемых местах, и инспекция немедленно принимает меры, необходимость которых вызывается полученными сведениями. За год существования инспекции обследованы политотделы всех армий, десять дивизионных политотделов, около 50 агитпунктов, 15 губвоенкоматов и несколько уездвоенкоматов, политуправления десяти военных округов, два фронтовых политотдела и около 80 мелких и крупных частей и учреждений Московского военного округа, главным образом г. Москвы. Материал, находящийся в распоряжении инспекции, доклады, донесения, бюллетени и обширная переписка рисуют картину тех трудностей, препон и злоупотреблений, которые приходится преодолевать Красной Армии на пути ее строительства. В этих материалах, прибывших с мест, бьется живой пульс жизни, отражается волнующееся море жизни Красной Армии. Здесь на первом плане вопросы снабжения Красной Армии периодической и непериодической печатью, пособиями разного рода, обмундирования и т. п., далее сведения о работе среди населения прифронтовой полосы, о неправильной разверстке хлеба среди населения, о злоупотреблениях в связи с проведением трудовой повинности, об отсутствии в частях достаточного количества политработников, о неправильном распределении партийных сил, об отсутствии дисциплины в тех или иных частях, о конфликтах между отдельными органами власти, о ненадежности комсостава, о дезертирстве и т. п.

Обработка доставляемого материала своей главной частью падает на осведомительный отдел. Выписки из этого материала, освещающие жизнь Красной Армии, отдел рассылает заинтересованным учреждениям. Насколько нужна эта работа, видно из ответов на опрос, произведенный в июле 1920 г. Такие учреждения, как Главснабпродарм [1] и Чусоснабарм [2] свидетельствуют, что выписки служат для руководства. Часть агитационного материала извлекается для Бюро печати, для газет «Правда» и «Известия». Внимательное отношение к материалу, поступающему с мест, заставляет и эти последние проявлять более тщательное отношение к делу осведомления центра. Ряд заявлений с мест свидетельствует о том, что политработники, работающие в различных частях, почувствовали, что материал, доставляемый ими, не складывается попросту в архив, а служит

---

[1] Главное управление по снабжению Красной Армии и Флота продовольствием. Образовано 10 августа 1919 г.

[2] Управление Чрезвычайного уполномоченного Совета труда и обороны по снабжению Красной Армии и Флота. Образовано 3 июля 1919 г.

базой для выводов и обобщений, влияет на приказы и циркуляры, издаваемые центром. Таким образом, нельзя не прийти к заключению, что [в] разрешении одного из больных вопросов, оставленных ПУРу его предшественниками в деле установления живой связи центра с местами, ПУРом достигнуты значительные результаты.

Усовершенствованием учета и распределения политработников, контроля и информации не ограничивается деятельность ПУРа в области планомерного ведения политработы. Вопрос о подготовке и инструктировании агитаторов, об углублении и расширении содержания агитации, об установлении единства в деле политического воспитания красноармейских масс выдвинут в ряд вопросов, требующих самого тщательного к себе отношения. Осуществление этой задачи ложится, главным образом, на отделение агитации и пропаганды, преобразованное из агитационно-инструкторского отдела. Отделение принимает деятельное участие в составлении агитационной и пропагандистской литературы, плакатов, воззваний и т. п., в усовершенствовании экспедиции литературы и системы использования ее, в улучшении издания армейских газет и листовок, в организации систематических бесед, лекций, чтений и митингов, в создании сети агитпунктов, в выработке программы, тезисов и конспектов, в направлении работы по агитации и пропаганде, в привлечении красноармейских масс к самодеятельности. В прифронтовой полосе отделение принимает участие в мероприятиях по пропаганде идей, проводимых Советской властью среди населения, по созданию ревкомов и аппаратов гражданской власти, по борьбе с дезертирством, организации изб-читален и комячеек, по разработке программ и пропаганде милиционной системы. В круг своей деятельности отделение включает и зафронтовую полосу, где ведется пропаганда, имеющая целью подготовку умов к восприятию идей Советской власти, опровержение лжи о жизни Советской России, разложение тыла и фронта противника при помощи специально издаваемых для войск противника воззваний, листовок-летучек и т. д. Важную сторону деятельности отделения составляет работа по подготовке кадра необходимых ему живых сил для выступления на митингах, лекциях, для обслуживания агитпунктов и т. д., что достигается созданием курсов, школ политграмоты и ведением всеобщей подготовительной работы.

Помимо общих затруднений в виде недостатка подготовленных работников или препятствий со стороны учреждений, ведающих делом снабжения, отделение в своей деятельности сталкивается с кустарничеством, еще не изжитым в поармах, пофронтах и политических органах более мелких единиц. Так как с делом агитации и пропаганды так или иначе соприкасаются все отделы ПУРа, то отделение в своих докладных записках намечает пути к более точному определению границ его деятельности. Центром тяжести в работе отделения агитации и пропаганды должна быть устная агитация, выработка проектов, циркулярных телеграмм о той или иной агитационной кампании, выработка тезисов, конспектов, лекций, составление отзывов о книгах и списков книг-пособий, выработка методов агитации и пропаганды.

Издание и распространение литературы составляет неотъемлемый элемент агитационно-пропагандистской работы. Отчет литературно-издательского отдела ПУРа свидетельствует о размерах издательской деятельности ПУРа. С 1 июня 1919 г. по 1 июля 1920 г. было издано:

1. Книг и брошюр	1 677 500
2. Листовок и воззваний	9 433 000
3. Плакатов и лубочных картин	4 246 372
4. Военно-научных таблиц	266 762
5. Открытых писем	853 000
6. Журналов:	
«Красноармеец» двадцать три номера	1 800 000
«Политработник» четыре номера	100 000
«Светоч» один номер	40 000
«Вестник воздушного флота» один номер	5 000
«Раненый красноармеец» одиннадцать номеров	28 500
«Военно-ветеринарный журнал» один номер	2 000
«Военно-хозяйственный журнал» один номер	3 000
«Бюллетени Бюро печати Политуправления РВСР» двадцать два номера	17 600
«Стрельнеку Циня» три номера	120 000
7. Разные литографские работы	65 000
Всего:	18 657 734

В это число не входит количество изданий, находившихся к отчетному времени в печати и достигающих цифры в несколько миллионов.

Снабжение Красной Армии литературой, кроме ПУРа и военного отдела издательства ВЦИК (до слияния с ПУРом в июле 1919 г.), производится Центропечатью. Последний орган снабжает армию, как и всю Россию, газетами. Согласно данным, относящимся к началу текущего года, в армию отправляется ежедневно более полумиллиона газет.

Из них приходится на газеты:

«Беднота»	383 130	экз.
«Правда»	73 673	»
«Известия» ЦИК	40 567	»
«Известия» Наркомвоена	10 560	»
«Экономическая жизнь»	1 849	»
Латышская газета «Циня»	10 895	»

За время март 1919 — февраль 1920 гг. тираж газет для Красной Армии выразился в следующих цифрах:

«Беднота»	109 176 000	экз.
«Правда»	21 914 910	»
«Известия»	11 524 550	»
	142 615 460	экз.

Снабжение армии не ограничивается столичными газетами. Каждая из шестнадцати армий имеет свой орган:

I — «Набат революции»	IX — «Красноармеец»
II — «Коммунистический труд» [журнал]	X — «Солдат революции»
III — «Красный набат»	XI — «Красный воин»
IV — «Красный боец»	XII — «Красная Армия»
V — «Красный стрелок»	XIII — «Красный воин»
VI — «Наша война»	XIV — «В ружье»
VII — «Боевая правда»	XV — «Красная звезда»
VIII — «Звезда красноармейца»	XVI — «Красноармеец»

Имеет свои газеты Балтийский флот и отдельные флотилии, например, «Красный моряк» — орган Днепровской военной флотилии. Наконец, свои собственные газеты, выходящие, правда, неравномерно, с перерывами,

имеют многие дивизии, национальные подотделы при политотделах и даже еще менее крупные части армии. Например, в одном из докладов о деятельности чувашского отделения Востфронта сообщалось, что этим отделением выпущено 93 номера газеты в количестве 561 000 экз. В докладе политотдела V армии находим сведения об издающейся в армии татарской газете «Кизель Яу». При III армии издавалась зырянская газета и т. д. Кроме газет, в некоторых армиях издавались журналы, например, «Путь красноармейца» — в III армии, «Революция и война» — в политотделе Западного фронта, «Революционный фронт» — в политотделе Юго-Западного фронта, «Коммунистическая мысль» — в политотделе Туркестанского фронта и др.

О степени распространенности красноармейских газет можно судить по точным данным, имеющимся относительно некоторых из них. Так, например, орган III армии «Красный набат» в марте 1919 г. издавался в количестве 16 000—17 000 экз. В апреле тираж поднялся до 25 000. В течение сентября всего было отпечатано 251 750, октября — 710 980 экз.

«Красная Армия» — орган XII армии в октябре 1919 г. печатался в 8 000—10 000 экз., в ноябре — почти вдвое больше. В общем тираж красноармейских газет колеблется между 3 000 и 25 000, и самостоятельно Красная Армия издает еженедельно не менее 300 000—400 000 экз. Если сложить все центральные, армейские и провинциальные гражданские газеты, направляемые в армию, то следует думать, что ежедневно туда направляется до 2 000 000 экз. газет. Несмотря на эту внушительную цифру, в армии до последнего времени еще не вполне удовлетворяется газетный голод. В конце истекшего года существовали части, в которых один экземпляр приходился на 60 красноармейцев. Причиной является неаккуратная доставка газет. Борьба с залежами литературы, валяющейся по неделям на станциях и во дворах без присмотра, погибающей от пожаров и других случайностей, составляла предмет внимания ПУРа. Неоднократные совещания агитационно-пропагандистского отделения с представителями Центропечати дали свои результаты: случаев пропажи литературы уже не наблюдается, хотя еще не исключена возможность задержания в пути, прибытия ее с большим опозданием.

О распространении агитационной литературы свидетельствуют следующие цифры отделения агитации и пропаганды. За первое полугодие 1920 г. отправлено всего по фронтам и тылу:

плакатов	1 420 342	экз.
летучек	4 661 122	»
журналов	466 848	»
открыток	936 418	»
брошюр	322 930	»

В области культурно-просветительной работы главное внимание ПУРа было сосредоточено на задаче ликвидации безграмотности. В этом направлении органы ПУРа развили широкую деятельность. Законодательство Советской власти в области просветительной работы в Красной Армии значительно опережает законодательство в той же области относительно гражданского населения. Приказ о ликвидации неграмотности в Красной Армии Реввоенсовета Республики № 1415 от 4 сентября 1919 г., являющийся кардинальным моментом школьного законодательства в армии, был издан почти за три месяца до декрета Совнаркома (в конце декабря) о ликвидации неграмотности среди гражданского населения. На местах приказы об обязательном обучении неграмотных и малограмотных красноармейцев стали появляться еще раньше (например, Московский военный округ, Тверской губвоенком и т. д.). В течение всего периода существования

ПУРа происходит рост школ грамоты. Неграмотные красноармейцы соединяются в отдельные команды, освобождаются частично или совсем от несения караульной и другой службы, чтобы все свое время уделить изучению грамоты. Вместе с тем растут школы более повышенного типа для пополнения образования красноармейцев, умеющих читать и писать. Работники на местах проявляют неутомимую энергию и инициативу для устранения препятствий, мешающих борьбе с неграмотностью. Препятствия эти заключались в отсутствии свободного времени у красноармейцев, занятых различными поручениями (заготовка дров, борьба с дезертирством, кратковременное пребывание в части и отправка на фронт — доклад Кимрского уездагитпросвета на I Тверском губернском съезде), иногда равнодушие командного состава, сухость преподавания и т. д. Для устранения этих препятствий принимаются энергичные меры. Так, в караульном батальоне в Ржеве все неграмотные были соединены в один взвод, чтобы в одно время могли нести наряды, в другое — посещать школы. Красноармеец, не имеющий возможности посетить школу, должен об этом доложить культурно-просветительной комиссии или преподавателю школы. За неуважительное отсутствие в школе неграмотного отвечает его ротный командир, на которого налагается в таком случае штраф в размере 50 руб. О результатах этих усилий можно судить по данным, имеющимся относительно отдельных частей. Например, в Нижегородском гарнизоне при 7500 красноармейцах месячная посещаемость школ неграмотности в январе 1919 г. выражалась цифрой 180, а в декабре того же года при 16 000 красноармейцах — цифрой 9372. 2% посещаемости в январе за год поднялись до 83,3% (если прибавить посещаемость лекций). В XV армии на 1 декабря 1919 г. было 96 школ, а через месяц, на 1 января 1920 г. уже 252 школы, т. е. почти втрое больше. Уже к концу 1919 г. во многих частях процент неграмотных был уже сравнительно незначителен, например, в Западном военном округе было всего 14,68% неграмотных, а в 11-й дивизии XV армии Западного фронта неграмотность была почти ликвидирована. Всероссийский съезд политработников в своей резолюции по школьному делу указал на целый ряд мероприятий и практических методов работы по ликвидации безграмотности, в частности широкое массовое вовлечение красноармейцев в сферу практической политико-просветительной работы путем взаимообучения, коллективного самообразования, массового инструктирования, обучение неграмотных грамотными, выделение лекторских групп для подготовки лекторов и т. п. По данным, относящимся к февралю — маю 1920 г., несколько преуменьшенным (часть армий дала сведения не по всем дивизиям), всего в действующих армиях и в Балтийском флоте насчитывалось:

Школ грамоты	1566	Школ политграмоты	178
В них учителей	1071	В них лекторов	132
В них учащихся	27740	Слушателей	4488

Число учителей и учащихся указано не во всех отчетах, поэтому в общем оно не соответствует действительности, но обыкновенно число учителей процентов на 20—25 превышает число школ, а учащихся приходится на школу от 15 до 100 человек.

Для общего руководства работой по ликвидации неграмотности с половины июня 1920 г. образована Центральная комиссия, которая работает под руководством начальника учебного отделения в составе четырех членов, в числе их представитель Московского округа и представитель Московского городского военкомата. В комиссии разработано положение о местных комиссиях по ликвидации неграмотности.

Близко к школьной работе примыкает лекционная. В начале носившая практический и случайный характер лекционная работа в связи с развитием школьного дела постепенно упорядочивается. Возникают высшие школы, которые иногда носят название красноармейских университетов (например, в Нижнем Новгороде), где месячная посещаемость в октябре 1919 г. определялась цифрой в 2300.

Но не только значительным количественным ростом школ, число которых за год увеличилось в четыре раза, измеряется рост школьного дела. Учебное отделение, в июне 1919 г. возникшее из школьной секции, произвело большую работу по приспособлению типа школы и учебных программ к требованиям жизни, продиктованным опытом. В настоящее время организация красноармейских школ представляется в следующем виде. Школы делятся на 2 группы: школы грамоты с двумя предметами преподавания — родной язык и арифметика — и школы повышенного типа с четырьмя предметами — родной язык, математика, мироведение и обществоведение. В помощь школе введены лекции, иллюстрируемые кинематографом или теневыми картинами, для тех частей, которым условия боевой обстановки, непрерывные передвижения не позволяют отдаваться систематическим занятиям даже по упрощенным программам. Лекционное дело, если не считать столиц, поставлено недостаточно удовлетворительно главным образом благодаря отсутствию лекторов. Учебное отделение, отвечая на многочисленные запросы, отправило на места более 200 лекторов-специалистов и выработало ряд программ лекций для красноармейской аудитории, а в последнее время наметило новый способ распространения знаний — организацию научных кружков. В последнее время учебным отделением предприняты шаги к распространению специальных знаний среди красноармейцев, для чего основываются специальные технические учебные заведения, например: техникум в Петрограде, курсы по подготовке инструкторов трудармии в Нижнем Новгороде. Для заведывания и руководства профтехническим образованием в Красной Армии в конце августа текущего года при учебном отделении создано особое бюро, которое занято выработкой основного положения, штатов и смет профессионально-технических учебных заведений, намеченных к открытию.

В деле просвещения Красной Армии наряду со школой огромное значение имеет библиотека и читальня. Нередко последняя оказывается даже более могучим двигателем просвещения, чем школа и клуб, потому что в читальне грамотный красноармеец не только сам учится, но и помогает неграмотному товарищу, читая ему вслух газету или брошюру. Неудивительно поэтому, что в некоторых частях армии ни один вид просветительной деятельности не получил такого широкого распространения, как библиотечное дело. В Петроградском округе за I полугодие 1919 г. было открыто 483 читальни, тогда как клубов за это время учреждено только 12. К 1 февраля 1920 г. в армиях Кавказского фронта имелось 591 библиотека и 38 читален, тогда как школ числилось всего 352, клубов — 126.

Органы ПУРа, ведавшие библиотечным делом, поставили себе задачей не только снабжение армии библиотеками, но и теоретическую и организационную работу по развитию библиотечного дела. Библиотечное отделение пользовалось трудами съездов (по внешкольному образованию, политработников и др.), разрабатывало типы библиотек, выступало с докладами на съездах, организовывало курсы для подготовки библиотекарей, которых рассылало на места, организовало библиографическое бюро для руководства идейной стороной дела (рецензирование книг, составление рекомендуемых списков книг и т. д.). Имея в виду условия книжного дела, библиотечное отделение приняло меры к тому, чтобы увеличить отпуск комплектованной литературы в армию за счет некомплектованной. Рост пер-

вой выявляется в следующих цифрах, определяющих процентное отношение ее к некомплектованной:

За первую	половину	1919 г.	отпущено	16,7%	комплектной литературы
За вторую	»	»	»	46,1%	» »
За первую	»	1920 г.	»	60,1%	» »

За первое полугодие 1920 г. разослано 104 библиотечных работника.

За 1919 г. отделением отпущено по армиям и фронтам всего 22 052 библиотечки, за время с 1 января по 1 августа 1920 г.— 15 060 библиотечек. Всего книг отпущено отделением за этот же срок 3 388 247 экз. Если принять в расчет, что на долю комплектованных из них приходится 60%, то число книг в каждой библиотечке определится приблизительно в 140 экз. Количество библиотек в армии беспрерывно растет. О быстроте этого роста свидетельствуют следующие сравнительные цифры: на 1 января 1919 г. было библиотек в тылу 1733 и на фронте 1300, всего 3033 библиотеки. На 1 июля 1920 г. в тылу их насчитывалось 4348, на фронте 5681, всего 10 029.

Из всех видов просветительной работы клубная встречает меньше всего препятствий. Идея клуба пользуется популярностью в красноармейской среде. В клуб ходит даже мало развитой красноармеец, никогда не бравший книги в руки и не посещавший школы. Рост клубов в Красной Армии выражается в следующих цифрах. К 1 января 1919 г. насчитывалось 205 клубов, к 1 февраля — 383, к 1 марта — 481, к 1 апреля — 533, к 1 мая — 642, к 1 июня — 715. К концу 1919 г. число клубов определялось цифрой 1315.

Обслуживание Красной Армии в эстетическом отношении лежит на различных органах художественного отделения. Театральное и музыкальное искусство, рассматривавшееся в начале отчетного периода как средство развлечения, постепенно становится могучим средством агитации и просвещения. Главное внимание художественных органов ПУРа устремляется на тщательный подбор художественного материала драматического репертуара и музыкальных вещей, на снабжение армии труппами артистов. С ноября 1918 г. по 1 января 1920 г. было сформировано до 30 драматических и концертных передвижных трупп, которые посылались во все армии для обслуживания фронта. Помимо своих трупп театрально-музыкальная секция просмотрела и отправила на фронт 18 трупп, сформированных политотделами и штабами армий, снабдив их всеми необходимыми театральными принадлежностями. С января 1920 г. до сентября были сформированы 24 труппы, из них 7 драматических, преимущественно из пролеткультовцев, и 17 концертных с 553 артистами и с бюджетом в 5 167 210 рублей в месяц. С июня месяца 1920 г. начала функционировать художественно-декоративная мастерская, при которой образовалась литературно-репертуарная лаборатория для разработки литературного материала, инсценировки театральных пьес, устройства макетов и режиссерских работ.

О широко развившейся художественной жизни в Красной Армии могут дать представление следующие цифры, относящиеся в большинстве случаев к маю — июню 1920 г. В тылу в 12 военных округах имелось 624 театра, из них 298 профессиональных и 326 красноармейских самодеятельных, 767 хоровых и музыкальных кружков, дано 2209 спектаклей и 722 концерта. На фронте в действующих армиях насчитывается: драматических кружков 401, хоровых и музыкальных кружков 510, поставлено спектаклей и дано концертов 767. Цифры эти меньше действительных, так как некоторые армии представили отчеты не по всем дивизиям. В общем во всей армии значительно больше 1000 театров и около 1500 музыкальных и хоровых кружков.

Несмотря на грандиозные размеры политико-просветительной работы в Красной Армии, на неустанную теоретическую и организационную работу центра, на тысячи агитаторов, массу лекторских и художественных сил, ежемесячно отправляемых из центра на места, наконец, несмотря на колоссальные размеры деятельности отдела снабжения, выбрасывающего в армию миллионы самых разнообразных предметов, начиная с книг и газет и кончая музыкальными инструментами, письменными принадлежностями и досками, сложный политический аппарат армии, не имеющий примеров в военной истории, все еще не достиг полной стройности. Центр все еще не обладает достаточно подвижными и чуткими органами для того, чтобы быстро суммировать постоянно растущие и меняющиеся потребности огромной армии, реагировать на них и отражать их в своих приказах и инструкциях. Не вполне еще устранен параллелизм и пестрота в структуре и формах деятельности многочисленных политико-просветительных органов армии.

Вопрос этот поднят на совещании представителей поармов, съехавшихся на последнюю конференцию РКП (26 сентября 1920 г.). Совещание приняло ряд тезисов, которые должны лечь в основу дальнейшей реорганизации ПУРа и местных политико-просветительных органов. Согласно решению совещания, «главное и основное — вся политико-просветительная работа в Красной Армии должна сверху донизу иметь стройную систему, стройность организационных форм». Вся политико-просветительная работа должна быть едина для всех частей и учреждений Красной Армии и Флота в смысле внутреннего содержания этой работы и ее методики.

Совещание придает единообразие всем органам, вводит единоличную ответственность, требует упрощения аппарата, предлагает принять за основную единицу, ведущую всю политико-просветительную работу, комячейку, предлагает упразднить культпросветкомиссии и их функции целиком передать клубу, который должен быть организован в каждой красноармейской части, и установить одинакового характера подразделения военных аппаратов ПУРа, пофронта, поарма и подива. Далее указывается на необходимость созывать два раза в год при ПУРе совещания политработников фронтов, армий и дивизий.

Всероссийское совещание начпофронтов, начпоармов, начподивов и начпоруков должно быть созвано для детализации, рассмотрения и дополнения тезисов, представленных совещанием 26 сентября.

Такова в основных чертах история развития политико-просветительных органов армии. Их трехлетняя история — картина необычайно быстрого роста внешнего и внутреннего. В смысле внешнем не связанные между собою пестрые организации, действовавшие без плана, к третьей годовщине Октябрьской революции представляют собой грандиозный государственный аппарат со стройной системой органов, охватывающей все разнообразия частей, образующих миллионную армию. В смысле внутреннем перед нами картина все более колоссального роста. В начале интересующего нас периода — чисто практические задачи, продиктованные железной волей войны. К концу этого периода — напряженная работа по осуществлению задачи всестороннего образования миллионов бойцов. Почти преодолено позорнейшее наследие царской эпохи — безграмотность. Удается путем знания спаять армию, влить в нее боевой дух, приобщить к сознательной государственной жизни. Сознательная армия не знает различия между солдатами и любым гражданином Советской Республики. Можно сказать, что близок к осуществлению идеал солдата-гражданина, идущего в бой за осуществление коммунистического строя, идеал, поставленный политико-просветительным органом Красной Армии,— первой

армии, несущей на остриях своих штыков освобождение трудящегося человечества.

Оглядываясь на трехлетний путь, пройденный этой армией, нельзя признать преувеличенным мнение, высказанное на первом Всероссийском съезде политработников:

«Просветительная работа в Красной Армии, поставленная на такие широкие основания, неизвестна ни в одной стране света, и тот интерес, который проявляется к ней со стороны красноармейцев, дает основание надеяться, что близок уже час окончательной победы света над тьмой, что скоро пламя социальной революции разольется по всему свету, и русская Красная Армия во главе восставшего мирового пролетариата водрузит на развалинах старого строя Красное знамя труда».

Составил доклад Петр Семенович Коган по материалам, представленным комиссией, организованной при ПУРе.

Председатель комиссии В. Суздальцева

ЦГАСА, ф. 8/9, оп. 1, д. 1, лл. 2—45.— Текст рукописный.

К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА КРАСНОЙ АРМИИ

(январь — май 1918 г.)

Как известно, с целью скорейшего создания Красной Армии и для руководства ее организацией 15 (28) января 1918 г. по личной инициативе В. И. Ленина при Народном комиссариате по военным делам была образована Всероссийская коллегия по организации и формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Коллегия направляла и согласовывала деятельность местных органов власти по формированию частей Красной Армии, комплектованию их личным составом, вооружением и снаряжением, ведала разработкой новых воинских уставов. При организационно-агитационном отделе Коллегии был создан специальный штат организаторов-агитаторов, на которых в основном и возлагалось разрешение вопросов организации Красной Армии на местах, в первую очередь военных отделов при местных Советах с задачей широкой агитационно-пропагандистской и культурно-просветительной работы среди красноармейцев и населения. Об обстановке, в которой им приходилось работать, и о результатах своей работы организаторы-агитаторы периодически сообщали в Коллегию. Не прекратились эти сообщения и после реорганизации в апреле 1918 г. местных военных отделов в военные комиссариаты, когда многие организаторы-агитаторы стали во главе последних.

Так в фонде Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии отложилась большая группа документов, которая представляет значительный интерес не только для военных историков, но и вообще для исследователей истории советского общества и для широкого круга читателей.

Находясь в самой гуще революционных событий на местах, организаторы-агитаторы в своих докладах и отчетах довольно подробно освещали жизнь в волостях, уездах и городах, показывая трудности становления Советской власти и вскрывая те противоречия, которые имели место в первые месяцы после Октябрьской революции. Основные массы трудящихся всецело были за Советы и охотно записывались в Красную Армию, чтобы отстоять завоевания Октября против внутренней и внешней контрреволюции, но бывало и так, что или по своей несознательности, или, чаще всего, под влиянием враждебной агитации меньшевиков и эсеров, обманом пробравшихся в Советы, некоторая их часть отказывалась записываться в Красную Армию. Организаторам-агитаторам приходилось в таких случаях вести ожесточенную борьбу с меньшевистско-эсеровским засилием в Советах и с прямой контрреволюцией (см. док. №№ 3, 5, 7, 10).

Ведя большую агитационно-пропагандистскую работу, организаторы-агитаторы создавали условия для большевизации Советов и установле-

ния и охраны революционного порядка на местах. В трудных условиях, зачастую при отсутствии продовольствия и средств, недостатке оружия, формировались первые добровольческие отряды Красной Армии, среди бойцов которых организаторы-агитаторы вводили высокую революционную дисциплину и сознательность. Очень часто сразу же после формирования эти отряды отправлялись на фронт и на охрану революционного порядка (см. док. №№ 1, 2, 5, 10).

Ценность докладов и отчетов организаторов-агитаторов и военкомов заключается также и в том, что, как правило, они дают точную дату начала формирования Красной Армии в каждом месте, показывают ее численный и боевой состав, вооружение и снаряжение, подчеркивают добровольный характер формирования в первый период ее организации и ее классовую сущность.

«В красную Армию,— читаем мы в одном из отчетов,— принимались лишь лица от 18 до 40 лет, представившие рекомендации советских организаций» [1]. Нетрудовой элемент в Армию не принимался.

К сожалению, размеры журнальной публикации не позволяют дать читателям большую группу упомянутых выше документов. Чтобы привлечь внимание исследователей к ним, мы ограничиваемся лишь небольшой публикацией этих документов, которые хранятся в ЦГАСА СССР, в фонде Всероссийской коллегии по организации и формированию Красной Армии (ф. 2).

С. П. Носов

Доклады, отчеты и донесения организаторов-агитаторов и военных комиссаров Всероссийской коллегии по организации и формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии на местах

2 марта — 10 мая 1918 г.

№ 1

Новгородская губерния

2 марта 1918 г.

При Новгородском губернском Совете организован отдел по организации и по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии еще в январе. Со времени функционирования отдела записалось 600 человек, сформировано 4 роты по 150 человек из 600 человек. Уже 28 февраля послан один отряд в 250 человек на станцию Дно для охраны железной дороги и для отражения противника в случае наступления; другой отряд в 150 человек — на станцию Бочиск между Лугой и Новгородом тоже для охраны дороги, на остальных лежит обязанность по охране порядка в городе. Дальнейшая работа по организации и по формированию продолжается.

Губернский комиссар по формированию Красной Армии
М. Скребо

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 59.— Копия.

---

[1] ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 3.

№ 2

Тверская губерния

14 марта 1918 г.

Запись в Красную Армию при Тверском штабе дает хорошие результаты. В ряды записалось не менее 500 добровольцев, из них около 300 человек уже отправлено на фронт. На днях на театр военных действий будут отправлены еще два летательных аппарата.

Приступаем к занятиям и к обучению записавшихся добровольцев. Начали организовывать свою Красную Армию и некоторые уезды. Крестьяне часто обращаются в Штаб за разъяснениями, как организовать Красную Армию.

Чувствуются некоторые недостатки на деловой почве в механизме управления и в постановке организации.

Сегодня отправляемся по уездам.

С товарищеским приветом.

К. Славинский
П. Граудин

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 115.— Копия.

№ 3

Вятская губерния

27 марта 1918 г.

Считаю необходимым долгом уведомить ЦИК, что я приехал в г. Вятку 24 марта. Тотчас же отправился в городской исполком, который меня направил в военно-агитационную коллегию, где меня встретили очень радушно и заявили, что у них много работы в агитационном отделе и что благодаря антибольшевистским настроениям работа таких товарищей необходима по пропаганде в первую голову здесь на месте, в г. Вятке. В тот же день, 24 марта по инициативе т. Краснова, члена агитационной коллегии, было созвано совещание членов всех отделов, на котором т. Краснов указал на необходимость создания широкой агитации как за укрепление Советской власти, так и за создание великой Красной сознательной армии в г. Вятке и Вятской губернии. Совещание высказалось, [что] необходимо открыть в ближайшем времени агитаторские курсы. Программа такова:

1. На курсы должны приниматься оба пола.
2. Что такое Красная Армия, каковой она должна быть. Совещание пригласило меня читать лекцию.
3. О Советской власти будет читать т. Мышкин.
4. Историю революции » » т. Желваков.
5. Рабочий вопрос » » т. Коровкин под моим руководством.
6. Укоренение левых политических программ: партии большевиков, левых социал-революционеров. Ввиду не нахождения лектора из присутствующих, необходимо пригласить от фракции опытных и убежденных работников.
7. По вопросам отделения церкви от государства лекцию будет читать инициатор курсов т. Краснов.

По окончании заседания я приветствовал собрание вообще и т. Краснова, в частности, как инициатора.

Общее положение в г. Вятке вообще не радует, ввиду раскола между губернским исполнительным комитетом и местным исполнительным ко-

митетом, который отразился даже печально и ясно на дне празднования революции в следующем: например — местный Вятский Совет в своем составе не принимал никакого участия в праздновании, что и отозвалось на рабочих, некоторых частях гарнизона, который тоже не выступал, так что праздник получился весьма печальный, чем, видимо, были довольны местные буржуи.

В настоящее время, хотя конфликт и улажен между губернским исполнительным комитетом и местным комитетом, но не совсем, ибо ясно чувствуется двоевластие, и главная причина — это та, что в местном и губернском исполкомах сидят местные элементы, которые стесняются круто, как нужно, поступать с местными буржуями.

Здесь в Вятке в настоящее время зарегистрировано до 600 человек офицеров, цифра довольно внушительная, на которую неоднократно указывал начальник летучего отряда матрос т. И. Кириллов, но советская местная власть этому мало придает значения, а по-моему это нельзя так легко принимать, ибо может легко образоваться ставка вроде калединской, на что следует обратить серьезное внимание.

Отряд матроса Кириллова организован т. Павловым, который известен как член Петроградского и Центрального Исполнительного Комитетов, а также этот отряд был послан сюда в Вятку для восстановления Советской власти т. Антоновым. Отряд т. Кириллова действовал всегда в контакте с советскими распоряжениями из Петрограда. Меры его по отношению к буржуям были очень крутые, а также он не миловал тех, кто покровительствовал местной буржуазии.

Накануне праздника года революции т. Кириллову как начальнику контрразведки, было донесено, что произошел конфликт между местным Совдепом и губернским; т. Кириллов принял на эту ночь строгие меры, которые коснулись местных буржуев. Потом ему было сообщено, что местный Совет настроен против празднества года революции и даже наверху в здании местного Совета почему-то собрано много оружия: т. Кириллов приехал туда и, действительно, нашел там 1 пулемет с вставленной лентой, 150 бомб и 57 винтовок при трех ящиках боевых патронов. Тов. Кириллов заявил, что он со своим отрядом будет охранять Совет и просил отдать ему все оружие, потому что населению известно, что местный Совет против кого-то вооружился. После этого т. Кириллов взял все вооружение и 28-го, т. е. на другой день, возвратил обратно все в целости.

Теперь т. Кириллова обвиняют и в том, что он, когда здесь, в Вятке, чуть не возник пьяный погром, первый со своим отрядом отказался принять от военной коллегии по полубутылки вина и также последовали и другие части гарнизона; пьяных в эти дни не было, что спасло Вятку от погромов. Теперь ведется кем-то усиленная агитация против летучего отряда, борющегося с контрреволюцией. Присутствие отряда контрразведки ненавистно здесь и его стараются всеми силами разоружить, этот же отряд, по-моему, всецело стоит на платформе Советской власти и при таком тяжелом положении в г. Вятке он необходим, как сознательный боевой отряд, стоящий на страже интересов революции.

Приехал в Вятку 23 марта комиссар Уральского областного комитета Белобородов, который заявил, что ему даны широкие полномочия как в г. Вятке, так и в ее губернии. Он проверяет все мандаты, делает ревизию и если таковые окажутся не в порядке, то он арестовывает. Желательно бы знать, известно ли Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету в Москве, что таковому даны такие полномочия, которыми он действует. Белобородов заявил летучему отряду, что таковой упраздняется, летучий отряд усомнился и решил запросить Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, верно ли последовало такое распоря-

жение, он решил до предписания из Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета не разоружаться, заявив, что они посланы от Смольного для восстановления Советской власти. Ввиду того, что может возникнуть серьезный инцидент, я прошу обратить внимание на это, ибо здесь чувствуется контрреволюционное настроение, и потому, что здесь очень много темного элемента, то убирать такие преданные силы, как летучий отряд, преждевременно и очень, на мой взгляд, подозрительно [1].

Прошу телеграфно сообщить мне о вышеизложенном мною дальнейшие распоряжения ЦИК.

Прошу также выслать инструкцию для руководства по агитаторским курсам.

Адрес для телеграмм: Вятка, Военно-агитационный отдел, Гармашу.

Агитатор Всероссийской центральной военной коллегии по организации Красной Армии
Г. Гармаш

На документе резолюция: Довести до сведения ЦИК телефонограммой подчеркнутое и запросить, знают ли они об этом? и давали ли инструкции Белобородову?

ЦГАСА, ф. 2, оп. 1, д. 26, лл. 11—12.— Копия.

№ 4

Брянский уезд Орловской губернии

4 апреля 1918 г.

Я Орловским губернским военным отделом был командирован в Брянский уезд в качестве агитатора-организатора Красной Армии. По приезде в Брянск я выяснил, что на Брянском заводе (м. Бежицы) Совет рабочих депутатов еще не приступает к организации Красной Армии.

Всего жителей рабочего поселка около 60 000 человек, работало на заводе, до его остановки, 17 000 рабочих. Власть находится у Совета рабочих депутатов, который является (чисто) право-эсеровско-меньшевистским Советом, отчего, по моему мнению, и происходит торможение организации Красной Армии. Отношение рабочих масс к Красной Армии недобродушное потому, что авторитет ее был подорван в массах бывшими там штабами, как то Кудинского, Ремнева, Прядина, которые запятнали идею организации Красной Армии в глазах рабочих масс своими кутежами и расточением народного достояния и другими поступками.

Явившись в Бежецкий Совет рабочих депутатов и объяснив свои цели приезда им, которые после моего разговора с председателем Совета не думают создавать Красную Армию по декрету Совета Народных Комиссаров. Но все-таки он предложил выяснить все это в военной комиссии при Совете.

Состав комиссии был: 2 большевика, 1 левый эсер и 2 меньшевика.

В военной комиссии после моего доклада постановили организовать Красную Армию при Бежецком Совдепе, а также почти полностью приняли положение об организации Красной Армии, но исполнительный комитет, хотя и высказался принципиально за организацию Красной Армии, но позже [решил] изменить, т. е. внести некоторые поправки в самый главный — это п. 1 [положения], где говорится, с какой целью создается армия.

Вскорости за тем левые эсеры и большевики вышли из состава исполнительного комитета, так что военный отдел распался. При отъезде моем

[1] Текст от слов: «Приехал в Вятку 23 марта...» до слов «...на мой взгляд, подозрительно» подчеркнут карандашом.

в Москву, председатель заявил, что организовывать они армию будут и к записи приступят после того, как выяснит их делегат, или при получении ответа на протокольное постановление военной комиссии.

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 7, лл. 45—47.— Подлинник.

№ 5

Уфимская губерния

9 апреля 1918 г.

Выехал в Уфу 11 марта, ехал 6 дней. Прибыл в Уфу, явился в Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Совет — течения левого, но есть и правые. Военного отдела при Совете нет, а есть штаб боевых организаций в г. Уфе, который называется губернским штабом боевых организаций народного вооружения. В штабе есть начальник штаба т. Кадомцев, человек энергичный — большевик. Организация штаба до меня не соответствовала инструкции о...[1] декрете по созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Мною было указано, как правильно организовать штаб, а также военный отдел; это было сделано.

Штаб начинает функционировать правильно. Штаб выделен из военного совета, который выделил по одному от 50-ти [человек]. Штаб есть орган исполнительный. По губернии есть районные штабы и заводские. Вербовки в Красную Армию нет, а есть вербовка в существующие организации. Организации насчитывают в себе от 35 до 700 человек. Отношение к созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии отрицательное; сочувствие рабочих на стороне создания боевых организаций.

Работа среди крестьян идет медленно. Взгляд штаба губернского на постоянную армию отрицательный, говорят, что постоянной армии не будет. В этом со штабом я не мог согласиться, находя таковой взгляд неправильным и видя необходимость создания постоянной армии, немногочисленной, но вполне сознательной, с твердой революционной дисциплиной, вполне оборудованной всеми техническими средствами, в этом отношении я доказывал необходимость создания постоянной армии. Соглашение в этом отношении было достигнуто. В организациях люди вполне сознательные, дисциплина есть. По словам начальника штаба, у них насчитывается до 18 тысяч человек.

Постоянные части есть количеством не более 600 человек, а называются боевыми дружинами: 1-я и 2-я.

В 1-ю дружину поступают люди партийные, во 2-ю — люди с рекомендациями. Денег у них нет, нужда острая в деньгах, оружия совсем нет. Как деньги, так и оружие требуются безотлагательно.

Был в Белебее. Там сформированы мусульманские полки, был полк мусульманский и в Уфе, но он был расформирован штабом боевых организаций, ввиду его контрреволюционного настроения. Настроение города спокойное, рабочие на стороне Советской власти, крестьяне в большинстве тоже. Настроение войск на стороне Советской власти. На Урале при мне было отправлено 600 человек против Дутова, отряд был сформирован в течение 24 часов. Люди идут охотно сражаться с Дутовым, но, повторяю, денег нет и оружия нет. В Уфе есть Совет народных комиссаров, при мне был образован военный комиссариат.

Ответственный организатор из Общеармейского комитета при ставке

Гаврилов

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 22, л. 5 и об.— Подлинник.

[1] Одно слово неразборчиво.

№ 6

Кинешемский уезд Костромской губернии

18 апреля 1918 г.

Сообщаю, что в г. Кинешме с 1 января с. г. был организован отряд Красной Армии, который [находился] в ведении солдатской секции до 26 февраля нового стиля с. г. С 26 января Кинешемским Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был организован штаб Кинешемского отряда Красной Армии, в ведении которого вышеозначенный отряд находился до 1 апреля с. г. С 1 апреля на основании постановления Московского чрезвычайного областного съезда об уездных комиссариатах организованы Кинешемский уездный комиссариат по военным делам с отделами: а) управление делами, б) организационно-агитационный, в) мобилизационно-учебно-инструкторский, г) снабжения и транспорта и д) военно-санитарный, а штаб Кинешемского отряда Красной Армии упразднен с передачей всех дел в комиссариат и отряд переименован в Кинешемский батальон Красной Армии.

В настоящее время приступлено к сформированию специальных команд, как-то: артиллерийской, пулеметной и кавалерийской. Формирование проходит успешно благодаря революционному настроению крестьянства и рабочих, служащих на местных фабриках.

Для организации Красной Армии на местах посланы организаторы в волости для создания комиссариатов по военным делам при волостных советах.

В Кинешемском батальоне Красной Армии состоит 443 человека красноармейцев и 25 инструкторов.

Прием добровольцев в пехоту временно прекращен, ввиду ограниченного запаса продовольственных продуктов и отсутствия денег.

Уездный комиссар Беляев

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 271.— Копия.

№ 7

Вятская губерния

21 апреля 1918 г.

Я, нижеподписавшийся агитатор, командированный вами 20 марта с. г. в г. Вятку по делам организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии, по прибытии в докладе своем о деятельности моей и коллегии[1] указывал о происходящих работах, и что предполагается к работе в настоящем сообщаю следующее:

Здесь, в г. Вятке, Красной Армии 4 роты в общем количестве 732 человека, не считая стоящих в Вятке частей следующих: 18-й воздухо-отряд Северного фронта, воздухо-парк и летучий отряд. Красная армия реорганизуется, ввиду того, что чувствуется разложение, неподчинение Военному комиссариату, так как в набранные наспешку роты попал неблагонадежный элемент. Военным комиссариатом сделано распоряжение о реорганизации в следующем порядке: все желающие подчиняться инструкции [Совета] Народных Комиссаров по организации Красной Армии остаются, а нежелающие немедленно увольняются, а также вновь открыта запись в Красную Армию при условиях, что только принимаются с известной

[1] См. док. № 3.

аттестацией лиц и организаций, стоящих на платформе Советской власти. Все навербованные вновь красноармейцы немедленно приступают к обучению и исполнению всех приказов Военного комиссариата под руководством опытных инструкторов во главе с гарнизонным комиссаром. К увольнению из числа ранее навербованной Красной Армии лиц неблагонадежных предназначено 182 чел.

Еще сообщаю о количестве Красной Армии в уездах к 10 апреля.

В Глазовском	уезде	164 чел.	В Елабужском	уезде	107 чел.
» Котельническом	»	87 »	» Малмыжском	»	186 »
» Нолинском	»	75 »	» Сарапульском	»	247 »
» Слободском	»	71 »	» Уржумском	»	281 »
» Яранском	»	215 »			

В Орловском уезде Красной Армии не было, а была Красная гвардия в количестве 120 человек; военно-агитационной коллегией были командированы агитаторы, которые переорганизовали ее в Красную Армию и ими же был организован Военный комиссариат и открыта запись в Красную Армию.

15 апреля военно-агитационной коллегией были открыты агитаторские курсы, слушателей от волостей прибыло в числе 55 человек, кроме того есть слушатели от местных организаций и воинских частей и притом же вновь прибывают от волостей дальних уездов, которые не успели прибыть за дальностью расстояния. Местным Советом рабочих и солдатских депутатов отпущено на нужды курсов тысяча рублей, мною была в посланном вам докладе указана программа курсов; лекцию «Что такое Красная Армия» читаю я.

Я послал в г. Петроград в Мариинский дворец (культурно-просветительный отдел) запрос о высылке литературы, но таковой до сих пор почему-то не высылают, а посему прошу вас содействовать нам и выслать литературы современной, так как мы ею сильно нуждаемся, в особенности теперь, когда открыты курсы, а также желательно иметь от вас дальнейшее указание о деятельности военно-агитационной коллегии, как в дальнейшем действовать, чаще нашу коллегию оповещайте своими указаниями.

К нам приехало от вас два агитатора тт. Монахов-Мануйлов и Домрачев, которых мы приняли в свой состав и которые работают совместно с нами.

До 12 апреля в г. Вятке находился красный артиллерийский дивизион (б. 1-й Ивангородский отдельный) в составе 200 человек, который по распоряжению Уральского областного военного комиссариата выбыл в Иркутск.

Не выписывая всех подробностей деятельности, я прилагаю вам при сем конспект отчетности коллегии.

Агитатор Всероссийской организационно-агитационной
коллегии и член Вятской коллегии
Гармаш

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 26, л. 5 и об.— Подлинник.

№ 8

Иваново-Вознесенская губерния

24 апреля 1918 г.

Военные отделы существуют в Иванове, Шуе, Кохме, Кинешме, Середе, Родниках. Установлены связи и намечены к созданию их в Тейкове, Лежневе и при волостях. Указанные военные отделы приступили к формированию, но результат этой работы пока незначителен. Главными препятствиями служат отсутствие руководящих данных из центра, отсутствие средств и затруднение с продовольствием, отсутствие на местах опытных организаторов, отсутствие агитации. Средства на содержание армии черпаются из советских [органов], из остатков от расформированных частей, пожертвований от населения, кроме этого красноармейцы в некоторых местах содержатся на средства фабрик.

Условия содержания добровольцев разнообразны: от 100 до 300 рублей. В большинстве мест организованы отряды Красной Армии и Красной гвардии, теперь приступлено к их слиянию. Пока зарегистрировано 1000 красноармейцев и около 1000 красногвардейцев. Занятия поставлены почти везде слабо, что объясняется незначительностью отрядов, вынужденных нести караульную и сторожевую службу. По роду оружия преобладает пехота, но в Иванове и Кинешме, кроме этого, артиллерия и инженерные части.

Культурно-просветительной работы не велось. Газеты получаются нерегулярно. Губернский военный отдел приступил к агитации и постановке культурно-просветительной работы. Были устроены митинги («День Красной Армии») в Иванове и Родниках.

Склады от старых частей остались в Иванове, Шуе и Кинешме. Небольшие склады находятся у местных советов и местных отрядов. Количество имущества пока выяснено в Иванове, Шуе и мелких пунктах.

Губернский военный отдел после объезда указанных мест и собрания сведений приступил к объединению и руководству работой местных отделов. В первую голову решено было приступить к постановке широкой агитации. Агитационный отдел организовал «Дни Красной Армии» в Иванове и Родниках, выразившихся в устройстве митингов и распространении литературы.

Посылаются на места инструктора для постановки работ военного отдела, инструктора по обучению. С продовольствием вопрос стоит критически, временно устраиваем его через местные продовольственные органы.

Отсутствие средств не представляет возможности широко развернуть [работу] как в деле формирования, так и в проведении военного обучения среди рабочих и крестьян. В некоторых местах, как в Иванове и Кинешме, отсутствие средств ставит вопрос о приостановке формирования.

План работ, предложенный Губернским военным отделом, утвержден III съездом Советов Иваново-Вознесенской губернии, на котором была вынесена следующая резолюция:

«Заслушав доклад представителя Губернского военного отдела съезд Советов, сознавая всю важность создания боевой мощи революционной России, настаивает перед Советом Народных Комиссаров о принятии мер к устранению препятствий, тормозивших работы в военных отделах, заключающихся в отсутствии средств и затруднениях в продовольствии.

С другой стороны, придавая большое значение работам на местах, съезд, одобрив намеченный план работ Губернского военного отдела, об-

ращается ко всем уездным и волостным советам с призывом принять деятельное участие в работах по созданию армии, проведению в жизнь всеобщего военного обучения и оказанию широкого содействия Губернскому военному отделу».

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 285 и об.— Копия.

№ 9

Вологодская губерния

25 апреля 1918 г.

1. Организацией Красной Армии в Вологодской губернии ведает учреждение, организованное согласно декрета Совета Народных Комиссаров 8 апреля: Губернский комиссариат по военным делам, который состоит из следующих отделов: общего, то есть управления делами, с подразделением на отделения: секретарское, связи; агитационно-вербовочного, при нем отделения организационное и культурно-просветительное; учетного, транспортного.

2. С начала формирования Красной Армии записалось всего 925 человек, из них в Вологде — 718, Никольске — 66, Тотьме — 59, Устьсысольске — 82, в прочих городах записываются.

3. В Красную Армию прибыли из уездов 207 человек, остальные из других губерний. Все входят в число показанных во втором пункте телеграммы.

4. Красная гвардия есть в числе 72 человек и вливается в Красную Армию, отдельных заводских партийных отрядов нет, кроме латышских стрелков — 78 человек, которые входят в Армию.

5. В марте сего года из состава расквартированного в Вологде первого кавалерийского корпуса выделился партизанский отряд — 46 человек и выбыл на фронт под Харьков.

6. В Вологде, в первом социалистическом батальоне, находится всего 352 человека, из них пехотинцев — 338, кавалеристов — 2, артиллеристов — 11, пулеметчиков обучается 20 из пехотинцев, инженерных частей нет, обучение начинается, недостаточно револьверов всех систем и русских винтовок, уезды доносят, что в Сольвычегодске в Красную Армию мало желающих, в Устюге записываются без призвания, больше безработные, формируемая рота тоже.

7. В Вологде сформирован пулеметный отряд «Кольта» — 13 человек, формируется «Максима» и артиллерийских траншейных орудий, предполагается формирование автомобильной роты.

8. Готовы к выступлению на фронт — рота в 150 штыков.

9. Имеется в Вологде винтовок разного образца — 292, берданок — 903, русского образца — 17, револьверов «Нагана» — 4, «Смит Вессона» — 26, пулеметов «Кольта» и «Максима» — 2, орудий трехдюймовых — 19, ружейных патронов — 1100 ящиков, японских — 1245 штук, «Бердана» — 4200 штук, орудийных гранат — 42 ящика. В Сольвычегодске: винтовок — 74, револьверов — 1. В Никольске: пулеметов «Кольта» — 1, к ним 2 ленты патронов, винтовок — 3, линейных — 30, патронов к ним — 1298, берданок — 80, патронов к ним — 9060. В Грязовце: винтовок японских — 40, пулеметов — 2, патронов — 10 000, винтовок — 3, линейных — 30, «Бердана» — 26. В Устьсысольске: винтовок «Бердана» — 66, шашек — 10. В прочих городах — сведения запрошены.

10. Курсов подготовки нет, обучение началось, руководят инструктора первого батальона. В Вологде программы занятий — 19 марта. В городе есть инструктора траншейных орудий — 1. пехоты — 19, телефонной связи — 1, в уездах нет. Нужды особенной в инструкторах нет.

Губвоенкомиссар Волков

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 301.— Копия телеграммы.

№ 10

Себежский уезд Витебской губернии

28 апреля 1918 г.

Военным отделом Себежского совдепа, формирующим третий отдельный батальон имени Витебского совдепа, уже сформированы две роты и команда службы связи. Началось формирование третьей роты и на днях будет закончено. Формирование идет усиленным темпом. Командный состав батальона пополняется назначением лиц Витебским губернским военным отделом. Агитаторы Всероссийской коллегии Девякович, Уласевич и Зелтин принимают деятельное участие в работе, развивая широчайшую агитацию по вербовке красноармейцев, невзирая на все трудности и препятствия, работают самоотверженно. Производится и самая отчаянная борьба с контрреволюционными элементами, где нравственным воздействием, а где и вооруженной силой. Не менее самоотверженно работают командный состав и инструктора, идя рука об руку с военным отделом в создании прочной боевой единицы.

Дисциплина вводится строгая. Товарищи красноармейцы ясно отдают себе отчет о значении своей службы и стойко стоят на страже революции: все приказания и распоряжения членов военного отдела и командного состава исполняют немедленно и аккуратно. При поступлении на службу замечаются, хотя и в незначительном числе, малосознательные товарищи, но в таких случаях агитаторы принимают немедленные меры к просвещению таких товарищей и внушению им целей их призыва. Обмундирование и вооружение получается из военного отдела Витебского губсовдепа, а отчасти из Военно-революционного комиссариата района Великих Лук. Большинство красноармейцев из старых солдат, хорошо обученных и вполне боеспособных. Внутренняя связь посредством телефона налажена хорошо. В 70 верстах от места расположения батальона, в селе Глембочино, имеется партизанский отряд численностью в 122 человека, который и взят на учет. Из батальона выделены два отряда и отправлены для охраны Советов и поддержания гражданского порядка: первый в село Глембочино, Себежского уезда, расположенное в 15 верстах от демаркационной линии, другой — в село Синозерье у самой демаркационной линии. Численность отрядов 32 человека.

1-я рота батальона отправлена в город Себеж, где несет охранную службу. От всех волостных Советов уезда поступают просьбы о присылке отрядов для водворения порядка при разделе земли. Винтовки имеются в достаточном количестве, не хватает пулеметов, револьверов и шашек.

Продовольствием на некоторое время батальон обеспечен. При батальоне образован культурно-просветительный кружок, который периодически дает товарищам красноармейцам спектакли, концерты, читает лекции. Намечен план организации всех видов спорта.

Строевые занятия ведутся регулярно. Гарнизонная служба поставлена и несется образцово.

Организатор и председатель военного отдела

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 317.— Копия.

№ 11

Уральская область

9 мая 1918 г.

Организацией Красной Армии ведает Уральский областной военкомиссариат. Отделы комиссариата: учетный, финансовый, вещевой, продовольственный, агитационно-организационный, формирования и обучения, квартирного довольствия, транспортного обоза, инженерный, вооружения, медико-санитарный, культурного просвещения, оперативно-топографический и хозяйственный. В городах Екатеринбурге, Перми, Вятке, Уфе, Оренбурге, Челябинске до 25 апреля записалось красноармейцев около 11 000 человек. В уездах означенных округов — до 9000 человек. Записавшиеся в уездах по сформировании в роты и предварительном обучении прибывают из уездов в города, где формируются части.

Все прибывающие в города красноармейцы входят в число показанных в пункте втором; Красная гвардия обращена в целом в резерв Красной Армии. Численность последней около 6000 человек. Во многих заводах организованы особые боевые партизанские отряды и дружины, не входящие в число Красной Армии. Почти все такие отряды отправлены на дутовский фронт. Определить численность их в отдельности не представляется возможным, ввиду спешности отправок и отсутствия точных донесений с мест. Подробное подразделение записавшихся по специальностям родов оружия сообщу несколько позже.

Обучение и вооружение вполне удовлетворительны, ведутся по программам, доселе существующим. По вопросам сформирования войсковых частей в Уральской области в Москву командированным комиссариатом Тихменевым отвезена дислокация, находящаяся теперь на утверждении военного наркома. Первый, второй, четвертый, седьмой и тринадцатый стрелковые полки формированием окончены, остальные и Уральская дивизия в стадии формирования. Готовых вполне к выступлению на фронт выяснить трудно, ввиду происходящего обучения. Низшие командные должности замещены специалистами-инструкторами. Существуют курсы подготовки по артиллерийскому и пулеметному делу по программе, применительно к бывшим школам подпрапорщиков.

Инструкторский состав имеется только на низшие должности, в инструкторах на высшее командование ощущается острая нужда. Сведения о количестве вооружения представлены Тихменевым военному наркому по состоянию на 18 апреля. О всяком изменении буду телеграфировать периодически.

Заведующий учетотделом С е л я н и н

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 308.— Копия.

№ 12

Нижний Новгород

10 мая 1918 г.

1. В Нижнем Новгороде формируются Губернским военным комиссариатом: 1-й пехотный революционный полк, 2-й пехотный революционный полк, 3-й пехотный революционный полк, 1-я легкая батарея; сформирована автокоманда, формируются при Губернском военном комиссариате команды стрелков и пулеметная.

В Арзамасе уездным военным комиссариатом формируется Арзамасский отряд. В Василь-Сурске уездным военным комиссариатом форми-

руется Василь-Сурский отряд. В Балахне уездным военным комиссариатом формируется Балахнинский отряд. В Павлове уездным военным комиссариатом формируется Павловский отряд. В Лукоянове уездным военным комиссариатом формируется Лукояновский отряд. В деревне Горятной, Семеновского уезда, Семеновским уездным военным комиссариатом формируется Завряжский отряд.

2. (Места формирования): Нижний Новгород, Арзамас, Василь-Сурск, Балахна, Павлово, Лукоянов, Заряжно, хутор Странского, Ямавской волости, Семеновского уезда.

3. По штату полк 2800 красноармейцев; налицо в 1-м пехотном революционном полку — 605, во 2-м пехотном революционном полку — 470, в 3-м пехотном революционном полку — 466, в автокоманде — 68; в наличности красноармейцев: в Арзамасе — 136, Василь-Сурске — 20, Балахне — 19, Павлове — 59, Лукоянове — 35, Завряжно — 35.

4. Пехотная артиллерия, автокоманда; пехотинцев — 1845, артиллеристов — 36, в автокоманде — 68.

5. Части находятся в периоде формирования, вооружены, не обучены, командным и инструкторским персоналом обеспечены, выступлением готовые не ранее двух месяцев.

6. 1-м пехотным революционным полком [командует] гражданин Троицкий, 2-м пехотным революционным полком — гражданин Денесюк, 3-м пехотным революционным полком — гражданин Телишев, 1-й легкой артиллерией [1].

7. Привлеченных инструкторов в полках — 138, на учете — 46; строевых пехотных инструкторов — 133, хозяйственных инструкторов — 16, капельмейстеров — 1, пулеметчиков — 15, инженерных войск — 3, техников — 1, телеграфистов — 3, генерального штаба — 2, артиллеристов — 15; командированных инструкторов пехотных — 2 в Заряжно и Павлове.

8. Курсы подготовки специалистов командного состава имеются, пункты инженерного обучения военному строю не назначены.

Губернский военный комиссар Мелешков
Военный комиссар учетно-мобилизационного отдела Ефретов

ЦГАСА СССР, ф. 2, оп. 1, д. 8, л. 322.— Копия.

[1] Фамилия не проставлена.

ВОСПОМИНАНИЯ Ф. А. ГОЛОВИНА О II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ[1]

Двадцать девятое заседание — 17 апреля

На следующий день после зурабовского инцидента, именно в 29-м заседании думы, 17 апреля левые мне передали следующее заявление за подписью 31 члена думы с.-д. фракции: «Господину председателю Государственной думы. Срочное внеочередное заявление. Отношение председателя Государственной думы к ораторам в течение последних заседаний, а особенно в последние два дня, убедило нас в том, что он систематически злоупотребляет своим правом вмешиваться в прения и лишать ораторов слова и таким образом мешает народным представителям всесторонне освещать обсуждаемые вопросы. Такое поведение председателя естественно лишает его нашего доверия и, как показал вчерашний инцидент, когда почти половина думы покинула зал заседаний в знак протеста против действий председателя,— это недоверие разделяется большинством членов думы, голосовавших, как и мы, за нынешнего председателя.

Ввиду всего этого предлагаем немедленно поставить на обсуждение Государственной думы: 1) Допустимо ли такое отношение к ораторам, какого придерживается в последнее время председатель? и 2) Может ли остаться председателем Государственной думы лицо, не пользующееся уже доверием большинства членов Государственной думы?» [2285—2287].

Я хотел придержаться обычного порядка и доложить о том, что такое заявление поступило в конце заседания, но после решения думою вопроса об ассигновании 6 млн. руб. на расходы по оказанию населению врачебно-питательной и благотворительной помощи в местностях, постигнутых неурожаем 1906 г., по вопросу о порядке дня слово было дано с.-д. Джапаридзе, который заявил, что председателю подано заявление, немедленное рассмотрение которого является наиболее срочным, т. к. касается ведения дел в думе. «Вопрос касается отношения председателя к ораторам за последнее время, в особенности за последние два дня»,— сказал Джапаридзе. Тут раздались аплодисменты слева, а с центра и справа крики: «Это невозможно!» и шиканье [2265]. Тогда я заявил, что об этом заявлении я имел в виду доложить в конце заседания, но раз Джапаридзе поднял этот вопрос, я довожу до сведения думы, что за подписью 31 члена думы поступило заявление, в котором выражается порицание действиям председателя и что оно без обсуждения думою будет приложено к стенографическому отчету.

После попыток Джапаридзе, Церетели и Алексинского говорить по поводу этого заявления, мною энергично прекращенных, слово было предоставлено с.-д. Алексинскому по вопросу о порядке дня и он, подчинившись моему требованию, говорил уже не о заявлении, а о запросе и репрессиях со стороны петербургского градоначальника по отношению к профессиональным союзам.

---

[1] Окончание. Начало см. «Исторический архив», 1959, №№ 4 и 5.

По поводу приведенного выше заявления считаю не лишним указать на следующие его дефекты.

Во-первых, половина думы зала не покидала. Ушли только с.-д. и часть с.-р. и трудовиков. Но если даже все три фракции ушли целиком, они половины думы далеко не составят.

Во-вторых, уход их едва ли был демонстрацией против действий председателя. В самом деле странная демонстрация! Председатель ставит на голосование вопрос: считает ли дума действия председателя правильными, а члены думы, протестующие против именно этих действий, не пользуются удобным случаем, чтобы открыто заявить голосованием о своем порицании этих действий, а вместо того «демонстративно удаляются» и тем дают оставшимся, составляющим думский кворум, единогласно одобрить действия председателя. Как будто в этих действиях логики нет! Не правильнее ли предположить, что, не считая возможным косвенно признать наличность оскорбления армии в словах Зурабова, одобряя действия председателя, применившего дисциплинарную меру к Зурабову, но в то же время не желая и выразить неодобрение председателю, голосуя против признания его действий правильными, часть членов думы удалилась из зала заседания, т. е. уклонилась от голосования. Только такое толкование, думается мне, и можно дать этому уходу части левых.

Еще новым подтверждением служит тот факт, что приведенное выше заявление 31 члена думы подписано только с.-д. Если б другие члены думы разделяли сущность этого заявления, они присоединили бы и свои подписи или внесли бы подобное же заявление от себя.

В этом же заседании слушался еще один инцидент, который немало вызвал толков в печати. Я имею в виду обсуждение и принятие законопроекта об отмене военно-полевых судов.

Дело в том, что 17 апреля истекал месячный срок со дня внесения в думу помянутого законопроекта. В свое время министры были уведомлены, что 17 апреля этот законопроект подлежит слушанию думы, но на повестку этого заседания этот вопрос поставлен не был. Во время заседания поступило срочное заявление 30 членов думы о рассмотрении и принятии этого законопроекта. Формальное затруднение заключалось в том, что на повестку заседания этот вопрос поставлен не был, поэтому заинтересованный министр не без основания мог считать, что законопроект слушаться в этом заседании не будет, хотя ранее он и был уведомлен, что 17 апреля наступает срок рассмотрения законопроекта. Не допустить до рассмотрения думы и своею властью снять с обсуждения срочное заявление 30 членов думы я не счел себя вправе и, указав думе на положение дела, предоставил ей самой решить, угодно ли ей приступить к рассмотрению законопректа в этом же заседании или нет. Дума решила вопрос в положительном смысле и законопроект приняла. Судьба этого законопроекта была печальна. Государственный совет вошел в рассмотрение не существа законопроекта, а порядка его рассмотрения, если память мне не изменяет, и законопроект был оставлен без рассмотрения по существу, как принятый без соблюдения надлежащих формальностей.

К вопросу о поведении Государственного совета в данном деле я имею в виду обратиться в особой заметке, восстановив по документам как было дело. Теперь же скажу, что если было дело так, как говорит мне память, то следует признать, что Государственный совет занялся не своим делом. Входить в рассмотрение вопроса правильности делопроизводства в Государственной думе не входит в компетенцию Государственного совета.

Впрочем, постановление Государственного совета, каково бы оно ни было, не могло иметь практического значения, так как 20 апреля закон о военно-полевых судах, как изданный по 87 ст. и в думу не внесенный, кончил свое существование. Принятие думою законопроекта об его отмене носило скорее декларативный характер, характер протеста против правительства, издавшего закон, чем характер практический.

Заседание тридцатое — 30 апреля

На повестке ответ правительства на запрос о действиях московского генерал-губернатора Гершельмана. С разъяснениями выступили в заседании думы два министра: военный и юстиции и товарищ министра внутренних дел, и несмотря на все их старания и ухищрения всем беспристрастным слушателям думских прений было ясно, что правда на стороне думы, а не правительства.

Даже такой несомненный сторонник правительства и враг большинства второй думы, как епископ Платон[1)], в разговоре со мною после заседания выразил свое сожаление, что выступления представителей правительства по этому запросу оказались очень слабыми. Внешним характерным признаком слабости этих выступлений может служить то обстоятельство, что речи военного министра и товарища министра внутренних дел закончились при гробовом молчании всей думы, даже всегдашние друзья министра — правые не аплодировали. Речь министра юстиции закончилась, правда, жидкими аплодисментами правых, но если принять во внимание, что последние слова этой речи были обращением к думе с призывом не подрывать доверия к власти, «когда эта власть всеми законными средствами борется с тем, чтобы побороть те преступные проявления, которые, выбрасывая громкие слова о свободе, нарушают и попирают эту свободу самым возмутительным образом» [2307], то станет понятным, что правые не могли не оттенить эти слова министра выражением одобрения, хотя слова эти совсем не вытекали из существа запроса и ответа на него правительства. Весь этот думский день был триумфом инициаторов запроса, особенно Маклакова. Его две речи были блестящи и по форме и по содержанию, сильны своею неумолимою логикою и произвели на всю думу громадное впечатление.

Запрос давал правительству удобный случай на деле показать, что красивые слова главы правительства Столыпина, произнесенные им в 5-м заседании думы, будто «правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений», не одни слова, а самым энергичным образом будут исполнены на деле. Незакономерность действий генерал-губернатора Гершельмана была несомненна, а правительство вместо смещения с поста его и привлечения к суду за явное превышение власти встало на защиту этих незакономерных действий и тем воочию доказало, что слову правительства верить нельзя, что права была дума, когда в ответ на декларацию правительства левые открыто заявили, что они словам правительства не верят, а[1] ..., что для суждения об этих словах она подождет сначала правительственных действий и по ним уже будет судить, заслуживает ли правительство доверия народных представителей или нет. Отношение правительства к настоящему запросу показало, что слова — одно, а действия — другое, что столыпинский кабинет как был в период между думами кабинетом самоуправцев, а не блюстителей закона, таким остался и при думе, несмотря на все красивые обещания, торжественно данные главою кабинета в своей декларации в думе.

Заседание тридцать первое — 1 мая

По случаю первого мая левые члены думы изукрасились красной гвоздикой в петлицах.

На очереди проект штата Государственной думы. Прежде чем приступить к рассмотрению этого проекта, так как общие прения по проекту уже были в одном из предшествующих заседаний, дума постановила перейти к постатейному рассмотрению проекта и признала его спешным. После означенных постановлений думы слово попросил товарищ министра внутренних дел Крыжановский[2)] и стал возражать против двух статей проекта, до рассмотрения которых очередь еще не дошла. Я тотчас указал Крыжановскому, что ему следует сделать свои замечания при рассмотрении думою соответствующих статей проекта. «Как вам будет угодно»,— отвечал Крыжановский и сошел с трибуны. Тут Пуришкевич нашел нужным вступиться за Крыжановского, кричал с места, что замечания по отдельным статьям нару-

---

[1] Слово написано неразборчиво.

шают цельность впечатления, просил слова неизвестно по какому вопросу. Так как дума уже постановила перейти к постатейному обсуждению проекта, то слово никому не могло быть предоставлено ни по вопросу о порядке дня, ни по обсуждаемому проекту, пока не будет поставлена на обсуждение думы первая статья проекта. Поэтому Пуришкевичу я слова не дал, а так как он самовольно влез на трибуну, я попросил его сесть на место. Пуришкевич повиновался и дума перешла к постатейному обсуждению проекта.

Но и в случае с Крыжановским, как и ранее, когда я не дал слова Столыпину по вопросу Кизеветтера, мною с обсуждения думы снятого, Столыпин счел нарушенным право министров, предоставленное им ст. 40 уст. Государственной думы, быть выслушанными думою всякий раз, как они о том заявят. Несомненно, что Столыпин и тут был неправ. Раз дума постановила обсуждать законопроект по статьям, то ни министр, ни член думы в равной мере не могут говорить по всему проекту, а обязаны подчиниться решению думы, и приурочивать свои замечания к соответствующим статьям. Даже мой строгий критик Пиленко в «Новом времени» [3] признал в данном случае мои действия правильными, а заступничество за обиженного председателем бедного товарища министра внутренних дел Крыжановского неуместным. И по данному случаю была переписка со Столыпиным, ни к чему, конечно, не поведшая: каждый остался при своем мнении.

Заседание тридцать третье — 4 мая

Тихо и вяло началось это заседание, а окончилось большим скандалом, учиненным кучкою правых с Пуришкевичем во главе.

На очереди доклад редакционной комиссии по законопроекту о штате канцелярии Государственной думы; Гессен читает законопроект, который принимается думою без возражений и поправок. Дума переходит к следующему вопросу — об образовании комиссии для рассмотрения законопроектов, касающихся народного просвещения. Ораторов по вопросу записалось 65. Прения шли по вопросу о введении всеобщего начального обучения и, конечно, касались вообще постановки дела народного образования в России. Хотя прения не носили чрезмерно резкого или хлесткого характера, однако по существу не могли, конечно, быть приятны Пуришкевичу и К-о. Пуришкевич не раз выкрикивал с места разные замечания и, видимо, нервничал. Мне приходилось его успокаивать. Когда Вознесенский [4] неодобрительно отзывался о церковно-приходских школах, Пуришкевич корчился и стал кричать с места, что десять минут прошло. (В это время для речей был установлен десятиминутный размер.)

«Виноват, вы не председатель»,— заметил я Пуришкевичу, Раздались аплодисменты и крики: «уберите его пожалуйста» [182] [1]. Когда Вознесенский продолжал речь, Пуришкевич вновь не выдержал и крикнул: «У него дизентерия языка».

«Господин Пуришкевич, я должен буду предложить удалить вас из зала заседания»,— старался я успокоить расходившегося скандалиста [183].

Во время речи Хасанова [5] (народного социалиста, бывшего народного учителя), когда оратор сказал: «так как теперь наша страна конституционная»... на правых скамьях поднялся невообразимый шум, стук и крики: «долой! долой! вон!». Больше всех кричали и стучали кулаками по пюпитрам Пуришкевич, Келеповский и Созонович [6] [186].

После моего усиленного звонка, когда в зале водворилась сравнительная тишина, Хасанов заявил: «Господа, я покидаю эту кафедру, но не потому, что вы говорите долой».

«Господин оратор,— сказал я ему,— вы можете кафедру не покидать и продолжать вашу речь, несмотря на то, что десять минут уже истекло; минуты три вы не могли использовать благодаря совсем неуместному поведению господ Пуришкевича, Келеповского и Созоновича».

---

[1] Здесь и далее указания на страницы стенографических отчетов даются по книге «Государственная дума II созыва. Стенографические отчеты», т. 2, СПб., 1907.

Тогда эти господа шум возобновили и стали кричать с мест: «стыдно партии народной свободы!... Стыдно вам, господин председатель! Я за самодержавие стоял везде и всюду!.. Вы поддерживаете человека, который оскорблял нашего государя, нашу страну, нашу армию» [187].

Тогда я предложил думе на основании ст. 38 удалить из заседания помянутых трех членов думы. Предложение было принято при громе аплодисментов центра и левых.

Но Пуришкевич не унимался, убеждая Келеповского и Созоновича не уходить из заседания, и кричал мне: «угомоните левых, г. председатель».

Тогда я объявил перерыв.

Исключенные депутаты остались на своих местах и несмотря на то, что к ним не раз подходили пристав думы и его помощники с предложением от имени председателя удалиться и с предупреждением, что при неисполнении требования председателя к ним будет применена сила, они продолжали упорно сидеть на своих местах.

По возобновлении заседания я заявил:

«Ввиду того, что члены думы Пуришкевич, Созонович и Келеповский не повиновались постановлению Государственной думы и не покинули зала заседания..., я считаю своим долгом предложить Государственной думе сделать постановление об устранении означенных членов думы на 15 заседаний» [188].

Так как все трое попросили слова перед баллотировкой, согласно наказа я слово им предоставил, но они использовали его не для самооправдания, а для новых скандальных выступлений.

Предложение об исключении было, конечно, принято и сопровождалось продолжительными аплодисментами.

«Пусть меня пристава выводят»,— заявил Пуришкевич, развалясь на своем месте и нахально поглядывая на меня.

Келеповский и Созонович ушли.

Я объявил снова перерыв, во время которого пристава обращались неоднократно к Пуришкевичу с предложением удалиться, но он категорически заявил им, что не уйдет ни за что.

Так как до обычного времени окончания оставалось всего полчаса и, с другой стороны, я не хотел ни в коем в случае применить силу к членам думы и сделать думу и публику свидетелями насилия, но в то же время не считал возможным продолжать заседание в присутствии исключенного члена думы, я заявил, что закрываю заседание, возлагая всю вину на преждевременное окончание занятий думы на Пуришкевича.

Заседание тридцать четвертое — 7 мая

Заседание думы было объявлено открытым при пустующих скамьях всего левого крыла думы. Отсутствовали: социал-демократы, социалисты-революционеры, народные социалисты и трудовики. Причина их отсутствия — предстоявшее рассмотрение думой заявления 33 членов думы по поводу слухов о раскрытии заговора на жизнь государя.

Так как левых в зале не было, а центр и правые в таком вопросе, как этот, не позволили бы каких-либо выходок, все прошло как нельзя благополучно. Были только две речи: напыщенная — В. А. Бобринского и деловая — П. А. Столыпина. Были внесены два перехода к очередным делам: первою была внесена формула к.-д., вторая — умеренных и правых партий.

Первая следующая: «Охваченная чувством живейшей радости по поводу счастливо избегнутой опасности, грозившей его императорскому величеству, относясь с глубоким негодованием к обнаруженному преступному замыслу, Государственная дума переходит к очередным делам».

Вторая формула такая: «Выслушав сообщение министра внутренних дел, Государственная дума, глубоко потрясенная и возмущенная гнусным заговором против священной особы нашего государя, заговором, грозившим потрясти в корне основы русской государственности, выражает свое глубокое негодование презренным кра-

мольникам, дерзнувшим замыслить тягчайшее преступление против русского народа, не отделяющего себя от своего царя.

Государственная дума требует от правительства, чтобы оно впредь, как и в данном случае, с неослабной бдительностью охраняло священную особу императора от диких нападений кровожадных изуверов, и в твердой уверенности, что правительство окажется на высоте своего долга, переходит к очередным делам» [197—198].

Вторая формула едва ли может быть признана удачной. Не отвечающие серьезности момента выражения, вроде «презренные крамольники», «кровожадные изуверы», неудачные мысли, пристегнутые правыми не без тайного замысла поставить в затруднение центр, как-то: утверждение, будто русский народ не отделяет себя от царя, будто дума твердо уверена, что правительство с своими азефами окажется на высоте своего долга, все это побуждало центр и меня стоять за первую формулу. Пользуясь тем, что по времени внесения первою была формула к.-д., я и предложил думе поставить ее на голосование первою. Гр. Бобринский попросил сделать перерыв, желая, вероятно, во время перерыва выработать согласительную формулу, но дума отвергла предложение о перерыве и единогласно приняла первую формулу. Тотчас же после этого стали заполняться членами думы левые скамьи и дума перешла к запросу по поводу обыска и арестов, произведенных в квартире члена Государственной думы Озола [7]).

Накануне этого заседания, 6 мая в день рождения государя, я был приглашен в Царское Село. Там была обедня, затем поздравления и завтрак. По отношению ко мне государя я заключил, что фонды думы стоят низко. Когда после обедни все приглашенные на завтрак проходили через гостиную в столовую, государь и обе государыни принимали в гостиной поздравления. Правда, насколько я мог заметить, эта церемония производилась без задержек, и государь, кажется, ни с кем не беседовал, но все же, думаю, он сказал бы хотя два любезных слова председателю думы, если б пожелал выразить свое расположение к думе. Он мне не сказал ни слова. В столовой было накрыто много небольших круглых столов, за которыми сидели по 8 или 10 человек. Меня посадили с министрами: иностранных дел, военным, морским, юстиции, народного просвещения и двумя фрейлинами.

После завтрака я тоже не удостоился внимания со стороны государя. По возвращении в Петербург я пошел с вокзала пешком, как и подобает председателю демократической думы. Меня обогнал Коковцев в карете. Увидав меня, он остановил экипаж и предложил довезти меня до Европейской гостиницы. Я приглашение принял.

В дороге он меня старательно убеждал в необходимости скорейшего рассмотрения бюджета и клялся, что слухи о новом заграничном займе, которые тогда циркулировали в думе, совершенно неосновательны.

На следующий день после описываемого заседания я был у государыни Марии Федоровны. Когда было открытие думы, она была за границей, а по возвращении ее в Петербург я как-то упустил из виду попросить аудиенции, чтобы ей представиться. Лишь в начале мая мой сородич Н. М. Головин, петербургский чиновник и камергер, напомнил о том, что я увижу 6 мая Марию Федоровну и что будет очень неудобно, что я ей еще не представлялся. Я тотчас послал ее секретарю соответствующую просьбу и 5 мая получил уведомление, что буду принят государыней 8 мая в Гатчине. Ее прием был непродолжителен. Разговор был стоя. Она была очень возмущена уходом левых из думы на время обсуждения заявления о покушении на жизнь государя. Больше всего она возмущалась трудовиками. Считая, что трудовики по преимуществу крестьяне, она не понимала, как они могли уклониться от акта вежливости по отношению к государю. Она заявила мне, что все крестьяне монархисты, что государь им сделал так много добра, что они неблагодарные и т. д.

«Ведь это глюпо, глюпо!» — горячилась государыня, говоря «глюпо» вместо глупо.

«Вероятно, не все крестьяне монархисты»,— «успокоил» я государыню.

«Но государь такой добрый, он дал народу так много, так много, даже слишком много!»

«Вероятно, не все того же мнения, ваше величество, если есть недовольные»,— заметил я на прощанье.

В том же 34-м заседании дума обсуждала запрос по поводу вторжения полиции в квартиру члена думы Озола.

Об этом вторжении, имевшем место 5 мая, я узнал в тот же вечер, вернее в ту же ночь. Было около 12 часов ночи. Я уже лег спать, когда услышал стук в дверь моего номера в Европейской гостинице. Я открыл дверь. В комнату вошел высокий мужчина. Это был один из членов думы, крестьянин, фамилию его я не запомнил. Взволнованным голосом он мне сообщил, что в квартиру члена думы Озола ворвалась полиция, производит там обыск, обыскивает и членов думы, одним словом, нарушает закон, устанавливающий депутатскую неприкосновенность, что все это делается по приказу петербургского градоначальника. Я тотчас же телефонировал Столыпину и стал передавать ему тоном возмущения о незакономерных действиях полиции. На это Столыпин мне заметил, что обыск производится по распоряжению прокурора судебной палаты, следовательно, на законном основании, что Камышанский [8]) находится в обыскиваемой квартире.

Раз обыск производился по распоряжению судебной власти и в присутствии ее представителя, мне делать было нечего.

На следующее утро с.-д Салтыков [9]), товарищ секретаря Государственной думы, рассказал мне об этом обыске. По его взволнованности и некоторой сбивчивости рассказа я убедился, что он очень перепуган и побаивается возможных последствий этой истории. Я тоже ожидал больших неприятностей для думы вообще, а для фракции с.-д. в частности, так как не мог представить, чтобы правительство затеяло такую кутерьму, не имея или не решив иметь, хотя бы искусственным путем, серьезные данные для привлечения членов этой фракции к суду.

Из речи Столыпина по поводу запроса об этом деле уже с несомненностью вытекало, что правительство шутить не собирается. Столыпин заявил, что следственной властью «обнаружено отношение квартиры депутата Озола к военно-революционной организации, поставившей своей целью вызвать восстание в войсках». «Я должен сказать,— продолжал Столыпин,— что кроме ограждения депутатской неприкосновенности, на нас, на носителях власти, лежит еще другая ответственность — ограждение общественной безопасности» [208].

Достаточно ясная программа дальнейших действий правительства в этом деле вырисовалась в речи депутата Шульгина. «Мы (т. е. правые) выражаем свою живейшую благодарность кабинету,— сказал Шульгин,— что именно этот обыск был совершен до преступления, до того, как может быть было бы повторение какого-нибудь Кронштадта, Свеаборга, а кто знает, может быть и 1 марта. Но вот чего я не могу понять и что ставлю в упрек кабинету министров: для какой надобности, для чего, за какие грехи тяжкие заставляют нас, русских граждан, лояльных своему царю, сидеть вместе вот с этой (*жест влево*) компанией» [236].

Еще в начале апреля в лондонской газете «Times» была напечатана статья проф. Мартенса о необходимости роспуска Государственной думы и изменения избирательного закона. Это мнение было не единичное. Оно все более и более укреплялось и зрело среди объединенного дворянства, среди правых членов Государственной думы и Государственного совета, среди бюрократии. Ходили слухи, что Крыжановский занят составлением проекта нового избирательного закона. Для роспуска думы и изменения избирательного закона нужна была, конечно, хотя какая-нибудь мотивировка. Сначала говорили, что дума неработоспособна, что в ней не может образоваться достаточно прочного большинства и т. п. Но все эти обвинения отвергались фактами из жизни думы. Правительство видело, что думские комиссии успешно работают, что и чисто законодательная работа думы наладилась, что целый ряд, хотя и незначительных, законопроектов правительства рассмотрен и утвержден думою, что скоро наступит очередь бюджета и законопроекта о реформе местного суда.

И вот кому-то, не знаю кому именно, приходят в голову дьявольские замыслы: инсценировать заговор с.-д. фракции, потребовать от думы выдачу депутатов этой фракции, распустить думу, если она в этом откажет, или значительно обессилить ее левое крыло, если она согласится. Конечно, в том заседании, о котором я говорю, вся картина этого гнусного замысла не была еще ясна, но все же в упомянутых речах Столыпина и Шульгина уже просвечивали ее мрачные контуры.

Но одновременно с крепнувшей в правительственных кругах мыслью о роспуске думы и о подготовлении удобного для того повода, мнение государя о думе и о ее судьбе как будто бы противоположно. Так, в первых числах мая Иван Ильич Петрункевич передал мне известие, что государь имел беседу с гр. В. А. Бобринским, в которой указывал на то, что в думе образовался центр из более или менее умеренных элементов, что государь очень сочувствует стремлению центра к работе и что он надеется, что гр. Бобринский и его единомышленники присоединятся к этому центру, бросив крайних правых, которые напрасно думают, что они могут быть тем элементом, на который может опереться правительство, т. к. они сами нуждаются в поддержке правительства, а значение их в государстве ничтожно. Впрочем, если даже эта передача разговора государя с Бобринским и вполне верна, то все же считать слова государя за чистую монету нельзя, ему не свойственны откровенность и прямота.

Возвращаюсь к заседанию. Само собою разумеется, что запрос по поводу вторжения полиции в квартиру депутата Озола был принят думою, и она перешла к следующему очередному делу, к разъяснению министра юстиции по запросу об истязаниях политических заключенных в Алгачинской тюрьме Нерчинского округа. Эти разъяснения были весьма подробны, основывались на следствии, произведенном прокурорской властью и иркутским генерал-губернатором, сводились к тому, что беспорядки были вызваны самими арестантами, что «правительство считает себя обязанным употребить все усилия для поддержания среди арестантов надлежащей дисциплины. Но наряду с этим правительство принимает меры к ограждению арестантов и от возможности злоупотреблений со стороны тюремной администрации, от излишних, не обусловленных требованиями закона и пенитенциарными задачами стеснений, насилий и произвола и твердо надеется достигнуть восстановления в недалеком будущем спокойного и нормального течения тюремной жизни в тюрьмах Нерчинской каторги» [263].

Внесшая запрос группа социалистов-революционеров не удовлетворилась разъяснением министра и внесла следующую формулу перехода к очередным делам:

«Выслушав разъяснение министра юстиции по запросу, сделанному Государственной думой об истязании политических заключенных в Алгачинской тюрьме и

1) не усматривая из этих разъяснений, чтобы добывание сведений о незаконных действиях тюремной администрации было произведено с достаточной полнотой и беспристрастием и чтобы виновные в этих истязаниях были привлечены к суду,

2) считая необходимым, чтобы все дознание было опубликовано полностью, без всяких сокращений, с показаниями опрошенных заключенных, и

3) констатируя, что насилия над политическими заключенными являются простыми актами мести стоящего у власти правительства над своими безоружными врагами, Государственная дума переходит к очередным делам» [270].

Правая сторона думы, наоборот, вполне удовлетворилась ответом министра на запрос, внеся чрез посредство мирнообновленца М. А. Стаховича [10] следующую формулу: «Считая объяснения правительства по данному запросу удовлетворительными, дума переходит к очередным делам».

Положение центра было не из легких. По закону дума имеет право делать запросы правительству о незакономерных действиях правительственных агентов. Все действия администрации, как бы они ни были возмутительны с общечеловеческой точки зрения, как бы они ни претили моральному чувству современного культурного человека, в то же время не могут выходить из рамок закона, подчас устаревшего или несправедливого, а следовательно, и не могут рассматриваться как незакономерные. Представитель центра к.-д. Тесленко и начал свою речь с заявления, что «законы

которые определяют правила содержания сосланных в каторжные работы, эти законы ужасны, в этом сомнения нет... Да, эти законы жестоки, но не забывайте, что в сфере их применения остается огромнейшая область усмотрения, и вот эта область усмотрения всецело находится в руках правительства, стоящего у власти, и в этой области усмотрения оно может повернуть рычаг или в сторону вящего притеснения, или в сторону некоторого послабления» [278—279].

От фракции народной свободы Тесленко внес следующую формулу перехода к очередным делам: «Принимая во внимание, что объяснения министра юстиции содержат признание насилия, учиненного над заключенными в Алгачинской тюрьме, и свидетельствуют о действии устарелых условий содержания в каторжных тюрьмах, настойчиво требующих скорейшего изменения, Государственная дума переходит к очередным делам» [281].

Эта формула и была принята думою, после отклонения двух предшествующих противоположных формул. Таким образом, и в этом довольно остро стоявшем вопросе крылья думы оказались слабее центра.

В правых и правительственных кругах в то время недовольство думою и желание ее роспуска все росли. Эти круги пользовались каждым удобным случаем, чтобы подчеркнуть революционность думы. Конечно, не преминули они воспользоваться и отсутствием левых на заседании думы во время запроса о покушении на жизнь государя. Так, «Новое время» [11] по этому случаю писало: «Сегодняшнее заседание думы займет выдающееся место даже в летописи нашего революционного парламента. В силу вещей это заседание превратилось в большую политическую демонстрацию самого недвусмысленного характера».

По поводу этого же заседания, именно относительно порядка голосования двух формул, партии народной свободы и правых, Пиленко в «Новом времени» старается набросить на председателя тень пристрастия к центру в ущерб интересам правых. Так, он пишет: «Обращаю внимание на то, что председатель,— как ни в чем ни бывало,— поставил вовсе не самоочевидный и не бесспорный тезис: „Я буду ставить на баллотировку внесенные формулы в порядке их внесения“... и даже „вообще три члена думы могут потребовать приоритета для своей формулы и дума формальным голосованием могла бы отказать в приоритете“, и наконец, „можно было формулу Рейна [12] внести как поправку к формуле кадет“».

Все эти замечания совершенно правильны, но они совсем не относятся к действиям председателя. Верно, что три члена думы могли потребовать приоритета для своей формулы, верно, что, хотя и с натяжкой, формулу Рейна можно было трактовать как поправку или дополнение к формуле к.-д., и это требование должно было исходить от кого-либо из членов думы, т. к. по самому существу обеих формул рассматривать вторую как поправку к первой не было оснований, но во всяком случае и то и другое требование должно было исходить от членов думы, а не от председателя. Если таких требований заявлено не было, а их заявлено не было, то председатель должен был поставить формулы на голосование в порядке их поступления, что мною и было сделано.

Заседание тридцать шестое — 10 мая

Предшествующее тридцать пятое заседание происходило под председательством товарища председателя Государственной думы Познанского и было посвящено рассмотрению проекта наказа. В этот день, 8 мая, я ездил в Гатчину представиться государыне Марии Федоровне.

Тридцать шестое заседание началось с продолжения обсуждения наказа. По окончании этого дела дума перешла к аграрному вопросу.

Слово было предоставлено председателю Совета министров. В этой своей речи Столыпин полемизировал с ораторами левых партий и партии народной свободы и наметил те вехи, по которым собирается идти правительство в разрешении аграрного вопроса. Прежде всего Столыпин указал, что путь, намеченный ораторами ле-

вых партий, «ведет к социальной революции». «Признание национализации земли,— говорил Столыпин,— при условии вознаграждения за отчуждаемую землю или без него, поведет к такому социальному перевороту, к такому перемещению всех ценностей, к такому изменению всех социальных, правовых и гражданских отношений [434], какого еще не видела история». Далее Столыпин доказывал, что «поголовное разделение всех земель едва ли может удовлетворить земельную нужду на местах» [435] ...что «путем переделения всей земли государство в своем целом не приобретет ни одного лишнего колоса хлеба», что «уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства», что «распыленная земля будет высылать в города массы обнищавшего пролетариата» [437]. От критики Столыпин перешел к изложению основ будущего творчества его кабинета в аграрном вопросе. «Нужно снять те оковы,— заявил Столыпин,— которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает [439]... необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, т. е. соли земли русской, освободиться от тех тисков, от тех теперешних условий жизни, в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему [441] возможность укрепить за собой плоды трудов своих и представить их в неотъемлемую собственность... Такому собственнику-хозяину правительство обязано помочь советом, помочь кредитом, т. е. деньгами» [442].

Так как было уже около 7 час. вечера, когда Столыпин кончил свою речь, заседание было закрыто.

В этом же заседании, в начале его, по вопросу о порядке дня член думы Крупенский просил доложить думе два заявления правых о неправильных действиях председателя, предложившего исключить по 38 ст. в заседании членов думы Келеповского, Созоновича и Пуришкевича.

По поводу этого заявления я доложил думе, что помянутые заявления были поданы 7 мая, но по просьбе члена думы Рейна, одного из подписавших эти заявления, они не были оглашены ни в заседании 7 мая, ни в последующих, т. к. они временно, по заявлению Рейна, оглашению не подлежат. Ввиду того что теперь подписавшие заявления лица просят дать ход их заявлениям, я докладываю думе об их поступлении и заявляю, что они оглашению не подлежат, как заключающие критику постановления думы и действий ее председателя, а будут приложены к стенографическому журналу. В этих заявлениях обстоятельства, предшествовавшие исключению трех членов думы из заседания, изложены неверно. Келеповский и Созонович особенно вызывающе себя держали. Они оба стучали кулаками по пюпитрам и кричали до того усердно, что были красны, как вареные раки. Таким образом, они несомненно нарушили порядок в заседании. Сами внесшие заявления пишут: «Члены думы Созонович и Келеповский виновны лишь в том, что их негодующие голоса звучали громче других» [448]. Что касается Пуришкевича, то хотя он в начале беспорядка и не был на месте, но зато во время начавшегося беспорядка принял в нем самое горячее участие и тоже стучал своими кулаками по пюпитрам и изрыгал визгливым голосом всякие ругательства. Председателю лучше чем кому-либо видно поведение всех членов думы, т. к. он занимает место лицом к скамьям депутатов и по своей обязанности внимательно следит за депутатами, чего нельзя сказать про самих участников беспорядка, подписавших заявления. Так, они сами пишут в заявлении, что речи ораторов не русского происхождения «поднимали целую волну негодования на правых скамьях и наконец вызвали горячий отпор» [447], что голоса исключенных депутатов «звучали громче других». И правда, были и другие депутаты на правых скамьях, позволившие себе кричать, но из того, что я не предложил исключить десяток или больше членов думы, а лишь особо неистовавших, не следует, что исключение неистовавших несправедливо.

Конечно, все настоящие объяснения своего поведения я думе не докладывал. Тогда я ограничился лишь указанным выше заявлением о приложении к стенографическому отчету двух протестов правых. Дума и правые удовлетворились моим заявлением и никаких последствий протест не имел.

Заседание тридцать седьмое — 11 мая

Первым на кафедру влетел буйный бессарабец Крупенский по вопросу о порядке дня и со свойственным ему пониманием закона и дела и самонадеянностью выпалил: «Я обращаю внимание на прискорбный случай: я нашел на своем пюпитре незаконную прокламацию, которая была отпечатана в канцелярии думы, на что я обращаю внимание думы, так как эта прокламация говорит, что «всякая собственность на землю в пределах Российского государства отныне и навсегда отменяется». Это расходится с основными законами и не может быть отпечатываемо в канцелярии Государственной думы» [454].

Это замечание относилось прежде всего ко мне, как к председателю думы, с разрешения которого печатаются думские документы. Полемизировать с Крупенским я, конечно, не стал и ограничился замечанием, сделанным ему, что его заявление к вопросу о порядке дня не относится и что я прошу его вернуться к предмету суждения.

Тогда Крупенский схватился за занозу, которую всадили правые в думу почти с первых дней ее существования, именно к вопросу о назначении дня для обсуждения заявления о выражении порицания убийствам, террору и насилиям, к вопросу, внесенному на повестку настоящего заседания под пунктом 11. Крупенский предлагал поставить этот вопрос на первую очередь. Но дума очень спокойно отнеслась к этому предложению. Очевидно, заноза уже перестала болезненно чувствоваться думою. Без прений простым голосованием дума отклонила предложение Крупенского.

По поводу настоящего заседания г. Пиленко отметил в «Новом времени» [13]: «Новый наказ применялся сегодня несколько раз и дал пока самые лучшие результаты».

К этому замечанию я со своей стороны могу добавить, что только при наказе положение председателя думы становится твердым и дает ему возможность действовать не произвольно и тем устранять поводы к недовольству:

Без наказа всякое действие председателя, ограничивающего желания думы или части ее, или даже отдельных ее членов, всегда кажется подвергающимся ограничению произволом со стороны председателя и вызывает попытку к неподчинению и протестам. Председателю разъяснять правильность своих действий значит вызвать прения по существу председательских действий, что, конечно, недопустимо. Только правила наказа, точно применяемые, бронируют председательские действия, сохраняя его авторитет как объективного блюстителя порядка и прав думы и ее членов.

Заседание тридцать восьмое — 15 мая

В начале заседания на очередь стал вопрос об избрании комиссии для рассмотрения законопроекта о всеобщем обучении. Хотя вопрос стоял о направлении законопроекта, а следовательно, по наказу должен бы быть решенным по выслушивании только одного оратора возражающего, но так как прения по этому вопросу были начаты до принятия наказа, они носили характер общих прений по вопросу о народном образовании. Целый ряд ораторов уже высказал свои замечания об общем направлении деятельности министерства народного просвещения и записалось по тому же вопросу еще много ораторов, которые рассчитывали высказать свои соображения по этому важному вопросу, я не счел себя в праве применить правила наказа и закрыть рот целому ряду ораторов, тем более, что самый вопрос о том, должен ли иметь принятый наказ обратную силу к вопросам, начатым рассмотрением до принятия наказа, является далеко не бесспорным.

По всем этим соображениям я счел необходимым доложить думе о положении дела и предоставить ей самой разрешить сомнение председателя. Оказалось, что мое сомнение было далеко не лишним: дума постановила не применять наказа к прениям, которые начались до принятия наказа.

Но моему строгому критику г. Пиленко я и в данном случае не угодил. В своих нововременских заметках [14]) он недоумевал, почему председатель поставил на голосование вопрос: угодно ли думе применить наказ к прениям, которые были начаты до принятия наказа? По его мнению, следовало применить наказ и в данном случае, хотя бы этим самым были поставлены не в равные условия члены думы, которые успели высказаться по вопросу о народном образовании, и те, которые не успели и может быть не по своей вине должны бы были оставить без возражений высказанные в думе мнения.

Рассматривался, между прочим, в этом заседании интересный запрос, предъявленный думою председателю Совета министров и обер-прокурору святейшего синода, следующего содержания: 14 мая 1907 г. члены думы священники Архипов [15]), Бриллиантов [16]), Гриневич [17]), Колокольников [18]) и Тихвинский были вызваны к митрополиту петербургскому Антонию, который объявил им указ св. синода от 12 мая № 5577. Этим указом им предписывается выйти из состава партий, к которым они принадлежат, и публично заявить об этом выходе. Трое из перечисленных священников принадлежали к крестьянскому союзу, один был трудовик и один социал-революционер. Далее митрополит Антоний им заявил, что они могут принадлежать только к монархистам, октябристам или беспартийным правым. Если они к 18 мая не исполнят предписания, то будут лишены сана.

Несомненно, подобное давление на свободу совести депутата, охраняемую ст. 14 учр. Государственной думы, было явно незаконно. Правда, трудно признать гармонирующей с званием священника принадлежность его к социалистам-революционерам, если принять во внимание допускаемую ими тактику террора, но в том виноват избирательный закон, предоставляющий духовенству активное участие в политической борьбе. Незакономерность действий правительства в этом деле была столь очевидна, что запрос был признан спешным и принят думою без прений.

Только епископ Евлогий попытался снять запрос с обсуждения думы, как касающийся области чисто церковной, имеющий отношение к внутренней жизни церкви, а потому-де не подлежащий обсуждению думы. Но глас его был «гласом вопиющего в пустыне».

После обсуждения еще двух запросов дума перешла, наконец, к рассмотрению срочного заявления 38 членов думы «о немедленном обсуждении и решении вопроса о назначении дня для обсуждения заявления о выражении порицания убийствам, террору и насилиям».

По наказу могли говорить только 4 оратора, два — за и два — против. Со стороны правых выступили Рейн, как автор предложения, и Капустин и еп. Евлогий, а со стороны левых — Небовидов и Алашеев. Прения не носили острого характера. Ораторы правых говорили бесцветно, вяло. Небовидов, трудовик, пользуясь ст. 97 наказа, предоставляющей каждому члену думы право поставить предварительный вопрос о том, надлежит ли думе обсуждать вопрос по существу, внес предложение — совсем не рассматривать этого вопроса. В обстоятельной речи он доказывал, что не приличествует думе выносить какие-то резолюции неопределенного характера, ни для кого не обязательные. Это мнение было поддержано и Алашеевым, народным социалистом.

Но при голосовании этого вопроса оказалось, что социал-демократы, социалисты-революционеры и народные социалисты голосовали за рассмотрение вопроса: первые на том основании, чтобы не сокращать компетенции Государственной думы, считая, что каждое явление общественной жизни может быть обсуждаемо в думе. Вторые откровенно заявили, что они не считали возможным снимать вопрос с обсуждения «ввиду того огромного общественного значения, которое имели в прошлой общественной русской жизни некоторые террористические акты, и ввиду того, что в запросе правых умышленно были смешаны как террористические акты, так и хулиганские убийства» [609], а народные социалисты «стояли за обсуждение предложения правых, так как желали выяснить, почему происходят эти террористические акты, и желали выяснить в том вину правительства» [610].

Несмотря на такое неблагоприятное объединение при голосовании левых и правых, все же дума большинством 215 против 146 отвергла предложение: принять к своему рассмотрению заявление о порицании убийств, террора и насилий.

Так закончилась длинная эпопея с провокационным заявлением правых.

Государственная дума этим своим постановлением проявила сознание своего достоинства и надлежащую твердость. В самом деле, не было ли попыткою унизить народное представительство требование правых, чтобы дума обсуждала вопрос о том, что следует ли ей или не следует осудить политические убийства? Законодательное учреждение, высший государственный орган как бы заподазривается в сочувствии актам насилий, убийствам! Орган контроля над закономерностью действий правительства сам подвергается допросу, не сочувствует ли он сам преступлениям. На подобные запросы дума могла ответить и ответила только отказом принять к своему рассмотрению подобные заявления.

Заседание тридцать девятое — 16 мая

Большая часть заседания была посвящена прениям по аграрному вопросу. Прения эти тянулись в целом ряде заседаний, на кафедре выступали ораторы всех взглядов и направлений, высказалось и правительство в лице Столыпина. Наконец, они наскучили думе и в настоящем заседании сначала речи ораторов были ограничены 10 минутами, а затем дума приняла предложение о полном прекращении прений. Из говоривших в этом заседании ораторов можно отметить речь Родичева. Она была сильна, удобна и по форме и по содержанию. Родичев оратор по вдохновению. Его речи иногда бывают замечательно сильны и производят большой эффект, но за него всегда бывает как-то страшно. Чувствуется, что он сам подчас не знает, что именно он скажет. Всходя на трибуну, он бывает заряжен в известном направлении, но какова будет сила разряда и каковы могут быть последствия его, это сам Родичев едва ли сознает. Я помню одну из его речей во второй думе, когда он запутался: посадил Ивана-царевича в бочку, пустил ее по морю, никак не мог изловить ее обратно, стал повторяться и явно с трудом закончил свою речь. Говорит он всегда с пафосом, придавая словам, раздельно и с ударением произносимым, как бы силу удара молота по наковальне. В его характере бичевать противника, гвоздить его к позорному столбу. Его аргументация убедительна не столько силою логики, сколько силою его личного убеждения и гневного чувства. В минуты высокого подъема общественного настроения, особенно вызванного чувством негодования, Родичев является прекрасным выразителем этого настроения. Во всяком случае нужно признать Родичева одним из лучших ораторов России.

Заседание сороковое — 17 мая

Это заседание происходило под председательством Познанского, товарища председателя думы. Если я не ошибаюсь, именно в этот день я был последний раз у государя в Петергофе. Во время этой беседы государь говорил о необходимости изменения избирательного закона, и из слов государя я понял, что у него была мысль о роспуске думы. По крайней мере, на прощание он мне сказал, что он еще подождет, посмотрит, как будет работать дума. Впрочем, об этой беседе я подробно говорю в своих заметках о Николае II, а потому не стану повторяться здесь.

Заседание сорок первое — 18 мая

Деловое заседание, ничем не примечательное. Первая часть заседания была посвящена рассмотрению докладов отделов по проверке выборов в думу и закрытой баллотировке предложения одного из отделов признать выборы произведенными неправильно. Процедура голосования шарами, довольно длительная, заняла

немало времени. Другая часть заседания прошла в прениях о временном законе 24 декабря 1906 г. об установлении ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати.

Заседание сорок третье — 21 мая

Первым в этом заседании говорил министр юстиции Щегловитов по вопросу об оставлении в силе закона 24 декабря 1906 г. об установлении ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати. Спор между министром юстиции и докладчиком комиссии к.-д. Пергаментом шел не о существе законопроекта, не о том, нужна ли вообще норма, карающая за восхваление преступных деяний, а сводился к чисто формальным соображениям, по которым дальнейшее существование этого закона представляется нежелательным. В другой плоскости было разногласие между министром и левыми. Левые считали данный закон излишним по существу. Они смотрели на восхваление преступлений как на результат несоответствия действующих законов правосознанию народа. Борьба с этим явлением должна заключаться в изменении устаревших законов, а не в наказании за восхваление преступлений.

За ясностью вопроса всего после двух ораторов слева дума прекратила прения, а затем отклонила закон.

Далее дума перешла к рассмотрению представления министерства народного просвещения об отмене действия правил 3 апреля 1892 г. о взысканиях за тайное обучение в губерниях Западного края, а также в Царстве Польском.

На трибуну поднялся докладчик Кониц [19] и доложил заключение комиссии по данному законопроекту. Дума признала законопроект спешным. В это время я получил заявление за подписью 31 члена думы о прекращении прений ввиду того, что докладчик уже изложил самый законопроект. Я доложил думе о том, что такое заявление поступило, сообщил, что записалось три оратора, и спросил, не угодно ли кому-нибудь высказаться по вопросу о прекращении прений.

Слово попросил Гессен. Указав на то, что по наказу никакое предложение не может быть принято без прений, он считал, что внесенное предложение о прекращении прений надо понимать в смысле прекращения записи ораторов.

Тогда я указал, что предложение вполне определенное — прекратить прения. «Как угодно думе,— продолжал я,— смотреть на то, возможно ли признать правильным заслушать одного докладчика или нет?» [1902]. Казалось бы, такой порядок был бы неудобен. Затем я поставил на голосование вопрос, признает ли дума возможным прекратить прения, заслушав одного докладчика? Большинством членов думы такой порядок был признан невозможным. «Сегодня Головин нарушил в 4 минуты шесть параграфов наказа,— писал по этому поводу в «Новом времени» [20] г. Пиленко.— Председатель нарушил § 97 — предложение о разрешении какого-либо дела без прений не приемлется вовсе, кроме случаев положительно в наказе указанных. Председатель поставил на голосование новое предложение,— можно ли прекращать прения по выслушании одного докладчика. Этот общий вопрос не мог быть ни поставлен, ни разрешен в сегодняшнем заседании, а должен был пройти обычную процедуру (30 членов думы подают заявление, которое печатается, раздается членам думы, ставится на повестку и т. д.)».

Прав ли г. Пиленко?

В наказе не говорится, можно ли считать речь докладчика за начало прений. Правда, под прениями подразумевается состязание ораторов, следовательно, только при участии в обсуждении вопроса не менее двух ораторов можно считать в сущности, что прения состоялись. Но, с другой стороны, в наказе не указано, что прекращать прения дума может не ранее, как заслушав двух ораторов, следовательно, она может прекратить прения после первого же оратора. При обсуждении вопросов, вышедших из комиссии, фактически первым оратором является докладчик, а следующий оратор является фактически вторым оратором. В вопросах же, обсуждаемых думою без предварительного рассмотрения в комиссии после фактически первого

же оратора, дума может прения прекратить. Отсюда и могла естественно у внесших вышеуказанное предложение 31 члена думы возникнуть мысль о возможности прекратить прения, заслушав одного оратора — докладчика. Так как здесь шла речь не о создании нового правила наказа, а лишь о понимании одного из параграфов наказа, о его толковании, я счел возможным это толкование в общей форме поставить на голосование думы. Конечно, я имел право своею председательскою властью признать, что предложение не подлежит голосованию, как противоречащее наказу, и таким путем создать прецедент, поясняющий некоторую неясность наказа. В своей речи перед голосованием я и указал, что считаю это предложение неудобным. Но воспользоваться правом председателя мне очень не хотелось. Меня и без того упрекали в чрезмерно крутом ведении дела и создавать новое столкновение с группою в 31 член думы я не желал, тем более, что не сомневался ввиду сделанного Гессеном заявления, а также ввиду криков с мест: «нельзя, нет», когда я докладывал предложение 31-го, что это предложение будет думою отвергнуто и таким образом будет дано надлежащее, с моей точки зрения, толкование соответствующих параграфов наказа не председателем, а самою думою.

За это заседание досталось от г. Пиленко не мне одному, но и всей думе.

Обвинив меня в нарушении в 4 минуты шести параграфов наказа, г. Пиленко далее пишет: «С своей стороны дума нарушила, кажется, все параграфы здравого государственного смысла». Какие же постановления думы состоялись в этом заседании, что они вызвали столь смелое осуждение нововременского учителя думы?

Если принять во внимание разыгравшееся в то время соревнование реакционеров в глумлении над думою, в обвинении ее в революционности, а также подготовлявшееся в то время нападение правительства на народное представительство, то станет понятным, что выразитель настроений правительственных кругов — «Новое время» — пользовалось всяким случаем, чтобы подчеркнуть «революционность» Государственной думы. Как же не выругать думу, когда она отклоняет представление министра юстиции об оставлении в силе временного закона 24 декабря 1906 г. об установлении уголовной ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати, отклоняет также и внесенный министерством внутренних дел законопроект о дополнении действующих постановлений устава о воинской повинности правилами о порядке исполнения воинской повинности лицами, привлеченными к дознаниям по государственным преступлениям, а равно подвергнутым гласному надзору полиции на основании положений о мерах охранения государственной безопасности.

В самом деле, как не использовать эти постановления думы врагам ее! Дума отвергает законопроект о наказании за восхваление преступлений. Отсюда вывод: дума, очевидно, сочувствует преступникам и не желает бороться с подстрекателями на преступления. Государь читает «Новое время», читают эту газету и лица, влияющие на государя. Вникать в существо дела, в те мотивы, которыми руководствовалась дума в своем решении, мало кому будет охота, а факт отвержения законопроекта налицо и использовать его во вред думе надо.

Еще обильнее пища для инсинуаций в отвержение законопроекта об отсрочке отбывания воинской повинности лицами, неблагонадежными с полицейской точки зрения. «Самый главный, самый важный вопрос — говорил и. о. товарища министра внутренних дел Лыкошин,— вся сущность вопроса заключается в необходимости оградить армию от вторжения в нее сорных, дурных трав,— революционных и противогосударственных элементов... Не надо забывать, господа, что в настоящее время мы присутствуем при самой ...усиленной пропаганде среди армии. Создаются целые организации, как, например, недавно открытая военно-революционная организация, которые главной своей целью поставили распропагандирование и революционизирование армии» [931].

Кстати, упомянутая Лыкошиным «недавно открытая военно-революционная организация» — это та самая знаменитая организация, в сношениях с которой обвинялись члены думской с.-д. фракции и были приговорены к каторге, организация,

измышленная правительством на основании клочка бумаги, найденного при обыске в квартире депутата Озола, с надписью «переслать в В. О.». Судебный следователь дошифровал по наитию свыше эту надпись так: «переслать в Военную организацию», тогда как в действительности надо было читать: «переслать в Виленский отдел» (подразумевается социал-демократической партии).

Обвиняя думу в том, что дума, отвергая этот законопроект, «нарушила все параграфы здравого государственного смысла», обвинители забывают, что законопроект имел в виду ограничение лиц в известных правах не в судебном, а в административном порядке. «Здравый государственный смысл» давно осудил административный произвол, и, конечно, не подобало второй думе соглашаться на закрепление в законе его последствий.

Заседание сорок четвертое — 22 мая

Это заседание, так же как и предшествующее, должно вызвать гнев правительства и правых и обвинения думы с их стороны в антигосударственности и революционности. Дума в одном заседании отклонила два законопроекта министерства юстиции: 1) о мерах предупреждения побегов арестантов вне тюремных зданий и 2) об усилении ответственности за распространение среди войск противоправительственных учений и суждений и о передаче в ведомство военных и военно-морских судов дел по означенным преступным деяниям.

Первый законопроект сводился к установлению за тюремным начальством права налагать «предупредительные связки» на арестантов в то время, когда они находятся вне тюремных зданий, и на лиц, задерживаемых полицией по подозрению в учинении ими преступного деяния. Докладчик по этому законопроекту к.-д. Тесленко так закончил свой доклад: «Я полагаю, что даже в сравнении с нашим очень суровым, очень старым, очень отсталым законодательством, определяющим условия содержания под стражей, он не только не является шагом вперед, но колоссальным шагом назад; я полагаю, что этот законопроект должен снабдить русских граждан новым правом, если бы он был принят, а именно: правом ношения предупредительных связок по усмотрению низших органов полиции» [984].

Курьезно обосновал начальник главного тюремного управления справедливость расширения круга лиц, на которых могут быть накладываемы предупредительные связки. «В настоящее время,— говорил он,— предупредительные меры могут быть приняты только относительно лиц крестьянского и мещанского сословий, притом не получивших высших прав по образованию... Но, спрашивается, есть ли внутренние или внешние основания сохранить это различие ввиду только того, что данное лицо принадлежит к тому или другому сословию?» [984—985]. Вот как кабинет Столыпина понимал уравнение в правах сословий!

Второй законопроект устанавливал более усиленную, чем раньше, ответственность за пропаганду противоправительственных учений среди войск и передачу таких дел из общих судебных установлений в военные суды.

Главный военный прокурор, защищая этот законопроект, в конце своей речи формулировал те обвинения, которые будут возведены на думу в случае отклонения законопроекта. Эта формулировка обвинений очень характерна. Она являлась отражением господствовавшего в то время отношения к думе в правительственных кругах. Вот эта заключительная часть речи главного военного прокурора: «В силу всех высказанных мною соображений я обращаюсь к Государственной думе и позволю себе заявить, что если Государственная дума дорожит интересами войска, что если Государственная дума желает, чтобы в корне не были расшатаны ни воинская дисциплина, ни воинский порядок, если Государственная дума желает, чтобы у нас не было военных мятежей,— а в этом я положительно уверен, что именно подобное желание существует среди членов Государственной думы,— то Государственная дума придет к тому выводу, что она не согласится с комиссией и признает закон, внесенный министром юстиции, приемлемым» [1007—1008].

Как было уже указано выше, дума законопроект отклонила, обманув ожидания военного прокурора, если они были искренни, в чем можно более чем сомневаться.

Главным мотивом отклонения было несогласие думы с передачей этих дел не общим судебным установлениям, а военному суду, а также чрезмерно высокое наказание. Дума полагала, что и существующий закон достаточно действенен и строг.

Но, конечно, истинные мотивы думы для врагов ее были неинтересны. Отклонение этих законов трактовалось ими как новое доказательство революционности думы и необходимости ее роспуска. Кажется 18 мая я был у государя. Из разговора с ним я вынес убеждение, что он имеет в виду роспуск думы; он указывал на малую продуктивность ее работ и на тенденциозность в подборе материала для работы. Отклонение законопроекта об ответственности за восхваление преступных деяний в речи или печати, об усилении наказаний за пропаганду в войсках и о мерах предупреждения побегов арестантов, отклонение, последовавшее как раз после нашей беседы, не могло подкрепить в глазах государя справедливость моих утверждений в ошибочности его взгляда на думу. Наоборот, Столыпин и К-о получили новое оружие против думы и, наверное, сумели его использовать в надлежащем порядке.

День ото дня вокруг думы сгущались грозовые тучи. Надо было ждать решительного для нее момента.

Заседание сорок шестое — 24 мая

Началось это заседание разъяснением статс-секретаря барона Нольде по запросу по поводу действий карательного отряда в селении Ланчхуты. На трибуну вошел почтенный старик, с длинной рыжеватой бородой, полный, добродушный. Речь его, произнесенная покойным, мягким, маловнятным голосом, была коротка и сводилась к изложению ответа наместника его величества на Кавказе на предъявленный думою запрос. В этом ответе указывалось на то, что обстоятельства, изложенные в запросе, не имели места, кроме того, что довольствие отряда под командой подполковника Приходько в течение суток было обращено на средства селения Ланчхуты, о каковых неправильных действиях подполковника Приходько тогда же было сообщено на распоряжение его непосредственного начальства.

Несмотря на то, что разъяснение это было вполне удовлетворительно, левая часть думы старалась из всех сил дискредитировать ответ правительства и добиться от думы признания ответа неудовлетворительным, внося соответственные формулы перехода к очередным делам. Но дума большинством 210 против 164 приняла внесенную членом думы Гессеном (к.-д.) простую формулу перехода к очередным делам.

Здесь, как и вообще за все время существования второй думы, проявилось какое-то болезненное чувство ненависти левых к правительству. Это чувство заставляло их всегда, во всем, при всяком случае кричать, что правительство творит беззакония, что оно кровожадно, что произвол — его система управления и т. п. Не всегда имея достаточно хороший материал для доказательства подобного обвинения, они пользовались подчас и материалом сомнительного качества. Оказываясь в ином случае неправыми, левые не имели достаточного достоинства и самоуважения, чтобы открыто сознаться в своей ошибке. Они продолжали упорно твердить свое, хотя бы им были представлены веские доказательства их неправоты. Такова была сила их ненависти и увлечения в борьбе, а может быть, один из способов пропаганды борьбы с правительством.

После заслушания разъяснения главноуправляющего землеустройством и земледелием на запрос о нарезке переселенческих участков в Сибири и прений по нему дума приняла запрос о наложении генерал-губернатором Бауэром штрафа на население г. Елисаветполя и перешла к установлению повестки на следующие заседания. Тут возникли прения, интересные тем, что они достаточно ярко охарактеризовали отношение различных групп думы к вопросу о ее значении и задачах.

Когда был оглашен проект повестки, установленный на совещании президиума с представителями всех фракций, по которому на очередь были поставлены, между прочим, законопроекты об отмене смертной казни и об амнистии, против постановки этих законопроектов на повестку ближайшего заседания говорили от центра оба Гессена и Родичев, все трое представители партии народной свободы. «Как партия, которая ставит своей целью создание условий, обеспечивающих мирное политическое, социальное и культурное развитие страны на основах гражданского равноправия и политической свободы,— говорил В. Гессен,— мы не можем не считать и отмену смертной казни, и отмену исключительного положения одним из первых этих условий. Но, с другой стороны, мы сознаем,— и считаем себя обязанными об этом открыто сказать Государственной думе,— мы сознаем, что в области данных вопросов Государственная дума в настоящий момент, при существующих условиях не в состоянии добиться каких-либо положительных реальных результатов... и если бы в настоящее время Государственная дума сосредоточила свое внимание на этих вопросах, то это имело бы и могло бы иметь единственно демонстративный характер» [1150—1151]. Центр предлагал приступить к обсуждению реформы местного суда. Казалось бы, что правые должны были поддержать центр и высказаться против первоочередного обсуждения законопроектов об отмене смертной казни и об амнистии. Между тем, оратор справа, Крупенский, стал поддерживать срочность обсуждения этих законопроектов, так же как и другой правый Спадино. Несомненно, что не сочувствие этим законопроектам по существу побуждало их поддерживать эту срочность обсуждения, а желание толкнуть думу на обсуждение и описание законопроектов, явно не имеющих никакого практического значения, а дающих лишь возможность возникновению в думе острых прений и дающих обильный обвинительный против думы материал в руки ее врагов. С этой именно целью ими ранее внесено было знаменитое предложение об осуждении террористических актов. Вопрос об амнистии был для их провокаторских целей манною небесною. Право амнистии есть прерогатива верховной власти. Дума, пытаясь законодательным путем добиться амнистии, вторгается в права монарха; подобные действия думы нарушают-де основные законы, они революционны и т. д.

И вот тут-то произошло противоестественное единение правых и левых. При баллотировке вопроса о постановке на повестку законопроекта об амнистии правые голосовали вместе с левыми против центра и одержали верх большинством 193 голосов против 173. Конечно, подобное голосование по частному вопросу не первостепенной важности не должно было никого смущать. Но шаткое положение думы заставляло быть настороже по всякому даже пустяку. Проявившаяся в этом голосовании слабость центра, а главное, возможность острых прений по упомянутым законопроектам могут дать новый материал для нападений на думу и окончательно свалить ее. Все темнее тучи сгущались на далеком горизонте. В воздухе пахло приближающейся грозой.

Заседание сорок седьмое — 26 мая

Последнее заседание, посвященное прениям по аграрному вопросу. Представителями разных фракций было внесено 5 формул перехода к очередным делам, в которых излагались основные положения аграрной реформы, предлагаемые этими фракциями. Но член думы Кизеветтер (к.-д.) на основании § 97 наказа поставил предварительный вопрос: надлежит ли думе входить в обсуждение и принятие какой-либо формулы перехода к очередным делам по данному делу? Большинством 238 голосов против 191 дума признала, что принимать какие-либо формулы перехода не следует. Конечно, такое решение следует признать правильным. Весь вопрос об аграрной реформе передан на разработку особой комиссии и будет предметом обсуждения в думе. В этой комиссии все прения и все формулы будут приняты во внимание, как материал. Наметить основы будущей реформы, не имея соответственной подготовительной комиссионной работы, было бы со стороны думы опрометчиво. Она рисковала бы впоследствии нарушить уже принятые

ею основания после того, как на основании комиссионной работы вопросы[1]... бы предстать перед думой в ином освещении, чем после хаотичных и бесконечных прений, имевших место в общих собраниях думы за три месяца.

Заседание сорок девятое — 28 мая

Открывая заседание, я доложил, что от министра юстиции поступило постановление судебного следователя о приводе к следствию для допроса в качестве обвиняемого члена Государственной думы Купстаса и что согласно наказа дело это подлежит передаче в комиссию о наказе.

Крупенский (правый) по этому поводу сделал характерное заявление: требуя образования специальной комиссии для рассмотрения подобных, часто повторяющихся постановлений судебных следователей, он мотивировал это свое предложение желанием не задерживать рассмотрением подобные дела, «так как,— сказал он,— если эти люди действительно виновны, то они должны быть удалены, ибо сидение вместе с этими людьми, привлеченными к ответственности за серьезные преступления, является крайне неприятным и нежелательным» [1293]. Эти «серьезные преступления», т. е. преступления политического характера, налагали, по мнению Крупенского, пятно, настолько марающее «преступника», что ему, г. Крупенскому, сидеть с ним на одних и тех же думских скамьях не гоже. Другое дело лица, привлеченные к ответственности за «несерьезные преступления», вроде взяточничества, казнокрадства и т. п.; по мнению Крупенского, они могут быть, вероятно, и членами думы и министрами.

В этом же заседании стал на очередь законопроект об амнистии. Как известно, согласно ст. 23 основных законов, право помилования составляет прерогативу монарха. Министр юстиции использовал, конечно, это положение. «Правительство заявляет Государственной думе,— сказал министр,— что законопроект об амнистии по силе основных государственных законов ее обсуждению не подлежит. Права верховной самодержавной власти священны для всякого русского и незыблемы. Какое бы то ни было прикосновение к ним совершенно недопустимо» [1300]. Само собой разумеется, что эти слова министра были встречены дружными аплодисментами правых. Нет сомнений, что им очень хотелось бы, чтобы дума не согласилась с мнением министра, перешла бы к рассмотрению законопроекта по существу и приняла бы его. Тогда знаменитая «революционность» думы, посягнувшей на нарушение основных законов и прерогативы монарха, была бы налицо. Но и в данном случае дума благополучно обошла подводный камень.

Партия народной свободы внесла предложение о передаче законопроекта об амнистии на предварительное рассмотрение особой комиссии для представления думе заключения о желательности предположенного изменения закона (§ 56 наказа). На защиту и объяснения этого предложения выступил Маклаков[21]). «Нам не нужно было вмешательство министра юстиции,— говорил Маклаков,— чтобы понять, что амнистия не есть область ведения Государственной думы в порядке законодательной работы. Мы знаем не хуже министра юстиции, что ст. 23 основных законов делает амнистию прерогативой короны [1301]... Наша партия думает, что это прерогатива монарха и что это не входит в круг компетенций думы. Но мы не слепы, мы знаем, что этот взгляд встречает возражения, что о нем написаны монографии, что он был предметом рассмотрения ученых юридических обществ, которые пришли к иному взгляду, чем мы... этот спор есть один из тех споров, которые нельзя вести сразу в пленарном заседании думы, не подготовив их предварительно юридической разработкой в комиссии» [1302]. По поводу предложения партии народной свободы о передаче законопроекта в комиссию гр. Бобринский заявил, что часть правых, наверное, будет голосовать против этого предложения, т. к. они считают, что законопроект об амнистии есть настолько явное беззаконие, что его нет надобности передавать в комиссию. Тем не менее дума большинством 260 против

[1] Слово написано неразборчиво.

165 предложение партии народной свободы приняла и надежда правительства и правых на возможность обвинять думу в покушении на нарушение основных законов рухнула.

Затем дума перешла к обсуждению проекта министра юстиции о преобразовании местного суда. Докладчиком комиссии был И. В. Гессен (к.-д.). После его речи слово было предоставлено министру юстиции Щегловитову. Этот беспринципный политический карьерист стал восхвалять принципы судебных устоев 20 ноября 1864 г., столь жестоко им же попираемые во все время его министерской деятельности, а в заключение высказал себя сторонником самостоятельности и независимости суда, свободного от влияния политических заявлений. «Суд есть страж закона,— говорил Щегловитов,— но не проводник тех или других политических идей и тенденций». Этот господин, говоривший одно, а делавший диаметрально противоположное, не мог, конечно, вызвать сочувствие в думе. Его речь, по существу, недурная, тем не менее вызвала одобрение только со стороны правых.

Заседание пятидесятое — 29 мая

Правым очень не понравилось постановление думы, состоявшееся в предшествующем заседании, о передаче вопроса об амнистии в комиссию. Они стали тогда добиваться, чтобы этот вопрос был рассмотрен комиссией возможно скорее, для чего стояли на требовании дачи всего недельного срока для работы комиссии и скорейшего избрания комиссии. Хотя вопрос о времени избрания комиссии остался открытым и на повестку настоящего заседания поставлен не был, однако левый Уразов [22]) и правый Пуришкевич подняли вопрос о скорейшем выборе комиссии. Дружно объединившись, крылья думы одолели центр и предложение о выборе комиссии в пятницу было провалено и принято предложение о выборе в тот же день в вечернем заседании.

Затем дума перешла к продолжению обсуждения законопроекта о реформе местного суда. Прение носило яркий, деловой характер. Чувствовалось, что эта реформа встречает сочувствие громадного большинства думы и что сам по себе...[1] законопроект министерства может получить обстоятельные и весьма полезные для дела поправки со стороны думы, одним словом, чувствовалось, что дума занялась настоящим законодательным творчеством, обещающим хорошие результаты. Конечно, это обстоятельство при создавшемся уже отношении правительства и государя к думе не могло ее спасти от роспуска, а наоборот, могло заставить ее врагов поторопиться покончить с ней...[2]

* * *

Закончив изложение моих воспоминаний о заседании второй Государственной думы, я изложу итоги ее деятельности.

Но прежде чем указать положительные стороны этой деятельности, я считаю далеко не лишним разобрать те обвинения, которые предъявлялись думе ее врагами. Эти обвинения с исчерпывающей полнотою формулированы в манифесте 3 июня 1907 г. Вот текст этого манифеста:...[3]

Отбросив витиеватый слог манифеста, изложим по пунктам все предъявленные правительством думе обвинения.

1. «Значительная часть состава второй Государственной думы» не желала укрепить Россию и улучшить ее строй, а стремилась «увеличить смуту и способствовать разложению государства».

2. Деятельность этой части думы «послужила непреодолимым препятствием к плодотворной работе» и помешала «сплотиться достаточному числу членов ее, желавших работать».

---

[1] Слово написано неразборчиво.

[2] Опущено изложение последних, 51 и 52 заседаний II Государственной думы, включенных в публикацию «Разгон II Государственной думы» (см. «Красный архив» № 6 (43), 1930, стр. 60—67).

[3] Текст манифеста опускается.

3. За отсутствием сплоченного большинства в думе, выработанные правительством «мероприятия», точнее законопроекты, дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением, или отвергала.

4. Дума не остановилась даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений и сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках.

5. «Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству».

6. Дума медлительно рассматривала государственную роспись.

7. «Право запросов правительству значительная часть думы превратила в способ борьбы с правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения».

8. Дума «не исполнила немедленно законного требования власти, не допускавшего никакого отлагательства» о временном устранении 55 членов думы и заключении некоторых из них под стражу как лиц, обвиняемых судебною властью в заговоре против государства и царской власти.

Внимательный и терпеливый читатель, ознакомившийся с моими воспоминаниями о заседаниях второй Государственной думы, читая эти восемь обвинительных пунктов, придет, я полагаю, к заключению, что все они неосновательны. Постараемся также разобрать по пунктам их беспристрастно, с спокойствием историка, а не заинтересованного лица.

1. «Значительная часть состава второй Государственной думы не желала укрепить Россию и улучшить ее строй, а стремилась увеличить смуту и способствовать разложению государства».

Под определением «значительная часть» следует, конечно, разуметь социалистические группы в думе, главным образом, социал-демократов. Обвинение тяжкое. Жаль, что в манифесте не указано, из каких, именно, действий значительной части думы видно, что она не желала укрепить Россию, а стремилась увеличить смуту и способствовать разложению государства. Если обвиняемые пытались достигнуть указанных преступных целей своими речами, то, просмотрев эти речи, мы убедимся, что как раз в тех же самых преступлениях обвиняемые обвиняли правительство, с той лишь разницей, что правительство обвиняло депутатов за произнесение вредных, с его точки зрения, речей с думской трибуны, а обвиняемые обвиняли правительство за их деяния в качестве носителей власти. Вся беда в том, что способы укрепления России и меры против разложения государства понимались этими политическими группами и правительством диаметрально противоположно. Что одни считали за спасение государства, другие считали за его разложение и наоборот. Кто прав, кто виноват в политическом споре лиц, законом призванных к суждению о нуждах государственных, судить может не заинтересованная сторона, каковою являются составители манифеста, а лишь беспристрастная история.

2. Деятельность этой части думы «послужила непреодолимым препятствием к плодотворной работе» и помешала «сплотиться достаточному числу членов ее, желавших работать».

В этом обвинительном пункте есть доля правды, но крайне преувеличена. Несомненно, деятельность этой части думы служила препятствием к плодотворной работе и мешала сплочению большинства членов думы, но, во-первых, не меньшим препятствием и не меньшею помехою центру думы явились правые члены думы, ставленники и любимцы правительства, да и само правительство, то провоцировавшее думу, то препятствовавшее его работе, не впуская в помещение думы приглашенных комиссиями сведущих лиц, не давая нужного комиссиям материала и документов и т. д.; а во-вторых, это препятствие и эта помеха лишь вызывали трения и некоторое замедление в работе, но не были и не оказались на деле непреодолимыми. Действительность показала, что дума работала вполне успешно, ничуть не менее успешно и быстро, чем излюбленная правительством «работоспособная» третья дума, о чем речь будет ниже. Все бывшие в думе голосования с несомненностью доказали, что нужное для центра думы большинство всегда оказывалось налицо, а следователь-

но, утверждение манифеста, будто в думе не оказалось работоспособного большинства, неверно.

3. За отсутствием сплоченного большинства в думе, выработанные правительством «мероприятия, точнее законопроекты», дума или не подвергала вовсе рассмотрению, или замедляла обсуждением, или отвергала.

Точно такое же обвинение и с неменьшим основанием могло бы быть предъявлено к думе третьего созыва. Естественно, что дума, просуществовав всего три месяца, не имела никакой возможности рассмотреть все громадное количество законопроектов, внесенных правительством во вторую думу. Если в первую думу правительство внесло один только законопроект о постройке оранжереи или прачечной при Юрьевском университете и тем самым обрекло думу на законодательное бездействие на первое время, пока сами члены думы не внесли свои законопроекты и пока не прошли законом установленные сроки между временем внесения законопроекта и временем возможного его рассмотрения, то во вторую думу из правительственного законотворческого рога изобилия посыпалась целая груда законопроектов, весьма существенная часть которых не рассмотрена народным представительством и по днесь. Немудрено, что за три месяца своей жизни дума не успела рассмотреть ворох правительственных законопроектов. Дума за это краткое время приступила к рассмотрению бюджета, к обсуждению реформы местного суда и, наконец, рассмотрела целый ряд законопроектов местного значения. Итоги этой законодательной работы думы будут изложены ниже в заметках о положительной стороне деятельности думы.

Обвиняется дума «в замедлении обсуждением» законопроектов. Это обвинение не совсем понятно. Что надо подразумевать под замедлением? Где критерий быстроты работы и медлительности? Если дума обвиняется в том, что она обсуждала законопроекты не сразу в пленарном заседании, а подвергала их предварительной разработке в комиссиях, то такое обвинение, конечно, не выдерживает критики и не требует опровержения.

Столь же неосновательно обвинять думу в том, что она отвергала некоторые правительственные законопроекты. По буквальному смыслу манифеста получается впечатление, что дума являлась непреодолимою преградою для правительственного законодательного творчества, что она тенденциозно и систематически не пропускала в жизнь правительственные законопроекты, то не рассматривая их вовсе, то замедляя обсуждением их, то, наконец, отвергая. Ниже будет указан целый ряд законопроектов правительства, обсужденных думою и ею принятых. Ставить же в вину думе, что она некоторые из законопроектов правительства отвергла, более чем оригинально. К чему нужно будет народное представительство, если оно будет обязано принимать все правительственные законопроекты, хотя бы большинство народных избранников считало их не отвечающими интересам государства.

Если б министерство было думским, было ответственным перед думою, то случаи отклонения законопроекта правительства были бы крайне редки. Когда же дума и правительство стоят на противоположных политических полюсах, то случаи отвержения народным представительством правительственных законопроектов должны быть несомненно частыми.

4. Дума не остановилась «даже перед отклонением законов, каравших открытое восхваление преступлений, сугубо наказывавших сеятелей смуты в войсках».

Редакция этого обвинения такова, что дает полное основание предположить, будто дума отклонила законы, каравшие открытое восхваление преступлений и смуты в войсках, и, следовательно, будто дума считала эти преступления не подлежащими преследованию и наказанию. В действительности же дума отклонила лишь законопроекты, устанавливавшие повышенное наказание за указанные преступления, не касаясь вовсе действующего закона, карающего эти преступления. Винить думу за то, что она не смотрела на эти преступления расширенными от испуга перед революцией глазами правительства и считала, что действующий закон достаточно силен для борьбы с указанным злом,— значит смотреть на деятельность думы с узко партийной точки зрения.

5. «Уклонившись от осуждения убийств и насилий, Государственная дума не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству».

Совершенно нелепое обвинение, столь же нелепое, как нелепо было предъявленное правыми и правительством требование думе вынести резолюцию, осуждающую убийства и насилия. Требование это носило явно провокационный характер. К высшему законодательному учреждению предъявлялось кучкою правых, устраивавших погромы, и кабинетом Столыпина, усмирявшим революцию военно-полевыми судами и знаменитым «столыпинским галстуком», нелепое обвинение в сочувствии убийствам и насилиям и требование подвергнуться публичному экзамену в своих политических убеждениях. Что могло и должно было сделать учреждение, являющееся источником права и закона, в ответ на такие обвинения и требования, если оно хотело сохранить свое достоинство и авторитет? Неужели оправдываться и подвергаться экзамену со стороны пуришкевичей и столыпиных! Единственный ответ, который могла сделать и сделала дума — это отшвырнуть без рассмотрения по существу предъявленные ей обвинения и требования. «Угодно ли думе принять к своему рассмотрению заявление о порицании убийств, террора и насилий?»,— вот вопрос, который был голосован в заседании 15 мая и на который дума ответила: «нет; не угодно!». Только такой ответ и могла дать дума на подобный вопрос.

Едва ли основательно указаны в манифесте последствия этого вотума думе, а именно, что дума этим самым «не оказала в деле водворения порядка нравственного содействия правительству». Каким образом дума оказала бы нравственное содействие правительству, осуждая убийство и насилие? Вынеся такое осуждение, дума не только не оказала бы «нравственного содействия правительству», а как раз наоборот, она осудила бы правительство, которое чинило в таком изобилии убийства и насилия, как это достаточно выяснилось из думских запросов.

Наконец, вынесение резолюций нравственного характера не входит в компетенцию законодательного учреждения. Дума законодательствует, дума предъявляет правительству запросы о незакономерных действиях его агентов, наконец, дума вырабатывает формулы перехода к очередным делам, в которых или намечает пожелания для выработки новых законов или указывает путь, по которому должна идти в своих действиях исполнительная власть, но никогда законодательное учреждение не обращается с увещаниями нравственного характера к населению или к части его.

Обращаться к преступникам с увещанием,— не делайте преступлений,— не задача законодательного учреждения.

Для борьбы с преступниками есть только одна сила в распоряжении законодательного учреждения — сила закона.

6. Дума медлительно рассматривала государственную роспись.

Обвинение неосновательное. Вот каково было течение этого дела.

20 февраля дума была открыта. 7 марта была избрана бюджетная комиссия для рассмотрения государственной росписи. После общих прений по бюджету, имевших место в пленарных заседаниях думы, 27 марта дума передала проект государственной росписи в бюджетную комиссию. Последняя имела 16 заседаний в общем ее собрании и 50 заседаний в ее 8 подкомиссиях. В качестве материала комиссия затребовала из департамента государственного казначейства журналы междуведомственных совещаний по рассмотрению сметы на 1907 г. Совет министров отказал комиссии в присылке этого материала. Всего в комиссии было рассмотрено 34 сметы и 57 представлений по условным кредитам. Комиссией был выработан и внесен в думу доклад о порядке внесения докладов по рассмотрению смет в Государственную думу и был поставлен на повестку думского заседания, но за роспуском думы не рассмотрен. Почему такой темп работы думы по рассмотрению государственной росписи признается в манифесте медлительным, непонятно.

7. «Право запросов правительству значительная часть думы превратила в способ борьбы с правительством и возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения».

Во всех парламентах мира оппозиция пользуется запросом как способом борьбы

с неугодным ему правительством и в целях возбуждения к нему недоверия в широких слоях населения. Запросы являются одним из средств свалить министерство. Чтобы с успехом выдержать натиск запросов, правительство должно следить, чтобы члены его не творили незакономерных действий. Неосновательно предъявленные запросы всею своею тяжестью ложатся на лиц, их внесших, а правительству дают возможность путем исчерпывающих удовлетворительных ответов закрепить свой авторитет в стране, а не возбудить к себе недоверие.

Вторая дума почти вся, за исключением только правых, была в оппозиции правительству. Если, тем не менее, только часть думы, хотя бы и значительная, как указывается в манифесте, злоупотребляла своим правом запросов, то это объясняется исключительной осторожностью большинства думы, его старанием «беречь думу». Но правительство не ценило такой тактики думы. Несмотря на обещание Столыпина в своей декларации идти навстречу попыткам думы раскрыть злоупотребления власти, правительство упорно покрывало незакономерные деяния своих агентов. Так, оно оправдывало явно незаконное распоряжение московского генерал-губернатора Гершельмана. Оно не имело мужества признать проступок и предать виновника суду. Конечно, при таком отношении правительства к запросам, законнейшее и вернейшее оружие наблюдения думы за закономерностью действий исполнительной власти, запрос является тяжелым ударом по правительству и причиною возбуждения недоверия к нему в широких слоях населения. Конечно, население не может питать доверия к правительству, которое, как оказывается из запросов, покрывает преступления своих агентов. Но вина в этом не думы или ее значительной части, а самого правительства, привыкшего к бесконтрольному и безнаказанному превышению власти.

8. «Дума не исполнила немедленно законного требования властей, не допускавшего никакого отлагательства», о временном устранении 55 членов думы и заключении некоторых из них под стражу как лиц, обвиняемых судебною властью в заговоре против государя и царской власти.

Явно недобросовестное обвинение. Проследим действия думы и посмотрим, что иное могла она сделать, если самым старательным образом она желала исполнить требования правительства, но в то же время не быть автоматом в руках правительства, а действовать сознательно, как того требует высокое положение законодательного учреждения и тяжелая ответственность его перед народом.

Ход событий был таков.

1 июня перед началом думского заседания председатель Совета министров послал письмо председателю думы с заявлением, что он имеет сделать думе внеочередное заявление и просит на основании ст. 44 учреждения Государственной думы закрыть заседание для публики.

Председатель думы тотчас же распорядился об удалении публики, и первое слово в закрытом заседании предоставил Столыпину, а затем прокурору судебной палаты Камышанскому.

Очевидно, что все эти действия председателя думы были строго законны, а дума играла пассивную роль, как то и должно было быть в данном случае.

Далее, когда дума заслушала требование правительства о временном удалении из состава ее 55 членов социал-демократической фракции, а также длинный следственный акт судебного следователя, прочитанный Камышанским и в печатном виде розданный членам думы как материал, обосновывающий требование правительства об удалении из состава думы 55 ее членов, то, по точному требованию наказа, председатель думы прений по существу вопроса не допустил, указав, что по § 96 наказа ни одно дело, на повестку не поставленное, не может рассматриваться по существу в том же заседании, что таким образом в данное время может обсуждаться лишь вопрос о дальнейшем направлении дела. Опять, полагаю, действия председателя думы были строго законны. Если бы он разрешил обсуждать немедленно вопрос по существу, то не говоря уже о нецелесообразности обсуждения этого далеко не простого с юридической стороны вопроса и связанного с большим сырым материалом,

лежащим в основе его в виде следственного производства о 55 членах думы, председатель нарушил бы обязательное для него и для думы требование наказа, т. е. действовал бы незаконно. Дума повиновалась председателю и обсуждала вопрос не по существу, а по направлению. Снова полагаю, что и председатель и дума действовали законно и не дали ни малейшего повода к обвинениям в нарушении закона. В результате прений по вопросу о направлении было постановление думы в тот же день, 1 июня, о передаче требования судебного следователя на предварительное рассмотрение комиссии. 2 июня комиссия рассматривала вопрос, закончить свои занятия она должна была 3-го, а на 4 июня назначено было пленарное заседание думы для заслушания доклада комиссии. Но, как известно, 3 июня состоялся роспуск думы. И эти последние действия думы были строго законны и правильны по существу. Несомненно, что иным порядком дума не могла действовать.

Столь важный и сложный вопрос не мог быть немедленно и без предварительной подготовки в комиссии обсужден и разрешен в пленарном заседании думы. «Законное требование правительства», о котором говорится в манифесте, было бы совершенно незаконным, если бы оно заключалось в требовании немедленного и механического постановления думы об исключении думской социал-демократической фракции из состава думы. Что сделала бы дума после доклада комиссии, каково было бы заключение последней, все это за роспуском думы осталось невыясненным. Так как доклад комиссии не был еще готов, дума 2 июня в своем последнем заседании обсуждала законопроект о реформе местного суда. Несмотря на все усилия левых склонить думу к рассмотрению и отвержению законов, изданных правительством по 87 статье, и отклонению бюджета, дума стойко выдержала натиск левых и до последней минуты осталась в строгих рамках закона. Вторая дума всегда действовала строго конституционно. «Законные» требования правительства она исполнила бы, но являясь сама источником закона и органом, наблюдающим за закономерностью действий правительства, она не могла и не должна была считать законным требованием всякое требование правительства потому только, что это требование правительства.

Что данное требование властей не допускало будто никакого отлагательства — явный вздор. От предъявления этого требования до роспуска думы, т. е. от 11 час. утра 1 июня до утра 3 июня, прошло почти двое суток, следовательно, вполне достаточное время для того, чтобы скрыться от ареста тем, кто на это шел. Если б дело, действительно, требовало принятия безотлагательных каких-либо мер, то они должны были быть приняты правительством действительно безотлагательно, т. е. первого же июня, когда стало ясно, что дума вопрос передает в комиссию, а не 3 июня, лишь после того как в комиссии обнаружен был подлог, учиненный судебным следователем. Во всей этой грязной истории был действительно заговор, но не заговор 55 членов думы против государства, как то утверждается в манифесте, а заговор Столыпина и К-о против народного представительства и основных государственных законов.

ЦГИАМ, ф. 536, оп. 1, д. 6, лл. 1—331.— Автограф.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Платон — депутат II Государственной думы от г. Киева, епископ.— 58.
2) Крыжановский С. Е.— чиновник, с 1897 г. служивший в Министерстве внутренних дел, в 1906 г. был назначен товарищем министра. Известен как автор реакционных законопроектов, в частности избирательного закона 3 июня 1907 г.— 58.
3) «Новое время», № 11183, 2 мая 1907 г.— 59.
4) Вознесенский К. Ф.— депутат II Государственной думы от Самарской губ., народный социалист, земский учитель.— 59.
5) Хасанов К. Г.— депутат II Государственной думы от Уфимской губ., народный социалист, учитель татарских школ.— 59.
6) Созонович И. П.— депутат II и III Государственных дум от Могилевской губ., профессор Варшавского университета, доктор всеобщей литературы. В думе занял крайне правую реакционную позицию.— 59.

7) Озол И. П.— депутат II Государственной думы от г. Риги, член с.-д. партии Латышского края (меньшевик), кандидат коммерческих наук. В 1907 г. был привлечен к суду над. с.-д. фракцией II думы, но от суда скрылся. Участник Лондонского съезда РСДРП (под кличкой Гартман). Впоследствии отошел от политической жизни и переселился в Америку.— 61.

8) Камышанский Н. К. (1862—1910) — один из ближайших помощников Столыпина. Прокурор петербургской судебной палаты, участвовал в важнейших политических процессах 1906—1908 гг., прокурор по делу с.-д. фракции II Государственной думы. Позднее перешел в министерство внутренних дел и был назначен вятским губернатором — 62.

9) Салтыков С. Н.— депутат II Государственной думы от Вятской губ., с.-д. (меньшевик), редактор «Русского экономиста», товарищ секретаря думы. Осужден по делу с.-д. фракции II думы.— 62.

10) Стахович М. А.— депутат I и II Государственных дум от Орловской губ., сначала примыкал к кадетам, затем один из организаторов партии октябристов. После Февральской революции был финляндским генерал-губернатором. После Октябрьской революции — белоэмигрант. Во II думе был еще А. А. Стахович — также депутат от Орловской губ., кадет, помещик, один из учредителей «Союза освобождения», сотрудник «Русских ведомостей», «Русской мысли» и др. Издатель «Елецкой газеты». Разоблачитель дела Лаваля.— 63.

11) «Новое время» № 11189, 8 мая 1907 г.— 64.

12) Рейн Г. Е.— депутат II Государственной думы от Волынской губ., правый, помещик, профессор Киевского университета по кафедре гинекологии, затем профессор петербургской медицинской академии.— 64.

13) «Новое время» № 11193, 12 мая 1907 г.— 66.

14) «Новое время» № 11197, 16 мая 1907 г.— 67.

15) Архипов (о. Александр) — депутат II Государственной думы от Оренбургской губ., священник, трудовик, член крестьянского союза. После разгона II думы приговорен к каторжным работам.— 67.

16) Бриллиантов А. И.— депутат II Государственной думы от Енисейской губ., священник в Минусинске, трудовик, член крестьянского союза.— 67.

17) Гриневич (о. Антон) — депутат II Государственной думы от Подольской губ., сельский священник, трудовик.— 67.

18) Имеется в виду Колокольников К. А.— депутат II Государственной думы от Пермской губ., с.-р., священник. После роспуска думы был лишен священнического сана. Во II думе был еще В. А. Колокольников — депутат от Тобольской губ., народный социалист, лесовод.— 67.

19) Кониц Г. С.— депутат II Государственной думы от Полоцкой губ., прогрессист, адвокат, публицист.— 69.

20) «Новое время» № 11203, 22 мая 1907 г.— 69.

21) Маклаков В. А.— депутат II, III и IV Государственных дум от г. Москвы, правый кадет, помещик, видный адвокат. После Октябрьской революции — белоэмигрант.— 74.

22) Уразов Д. В.— депутат II Государственной думы от Воронежской губ., трудовик, врач, член крестьянского союза.— 75.

К ИСТОРИИ АНДРУСОВСКОГО ПЕРЕМИРИЯ 1667 г.

История русско-польских отношений накануне Андрусовского перемирия разработана еще недостаточно. Документов, касающихся истории подготовки договора о перемирии и деятельности одного из крупнейших дипломатов того времени А. Л. Ордина-Нащокина, опубликовано очень мало. Между тем публикуемые ниже документы, принадлежащие перу этого дипломата, характеризуют важный момент в истории подготовки Андрусовского перемирия и раскрывают, вместе с тем, новые черты его внешнеполитической программы.

Первый документ заключает в себе условия союза между Россией и Польшей, изложенные А. Л. Ординым-Нащокиным во время переговоров во Львове литовскому канцлеру К. Пацу. «Статьи» этого документа раскрывают глубокую заинтересованность русского дипломата в примирении с Польшей и объединении с ней сил для борьбы против общих врагов. На конкретных примерах, с большим знанием дела он доказывает выгодность «союза нерозорванного» не только для России, но и для Польши.

Второй документ — доклад царю Алексею Михайловичу, поданный А. Л. Ординым-Нащокиным вскоре после возвращения из Львова; в нем он продолжает отстаивать свою идею союза с Польшей и теперь уже русскому правительству доказывает выгодность примирения с Польшей на условиях «союза нерозорванного».

Содержание этого документа пересказал С. М. Соловьев в XI томе своей «Истории России», но сделал это односторонне и далеко не полно, объясняя борьбу А. Л. Ордина-Нащокина с боярской группой Н. И. Одоевского личными мотивами и особенностями характера Ордина-Нащокина. Между тем, это была борьба двух направлений в русской дипломатии того времени.

Публикуемые документы дают возможность опровергнуть давно сложившийся взгляд на А. Л. Ордина-Нащокина, как на сторонника идеи избрания русского царя на польский королевский престол. Можно с уверенностью сказать, что эта идея принадлежала русским боярам (линия Н. И. Одоевского в русской дипломатии 50—60-х годов XVII в.); она возникла еще в конце 40-х годов этого века, получила подтверждение в 1656 г. во время переговоров в Вильно и не снималась в течение долгого времени после виленских переговоров. А. Л. Ордин-Нащокин был противником этой идеи и настаивал на союзе двух суверенных государств. Он считал, что предложение об избрании нужно польским панам, чтобы обмануть Россию, что избрание само по себе ничего не дает, так как «сами государи, будучи в ближнем сродстве, за приятство свое не могут в пограничных ссорах свои государства мирно удержать без союзу» (док. № 2, ст. 32).

Эти же документы дают возможность проследить, как в 60-х годах XVII века А. Л. Ордин-Нащокин, продолжая питать неприязнь к Швеции, постепенно убеждался в опасности для России и со стороны крымского хана и турецкого султана. Русский дипломат как во время переговоров во Львове, так и в письме к царю предлагал союз с Польшей не для войны со Швецией, а для защиты русско-польских интересов на международной арене в столкновении и со Швецией, и с Турцией, и с Крымским ханством. По его мнению, Россия могла, заключив союз с Польшей,

«шведцкой разрушительной нынешней мир промыслом без войны направить и с остереганьем в вечную крепость привесть» (док. № 2, ст. 28).

Само собой разумеется, что не все мысли, высказанные А. Л. Ординым-Нащокиным в этих документах, подтвердились, не все его внешнеполитические прогнозы оправдали себя. В пылу полемики со своими противниками из числа крупной боярской знати он иногда сознательно преувеличивал враждебность Швеции (что заметно и в публикуемых «статьях») и зачастую недооценивал роль украинской проблемы во взаимоотношениях России с Польшей. Однако сущность дипломатического кредо А. Л. Ордина-Нащокина, его идея славянского объединения, союза соседних славянских стран выступает здесь с полной ясностью.

А. Л. Ордин-Нащокин был одним из немногих политических деятелей второй половины XVII в., который, наряду с Ю. Крижаничем, глубоко понимал международное значение этой идеи.

И. В. Галактионов

№ 1

Список статей, данных литовскому канцлеру Пацу в бытность в Польше российского посла Афонасья Нащокина, касающихся к ближайшему обоих государств примирению [1]

10 апреля 1663 г.

171 года, апреля в 10 день, великой и полномочной посол думной дворянин и наместник щацкой Афонасей Лаврентьевич Ордин-Нащокин ездил княжества литовского х канцлеру х Криштофу Пацу и, будучи у него, говорил о государевых делех с ним тайным обычаем на один и того тайного розговору дал канцлеру Пацу, написав польским письмом, статьи. А каковы написав статьи, канцлеру отдал и в тех статьях пишет:

Тайного розговору для союзу общие статьи объявлены суть: Смоленск со всеми Северскими городами по-прежнему вечным миром к Московскому государству утвердити, что в розоренье московское через войну к Польскому государству было прилучено. А мир был становлен меж теми обоими государствы, только успокоена война, а союзу вечного в помочи от одного другому от посторонних неприятель не учинено было. И за то многие ссоры да войны кровавые проводились и, не стерпев многих досадительств или обид, жалость всегдашния в Великой Росии была о поступленных городех, за что и крове многие проливались. А ныне бы, за помощию всесильного бога по его святой воле, бранный меч вечно отложить и ни за что б крови не всчинались и была (бы) та Северская земля с Смоленском по-прежнему к Великой Росии миром утверждена. И впредь, всякие разрушительные ссоры постерегая, учинить союз нерозорванного вечного миру; а будучи в союзе к прибылем тем обоим государствам в сем объявлении имеять показатися в правде, которые будут. А не учинив соединения от сторонних, прибытков овладеть друг без друга невозможно.

1. Во 167-м году в перемирной записи воелесарского договору [1)] в четвертой и в двадцать третьей статьях в свейском миру с Великою Росиею Полуденные Лифлянты Диноборк з городами поступлен к Великой Росии, а с польским ево королевским величеством свейскому ево королевскому величеству не советовать и не умышлять и не наводить на царского величества землю и города никакою недружбою.

И после того во 168-м году в мировой записи оливенского договору [2)] в пятой статье те же Полуденные Лифлянты Диноборок з городами поступлены вечно от свейского королевства х Коруне Польской, а те городы держат к Великой Росии, а того после во 169-м году в мировой кардийского договору [3)] в свейском миру написано: те же Полуденные Лифлянты Диноборок з городами оне же свеяне по-прежнему воелесарскому договору вечно поступились к Великой Росии. И в таких ссорных и неправдивых шведцких статьях на них есть явная причина.

[1] Заголовок документа.

2. А как те обои государства Великая Росия и Коруна Польская будут в соединении, могут за такие преступления и непостоянство шведцкое каждо к своему государству за свои шкоды посольским правом и рассудком християнским свое без меча отыскать и взять и посторонние государи присудят без шкоды свое взяти. А шляхта лифлянские к поступке шведу Лифлянт и не подписались, а и упорством швед не силен того за собою держать.

А тех двух государств [союз] будет страшен и скоро учинит росплату, кому что принадлежит, не побуждая иных своих соседей, с которыми у королевства свейского недружба: се есть с цесарем римским, с королем датцким, с королем английским, с курфирстом брандобурским; и всегда над шведом отмщения ради видеть.

А те помянутые государи, которые шведцкому королевству в явных давных недружбах, ево царскому величеству в великом доброхотении и в дружбе вечного нерозорванного миру [4]). И нынешнему, даст бог, союзу во всяких государственных делах надежное и крепкое всегда споможение ото всех стран будет.

3. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, будет споможение и прибыли великие в своих краех от волошан и от мунтян и от Семиградцкой земли. Услышит турок союз меж теми великими государствы, будет уступен тех краев в своем владенье. А Коруне Польской спокойно будет ко всяким пожиточным прибылем, а военные погрозы от турка минутца и будет в соседстве склонен и войну свою отложит.

4. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, от хана будет свободно, что з допущения божия тое войны помочь от хана была в Украйне и на курфистра брандыбурского войною наступал и за то хан великую казну, считают, взял на Коруне Польской. Услышит хан союз меж теми обоими государствы, отставит свои великие запросы, а рад будет без шкоды дружбу держать и отдален будет ко всяким страхом от тех обоих государств для их союзу.

5. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, надежно будет дружба почитать курфистра брандыбурского для того, его царскому величеству он, курфистр, верен будучи, нерозорванные вечные дружбы присягал во 165-м году [5]). И что ныне от Коруны Польской курфистр домогаятца Энбленга и то может дружбою обойтися, не допустив до какова лиха и до противности.

6. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, надежно в своем государстве успокоить войска и всяких жилецких людей добрым и крепким вечным успокоением, и всегда от посторонних неприятелей будут бесстрашны и на союз вечного миру будут надежны. А ныне для успокоения царское величество до скарбу его королевского величества по достоинству на жалованье ратных людей казною ссудит и спроможет как годно и к дружбе соединительно.

7. Коруне ж Польской для нынешнего союзу с Великою Росиею, а надеясь тем союзом доброй пожиток впредь имеять, разсуждением от Великой Росии казна дана быть имеять, чтоб за свое прямое от посторонних обид прибылью тем союзным обоим государствам возвратилось такою мерою за тое казну, хотя бы и малое от Коруны Польской и от Княжества Литовского, которым Северским городам и к Смоленску поступлено было к Великой Росии, что имянованы Полуденные Лифлянты Динобором з городами, для того обоим тем союзным государствам на шведцком королевстве и прежние свои шкоды против их нездержания, как в мирных записех они причины на себя дали, сыскать будет правдою мочно. И будучи на Двине блиско Лифлянт шведцкого владенья обоих тех союзных государств люди страшны покажутца Свейскому королевству и оттого учинитца и росправа в своих шкодах скоро и всяк будет удовлен своими во-веки и миру вперед не к порушимому здержанию.

8. Коруне ж Польской, будучи в союзе с Великою Росиею, надежно споможение чинить ево цесарскому величеству в нынешней турской войне. И за то слава будет во всем свете, что споможение от того союзу учинитца его цесарскому величеству римскому. А вперед для опасения турские войны захочет цесарское величество ко обоим тем нашим великим государствам и в том же союзе быть и к ближней дружбе и иных государей подвигнет.

9. Коруне ж Польской сей союз вечного миру с Великою Росиею за помощию божиею ныне постановить и укрепить с охоты будет всего государства своего, за что хвалу воздавать обои те пароды учнут всемогущему богу, прославляя тех великих монархов за их християнское случение ко всякой помочи друг другу. А тех поступных городов к Великой Росии служилые люди для союзу нерозорванного добрым разсуждением при маетностех своих вечно будут, и от тое прошедшие, дай боже, войны благополучное житье себе обдержат и отдален от своей отчизны нихто не будет, разве которые стороны ни есть злыми поступками хто возненавидит добра своими делы отлучитца.

10. А правдивее сего объявления к вечному миру как в союз вступит, крепче показать невозможно и окроме того инако домогатися непотребно, понеже всегда мир без союзу ищет причины за прежную обиду отмщения. И такие войны меж теми государствы страшно проходили. А не допущало до союзу, что наша сторона в обиде оставилась за невольным миром. А ныне в руках наших, чем были обижены, уже есть. А сверх того много войною от вашие стороны у нас же во одержании, а для союзу вечного миру уступаем по договору пристойному и на вечные часы те обои государства с помочным один другому союзом спокоиваем и утверждаем. Сему господь бог помощником будет.

ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1663, д. 8, лл. 1—7.— Перевод с польского современный подлиннику.

№ 2

Доклад А. Л. Ордина-Нащокина царю Алексею Михайловичу о необходимости мира с Польшей[1]

Конец 1663 г.

О миру Великой Росии с Польшей, чтобы разсудительство иметь к прибыли Московскому государству и впредь нерозорвано было.

1. Прежние миры были на урочные лета меж теми государствы, и с обоих сторон, ожидая срок перемирью, готовились к войне, а не к миру (таков бо есть в перемирьях обычай). А перед нынешнею войною учинен был вечной мир[6]. И в таком ближнем соседстве невозможно быть в порубежных местах без ссор, что землею и водою и верою те государства во многой близости. И в тех ссорах, которое государство приспеет силою больши, а другое, видя в каких упадках и вспоминая прежние недружбы и досадительства, поищет себе больши овладения и для того мир розрушитца (так и сталось).

2. А по прежним и по нынешним войнам те обои великие государства дозназы, в разорения приходят и сторонние соседи на них же нападают. А иные ссоры многие составливают, приводя к войне, впредь боясь от тех государств на себя войны и овладенья. И для того больши тщатца к ссоре, а не к дружбе.

3. И ныне бы, по милости всемогущего бога и за превысоким счастием ево божия помазанника государя-царя, прежние с обеих сторон великие ратные досадительства крепким и постоянным миром искоренить. А обновить вечной мир соединением во всякой помочи друг другу против обчих неприятелей обоим тем государствам, чтоб прежние мировые обещания пред богом в прощении были, и перед всем светом преступлением и злом никаким не вспоминались и никогда бы друг друга мстительны не были.

4. И о том мирном союзе тем обоим государствам прилежно розсуждение иметь: помочь от посторонних краев всегда надобна. И такое затверждение вечное и нерозрушительное впредь от всчинающие войны прочнее, нежели как перед сем было.

---

[1] Копия этого доклада обнаружена в д. 12 за 1668 г. В этом деле помещены отчеты А. Нащокина о его посольстве в Курляндию и реестр посланных к нему грамот. Вероятно, копия доклада, посланная А. Нащокину вместе с другими документами, так и сохранилась в этом деле. Рукой составителя данного дела на верху 34 листа дана ошибочная дата документа 1668 г., но по содержанию видно, что он относится к концу 1663 г. (см. прим. 12).

5. А в союзных государствах благочествуетца всяка правда и друг от друга союзники приобретения, чтоб вредно было, себе не ищут, но о всем советуют к полности и ко умножению изобилия своим союзным государствам и с посторонними с теми дружатца, от которых себе пожитки велики иметь будут и розширяют свои государства в чужие краи.

6. А в такой близости друг другу помощию те обои государства будучи, даст бог, в союзе и посторонние соседи и страшны будут войною наступать, но и сами склонятца за страх и покорно дружбы учнут искать. И многие неизсчетные прибыли ко всякой помочи обоим тем государствам взыщутца, и полность в обоих народех в домовых в спокойных пожитках умножитца, и служивым в повольных пожитках умножитца, и служивым в повольных в окольных краех заслугах и купецким людем в безпомешных мирных торговлех скоро распространитца и ко утехе будет, и ко всякой доброй славе и к полности множись учнет.

Особно Великой же Росии для чево надобно с Польским государством союзом вспоможение вечного миру утвердить.

7. Великой Росии надобен союз с Польшей. В нынешнюю продолжительную войну в Великую Росию ис Польского государства многочисленным полоном намножено, а мир бес того не бывает, чтоб полону не отдать. А что были прежние миры и выговаривапы крещеные полоняники Великой Росии остатца, а ныне по свейской отдаче того не будет [7]. И к лутчему одержанию чем привесть без союзу?

8. Великой же Росии надобен союз с Польшей для того: полон польской и литовской поженились и замуж вышли и розводить против закону как изпомыслить. А повольное одержание чем учинить, только не союзом того миру и всякою помощию друг другу одержанием союзным, сколько мочно.

9. Великой же Росии надобен союз с Польшей. Служивые люди домовые Великой Росии от продолжительные войны к службе нерадетельны и прикучны, а в украинных местах без служивого доброго строю от хана крымского и от калмыков быть не мошно. Также иные места надобно в остереганье держать и ратьми исполнить. А ныне во всех краех Великие Росии и в Сибири полону в службе много. А учинитца мир по-прежнему как был, и тот многой народ поворотитца в свою землю и до тех мест розрушения миру не учинять, покамест не оживутца. И только не союзом то укрепит и мир в постоянстве держать чем будет крепко?

10. Великой же Росии надобен союз с Польшей. Искони ведомой неприятель — швед, в близости будучи к Великой Росии, всегда усматривает упадка Московскому государству и с сторон многие ссоры чинит и во время свое наступает всяким разореньем. И как прежд было, так и в нынешнее время по съездам посольским ведомо, какие розрушительные свейские неправды. А все их всчинанпе для того, что с Польским государством продлилась война и внутренние ссоры повстали в Великой Росии. А не учинить ныне с Польским государством в миру союзу, и от шведа пе предстанут великие розрушения никогда. Явной враг ссорам — камисар свейской: на то и живет на Москве и делаят, что хочет [8]. И чем то здержать без союзу?

11. Великой же Росии надобен союз с Польшей и для того, что в нынешнюю войну церквей восточного православия и чесных монастырей разорилось много и немалые здания от великих московских государей были. А учинитца мир между теми великими государствы по-прежнему, а не спомогательным союзом друг другу, и не только розореные святые места поправить мошно и милостивым наданием оживить, но и оставшие церкви и манастыри, осердясь католицы за нынешнюю войну, предадут в унею и благочестие разорят. И того ради потребно быть союзу.

12. Великой же Росии надобен союз с Польшой того ради: за союз радости споможения в тех ближних государствах случением ко всякой дружной помочи на общего неприятеля могло бы то благочестие ис пеплу запустения на свет выттп и правоверным християном цвет спасения показати. И не точию в прежнее благочестие запустелым местом прийти, но и больши бы возрастала в вере восточного благочестия правда.

13. Великой же Росии надобен союз с Польшой: послышат волохи тот союз, кото-

рые в ближнем совете с поляки Днестр рекою граничат от Польши или от Подолья, а меж того Днестра и Дуная их поселение и вера в крепком благочестии греческого закона. Обои те государства Молдавское и Мунтянское под турком пребывают, а розстоит их от Великие Росии государство Польское и что частые войны бывают у Великие Росии с Польшой. И те волохи по самой великой неволе под оборону турскую потдались, а по вере желанием своим блиски к Великой Росии и никогда бы отступны не были. А у них благочестие свободное, а досадителей вере и слышать не хотят. И для союзу Великие Росии с Польшею обнадежатца те волохи нерозорванного вечного миру быть с Польшею, что в союзе разорвания миру не бывает и сторонние вражды перестовают, и те волохи скоро пристанут к тем обоим союзным государствам, а от турка отлучатца. И то совокупление християном учинитца союзом.

14. Великой же Росии надобен союз с Польшой сего ради: случитца такой многочисленной християнской народ единой матери восточной церкви дети. И единоверны от самого Дуная реки все волохи, а через Днестр — Подолье и Львов с Червоною Русью и Волынь и Малая Росия смежна с Великою Росиею и ныне в приобщении есть. И хто бы показал от своей противной мысли, чтобы то было не в правду и кому те причины способствуют? Но самые знаки явные Великой Росии на счастие помазанника божия показуют. И за сие господа бога благодарить потребно, что нашей вере противные католицы не познают того обхождения около их или войною утиснены есть. А каталицкую веру и сами оне за пространство имеют быть, а не за спасение и держат по начале своем на короле и жили до сего времени в заблудших волях бестрашно и не к злу привлечет тот союз.

15. Великой же Росии надобен союз с Польшей неотложной: ныне бы того времени не испустив в нужное их безвремянье прикуп велик Московскому государству к розширенью учинить, а великого государя его царского величества к повышению преславного имяни. И не вотчине нынешняя война будет впредь на будущие времяна к большим прибылем и к радости християнской на бесмертную славу учинитца твердым миром и союзом.

16. А что слышитца от некоторых людей и не захотят де того соединения во всякой помочи друг другу против общих неприятелей московские народы учинить мир Великой Росии с Польским государством нерозорванным союзом. И тому как збытца, чтоб мир был постоянно, а соседственные дружбы помощию друг другу не держать? Или еще того розоренья мало в слабых прежних мирах? А беречись таких ссор от свейского камисара на Москве, а свеяном то люто ненавидимо, что с Польшей будет такой мир. И каково от великих людей объявление в народ учинитца, так и розсуждать учнут союз.

17. А кому вручил бог помазаннику своему многочисленной народ Великие Росии держать и строить и ево, великого государя, царского величества ближние бояре и думные люди спомогут о вышеобъявленных статьях, яко ж по разуму усердие свое приложат и что пожиточнее к правде розсудят и как впредь быть во основании положат преж времени польского миру не изпоздав, покамест в своих руках есть. И то будет Великой Росии к вечному пожитку и к розширению государству непременно.

18. А не так бы что в свейском деле во время не поверено, а упустя из рук ныне с великою трудностью, и то аж даст бог исправить в польском миру промыслом для своих прибылей мирных, а не через меч желая. И прежние досадительства ныне таким миром покроютца и в постоянное вечное утвержение никогда не разорвано придут за польским миром, не всчиная войны, крепким союзом.

19. А будет также и польской мир, что свейской, учинить безо всех тех крепостей, что выше объявлено, к вечному непорушимому содержанию и впредь исправить нечем, а от страхов военных всегда быть опасным и сторонние ссоры до конца искоренять, а московские народы к ссорам слабы и не здержат без союзу.

20. А Московскому государству военных вечных трудностей не избыть и нынешнее время испустив, никогда впредь такова вечного пожитка и овладенья Великой Росии к прибыли не найти. А шведу и хану будет с обеих сторон боронитца данью,

откупом, а у них меж собою тайной союз; через письма и своими гонцы и посланняки из Стекольна в Крым, а с Крыму в Стекольно ссылаютца. А преже сего свейская королева Крестина того не принимала, а учинили оне вновь, составливая всякие злобы на Великую Росию, видя в войне.

21. И то не мнительством, но от самых правдивых и явных дел. Шветцкой союз с ханом крымским все християне познали и берегутца от них во всех християнских государствах и без сторонних людей не верят для тех причин, яко же не в давние лета были и всякому памятно. А паче ж в наших краех ведомие и ближе, когда начиналась межусобная война в государстве Польском с Хмельницким и те шведы учали дружбу иметь с Хмельницким, путь ему указали к хану и ввели хана в Польшу. А как брандыбурской курфирст дацкому королю помочь чинил против их, шведов, и шведы хана привели в Прускую землю, курфирство государство разорили и крови великие християнские и многочисленной плен учинили. А Богдан Хмельницкий по дружбе им шведам большое попеченье имел, заступая их шведов от войны Московского государства, за которые свои розрушения надеялись оне на себя войны от Великие Росии [9]).

22. Оне ж шведы, не помня християнского обещания и веры, что с цесарем вечной мир учинён и боясь цесаря, чтоб поморские земли у них шведов не отнял за многие их преступления, и для того посол их швецкой Бенткулбах турка поднял войною на цесаря, которая ныне идет война [10]).

И для того их посол многое время у турка в Цареграде жил скрыто и в турском платье ходил и, наведчи войну, в Стекольно приехал.

23. Оне ж шведы всячески ныне тайными ссылки с ханом советуют розореньем над Великой Росией. А опричь иных ведомов явные их швецкие неправды и миру разрушение с Великою Росиею составные злые вести наслушая в иные государства в Стекольне печатают и во весь свет россылают, приводя ко всякой низости Московское государство. И не только ведомому недругу, Польскому государству, поострение к жесточи войны с Великою Росиею чинят, но иных окольних на то приводят всяким злом и зсорным разорением.

24. А егда те их печатные злые вести с Киряком греченином с Москвы (чаят от камисара их свейского) посланы и при послах царского величества во Львов привезены и того часу розголосилось меж сенатыри и народу польского во Львове. И учали в мирных статьях горды быть и несходительны сенатыри, по военному обычаю радуясь чюжему упатку. И тем свейским письмом поносить учали, будто правда написана, что безсилье Великой Росии и внутрь своево государства разорение и война. И послом сенатори вестовое свейское письмо объявливали. И то дело на шведов не поклепное, прямое их к улике.

25. А после посольского отпуску от короля изо Львова, как учали литовские войска приходить к смоленским местам, а король польской пришел на Украйну и по роспросам от взятых языков на Москве ныне ведомо: для того с обеих сторон король и войска литовские пошли к московским краем, что им наслушили шведы: рати де московские против башкирцов все высланы с Москвы. И то все по шведцким розсыльным вестям и ссорою камисара их будучи на Москве [11]). И не только в литовской полон на Москве и в руские московские люди многие розрушительные ссоры вмещают и розоренья наводят, как и в прошлом году на Москве был коломенской шум [12]).

26. А для того шведцкого розрушения и против докончальные записи нынешнее преступление стеречись в польском миру, когда обсылки будут к съездам с польскими камисары и шведы бы их не научили переменять с стороны царского величества послов для вечного миру, так ж как их шведов послушано послы переманены к их свейскому докончанию миру.

27. А до сего времяни между перемирья воэлисарского и вечного нынешнего кардийского миру на съездах з Бентгорном с товарыщи уличаны оне, шведы, противности их утвержденному перемирью объявляютца у послов их свейских, будучи под Гданском в Оливе с польским комисары. И в их неправдах бес посредников в

вечном миру верить не мочно, и то опасенье в Посольской приказ и в приказ Тайных дел Офонасей Нащокин для ведома писал. А как Офонасей переменен и шведам мир становить учало быть по их воле, неправд их не вспоминая.

28. И теми всеми вышеписанными объявными со многим свидетельством правдивыми статьями за милостию божиею мошно к польскому миру готовитца и к пожитку Московскому государству одержать. А шведцкой розрушительной нынешней мир промыслом без войны направить и с остереганьем в вечную крепость привесть. А делать то дело неотложно и принятца крепко.

29. А что я, Офонасей, много истязан против статейного списка тайных розговоров у польского короля будучи во Львове намерение союзу Великие Росии с Польским королевством и в тех розговорех свейские явные преступления в миру показал правдою от презельнаго радения своего к повышению царского величества преславного имяни и на вечную оборону Великой Росии делал в крепости, а не нарушая свейского миру, ни войны всчиная, но к самому союзному християнскому розсуждению как во всем свете межды християнскими государствы обычай свободной правде быти. И даст бог в польском миру против свейского нынешнего противными письмами розорвания миру к великому надобью будет. А для моего беззаступства сему не верити или суще делу верить и то премудрому розсуждению по истинному делу.

30. Да с Кирилом Пущиным в декабре месяце 172 году прислана королевская грамота и против того ж статейного списка львовского посольства многое дело объявляет: и с чего быть миру, а как рубежу быть городам и местам, в которую сторону ко овладению больши. И во всех государствах крепят постановление миру, тем и рубеж неподвижен бывает. А не умирив того дела, царского величества в полате взяв прежние примеры, чтоб непорушимо меж теми обоими государствы вечно здержано было, тогда обсылатца трудно будет. А в продолжении совершения миру надобно великое опасение иметь — шведы бы свой оливенский мир подкрепляя с поляки, не учинили б соединения, а промысл их о том давно. А по турской и погханове дружбе ныне шведам время то делать с поляки. И без меры того стерегут, што б Великой Росии с Польшою не допустить к миру и помочи бы себе против опчих недругов (те обои государства) не учинили б.

31. Да и сие было к повышению его царского величества преславному имяни обранием на Коруну Польскую и на все государство польское на прежнем посольстве. А поляки и доныне для миру и лутчего себе в рубеже обдержания, того обрания не отлагают. И в том обрании много прикрытой хитрости польской, чтоб по воле своей ныне одержав мир, а после того обрания противными статьями отбыть, так же как и у Великой Росии о Владиславе королевиче наказанье божие за всенародный грех доселе было и такого несостояния и ныне опасным быть. И против их польской хитрости, что тем мир хотят выманить, а вперед бы то было непрочно, учинить постоянная вечная крепость, которая меж християнскими государствы, где есть розорвана не бывала и ссоры посторонние отгонимы бывают точию союзом.

32. И та крепость с нынешние страшные продолжительные войны чаят им то в охоту будет, понеже с Кирилом Пущиным в королевской грамоте на тайной разговор о союзе нерозорванного вечного миру назначено. И учинятца по всякой помочи друг другу те обои государства и то желательное обрание после нынешнего Яна Казимера короля польского тверже его царского величества преславному имяни придет, для того союзу непорушимое здержание, что мимо своего союзника безвесного государя не обирают. И в обоих государствах сами государи, будучи в ближнем сродстве, за приятство свое не могут в пограничных ссорах свои государства мирно удержать без союзу. А как обоих государств союз во всякой помочи и удержит непорушимо мир государей своих. И вчюже с родством и верою могут в дружбе держать и войны всчать не дадут союзные государства. А что ис того крепче и Московскому государству впредь пожиточнее и оборোннее и то высокому розсуждению. А сему уже время дошло.

ЦГАДА, ф. 79, Сношения России с Польшей, 1668 г., д. 12, лл. 34—45.— Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Имеется в виду Валиесарский мирный договор 1658 г. между Россией и Швецией, по которому к России отошли местности, занятые русскими войсками до 21 мая 1658 г., в том числе крепость Динабург и др.— 83.

2) Имеется в виду Оливский мирный договор 1660 г. между Польшей и Швецией.— 83.

3) Имеется в виду Кардисский мирный договор 1661 г. между Россией и Швецией, возвращавший Швеции русские приобретения в Прибалтике.— 83.

4) А. Л. Ордин-Нащокин вряд ли прав, упоминая английского короля в числе «великих доброхотов» России. В то время английское правительство все еще добивалось восстановления торговых привилегий, отмененных в 1649 г. Оно допускало при этом факты грубого дипломатического давления на Россию, как это было, например, во время посольства графа Карлейля в Москву весной 1664 г. См. Ф. Ф. Мартенс. Россия и Англия в продолжении XVI—XVII веков. «Русская мысль», 1891, кн. 2, стр. 34—35; Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России, ч. 1, М., 1894, стр. 118.— 84.

5) Речь идет о договоре, заключенном послом курфюрста бранденбургского Эйленбургом в сентябре 1656 г. под Ригой. Согласно договору, курфюрст обязан был соблюдать по отношению к России благожелательный нейтралитет и невмешательство в русско-польскую и русско-шведскую войны. См. Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций..., т. 5, СПб., 1880, стр. 6, 11; Г. Форстен. К внешней политике великого курфюрста Фридриха Вильгельма. ЖМНП, 1900, май, стр. 327—328.— 84.

6) Имеется в виду Поляновский мирный договор 1634 г. между Россией и Польшей.— 85.

7) Раньше при заключении договоров со Швецией русское правительство добивалось оставления на своей территории тех военнопленных, которые принимали русскую православную веру. В тексте Кардисского договора с Швецией (1661 г.) такая оговорка была сделана лишь в русском экземпляре, и шведское правительство позже требовало возвращения всего населения, перешедшего на русскую сторону. См. Г. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. ЖМНП, 1898, май, стр. 85—87.— 86.

8) Шведским комиссаром в Москве в то время был А. Эберс. См. Г. Форстен. Ук. соч., стр. 92.— 86.

9) Правильно отмечая антирусские происки шведов, А. Л. Ордин-Нащокин здесь явно преувеличивает роль шведской агентуры в Крыму и Турции и искажает позицию Б. Хмельницкого в период русско-шведской войны. Известно, что не шведы «ввели хана в Польшу», а Б. Хмельницкий, используя противоречия между Крымом и Польшей, привлек его в качестве временного «союзника» Украины. Известно также, что Б. Хмельницкий не имел большого «попеченья» к шведам и не «заступал» их перед русским правительством, хотя и не одобрял начавшуюся в 1656 г. русско-шведскую войну. См. История Украинской ССР, т. 1, Киев, 1953, стр. 234, 285; Архив Юго-Западной России, ч. III, т. 6, стр. 201, 254, 294; Н. Молчановский. Бумаги шведского государственного архива, Киев, 1899, стр. 13.— 88.

10) Имеется в виду война Турции со Священной Римской империей 1662—1664 г.— 88.

11) А. Л. Ордин-Нащокин упрощает причины похода Яна Казимира на Украину, сводя все к проискам шведской агентуры. На самом же деле к войне с Россией призывали польско-литовские магнаты, католическая церковь, часть украинской старшины и агенты французского правительства. См. W. Czermak. Sprawa Lubomirskiego w roku 1664. «Ateneum», t. 39, str. 394; T. Korzon. Dola i niedola Jana Sobieskiego, t. I, Kraków, 1898, str. 198, 213—214; Памятники, изданные временною комиссиею для разбора древних актов, т. 4, Киев, 1859, стр. 171—176, 255, 360—361.— 88.

12) Речь идет о восстании в Москве 25 июля 1662 г. Отсюда видно, что статьи были написаны А. Нащокиным в 1663 г., точнее, в конце этого года, когда в Москве уже знали о приходе польского короля на Украину. Еще больше уточняет время статья 30, где упоминается королевская грамота, привезенная в Москву послом Кириллом Пущиным. Последний, как известно, прибыл в Москву 3 декабря 1663 г. Что статьи не могли быть написаны позже 1664 г., свидетельствует статья 22, где говорится о продолжавшейся австро-турецкой войне, которая, как известно, окончилась в августе 1664 г.— См. С. М. Соловьев. История России, кн. 3, стлб. 125—126; Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений..., ч. III, стр. 137; История средних веков, т. 2, М., 1939, стр. 472.— 88.

Дневники Воспоминания

РОЖДЕНИЕ ЦСУ

М. А. СИРИНОВ

Автор воспоминаний М. А. Сиринов (р. 1878) — профессор, доктор экономических наук. До Октябрьской революции 1917 г. преподавал в Юрьевском и Петербургском университетах; после революции работал в Москве в ряде высших учебных заведений и научных учреждений, а также на административной работе в различных советских учреждениях. В настоящее время — пенсионер.

Телеграмма, полученная мною примерно в июне 1918 г. в Борисоглебске, где я проживал с эвакуированной из Петрограда семьей, была подписана народным комиссаром внутренних дел Григорием Ивановичем Петровским. Тов. Петровский предлагал мне взять руководство Центральным статистическим комитетом. До революции это было основное общегосударственное статистическое учреждение, при котором существовали Высшие статистические курсы, готовившие кадры статистиков. Я был преподавателем на этих курсах и консультантом Центрального статистического комитета, чем, очевидно, и объяснялось сделанное мне предложение. Немедленно, телеграммой, я выразил свое согласие и на другой же день отправился в Москву.

После довольно утомительного путешествия в вагоне, переполненном спекулянтами, везшими различные продукты, я добрался до Москвы и прямо с вокзала отправился в Народный комиссариат внутренних дел.

Москва, по которой мне пришлось ехать, была совсем не похожа на ту, с которой мы знакомы сейчас. Она носила все следы бурного революционного периода. Городское хозяйство не было тогда налажено: улицы не убирались, на привокзальной площади (теперь Комсомольская) лежали кучи мусора. Ветер гонял его по площади и по улицам. У Охотного ряда — огромные толпы народа: здесь была в разгаре спекуляция продовольственными товарами. По Тверской ул. (ныне ул. Горького), покрытой булыжником, медленно двигались трамваи, облепленные со всех сторон пассажирами.

Очень приятное, совершенно неожиданное впечатление производил Настасьинский переулок, где помещался НКВД: это была уютная, тихая, чистенькая уличка. Комиссариат занимал дом какого-то бывшего банковского учреждения; вход был свободный.

Помещение, в которое я вошел, представляло собой обширную двухсветную комнату с антресолями. Служащих было немного. Один из них показал мне, как пройти в кабинет народного комиссара, который помещался на антресолях. У дверей кабинета стоял небольшой столик, за которым сидел молодой человек, оказавшийся секре-

тарем наркома. Я отрекомендовал себя и протянул ему полученную мною телеграмму. К некоторому моему удивлению, секретарь показал на дверь кабинета наркома и предложил войти к нему без предварительного доклада. У Петровского сидел в это время какой-то посетитель.

Григория Ивановича я узнал сразу. Мне приходилось встречать его еще когда он был депутатом IV Государственной думы. Несмотря на то, что со времени последней встречи прошло около пяти лет и Петровский не особенно давно возвратился из сибирской ссылки,— он хорошо сохранился, но, конечно, немного постарел и в волосах его появилась седина.

Прервав разговор с посетителем, Петровский протянул мне руку.

— Здравствуйте, здравствуйте. Давно прибыли?

— Сейчас только с вокзала и прямо к вам.

— Очень хорошо. Немного подождите. Вот я закончу разговор с товарищем и тогда займусь с вами.

Окончив разговор с посетителем и отпустив его, Петровский обратился ко мне:

— Я доволен, что вы согласились возглавить Центральный статистический комитет. Его, собственно говоря, и нет. Весь прежний персонал не пожелал переезжать из Петрограда в Москву. Московские статистики его бойкотируют. Временно заведует комитетом женщина, никакого отношения к статистике не имеющая. Таким образом, вам придется формировать комитет заново. Должен вас предупредить, что организации статистики в государственном масштабе мы придаем огромное значение. Ведь статистика — наши глаза и уши. Мы предоставим вам все возможности для создания хорошего статистического аппарата.

— Ну что же,— ответил я,— я как раз и хотел просить вас развязать мне руки. Прежний аппарат учреждения мне хорошо знаком; он количественно ничтожен и квалификация его сотрудников не особенно высока.

— Насчет свободы рук — можете быть вполне спокойны.

— А где помещается сейчас это учреждение? — спросил я.

— На одной из Арбатских улиц, в особняке известного миллионера Второва. До Арбата вы доедете на трамвае по кольцу «А», пересядете на Арбатской площади на другой трамвай, идущий по Арбату, и доберетесь до Спасо-Песковского переулка: там и находится особняк Второва.

Петровский привстал, прощаясь.

— Желаю успеха.

Особняк Второва (существующий и сейчас) — монументальное двухэтажное здание. Первый этаж — парадный, богато отделанный; второй — в виде антресолей. Статистический комитет занимал весь нижний этаж. Временно заведующая Статистическим комитетом оказалась миловидной молодой женщиной лет тридцати. Встретила она меня с нескрываемым удовольствием.

— Очень хорошо, что вы приехали, а то у нас плохо ладится.

Она тотчас же стала знакомить меня с аппаратом. Личный состав учреждения состоял из 11 человек, из коих было шесть мужчин — демобилизованных офицеров и одного военного врача, исполнявшего обязанности секретаря. Остальные были женщины. Никто из них никогда статистикой не занимался, поэтому мне пришлось сначала ознакомить их с элементами статистики.

В дальнейшем оказалось, что учреждению пока не над чем работать. До революции весь статистический материал получался Комитетом от губернаторов и органов полиции. Но губернаторов теперь не было, не было и полиции. Приходилось заново разрабатывать и план создания местных статистических органов, и объем их работы, и ее содержание, и всю статистическую документацию, с учетом нового государственного строя. Аппарат для всей этой работы был явно недостаточен.

На мое счастье, в это время в Москве было созвано совещание статистиков, которое уже приступило к работе. Временный секретарь Комитета познакомил меня с

тем, что представляет собой совещание, при каких условиях собирается и какие задачи себе ставит.

Высший совет народного хозяйства, призванный руководить всей промышленностью, до зарезу нуждался в статистике. Встала задача организации статистического органа. Между тем, статистики саботажничали, работать с Советами не хотели. Как быть? Бывший заведующий Тульским земским статистическим бюро, ставший заведующим статистическим отделом бывшего топливного комитета, П. И. Попов решил прорвать плотину и предложил свои услуги. Он порекомендовал созвать статистическое совещание.

Попов участвовал в статистических съездах до революции и поэтому был знаком со всеми более или менее известными статистиками России; он переговорил с некоторыми из них. Выяснилось, что большинство склонно покончить с нелепым игнорированием Советской власти и лишь ищет удобной формы для сдачи своих позиций. Но среди статистиков преобладали эсеры; меньшая часть их принадлежала к партии трудовиков. Им нелегко было капитулировать перед властью, которую они объявили антинародной, раскольнической и т. п.

Тогда один из наиболее видных земских статистиков, П. А. Вихляев, выдвинул теорию, что статистика по существу своему аполитична, и поэтому нет ничего политически недопустимого работать в советских статистических учреждениях. Теория эта имела успех. Не меньшее значение имел и экономический фактор. Земские статистики жили на жалованье, а оно прекратилось; создалось острое для большинства из них материальное положение. И вот тут-то и подоспели Вихляев и Попов: один с оправдывающей капитуляцию теорией, другой с готовым практическим предложением. Так создалась благоприятная для созыва совещания обстановка.

Перед совещанием была поставлена задача — создать при ВСНХ ведомственный статистический орган — отдел или управление — с широкой компетенцией, дававшей ВСНХ возможность вмешиваться в статистическую работу всех остальных наркоматов. Я решил воспользоваться счастливой случайностью и связаться с совещанием с тем, чтобы поставить перед ним вопрос о создании не ведомственной, а общегосударственной статистики и, конечно, не при ВСНХ, а в качестве совершенно самостоятельного учреждения, руководящего работой всех ведомственных статистических органов.

Статистическое совещание работало в Замоскворечье, в доме религиозной общины, созданной женой великого князя Сергия, сестрой царицы — Елизаветой. Сестры общины принадлежали к так называемым сливкам высшего света. Их начальница после революции была арестована, но сестер не тронули, и они обслуживали совещание.

У входа в общину стоял крупный русский статистик, профессор Петровской (ныне Тимирязевской) с.-х. академии А. Ф. Фортунатов. Он изображал род пикета, уговаривая статистиков не ходить на совещание. О своем бойкоте совещания он осведомил его руководителей заранее, а теперь стоял молчаливым укором для «изменников», которые, однако, проходили мимо пикетчика в здание, а там и в зал заседаний [1].

В зале было шумно; здесь собрался цвет земской статистики. Собственно говоря, в этом зале совершался только акт оформления того, о чем было договорено заранее, вплоть до распределения ролей во вновь создаваемом учреждении. Попов объявил совещание открытым, после чего выступил с докладом о создании при ВСНХ статистического учреждения и его задачах.

Хорошо помню, что он предлагал создать не самостоятельный государственный орган статистики, стоящий вне ведомств, а именно «Весенховский» орган, статистический отдел или управление при ВСНХ с широкими полномочиями.

Я немедленно выступил с предложением создать не ведомственный, а центральный государственный статистический орган. В то время была проведена реформа стати-

[1] В дальнейшем А. Ф. Фортунатов стал преподавать в высших учебных заведениях.

стических учреждений в Италии, очень удачно сочетавшая централизацию государственной статистики с ведомственной. Я рекомендовал совещанию придерживаться этого направления.

Мое предложение шло вразрез с тем, которое было выработано совещанием, и нарушало целый ряд организационных предположений, включая и намеченный личный состав запроектированного отдела. Поэтому оно было встречено, что называется, в штыки. Разгорелся ожесточенный спор. Большинство отстаивало, как это и следовало ожидать, проект ВСНХ. Меня поддержали только три участника совещания: профессора А. А. Кауфман и И. Ф. Макаров, а также М. Ф. Заменгоф. Подавляющим большинством был принят проект, разработанный совещанием, но по моему настоянию в протокол было записано и мнение меньшинства.

О результатах совещания я поставил в известность Г. И. Петровского, который согласился со мной в необходимости создания самостоятельного центрального органа статистики на правах наркомата и предложил подготовить соответствующий доклад для Совнаркома.

На 18 июля 1918 г. было назначено в Совнаркоме обсуждение вопроса об организации государственной статистики. На это заседание мы с Григорием Ивановичем поехали в Кремль вдвоем на «драндулете», т. е. довольно потрепанном автомобиле. Нашу машину пропустили без предъявления пропуска. Мы поднялись на третий этаж в помещение, занимаемое Совнаркомом. Здесь мне пришлось предъявить пропуск, после чего мы прошли в приемную. Кроме меня, здесь оказался и тов. Попов. Петровский прошел в зал заседаний Совнаркома. Вскоре и нас пригласили туда же.

Я впервые увидел правительство в полном составе. В середине зала стоял длинный стол, за которым сидело около 20 человек, в основном молодых и скромно одетых. В начале стола я увидел человека, которого легко было узнать,— это был В. И. Ленин. Он стоял в позе, широко известной по фотографиям, заложив руки в проймы жилетки. Пока мы размещались на другом конце стола, прямо против него, он внимательно смотрел на нас.

— Кто докладчик? — спросил В. И. Ленин, когда мы уселись.

— Докладчик П. И. Попов — от Совета народного хозяйства,— доложил секретарь.

— Владимир Ильич,— вмешался Григорий Иванович,— я прошу заслушать и содоклад Наркомвнудела, в ведении которого находится Центральный статистический комитет.

— Возражений нет? — обратился Ленин к собравшимся.

Кто-то ответил: «Нет!».

— Для доклада — десять минут,— сказал Ленин и стал ходить взад и вперед, внимательно вслушиваясь в то, что говорил Попов. А говорил он о том, что постановило совещание статистиков, т. е. об организации центрального статистического управления в системе ВСНХ. Закончив доклад, он отметил, что имеется особое мнение Центрального статистического комитета. Затем слово было предоставлено мне, и я изложил свою точку зрения — об организации центрального государственного статистического органа как самостоятельного, вне других ведомств.

В. И. Ленин очень внимательно выслушал и меня, а, выслушав, покачал головою.

— Как же так несогласованно делать доклад. Придется, очевидно, образовать специальную комиссию. Прошу наметить состав. Во всяком случае,— сказал Ленин после избрания комиссии,— в основу ее работы должен быть положен принцип создания самостоятельного центрального статистического учреждения.

Сидевший рядом со мною Петровский и я не скрывали своего удовлетворения этим указанием Владимира Ильича.

Выполняя директиву В. И. Ленина, комиссия постановила образовать вполне самостоятельный центральный статистический орган, по своей структуре несколько отличный от наркоматов, под названием «Центральное статистическое управление» (ЦСУ).

Проект, разработанный комиссией, был принят Совнаркомом и получил силу закона. Во главе ЦСУ стоял не народный комиссар, а управляющий,— он же являлся председателем коллегии ЦСУ.

В отличие от остальных наркоматов Центральное статистическое управление принимало участие в заседаниях Совнаркома только по вопросам, которые требовали его заключения. ЦСУ получило широкие права. Только оно имело право осуществлять статистические мероприятия, имеющие общегосударственное значение, например переписи; ЦСУ разрабатывало всю документацию по вопросам, имеющим общегосударственное значение, и по текущей статистике, например текущий учет населения. Оно располагало сетью собственных местных статистических учреждений. Ведомственные статистические учреждения обязаны были выполнять директивы ЦСУ, но за ними сохранялось право вести свою ведомственную статистику, однако с ведома и заключения ЦСУ.

Центральное статистическое управление удовлетворяло требованиям общегосударственного, независимого от ведомств органа, вносило четкий порядок в работу местных статистических учреждений и обеспечивало высокое качество статистической работы.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. ЛЕНИНЕ И ПЕТЕРБУРГСКОМ «СОЮЗЕ БОРЬБЫ»

И. И. ЯКОВЛЕВ

В мемуарной литературе довольно широко освещен первый период деятельности В. И. Ленина в Петербурге, когда он создавал «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» [1]. Из этих мемуаров наиболее известны воспоминания И. В. Бабушкина и В. А. Шелгунова, петербургских рабочих, учеников Ленина, которые в 90-х годах прошли под его руководством настоящую школу революционной борьбы. Большой интерес представляют и воспоминания рабочих Г. М. Фишера и В. А. Князева, сохранившие некоторые драгоценные детали пропагандистской деятельности В. И. Ленина в эти ранние годы.

Однако до сих пор оставался неизвестным (и даже не упоминался в литературе) тот факт, что в 1894—1895 гг. В. И. Ленин вел индивидуальные занятия с рабочим Иваном Ивановичем Яковлевым. Публикуемые ниже его воспоминания открывают еще одну страницу пропагандистской деятельности В. И. Ленина в Петербурге и помогают уточнить некоторые факты, относящиеся к ней. Вместе с тем они отражают уровень политического развития и круг запросов передовых петербургских рабочих первой половины 90-х гг., а также содержат материал по истории так называемой Бусневской организации и Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В. И. Ленин, вставший во главе петербургских революционных марксистов, в 1894 г. знакомится с передовыми рабочими, входившими ранее в кружки Брусневской организации, и начинает вести индивидуальные занятия с некоторыми из них — В. А. Шелгуновым, Г. М. Фишером, а затем с И. И. Яковлевым. Занятия В. И. Ленина с Яковлевым были довольно длительными и систематическими. Ленин штудировал с ним первый том «Капитала» К. Маркса в течение всей зимы 1894/95 г., занимаясь еженедельно.

Не случайно внимание Владимира Ильича привлек этот скромный, сдержанный, вдумчивый человек. В своих воспоминаниях о «гаванской ячейке» А. А. Соловьев, рабочий-кружковец, так характеризует двух членов этого кружка: оба были Иваны — «Ваня маленький», Иван Кейзер — говорун, энергичный, самоуверенный, увлекающийся, талантливый. Кейзер долго был за террор. Яковлев, по прозвищу — «Ваня-нос», менее талантлив и развит, но более вдумчив, более осторожен [2].

Ко времени знакомства с Лениным Яковлев приобрел уже известный авторитет и влияние среди рабочих Васильевского острова. Первую закалку он получил в га-

---

[1] См. Воспоминания И. В. Бабушкина (1893—1900 гг.). М., 1951; В. А. Шелгунов. Владимир Ильич в Петербурге (сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, М., 1956); Г. Фишер. В России и в Англии, 1922; его же. Подполье, ссылка, эмиграция. М., 1935; В. Князев. Из моих воспоминаний об Ульянове (сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, М., 1956) и др.

[2] Ленинградский партийный архив, ф. 1.— И., св. 1, ед. хр. 2. А. А. Соловьев. «Гаванская ячейка».

ванском рабочем кружке (это был уже третий состав кружка, преимущественно из рабочих Балтийского завода), который еще с середины 80-х годов был связан с группой П. В. Точисского и где затем, в конце 80-х — начале 90-х годов, вели пропаганду М. И. Бруснев и его товарищи.

С 1892 г. Яковлев стал посещать кружок Фишера, сначала на Петербургской стороне, потом на Васильевском острове. Вскоре в этом кружке начал вести занятия В. В. Старков, ставший одним из ближайших соратников В. И. Ленина. Кружковцы все более укреплялись на социал-демократических позициях. После ареста Г. М. Фишера и К. М. Норинского в июне 1894 г. и переезда В. А. Шелгунова за Невскую заставу во главе рабочих кружков Васильевского острова становится Яковлев.

Создавая Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», В. И. Ленин опирался в значительной мере на наиболее передовых рабочих, пользовавшихся авторитетом в рабочей среде. Рабочая масса шла за ними, писал позднее Ленин,— «потому, что они доказали ей свою готовность и свое уменье служить рабочему делу, что они сумели приобрести ее полное доверие» [3]. Эти рабочие становятся как бы районными организаторами «Союза борьбы».

Одним из таких районных организаторов и был в ту пору И. И. Яковлев. В связи с этим понятно, почему Ленин, занимавшийся с Шелгуновым и с Фишером до его ареста, стал вести занятия и с Яковлевым. В то время, с осени 1894 г., Васильевский остров уступает ведущую роль рабочим окраинам — Невской и Нарвской заставам: туда направляются лучшие силы ленинской группы. Важно было укрепить оставшиеся на Васильевском острове после арестов кружки, дать политическую закалку и теоретическую подготовку передовым рабочим этого района и в том числе Яковлеву, на которого в это время легла ответственная организационная работа по району.

К этому нужно добавить, что во второй половине 1894 г. Яковлев вместе с Шелгуновым и Князевым был выбран в общегородской центральный рабочий кружок, сохранивший некоторые свои функции еще со времен Брусневской организации. Это показывает, что Яковлева знали не только в Василеостровском районе.

Зимой 1894/95 г. квартира Яковлева в Гавани (Наличная ул., д. № 71) становится, как вспоминает А. А. Соловьев, «своеобразным штабом». Там происходят сходки, занятия кружков, хранится литература. К Яковлеву ходят переодетые рабочими, под вымышленными именами Запорожец, Малченко и Старков.

Воспоминания Яковлева позволяют уточнить вопрос о том, вел ли Ленин занятия в гаванском кружке, происходившие на квартире Яковлева. Еще А. А. Соловьев в своих воспоминаниях отрицал утверждение охранки, будто Ленин проводил занятия в этом кружке. Он указывал, что утверждение охранки, будто бы помощник присяжного поверенного Ульянов посещал квартиру Яковлева и проводил там сходки, неправильно [4]. Это утверждение содержится в записке петербургского градоначальника В. фон-Валя в Департамент полиции от 27 мая 1895 г., в которой на основании данных наружного наблюдения охранки сообщалось: «К концу 1894 г. существовали уже рабочие кружки в Гавани (сходки происходили в квартире Яковлева, руководил делом пропаганды Ульянов); за Невской заставой (кружок Шелгунова, где занимался Старков)» [5]. Эти сведения фигурируют в ряде полицейских документов вплоть до декабря 1895 г. [6]. Однако они ошибочны. По-видимому, агенты охранки спутали Ленина со Старковым. Как известно, Владимир Ильич вел занятия за Невской заставой в кружке Шелгунова — Бабушкина. С гаванским же кружком был связан Старков [7].

Только после ареста Ленина, во время производства дознания эта ошибка была, по-видимому, исправлена, так как в известном «Докладе по делу о возникших в

---

[3] В. И Ленин. Соч., т. 4, стр. 238.
[4] См. ЛПА, цитированные выше воспоминания Соловьева.
[5] ЦГИАМ, ф. 102, оп. 80, 1895, № 684, лл. 6—10.
[6] См. «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 85.
[7] См. К. Норинский. Дополнение к воспоминаниям (Сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы“», стр. 47); сообщение К. Норинского автору 1 апреля 1930 г. и другие воспоминания; «Красный архив», 1934, № 1 (62), стр. 88.

С.-Петербурге в 1894 и 1895 гг. преступных кружках лиц, именующих себя „социал-демократами“» занятия в гаванском кружке Ленину уже не инкриминируются [8].

Тем не менее во многих работах, посвященных раннему периоду деятельности В. И. Ленина, эта ошибка имеет место. Воспоминания Яковлева, подтвержденные Соловьевым, дают возможность ее исправить.

Хотя Яковлев не пишет так прямо, как Соловьев, что Ленин не вел занятий в гаванском кружке, но его воспоминания, на наш взгляд, совершенно ясно об этом свидетельствуют. Представляется невероятным, чтобы Яковлев, который писал свои воспоминания в 20-х годах, будучи коммунистом, не рассказал и даже не упомянул о занятиях Ленина в его кружке, если бы это имело место. Трудно допустить также, чтобы Ленин, проводя занятия в кружке Яковлева, одновременно занимался с ним индивидуально. По своему уровню состав гаванского кружка был не ниже, чем состав кружка Шелгунова — Бабушкина и кружка Ильина. Следовательно, занятия там должны были быть того же типа — по политической экономии, по «Капиталу» Маркса. Более элементарные занятия Ленин вел только в одном кружке ткачей за Невской заставой. Наконец, Яковлев, судя по его воспоминаниям, впервые увидел Ленина, придя к нему на квартиру для занятий.

Департамент полиции вынужден был так долго довольствоваться данными наружного наблюдения потому, что провокатору Михайлову не удалось пробраться в гаванские кружки в значительной мере благодаря осторожности и конспиративности Яковлева. И после ареста (в ночь на 9 декабря 1895 г.) Яковлев ничего не сказал на допросах, отрицая свое участие в деятельности кружков и в пропаганде [9]. Благодаря этому гаванские кружки не были раскрыты дознанием.

После 14 месяцев тюремного заключения Яковлев был подчинен гласному надзору полиции на три года вне столиц и университетских городов, отбывал надзор в Екатеринославе. От партийной работы он отошел. Часть воспоминаний Яковлева, относящаяся к Екатеринославу, представляет интерес только в том отношении, что раскрывает некоторые детали биографии И. В. Бабушкина и расшифровывает имена рабочих, о которых он писал в своих воспоминаниях.

В 1918 г. И. И. Яковлев вступил в ряды большевистской партии. Работал на заводах Ленинграда. Умер в 1927 (8?) г.

Воспоминания И. И. Яковлева хранятся в Ленинградском партийном архиве, фонд 1—И, св. 1, ед. хр. 8.

Э. А. Корольчук

Воспоминания рабочего И. И. Яковлева, члена центрального рабочего кружка Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»

Родился я в 1873 г. в городе Петербурге. Отец мой был сын крестьянина. Обучался он в Кронштадте кантонистом 1-го учебного морского экипажа. По окончании его был прикомандирован в отряд князя Меньшикова в качестве писаря. Попал в плен к туркам и, пробыв в плену семь лет, вернулся в Петербург, где поступил канцелярским служителем в Финляндский статс-секретариат, где прослужил до 65 лет, а 68-ми умер. Мать моя была дочерью разорившегося купца-лабазника.

Отцу моему было крайне тяжело содержать жену и восемь человек детей. Жалованье он получал 1600 финских марок в год. И потому, когда я кончил начальное городское училище, все с радостью ухватились за предложение моего дяди, модельщика Балтийского завода, определить меня в Балтийскую ремесленную школу.

После прекрасно написанных воспоминаний Кости Норинского [1] о Балтийской школе и ее учителе Тимофее Тимофеевиче Будрине писать, думаю, об этом не сле-

[8] В. И. Ленин. Собр. соч., т. 1, изд. 1, приложение, стр. 604.
[9] Там же, стр. 579.

дует. Кончив школу в 1888 году, я тоже поступил в механическую мастерскую учеником слесаря, и, по счастливой случайности, тиски мои оказались между тисками Норинского и Кости Куприянова [2]), а через трое тисок вправо от меня работал Иван Иванович Тимофеев [3]).

Мне, как вышедшему из семьи, где слово социалист произносилось со страхом и не иначе как шопотом, конечно, сразу бросилось в глаза, что у тисков Тимофеева творится что-то неладное, т. е. все время с ним кто-нибудь да беседует, а затем получает книжку и под полой уносит ее к себе. Я по секрету сообщил об этом Норинскому и высказал предположение, что Тимофеев, вероятно, нехороший человек. Меня очень удивило, что и Норинский и даже Костя Куприянов, который был моим лучшим товарищем, принялись страстно защищать Тимофеева, но, конечно, сразу убедить меня было невозможно. В конечном счете они мне заявили, что хотя я и ничего не понимаю, но чтобы никому ничего не болтал. Предупреждение, конечно, напрасное. Ведь я тоже был учеником нашего Тимофея Тимофеевича.

С этого времени оба мои соседа с жаром взялись за мою обработку. Очень много крови испортили себе из-за моего упорства, в особенности из-за вопросов религии, но все же в конце концов заставили меня смотреть с уважением на Тимофеева и людей, подобных ему. Дальше пошло уже легче, и в начале 1891 г. я уже вместе с моими учителями находился в кружке Володи Фомина [4]).

Преподавание в кружке усваивалось мною довольно легко и кое-что помню даже и до сих пор, но моя застенчивость и боязнь ответить невпопад (ставшие проклятием половины моей жизни) мешали мне высказываться, и я все время был якобы последним. Школа и кружок вызвали во мне не только желание учиться, но и порыв к борьбе и самопожертвованию. А так как открытая борьба с самодержавием нам тогда, конечно, еще и не снилась, то, конечно, воевать приходилось с ближайшим притеснителем — мастером. За это я, хотя и работавший не хуже остальных учеников моего выпуска, за четыре года учения получил только одну прибавку в пятнадцать копеек в день.

В 1892 г. я кончил ученье и, отказавшись от следующей прибавки, взял с Балтийского завода расчет. С помощью Ивана Ивановича Егорова [5]) я вскоре поступил на завод керосиновых двигателей морского инженера Яковлева на Петербургской стороне, по Большой Спасской улице. Здесь по тому времени собралось прямо-таки революционное гнездо, так как на 30 человек рабочих наших было — А. Фишер [6]), Иван Егоров, Иван Кейзер [7]), Иван Форсов [8]), Александр Ильин [9]), Владимир Князев [10]), Н. Ниляндер и я.

С этого времени я выхожу из гаванского кружка и вступаю в кружок Фишера, а затем и въезжаю к нему в комнату, в которой он жил с Иваном Форсовым. Хотя нас было в комнате три человека, но это нас не стесняло, так как комната была и хорошая и большая. Хозяйка — немка, вдова с сыном, была женщина хорошая, скромная и нами, единственными жильцами, дорожила, а, значит, и не мешала нам устраивать всякие собрания.

Кружок Фишера по составу был довольно большой. В него входили: Кейзер, Форсов, Князев, Ильин, Ниляндер, Козловский, я и еще два товарища, фамилий которых не помню. Но это еще не все. Довольно часто у нас собирался и женский кружок во главе с В. М. Карелиной [11]). В него входили: Наташа, теперь Кейзер [12]), Феня, теперь Норинская [13]), Паша Иванова [14]), Лена, Маша и Лиза. Все они, за исключением Веры Марковны,— прислуги Елизаветинского института. Иногда мы устраивали совместные вечеринки, которые Вере Марковне удавалось сделать такими веселыми и интересными, что они и до сих пор держатся в памяти, как самые отрадные и веселые за все молодые годы.

Да, создать веселость там, куда девушки приходили измученными и озлобленными на своих капризничающих и издевающихся над ними воспитанниц, кисейных барышень-дворянок, удавалось нам лишь благодаря неистощимой жизнерадостности и энергии В. М. Карелиной.

О чем только мы ни говорили на этих вечорках,— тут достанется и фабрикантам,

и заводчикам, и полиции, и батюшке-попу. Руководили всем, конечно, Фишер и Вера Марковна. А уж и как же мы «Дубинушку» пели, так просто лампы гаснут. Нередко далеко жившие Вера Марковна, Паша и Феня оставались у нас ночевать (хозяева, конечно, перебирались на новую квартиру — на пол), и утром мы гурьбой отправлялись к Егору Афанасьеву [15)], там заканчивали наш праздник. Забыл упомянуть, что почти на всех наших вечорках бывал и Костя Норинский.

Такое наше благополучие продолжалось сравнительно недолго. Заводчик наш, хотя и был тоже моряком, но это не был Тимофей Тимофеевич, это был эксплуататор 96-й пробы. Он скоро заметил, что молодежь, хотя и великолепные работники, но с ними надо держать ухо востро, и мы скоро почувствовали, что дни нашей работы здесь сочтены. Для начала за первого он принялся за Фишера, правильно учтя, что он является нашим главарем. Попробовал ему сбавить с заработной суммы, и он, конечно, не знал, что имеет дело с Фишером, и нарвался на такой отпор, что больше уже ни с кем не стал производить подобных экспериментов, а поручил это мастеру из рабочих Булыгину. Конечно, после этого он не пожалел заплатить Фишеру за две недели и разделался с ним раз и навсегда.

Второй жертвой стал Иван Иванович Егоров. Ему уж не хозяин, а мастер предложил получить расчет. Конечно, Иван Иванович ответил: «Пожалуйста, хоть сейчас». Ему расчет выписали, но благородно позабыли вписать за две недели выходных. Пришлось обратиться к фабричному инспектору. Тот явился. Но в это время в завод вошла нарядная и очень недурненькая жена хозяина и попросила инспектора в прекрасный особняк на чашку чая. Через час инспектор прошел под ручку с хозяином через завод в контору, куда и вызвали т. Егорова. Решение инспектора на заявление т. Егорова, после вышесказанного, я думаю, вполне естественно: «Отказать».

После отъезда инспектора Ивану Ивановичу предложили расписаться в получении расчета и неимении претензий. Он отказался и вышел в завод, за ним хозяин и мастер, уговаривающие его согласиться. Он заманил их на середину мастерской, поближе к рабочим, и разыгралась интересная картина. Среди всех рабочих молодой рабочий обличает в резкой форме хозяина и указывает мастеру на его грехи перед рабочими и чем должен быть мастер, которому, быть может, завтра придется встать с ним[и] рядом на тиски. Его горячая речь длилась более 10 минут. Мастер расплакался, а хозяин побежал за сторожем и городовым. В результате, конечно, Ивана Ивановича выпроводили и деньги уплатили за воротами. После этого все рабочие стали смотреть на Ивана Ивановича и с удивлением и с уважением. Ведь это была уже массовая агитация личным примером.

Следующая очередь пала на меня и на Нилядера. Нас вздумали обсчитать на уже законченной сдельщине, причем не задумались прибегнуть даже к подлогу. Опять столкновение, в результате чего я передал дело в суд. Хозяин настолько взбесился, что при всех рабочих назвал мастера болваном за то, что тот недостаточно чисто сделал подлог, и добавил: «Мне не жалко заплатить юристу 40 рублей, а скверно то, что если Яковлев выиграет, то всякий черт будет тащить меня в суд». Словом, создался скандал в благородном семействе, а мне ведь только это и было нужно. Хоть я плохо верил в царский суд, а тем более, что судья был старый бюрократ лет 60, злой как черт, но все же дело я выиграл.

Ниляндеру же, несмотря на то, что его дело было совершенно аналогичным и я у него был свидетелем, судья умудрился в иске отказать. Расчет нам вынесли за ворота завода. Конечно, на такую неделикатность мы не обиделись. Нам нужна была не хозяйская ласка и несколько рублей, а демонстрация того, что и в тех проклятых условиях все же некоторая борьба возможна.

Так, шаг за шагом, вся наша компания была разогнана.

К этому времени Фишер жил уже на Васильевском острове вместе с Кейзером Иваном. Работали оба в заводе Сименс и Гальске, куда определили и меня. Я бывал у них чуть ли не каждый день и, естественно, конечно, что и здесь я был одним из членов кружка Фишера. Мать моя жила в это время на Фонтанке у Обуховского моста. И вот, идя один раз от нее рано утром на работу,— я выходил рано потому,

что часто и утром я заходил к Фишеру,— смотрю, на Николаевском мосту идут мне навстречу с узелками: Володя Фомин, Иван Иванович Егоров и Петр Кайзо [16]. Я очень удивился, что они вместо Балтийского завода идут в противоположную сторону. Хотел поздороваться и спросить, что сие значит, да вовремя спохватился. Гляжу, шагах в десяти от них тащатся двое городовых и двое околодочных, и мне сразу стало ясно, в чем дело. Попрощались только глазами. Потом, перейдя на другую сторону, я с тоской долго смотрел им вслед, пока они не скрылись. Моей первой мыслью было: надо предупредить Фишера, если он цел. Не скрывая от себя опасности, я все же направился к нему на квартиру и, к счастью, и он, и Кейзер оказались целы. Конечно, сейчас же приняли меры. Кое-что сожгли, а что поважнее снесли в завод и там припрятали.

Кружковые занятия описывать, конечно, не стоит, они уже описаны лучше меня многими моими товарищами. А на заводе работа была поставлена так. Фишер занимался индивидуальной обработкой и держался в видах конспирации по возможности в тени. А я и Кейзер старались использовать завтрак, во время которого машины останавливались на полчаса, для агитации. Обыкновенно мы заранее выбирали тему и решали, кто из нас ее защищает, а кто оспаривает. Кругом нас всегда собиралось человек 15—20 рабочих. Иногда подходил к нам и Фишер, но в споры не вступал, а просто, как бы случайно, возьмет, да и резюмирует выводы из нашего спора. Конечно, и здесь мы не забывали показывать на деле, как надо защищать свои права.

В марте или в апреле 1894 г. состоялась вторая дискуссия с народовольцами в квартире Фишера [17]. Из народовольцев помню только Петра Петровича [18], Василия Михайловича [19], студента-медика и Кузюткина [20]. Всех их я видел только один этот раз. Из наших же знал только одного В. В. Старкова [21]. Хотя там присутствовал и Михайлов [22], но я его тогда не знал и лицо его не запомнил. Из рабочих были, конечно, Фишер, Шелгунов [23], Норинский, Кейзер, Фунтиков [24], я и еще человек пять, которых я почти не знал. Решили, что народовольцы могут приходить, но только в те кружки, куда их попросят, говорить на темы, предложенные рабочими, и вообще работать под контролем наиболее развитых рабочих. Не могу не вспомнить, как таким решением был расстроен и огорчен «Петр Петрович». У него появилась нервная дрожь, и по лицу его было видно, что для него общение с рабочими было не просто работа, а дело, в которое он вкладывал всю душу. Конечно, это мое субъективное мнение, но к нему, как к человеку, были направлены самые лучшие мои симпатии.

Незадолго до ареста Фишера я специально для собраний снял холостую квартиру в Гавани. Это был мезонин в маленьком доме на углу Наличной улицы и переулка того же названия. Квартира была удобна тем, что, кроме двух семей стариков-латышей, хорошо мне знакомых, в доме никто не жил.

Осенью 1894 г., не помню точно кто, Фишер или Шелгунов, направили меня к Владимиру Ильичу Ленину для изучения «Капитала» Маркса, и я ходил к нему всю зиму, каждое воскресенье от 10 до 12 час. дня. Жил он тогда в Большом Казачьем переулке, кажется, дом 7, кв. 13 или наоборот [25]. Прихожу, спрашиваю Федора Петровича [26], как его тогда звали. Меня провели в небольшую комнатку, в которой кроме кровати, небольшого стола и двух стульев, кажется, ничего больше и не было.

Смотрю, за столом сидит рыжеватый, лысый человек и пишет. Увидев меня, отложил свою работу и, наскоро допив чай, стал меня спрашивать: где я работаю, как обстоят дела на заводе, что и как я проходил в кружках, и лишь после этого стал читать Маркса. Конечно, из чтения я немного почерпнул бы,— ведь я и сам умел читать,— но каждый абзац, где встречались какие-либо трудности, он объяснял и объяснял так, как только он один и мог: и коротко и ясно. За все время наших занятий я никого у него не встречал и лишь один раз в дверях столкнулся с В. А. Шелгуновым.

В одно из воскресений я на занятия не явился. Прихожу в следующее. Смотрю, «Федор Петрович» нахмурился и довольно неласково спрашивает, почему не был прошлый раз. Я рассказал ему, что я и Костя Куприянов сидели три дня в арест-

ном доме на Казачьем плацу за оскорбление городового. И вот его подлинные слова: «Как жаль, что вы мне раньше об этом не сказали, я бы выступил в суде и, конечно, вас все равно бы посадили, но, по крайней мере, можно хоть душу отвести и попортить крови этим мерзавцам».

Конечно, после этого меня стало мучить любопытство, кто же такой этот «Федор Петрович»? На студента он не похож. Брат у меня служил писцом в окружном суде, и я сказал ему, что один из моих товарищей хочет узнать фамилию присяжного поверенного, которого ему рекомендовали, описал его наружность и спросил, не встречал ли он такого. Он сказал, что у них есть алфавитный указатель юристов, но нужно знать адрес. Сказал. И назавтра узнал, что «Федор Петрович» есть помощник присяжного поверенного, Владимир Ильич Ульянов. Пишу это для того, чтобы показать, как уже тогда рабочие берегли Владимира Ильича, если мне, пробывшему четыре года в кружках, не открыли его имя и фамилию.

Незадолго до своего ареста Кейзер мне сообщил, что меня непременно хочет видеть зубной врач Михайлов, живущий на Николаевской улице. Мне не очень хотелось идти туда, но ввиду того, что Кейзер очень настаивал, я согласился. Михайлов много говорил о том, что ему очень хотелось бы потеснее связаться с рабочими, а [так как] ему известно, что они у меня собираются, то было бы желательно, чтобы я ввел его в свой кружок. Я ему ответил, что он, наверное, знает интеллигентов, посещающих нас, то пусть приходит по их рекомендации. Это ему ужасно не понравилось. В этот раз мы с ним ни до чего не договорились, и он просил меня зайти в следующий раз, когда обещал приготовить книги для моей библиотеки.

Позволю себе сделать маленькое отступление. Тов. П. И. Кулябко [27]) показала мне донесение начальника Тульского жандармского управления, где проживал много времени спустя Михайлов, в котором Михайлов аттестуется как дельный работник, а что жена его ведет себя непозволительно и может его скомпрометировать. Это донесение напомнило мне инцидент, происшедший у Михайлова во время моего первого посещения. Когда мы сидели и беседовали с ним, жена вызвала его в соседнюю комнату и между ними произошел такой разговор: «Коля, я не могу, я скажу». Это было сказано со слезами в голосе. Между ними произошла какая-то борьба, и слышно было, как он сказал: «Вы не смеете, и вы этого не сделаете». Она с рыданием убежала куда-то. Когда он вышел, то нам обоим было как-то неловко, и минут через пять мы расстались. Думаю, что она хотела меня предупредить.

После этого я пошел к нашим, чтобы узнать, что за человек Михайлов. Зашел на Серпуховскую или Подольскую и застал там товарищей Старкова и Малченко. Рассказал о моем свидании. Они мне определенно сказали, что Михайлов у них под большим подозрением, книги от него брать можно, но вводить его к себе не следовало бы.

Вскоре я был у Михайлова второй раз. Опять то же требование, т. е. когда я назначу день, когда он может придти. Я отговорился, что в квартире живу я один и потому редко бываю дома, а все свободное время провожу у товарищей. Ну, тогда, говорит, я приду к вам, когда мне вздумается. Такая навязчивость, в конце концов, взорвала и меня. Я в резкой форме заявил ему, что если вы так сделаете, то я просто уйду из квартиры, вы все равно ничего не достигнете. Несмотря на то, что он очень рассердился, книги — журналов штук 20—24 — он мне все-таки дал. А на допросе поганец показал, что я у него взял 60 штук. Несмотря на все его приглашения через Кейзера, приезжавшего из Колпина, я к нему больше не пошел.

В одно из воскресений по окончании кружка, когда все уже разошлись, я с тов. Садовым Василием только что вышли из ворот, у самого дома встретили Михайлова, идущего ко мне. Несмотря на все его просьбы, мы домой не вернулись и постарались его спровадить. Это была моя с ним последняя встреча.

25 марта 1895 года у меня был собран центральный кружок [28]). Выбраны были организаторы районов, причем Василеостровский район был поручен мне. Кому какой район достался, не помню, а казначеем выбрали Бориса Зиновьева [29]).

Некоторое время кружок собирался регулярно, но потом стала замечаться

слежка. Например, по воскресеньям, когда надо собираться кружку, против дома на лужке появляются с выпивкой какие-то три чиновника и, конечно, не гаванские. Известно, что гаванские чиновники — публика безобидная.

Подошло время, когда квартиру пришлось бросить. Я переехал на Петроградскую сторону на Гатчинскую улицу [30]), в дом, где жила Наташа Кейзер. Дворником там был ее зять, очень хороший человек, но семейный. Под его охраной мы чувствовали [себя] спокойно и продолжали собрания. Месяца через два какие-то два господина приказали дворнику хорошенько следить за своим жильцом, да я и сам успел признать двух типов. Пришлось прекратить всякие собрания у меня. Дворник тоже стал просить пожалеть его семейство, и пришлось бросить квартиру и тут. Переехал на 5-ю линию Васильевского острова, где поселился в одной комнате с Николаем Зейштрандом [31]). Сюда господа полупочтенные пожаловали чуть ли не на другой день и были настолько нахальны, что даже и не прятались. Чтобы показать им, что я их вижу, я иногда с ними раскланивался. От поклона они с улыбкой хотя и отворачивались, но все же следовали за мной шагах в 15, один по одной, а второй по другой [стороне улицы]. Тут я понял, что мне осталось недолго гулять по Питеру, и предупредил товарищей, чтобы никто ко мне не ходил, и сам уже идти больше ни к кому не решался, чтобы не привести хвоста.

Действительно, вскоре, в ночь в 8-го на 9-е декабря 1895 года, я был арестован. Просидел я в доме предварительного заключения 14 месяцев и 15 февраля 1897 г. был выпущен. Приговор: три года лишения права жительства в обеих столицах и университетских городах. Выбрал Екатеринослав.

Прямо из предварилки направили в охранку. Там застал еще одного паренька лет 19. Ни фамилии, ни того, из какого он района, не помню. Нам объявили, что мы должны завтра же вечером выехать из Питера. Мы стали просить, чтобы нам дали сроку три дня. Тогда чиновник, принимавший нас, предложил нам две недели отдыха, 50 рублей жалованья и место на любом заводе. За это мы должны будем им немного помогать. Уж очень хотелось получить три дня и мы просили дать нам эти дни на размышление. Но, как видно, он был похитрее нас и дал нам полчаса и отдельную комнату. Мы поставили там вопрос, не согласиться ли нам, а через три дня придти и сказать, что раздумали. Но в конечном счете струсили, так как за это они могли сторицей отомстить нам. Когда через полчаса сообщили наш ответ, нас предупредили: если завтра с вечерним поездом не выедете, то ночью мы вас опять арестуем и поедете по этапу. Конечно, этапа мы не хотели и вечером назавтра я ехал в Екатеринослав.

Проехав Москву, я разговорился с калужанином-плотником, едущим тоже в Екатеринослав. Он ездил в Питер поступать в городовые, так как ему очень надоело работать. Но так как он был парень-простяга, в котором не было ничего фараонского, то, конечно, его не приняли. К кому я еду, я ему легко соврал, а вот когда он стал допрашивать, на какой улице и в какой части живут мои родственники, то, не зная города, врать стало уже нельзя. И я открылся ему начистоту. С этого времени мы с ним стали друзьями. В городе он завез меня к своему брату, у которого была артель плотников, но брат был не подрядчиком, а просто старостой артели земляков. Это были все хорошие ребята, и у них я прожил две недели и все время работал с ними за плотника, хотя сам слесарь. Конечно, это как будто к истории и не относится, и я, пожалуй, об этом не писал [бы], но вспоминаю потому, что дальше буду писать о Бабушкине и укажу, где без такой подготовительной обработки рук с ним судьба сыграла злую шутку.

В январе [32]) я встретился с И. В. Бабушкиным, и в скором времени мы стали жить с ним в одной комнате. Не помню уже — из Питера или от местной интеллигенции мы имели рекомендацию к присяжному поверенному Александрову. Он нельзя сказать, чтобы очень обрадовался дорогим гостям, но рекомендацию на Брянский завод все же дал. Из этой рекомендации у нас ничего не вышло. Более двух месяцев мы были без работы, и, если бы не екатеринославская дешевизна, нам пришлось бы, как говорится, хоть запевай.

Через два с половиной месяца я получил место на трубопрокатном заводе Шодуара. Бегу скорее обрадовать Бабушкина, а он меня огорошил: «У вас хотя немного да есть денег, а у меня нет ничего, значит, на работу должен идти я, а не вы». Я стал ему доказывать, что я хоть две недели и не по своей специальности да работал, значит, на мои руки больше надежды, чем на его. Все-таки убедить его я не мог, и на работу отправился он. До обеда пробу хотя и сдал, но зато на правой ладони содрал всю кожу. Можно быть героем, но работать рукой с содранной кожей нельзя Стал он просить мастера-итальянца дать ему передышку на два дня, а тот ему ответил, что ему белоручки в заводе не нужны, что он только испортил руки и работу, а пробу за него сделал кто-нибудь другой. Пришлось Ивану Васильевичу получить за полдня расчет, и опять мы оба были без работы.

Через недельку после этого мы случайно встретили Александра Сергеевича Филимонова [33], и он определил меня строгальщиком на завод Геллерштейна, где сам работал техником. Вскоре и Бабушкин через Филимонова поступил в трамвайный парк кладовщиком.

Характерная черта Бабушкина: когда он был кладовщиком, ему приходилось делать некоторые закупки. Однажды купец предложил ему на извозчика. Конечно, Бабушкин сказал, что на извозчиках он ездить не привык, а для себя в таких рублях он не нуждается. Торговец не отступал и заявил, что это уже у них постоянное положение. Тогда Иван Васильевич рубль взял и представил его в контору. Конечно, это ему повредило. Его стали сторониться как ненадежного, а вскоре постарались и совсем от него освободиться, да в сущности и не место было такому бойцу, как Бабушкин, среди служащих. Ему нужна была рабочая среда.

В Екатеринославе я несколько распустился и почти не вел партработы. Конечно, я не отказывался помогать Бабушкину распространять листки. Вскоре к нам приехал молодой паренек Матвей Яковлев, взятый во время забастовки с фабрики Кенига в Екатерингофе. Это был действительно артист по части распространения нелегальщины и, надо сказать, Бабушкин использовал его полностью. В видах конспирации Иван Васильевич съехал от нас с квартиры, и мы стали жить вдвоем с Матвеем.

С Костей Норинским мы встречались редко. Я переехал в поселок Кайдаки, а он жил в Чечелевской слободе. На работе же он не имел ни минуты свободы. Доживая третий год в Екатеринославе, я работал на Брянском заводе. За это время у меня был всего один обыск в мое отсутствие. Забрали все письма, но там были только письма родственников. Письма же товарищей где были фамилии и адреса, я немедленно уничтожал.

В конце третьего года меня с работы вызвали в проходную и объявили мне царскую милость: ссылка мне была продолжена на один год без объяснения причин. В июле 1900 года мне разрешили перебраться в город Луганск, где я поступил на паровозостроительный завод Гартмана. Там же работал Костя Норинский, а вскоре туда приехала и Феня. С ней после своего ареста встретился первый раз. Несколько раз бывал я у них, а 25 сентября по ходатайству моей матери Департамент полиции прислал мне бумагу, что мне разрешено вернуться в Питер.

И вот, 1 октября 1900 года я вновь в Петербурге.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Норинский (Фокин) К. М.— слесарь Балтийского завода, активный член рабочего кружка, т. н. Бруснevской организации («гаванского»), который впоследствии примкнул к Петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». В июне 1894 г. был арестован; продолжал вести социал-демократическую работу в Екатеринославе, где отбывал высылку, Луганске и других городах. После II съезда РСДРП — большевик.— 98.

2) Куприянов К. К.— слесарь Балтийского завода, позднее — завода Сименс и Гальске. Входил в «гаванский» кружок Брусневской организации, а затем — Петербургского «Союза борьбы». В ночь на 9 декабря 1895 г. был арестован вместе с В. И. Лениным и его соратниками по «Союзу борьбы», но в январе 1896 г. освобожден за недостатком улик.— 99.

3) Тимофеев И. И.— слесарь Балтийского завода, рабочий-пропагандист, один из первых рабочих-социал-демократов второй половины 80-х гг. Был связан с группой П. В. Точисского. После 1891 г. отошел от революционного движения.— 99.

4) Фомин В. В.— слесарь Балтийского завода, активный член Бруснепской организации. В начале 90-х гг. стоял во главе «гаванского» кружка, был представителем рабочих кружков Васильевского острова и Петербургской стороны в центральном рабочем кружке (комитет). В июне 1892 г. был арестован и после двух лет одиночного заключения выслан в Архангельск.— 99.

5) Егоров И. И. («Нил», «Фома», «Сократ») — в начале 90-х гг. работал слесарем на заводе Яковлева. Активный член Брусневской организации, вел занятия в кружке Фишера. Впоследствии неоднократно колебался, примыкая то к «экономистам», то к «искровцам». После II съезда РСДРП работал как большевик. В годы реакции примкнул к меньшевикам, позднее — межрайонец. После Октябрьской революции — коммунист, был на руководящей работе в кооперации.— 99.

6) Фишер Г. М. («Андрей») — рабочий-металлист. В революционном движении с 1890 г., активный член Брусневской организации, а затем первых рабочих кружков Петербургского «Союза борьбы». Стоял во главе рабочего кружка. В июне 1894 г. был арестован и после двух лет тюрьмы выслан на три года в Архангельскую губернию. В 1899—1901 гг. работал в Саратовской социал-демократической организации. В 1901 г. эмигрировал в Англию, работал в Лондоне по экспедиции «Искры». Принимал активное участие в английском рабочем движении. После возвращения в 1921 г. на родину — коммунист.— 99.

7) Кейзер И. И. (1869—1920) — рабочий-токарь. С конца 80-х гг. активный участник рабочих кружков Брусневской организации. Был близок к народовольцам. В апреле 1894 г. был арестован и вскоре освобожден под гласный надзор полиции в Колпине, где поступил на Ижорский завод и вел работу по организации рабочих кружков. В ночь на 9 декабря 1895 г. был снова арестован и затем выслан на три года в Вологодскую губ. После Октябрьской революции — коммунист, участник гражданской войны на Украине. В 1920 г. расстрелян белыми в Лебедяни, Харьковской губ.— 99.

8) Форсов И. В. — рабочий завода Сименс и Гальске, член кружка Г. М. Фишера, входившего в Брусневскую организацию.— 99.

9) Ильин А. П. — рабочий завода Нового адмиралтейства. В 1890—1892 гг.— член кружка Фишера Брусневской организации. В 1894—1895 гг. входил в кружок, где вели занятия В. И. Ленин и члены его группы; принимал активное участие в деятельности Петербургского «Союза борьбы». Арестован в августе 1897 г.— 99.

10) Князев В. А. (1871—1925) — слесарь заводов Нового адмиралтейства и Сименс и Гальске. В революционном движении с 1889 г. В 1890—1891 гг. входил в кружок Фишера Брусневской организации. Позднее принимал активное участие в деятельности Петербургского «Союза борьбы», входил в кружок, которым руководил В. И. Ленин. В августе 1897 г. был арестован и выслан на три года в Вятскую губ. В дальнейшем отошел от партийной работы. В 1904 г. вступил в гапоновскую организацию, был председателем Выборгского отдела. Позднее работал в кооперации.— 99.

11) Карелина В. М. (1869—1956) — в конце 80-х — начале 90-х гг. активный член Брусневской организации, организатор женского кружка. Оказала большое влияние на вовлечение петербургских работниц в революционное движение. В 1892 г. была арестована и выслана из Петербурга под гласный надзор полиции. В 1904—1905 гг.— участница гапоновской организации.— 99.

12) Кейзер Н. С.— работница. В конце 80-х — начале 90-х гг. входила в женский кружок Брусневской организации. Позднее принимала участие в рабочих кружках Петербургского «Союза борьбы». Арестована в ночь на 9 декабря 1895 г. В январе 1896 г. освобождена за недостатком улик. Последовала за мужем, И. И. Кейзером, в ссылку.— 99.

13) Норинская Ф. Н.— работница Резиновой мануфактуры. В 1891—1892 гг. входила в женский кружок Брусневской организации. Позднее принимала участие в рабочих кружках Петербургского «Союза борьбы». Арестована в ночь на 9 декабря 1895 г. и после двухмесячного заключения отдана на два года под гласный надзор полиции. Отбывала надзор в Екатеринославе и Луганске.— 99.

14) Иванова (по мужу Желабина) Прасковья — работница. В 1891—1892 гг.— член женского кружка Брусневской организации. Позднее принимала участие в рабочих кружках Петербургского «Союза борьбы». Во время стачки ткачей летом

1896 г. распространяла листовки «Союза», собирала деньги для стачечников. В 1896 г. была арестована и привлечена к дознанию по делу «Союза борьбы».— 99.

15) Афанасьев (Климанов) Е. А. (1866—1919) — кузнец, работал в Экспедиции заготовления государственных бумаг. Во второй половине 80-х годов — активный член группы П. В. Точисского, затем организатор рабочих кружков Брусневской организации. Подвергался арестам в 1892 и 1893 гг. С 1917 г.— в рядах большевиков.— 100.

16) Кайзо П. К.— слесарь, член «гаванского» кружка Брусневской организации. Арестован в 1892 г. и после двух лет заключения подчинен гласному надзору полиции на два года вне столиц и университетских городов.— 101.

17) По-видимому, И. И. Яковлев имеет в виду собрание на квартире Фишера на Васильевском острове 9 апреля 1894 г., где обсуждался вопрос о том, можно ли допустить народовольцев вести занятия в рабочих кружках. Яковлев ошибочно называет это собрание второй дискуссией марксистов с народовольцами. Вторая дискуссия состоялась около 17 апреля 1894 г. Ошибку Яковлева помогают установить: указание К. М. Норинского, что он присутствовал на этом собрании, но не был на второй дискуссии (см. сб. «От группы Благоева к „Союзу борьбы"», стр. 17, 18); примечание М. С. Ольминского к воспоминаниям Норинского (там же, стр. 18), а также архивные данные.— 101.

18) «Петр Петрович» — революционная кличка М. С. Александрова (Ольминского) (1863—1933) в 1894 г. В 80-х — 90-х гг. примыкал к народовольцам. В конце 90-х гг. стал марксистом, впоследствии — видный большевик.— 101.

19) «Василий Михайлович» — кличка народовольца М. Сущинского.— 101.

20) Кузюткин оказался предателем.— 101.

21) Старков В. В. (1869—1925) — инженер-технолог, член Петербургского «Союза борьбы». В 1894—1895 гг. вел занятия в кружке, во главе которого стоял И. И. Яковлев. Арестован в ночь на 9 декабря 1895 г. и в 1897 г. выслан в Восточную Сибирь на три года. После 1905 г. отошел от активной партийной работы.— 101.

22) Михайлов Н. Н.— зубной врач, провокатор. В. И. Ленин и его группа с подозрением относились к Михайлову. Оппортунистическая группа «молодых» пыталась использовать связи Михайлова с членами рабочих кружков Брусневской организации, которые он получил через народовольцев, и сблизилась с ним. В 1896 г. в тюрьме В. И. Ленин и его соратники по «Союзу борьбы» получили подтверждение своим подозрениям относительно Михайлова и сообщили об этом товарищам на волю (см. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 2, стр. 117—118).— 101.

23) Шелгунов В. А. (1867—1939) — один из замечательных рабочих-социал-демократов 80-х — 90-х годов. Организатор рабочих кружков группы Точисского, Брусневской организации, Петербургского «Союза борьбы». Впоследствии — большевик. Несмотря на слепоту, вел партийную работу в течение ряда лет.— 101.

24) Фунтиков С. И.— токарь Невского механического завода (б. Семянникова). В начале 90-х годов— активный член рабочих кружков Невской заставы. Одно время был близок к народовольцам. Арестован в 1894 г. и выслан под гласный надзор полиции. Психически заболел.— 101.

25) К Ленину мог направить Яковлева только Шелгунов, так как Фишер был тогда уже арестован.— 101.

26) Революционная кличка В. И. Ленина — «Федор Петрович» — указывается и в показаниях И. Федорова, на квартире которого зимой 1894—1895 г. собирался кружок, где вел занятия В. И. Ленин (см. ЦГИАМ, ф. ДП, 1895 г., д. 339, т. III, лл. 106—108). Однако сомнительно, чтобы Яковлев, придя к Ленину на квартиру, мог спрашивать его как «Федора Петровича». Ведь на квартире он был известен под своим настоящим именем. По воспоминаниям В. А. Князева, в его кружке Ленина называли «Николай Петрович» (см. сб. «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 1, стр. 118—121).— 101.

27) Кулябко П. И. (1866—1959) — старейший член КПСС. В тот период, о котором идет речь, работала в Ленинградском институте истории партии.— 102.

28) Существовавший в 1894—1895 гг. «центральный рабочий кружок» (иначе: «центральная рабочая группа»), преемственно связанный с центральным рабочим кружком Брусневской организации, постепенно терял свое значение. В 1895 г. руководство всей работой осуществлял центр «Союза борьбы», а с центральным рабочим кружком как таковым только совещались. Во второй половине 1894 г. на собрании, устроенном на квартире Яковлева, после ареста

Норинского и Фишера, в центральный рабочий кружок были выбраны В. А. Шелгунов, В. А. Князев и И. И. Яковлев, который в связи с переездом Шелгунова за Невскую заставу стал как бы организатором района. Это и было, по-видимому, закреплено на том собрании 25 марта, о котором пишет Яковлев.— 102.

29) Зиновьев Б. И. (1875—1899) — рабочий Путиловского завода. В первой половине 90-х гг.— деятельный организатор рабочих кружков Нарвской заставы, в которых вели занятия члены «Союза борьбы». Арестован в ночь на 9 декабря 1895 г. и после продолжительного тюремного заключения выслан в Тверь, где продолжал вести социал-демократическую работу. В 1898 г. был снова арестован и умер в тюремной больнице.— 102.

30) Яковлев ошибается: он переехал на Колпинскую ул., д. № 5. На этой квартире продолжал собираться кружок, в котором занятия вел В. В. Старков (см. В. И. Ленин. Собр. соч., т. 1, изд. 1. Приложения, стр. 598; сообщение Н. С. Кейзер автору).— 103.

31) Зейштранд Н. И.— электромеханик. В 1891—1894 гг. входил в рабочий кружок Бруснevской организации. После Октябрьской революции — коммунист.— 103.

32) Здесь Яковлев допустил неточность. Он не мог встретиться с Бабушкиным в январе 1897 г., так как был выпущен из тюрьмы 15 февраля, затем поехал в Екатеринослав, где две недели работал в артели плотников до встречи с Бабушкиным. Очевидно, эта встреча произошла не ранее марта 1897 г. Это совпадает и с воспоминаниями Бабушкина, который пишет, что в Екатеринославе поселился в начале весны (см. Воспоминания И. В. Бабушкина. М., 1951, стр. 91).— 103.

33) Филимонов А. С.— рабочий. В конце 80-х — начале 90-х гг., работая на Карточной фабрике, был активным членом рабочих кружков Брусневской организации за Невской заставой. Арестован в 1891 г. и после полутора лет тюремного заключения подчинен гласному надзору полиции на три года вне столиц и университетских городов. Отбывал надзор в Екатеринославе, где вел социал-демократическую работу вместе с Бабушкиным.— 104.

Статьи

ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА КИТАЯ

У БАО-КАН

Историко-архивный факультет Народного университета был создан по решению Министерства высшего образования КНР в сентябре 1955 г. Перед ним была поставлена задача подготовки специалистов, воспитанных в духе марксизма-ленинизма и владеющих основами исторической науки, для работы в различных архивных учреждениях страны.

Создание факультета вновь подтвердило тот факт, что партия и правительство уделяют большое внимание вопросам развития архивного дела. Со времени создания в ноябре 1952 г. при Народном университете краткосрочных архивных курсов до организации нашего факультета подготовка архивистов в КНР развивалась от малого к большому, от низшей ступени к высшей.

При организации краткосрочных курсов была учреждена специальная кафедра архивного дела; затем на ее основе было создано две кафедры: архивоведения и истории архивного дела, а число преподавателей увеличилось с 4 до 20 чел., в основном, это лица, здесь же и получившие свою квалификацию. При кафедрах созданы научные кабинеты и лаборатории. Здесь читались такие предметы, как делопроизводство, теория и практика архивного дела, техника хранения документальных материалов, археография, история архивного дела в Китае, история архивного дела в СССР.

В 1952—1957 гг. краткосрочные курсы четыре раза выпускали слушателей (456 чел.), которые были распределены на работу в центральные, провинциальные, городские архивные учреждения и архивные учреждения автономных районов. Как зерна при посеве они рассеялись по всему Китаю и повсюду пустили свои ростки. Закаляясь под руководством партии на практической работе, они стали основными кадрами архивистов республики.

Курс обучения на Историко-архивном факультете — четыре года. В первой половине 1959 г. здесь обучалось 387 чел. (на 1 курсе — 126 чел., на 2 курсе — 93 чел., на 3 курсе — 117 чел., на 4 курсе — 51 чел.). В сентябре 1958 г. при помощи Первого министерства машиностроения при факультете создан двухгодичный курс технических архивов, на котором обучалось 24 чел.

Основная масса студентов факультета — 77% — пришла на учебу из архивов и канцелярий, 23% окончили средние школы повышенного типа; 95% студентов — члены партии и комсомола. Такой контингент учащихся определяет высокий уровень их политической подготовки.

Большое значение имела подготовка преподавателей историко-архивного факультета, для чего были использованы специальные одногодичные курсы, которые за 1952—1958 гг. окончили 57 чел., часть из них была направлена на работу в Государственное архивное управление и другие учреждения, но в основном они остались на преподавательской работе.

В настоящее время на факультете пять кафедр и 84 преподавателя, большинство из них работает на кафедрах китайской и всеобщей истории и у нас являются совместителями. На долю трех архивных кафедр приходится 36 преподавателей.

При создании архивных краткосрочных курсов и Историко-архивного факультета мы решительно придерживались курса, принятого партией: «учиться у Советского Союза». Советское правительство оказало нам в этом деле большую помощь.

Советский специалист М. С. Селезнев оказал нам большую помощь в организации в 1954 г. архивного отделения Народного университета и в преобразовании этого отделения в Историко-архивный факультет. В Китае переведен и издан ряд работ советских архивистов по теории и практике и истории и организации архивного дела в СССР (А. В. Чернов «История и организация архивного дела в СССР», П. Я. Мизин и Н. А. Церевитинов «Технология хранения документальных материалов», Г. А. Князев «Теория и техника архивного дела», А. Д. Фролов «Делопроизводство в советских учреждениях» и др.). Всего к настоящему времени мы перевели советские пособия общим объемом примерно в 3190 тыс. иероглифов. Они явились для нас не только учебными пособиями, но также широко использовались как пропагандистский материал для изучения передового советского опыта архивной работы. И сейчас мы по-прежнему поддерживаем тесную связь с Московским государственным историко-архивным институтом, советские товарищи продолжают оказывать нам помощь. Настойчивое изучение опыта СССР и других братских стран в сочетании с учетом конкретной китайской действительности является одним из эффективных путей непрерывного повышения качества преподавания и научно-исследовательской работы факультета.

Много внимания уделялось нами изучению исторического опыта отечественного архивного дела. К работе на факультете мы привлекли старых специалистов, положительно проявивших себя в деле перестройки работы архивов.

Еще во время существования краткосрочных курсов мы беспрерывно занимались созданием новой для нас дисциплины — истории архивного дела в Китае. С этой целью мы провели ряд бесед со старыми архивистами, собрали литературу и материалы о положении архивного дела в старом Китае.

Вскоре после создания историко-архивного факультета его преподавателям и студентам пришлось выдержать серьезный политический экзамен.

В мае 1957 г. правые буржуазные элементы, воспользовавшиеся движением «за исправление стиля работы», начали бешеные нападки на партию и правительство. Под руководством ЦК КПК мы дали им решительный отпор. Историко-архивному факультету также пришлось выдержать наступление правых элементов, которые хорошо понимали роль факультета в архивном строительстве Китая и избрали его объектом своих нападок. Положение осложнялось тем, что среди преподавателей и студентов также появилась небольшая группа правых буржуазных элементов. Коллектив факультета под руководством партийной организации открыл против них острую политическую и идеологическую борьбу, опрокинул измышления правых. После этого наиболее ярые из них были исключены из университета, а на факультете была развернута кампания за исправление стиля работы. Главный упор был сделан против отрыва преподавания от практики архивного строительства. В результате мы осуществили выдвинутый партией курс подчинения обучения пролетарской политике, сочетания образования с производительным трудом и усовершенствовали систему подготовки архивных работников. Это помогло нам осуществить большой скачок в деле архивного строительства.

После освобождения нашей страны архивное дело постоянно развивалось. Архивные учреждения организуют свою работу в соответствии с задачами социалистической революции и социалистического строительства; их обязанностью является также обеспечение научно-исследовательских учреждений необходимыми материалами. Мы накопили в этом отношении немалый опыт. Однако активные мероприятия по систематическому анализу и обобщению этой работы проводятся еще в незначительной степени и не нашли достаточного отражения в наших учебных пособиях

по специальным дисциплинам. Это серьезно отражается на уровне преподавателей и научной работы факультета — мы не поспеваем за быстрым развитием архивного строительства в стране. Наши пособия уже не соответствуют растущему уровню архивного дела. Движение за исправление стиля работы привело к коренным изменениям в постановке учебного процесса на факультете: были заново составлены учебные планы, пересмотрены системы, содержание, методика педагогической работы; повысился идейно-политический уровень как преподавателей, так и студентов. Все это помогло нам более точно установить задачи факультета: он должен готовить кадры овладевших основами марксизма-ленинизма и всесторонними знаниями по своей специальности для архивных учреждений и архивов разного типа. Срок обучения не изменился, но было увеличено количество часов для изучения общественных наук, введен труд на производстве в качестве особого предмета. Серьезное место в учебном плане занимает изучение истории Китая и всеобщая история. Время, отводимое для специальных дисциплин, ныне полностью соответствует задаче подготовки специалистов. Количество часов на лабораторные занятия, производственную практику увеличилось. Новые планы предусматривают в качестве одной из форм учебы научно-исследовательскую работу студентов, написание курсовых и дипломных работ. В то же время сокращено количество часов для аудиторных занятий за счет увеличения времени для самостоятельной работы студентов. Введен ряд факультативных дисциплин.

Пересмотр курсов специальных предметов не коснулся лишь истории государственных учреждений Китая, делопроизводства и истории архивного дела в Китае. Были введены новые дисциплины: общее введение в архивоведение, научно-техническая обработка и описание документальных материалов, технология хранения материалов, использование и публикация документов. Самостоятельные курсы технологии хранения технических и кино-фото-фонодокументов читаются на отделении технических архивов, студенты основного профиля знакомятся с этими вопросами при изучении сложных дисциплин. Все эти преобразования соответствуют задачам факультета и практическим потребностям архивного строительства в Китае; они отражают результаты большого скачка в нашем архивном деле и ускоряют развитие последнего.

Была проведена реорганизация специальных кафедр факультета. Если раньше имелись кафедры: 1) истории государственных учреждений и делопроизводства, 2) теории и практики архивного дела, 3) истории и организации архивного дела, 4) археографии, то теперь их количество сокращено. Ныне существуют кафедры делопроизводства, архивоведения, истории архивного дела.

Заметным недостатком в нашей работе были недостаточно крепкие связи между факультетами и историческими кафедрами. Поэтому руководство университетом передало эти кафедры в штаты факультета с тем, чтоб преподаватели-архивисты имели возможность полнее использовать научные достижения исторических кафедр.

Необходимо отметить, что увеличено время, отводимое в планах на производственную практику студентов, экскурсии и научно-исследовательскую работу. Некоторые дисциплины будут изучаться непосредственно в архивах, где осуществляется методика наглядного преподавания. При лаборатории факультета создано показательное хранилище.

В первом семестре 1958/1959 учебного года по решению Государственного архивного управления и ректора университета преподаватели и студенты II—IV курсов были направлены в командировку и трудились в 88 пекинских и хэбэйских провинциальных учреждениях, учебных заведениях, на заводах, в народных коммунах, архивах. Студенты под руководством своих преподавателей учились и одновременно работали, связывая учебную практику с производительным трудом, закаляясь. Значительно повысился их идеологический уровень.

Студенты и преподаватели факультета были непосредственными участниками «большого скачка» в сфере сельскохозяйственного и промышленного производства. Они выплавляли металл, собирали осенний урожай, установили прочные связи

с рабочими и крестьянами. Получив хороший урок коммунистического воспитания, студенты еще больше укрепили свое желание работать по специальности; они собрали богатые материалы для дальнейшего изучения, написали много статей и, кроме того, оказали помощь на местах в налаживании архивной работы. Ответственные работники ряда организаций говорили: «Студенты Народного университета Китая достойны названия своего университета; их можно назвать студентами народа».

В организации педагогического процесса мы придерживаемся задачи «учиться экономно и трудолюбиво». Все преподаватели и студенты факультета принимали участие в упорядочении материалов эпохи Минской и Цинской династий (470 тыс. документов). Кроме того, была оказана помощь в разработке «россыпи» архивов Министерства финансов, учебных заведений, заводов и других учреждений. Благодаря этому студенты повысили уровень профессиональных навыков. У нас стало системой сочетание процесса обучения с производственным трудом. Студенты и преподаватели хорошо поработали на сооружении водохранилища под Пекином, приняли участие в посадке деревьев в районе Чжоунодянь. Они проявили высокую активность, показали образцы труда и одновременно повысили свой идеологический уровень, выработали глубокое уважение к труду рабочих и крестьян. Занятия физическим трудом повысили качество учебной работы. Тесная связь с жизнью способствовала закреплению теоретических знаний студентов. Преподаватели, активно участвуя в движениях «за исправление стиля работы» и «за социалистическое образование», значительно повысили свой идейно-теоретический уровень. В настоящее время они усиленно изучают марксистско-ленинскую теорию, политику КПК, внутреннее и международное положение. Они регулярно трудятся на производстве, стремятся стать и специалистами и «красными», ведут решительную борьбу против буржуазной теории, будто можно быть специалистом, но не «красным» или что сначала нужно в совершенстве овладеть своей профессией, а затем стать «красным».

Мы уделяем очень большое внимание сочетанию в педагогической деятельности теории с практикой. Преподаватели факультета участвуют в деятельности государственного архивного управления и архивов, в работе совещаний, изучают деятельность архивов и поддерживают с ними тесную связь. С другой стороны, Государственное архивное управление оказывает постоянное содействие Историко-архивному факультету.

Выпускники факультета работают в Китае повсюду. Они поддерживают с нами постоянную связь.

Справочная библиотека факультета содержит большое количество материалов. Ежедневно сюда поступают с мест новые пособия. (В свою очередь библиотека высылает архивам, заводам, редакциям и т. д. учебные материалы.) Здесь же находятся книги, присланные нам из СССР, Чехословакии, Румынии, Германской Демократической Республики и других братских стран.

Кроме нашего факультета вопросами архивного образования начинают заниматься и другие учебные заведения. Архивное дело преподается на исторических факультетах Фуданского (Шанхай), Нанкинского и Гиринского университетов; на историческом факультете Цзянсийского университета вводится архивная специализация. Во многих городах страны были созданы краткосрочные архивные курсы, действовавшие в течение нескольких лет. Они подготовили 24 тыс. работников для архивов низовых учреждений. В 1958 г., когда мы осуществляли «большой скачок в архивной работе», были организованы многочисленные вечерние курсы, проводились семинары, созданы консультативные пункты по вопросам архивного дела. Все это способствовало его популяризации. Хорошей формой пропаганды архивного дела были также выставки документов.

Развитие архивного строительства и образования в Китае содействовало развертыванию научной архивоведческой работы.

16 апреля 1956 г. Государственный Совет издал постановление, четко определяющее ее задачи: «Государственному архивному управлению и Историко-архивному факультету,— говорится там,— следует усилить исследовательскую работу

в области архивоведения и других вспомогательных исторических дисциплин, непрерывно повышать их научный уровень».

В настоящее время наш факультет при поддержке Государственного архивного управления концентрирует и организует специалистов для досрочного выполнения той части заданий двенадцатилетнего плана развития философии и других общественных наук, которая относится к архивному делу. (Этот план был выработан научным комитетом при Государственном совете КНР.)

Развитие архивоведческой пауки требует не только напряженной деятельности специалистов, но и усилий всех архивных работников Китая — то есть осуществления «линии масс». Центральные и местные архивные учреждения организуют научные кружки и группы по изучению архивного дела, историко-архивный факультет стремится связать свою деятельность с их работой.

Вся научно-исследовательская работа факультета строится в соответствии с планом и направлена на написание курсов лекций и учебных пособий. Часть из намеченных исследований уже подготовлена и некоторые из них опубликованы в журнале «Дананьгунцзо» [1]. Нашей задачей является также усиление роли этого журнала, что будет содействовать развертыванию научно-исследовательской работы в области архивного дела.

В научной работе на факультете мы следуем курсу партии на сочетание теории с практикой, придерживаемся принципа «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые» и отдаем предпочтение важнейшим задачам современности. Основная задача наших исследований заключается в подведении итогов и обобщении полученного в КНР опыта архивного строительства. Кроме того, немаловажным является критическое изучение опыта архивистов старого Китая. Мы собираем старую архивную литературу и пособия и часть из них собираемся опубликовать.

Повседневной задачей является изучение передового опыта архивного строительства СССР и других братских стран. Изучение советского опыта было одной из причин быстрого развития архивного дела в КНР за время после освобождения страны. Сейчас мы готовим к опубликованию на китайском языке учебное пособие «Теория и практика архивного дела в СССР», книги К. Г. Митяева «Теория и практика архивного дела», А. А. Кузина «Технические архивы», готовим новый перевод работы А. Д. Фролова «Делопроизводство в советских учреждениях», намереваемся опубликовать работу А. Бреннеке (ГДР) по истории европейского архивоведения [2].

Наши преподаватели критически изучают и работы специалистов по архивному делу капиталистических государств. Мы собираемся издать книгу голландских авторов Мюллера, Фейта и Фрюина о классификации и описании архивных материалов [3].

Историко-архивный факультет развивался под руководством нашей партии и при помощи советских товарищей. Накануне праздника 10-летия провозглашения КНР факультет дал первый выпуск молодых специалистов, впервые в истории нашей страны ставших архивистами с высшим специальным образованием.

Перед нами немало трудностей. Мы знаем и о недостатках своей работы, у нас еще нет достаточного опыта. И мы должны настойчиво изучать постановку исследовательской работы в области архивного дела в СССР и других социалистических странах, непрестанно, настойчиво и вдумчиво осуществлять курс ЦК КПК и Государственного совета по вопросам образования, приложить максимум усилий к воспитанию еще большего количества квалифицированных архивистов.

---

[1] Обзор этого журнала за 1958 г. см. в «Историческом архиве», 1959, № 4.

[2] Adolf Brenneke. Archivkunde, ein Beitrag zur Theorie und Geschichte des europäischen Archivwesens. Leipzig, 1953.

[3] Это учебное пособие впервые издано в Голландии в 1898 г. В 1905 г. опубликовано в немецком переводе, в 1908 г.— в итальянском и в 1910 г.— во французском. Последнее издание более всего известно в СССР; Muller, Feith, Fruin. Manuel pour le classement l la description des arhives. Подробную рецензию И. А. Голубцова см.: «Архивное дело», вып. II, III, М.—Л., 1925 г.— *Примечание редакции.*

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ СССР И РУССКО-ШВЕДСКИХ ОТНОШЕНИЙ В АРХИВАХ ШВЕЦИИ

Л. В. ЧЕРЕПНИН, В. Н. ШУМИЛОВ, М. И. АЛЕКСАНДРОВА

В архивах и рукописных собраниях Швеции хранится ряд материалов по истории СССР. Уже в XIX — начале XX в. русские ученые знакомились с некоторыми имеющимися в Швеции документами, относящимися к русскому историческому прошлому. Ими занимались С. В. Соловьев, К. И. Якубов, Ю. В. Готье, С. В. Арсеньев [1] и др. В свою очередь шведские ученые использовали в своих трудах материалы по истории своей страны, сосредоточенные в русских архивах [2].

В последние годы с расширением международных научных связей изучение советскими историками источников по истории СССР, хранящихся в Швеции, а шведскими учеными — имеющихся в архивохранилищах Советского Союза памятников, проливающих свет на прошлое их страны, приняло более систематический характер. Дважды (в 1958 и 1959 гг.) в СССР для выявления источников по истории Швеции в архивах Москвы и Ленинграда приезжали профессор Гетеборгского университета г. Аттман и первый архивариус Министерства иностранных дел Швеции г. Карлгрен.

Из советских ученых в 1956 г. совершил поездку в научную командировку в Стокгольм О. Л. Вайнштейн, информировавший советскую печать о результатах своих изысканий [3]. В марте — апреле 1959 г. побывала в Стокгольме с целью планомерного просмотра архивных документов по истории СССР и русско-шведских отношений группа советских историков и архивистов: заведующий сектором истории СССР периода феодализма Института истории Академии наук СССР Л. В. Черепнин, заместитель начальника Центрального государственного архива древних актов СССР В. Н. Шумилов и сотрудник Историко-дипломатического управления МИД СССР М. И. Александрова, которые ознакомились с фондами Государственного архива в Стокгольме, Архива Министерства иностранных дел Швеции, Королевского военного архива, с рукописным собранием Королевской национальной библиотеки, со славянскими рукописями гимназической библиотеки в г. Вестеросе (присланными для работы в Стокгольм) и частично библиотеки Упсальского университета [4].

---

[1] О материалах по русской истории, открытых С. В. Соловьевым в Швеции в 1837—1841 гг. см. «Протоколы заседаний Археографической комиссии», вып. 1. СПб., 1885, стр. 169—180, 304—305, 319 и др.; вып. 2, СПб., 1886, стр. 4—11, 17—18, 112—113, 153—156 и др. Акты, приобретенные С. В. Соловьевым в Швеции и переданные им в Археографическую комиссию, описаны М. Г. Курдюмовым. См. его работу: Описание актов, хранящихся в архиве Археографической комиссии ЛЗАК за 1918 г., вып. 31. Пг., 1923, стр. 3—7, 25—89.

См. также: Е. В. Готье. Стокгольмский государственный архив. «Древности. Труды Археографической комиссии Московского археологического общества», вып. 1, М., 1898, стр. 61—110; Арсеньевские шведские бумаги. «Сборник Новгородского общества любителей древности»; вып. V, Новгород, 1911; вып. VI, Новгород, 1915.

[2] См. В. В. Похлебкин. О работе шведских историков в русских архивах в XIX — начале XX вв. «Скандинавский сборник», т. IV. Таллин, 1959, стр. 56—73.

[3] «Вестник Академии наук СССР», 1957, № 1, стр. 83—91.

[4] О постановке архивного дела в Швеции и сети шведских архивов см.: «Исторический архив», 1956, стр. 201—212.— *Примечание редакции.*

Из документальных собраний стокгольмского Государственного архива прежде всего следует назвать фонд-коллекцию «Muscovitica» (состоящий из 9 разделов).

В разделе «*Muscovitica 1*» («Письма и архивы шведских посольств в России за 1536—1880 гг., 629 томов, около 150 тыс. лл.) сосредоточены донесения (на шведском яз., а с 1790 г. на французском яз.) шведских посольств королю, Государственному совету и Министерству иностранных дел, журналы посольств, протоколы конференций, инструкции послам, исходящие бумаги («регистратура») и другие документы, которые подробно освещают ход мирных русско-шведских переговоров у р. Плюсы (1585—1586 гг.), у р. Тявзины (1594—1595 гг.), в Ладоге и Столбове (1615—1617 гг.), в Валиесаре (1658 г.), в Тамсдорфе и Кардиссе (1659—1661 гг.), на Аландском конгрессе (1721 г.), на Абовском конгрессе (1742—1743 гг.).

Богатые сведения по истории русско-шведских отношений, а в ряде случаев и по внутренней истории России конца XVI—XVII вв. (экономика, финансы, социально-политический строй, военные силы) содержат донесения, которые направляли из России своему правительству шведские резиденты и послы Эрик Густав Стенбок, Густав Оксеншерн (1590 г.), Стен Банер, Кристерн Классон Горн (1594—1595 гг.), Еран Бойе, Генрих Горн, Яков Делагарди, Арвид Теннесон (1612—1617 гг.), Густав Стенбок, Яков Бот Якобсон, Монс Мортенсон (1617—1618 гг.), Антон Моньер (1629—1630 гг.), Юхан Миллер (1631—1632 гг.), Филипп Шединг, Генрик Флеминг, Эрик Юлленштерн (1634 г.), Петер Крусбиерн (1634, 1645—1647 гг.), Юхан Бенгтсон Руселин (1645, 1651, 1655 гг.), Эрик Юлленштерн, Ганс Врангель (1647 г.), Карл Померенинг (1647—1651 гг.), Яков Дюмулен (1649—1650 гг.), Густав Бьелке, Александр фон Эссен, Филипп фон Крузенштерн (1655—1658 гг.), Ариан Мюллер (1659 г.), Бенгт Горн, Густав Банер, Андреас Вальвик, Юхан Гастфер, П. Спарре (1659—1663 гг.) и др.

Для истории России XVIII в. важны донесения, которые посылали в Швецию шведские представители в Русском государстве Томас Книперкрон (1700, 1715, 1721—1723 гг.), Георг Генрих фон Герц, Карл Юлленборг, Юхан Лилиенштедт, Отто Рейнгольд Стремфельд (1717—1719, 1721 гг.), Герман Цедеркрейц (1722—1725 гг.), Иосиас Цедергельм (1725—1726 гг.), Иоаким фон Дитмар (1726—1738 гг.), Эрик Маттиас фон Нолькен (1738—1742 гг.), Юхан Кристофер фон Дюринг (1743—1744 гг.) и др.

По истории России XIX в. интересным источником служат письма и депеши в Швецию, которые отправляли шведские послы и поверенные в делах Курт Стединг, Карл Аксель Левеньельм, Нильс Фредерик Пальмштерн, Густав Нордин и др. В донесениях шведских резидентов XVIII—XIX вв. можно найти интересные сообщения о крестьянской войне под предводительством Е. И. Пугачева, о восстании декабристов, о дуэли и смерти А. С. Пушкина, о процессе петрашевцев и т. д.

Здесь же хранятся письма английского представителя Джона Мерика и голландских послов (1615—1616 гг.).

Из документов на русском языке сохранились письма русских послов и уполномоченных на посольских съездах: А. Л. Ордина-Нащокина (1657—1660 гг.), Б. И. Нащокина и Г. Дохтурова (1659—1660 гг.), И. С. Прозоровского, И. П. Барятинского и И. А. Прончищева (1661—1662 гг.), И. А. Прончищева и Г. К. Богданова (1681 г.), Я. В. Брюса и А. И. Остермана (1717—1718 гг.) и т. д. К числу русских документов принадлежат и ответные письма боярских комиссий шведским послам в России.

Наконец, следует отметить переписку (на русском языке) 1612—1613 гг. по поводу политических претензий на русский престол шведского королевича Карла-Филиппа: переводы писем шведского короля Густава-Адольфа и герцога Карла-Филиппа к новгородскому митрополиту Исидору, письма шведского генерала Эверта Горна к новгородским властям и ответные письма митрополита новгородского Исидора; грамоты в Новгород Д. М. Пожарского «с товарищами» из Ярославля и Д. М. Пожарского и Д. Т. Трубецкого из Москвы 1612 г.; наказ новгородских властей посольству в Швеции во главе с архимандритом новгородского Юрьева монастыря Никанд-

ром 1613 г. Особо надо упомянуть о картографическом материале, хранящемся в этом разделе (карта Сибири, составленная в 1668 г. при тобольском воеводе П. И. Годунове, рукописная карта Кавказа 1722 г.).

Раздел *«Muscovitica 2»* содержит материалы, касающиеся границ Швеции и России (73 тома, около 6800 лл.). Древнейший документ в копии относится к 1323 г., древнейший подлинник — к 1595 г. Наиболее поздний документ датируется 1823 г. Большинство из этих источников написано на шведском языке. Из русских памятников представляют интерес грамоты русских межевых судей шведским межевым комиссарам по пограничным делам 1595—1598 гг., 1651—1653 гг., 1685 г., 1721 г., росписи русских перебежчиков — крестьян, боярских людей и т. д. на шведскую территорию в 1648—1652 гг.

В разделе *«Muscovitica 3»* хранятся письма (на шведском преимущественно и на французском языках) шведских комиссаров и консулов в России королю, Государственному совету, Министерству иностранных дел Швеции за 1645—1880 гг. (33 тома, около 7600 л.). Это важный источник для характеристики торговли России, положения в России шведских подданных и т. д.

Для XVII в. следует отметить письма шведскому королю его агентов в Новгороде (Адольфа Эберса, 1645—1655 гг.; Улофа Баркхюсена, 1663—1664 гг.; Филиппа Винхагена, 1700 г.) и Москве (Юхана де Родеса, 1650—1655 гг.; Адольфа Эберса, 1660—1666 гг.; Кристофера Коха, 1679—1683 гг.; Томаса Книперкрона, 1684—1700 гг.).

От XVIII — начала XIX в. до нас дошла официальная переписка, которую вели со своим правительством шведские консулы в Москве (Карл и Юхан Сундлеры, 1778, 1784, 1791—1823 гг.) и Петербурге (Каспер Отто Дельфин, 1761—1779 гг.; Класс Пефрон, 1779—1784 гг.: Бальтазар аф Шенбом, 1792—1800 гг.; Иосуа Фердинанд Кок, 1800—1805 гг.). Заслуживают также внимания письма шведских почтовых комиссаров в Таскула и Аборсфорсе 1725—1805 гг.

За XIX в., особенно за вторую половину этого столетия, имеется большое количество писем шведских консулов в Петербурге, Москве, Архангельске, Одессе, Гельсингфорсе, Або, Выборге, Улеаборге, Ревеле, Риге, Пернове и т. д.

В разделе *«Muscovitica 4»* находится собрание (в оригиналах) грамот и писем русских царей, цариц, великих князей и княгинь шведскому королевскому двору за 1560—1876 гг. (на русском яз., со времен Екатерины II — частично на французском яз.). Наиболее ранние из них: грамоты Ивана Грозного шведским королям (Густаву I Вазе 1560 г. о получении шведской грамоты, о пограничных делах, об ограблении русских купцов Федора Першина с товарищами; Эрику XIV 1566 г. и Юхану III 1583 г.— «опасные» на шведских послов). От имени царя Михаила Федоровича написана одна грамота 1645 г., адресованная шведской королеве Кристине, с разрешением на постройку шведского гостиного двора в Новгороде и по другим вопросам. 49 грамот принадлежат царю Алексею Михайловичу, 8 — царю Федору Алексеевичу, 20 — царям Иоанну и Петру Алексеевичам, 19 — Петру I, 7 — Екатерине I, 6 — Петру II, 13 — Анне Иоанновне, 2 — Анне Леопольдовне, 8 грамот и писем от имени Иоанна VI Антоновича, 37 — Елизаветы Петровны, 18 — Петра III, 82 — Екатерины II, 44 — Павла I, 8 — его жены Марии Федоровны, 55 — Александра I, 9 — его жены Елизаветы Алексеевны. Здесь же письма Николая I королям Карлу XIV, Иоанну и Оскару I (140 лл.), Александра II Оскару I, Карлу XV и Оскару II (52 лл.).

По своему содержанию грамоты и письма русских царей представителям шведского правящего дома довольно разнообразны. Это — поздравления шведским королям с восшествием на престол, извещения о приеме и отпуске шведских послов, сообщения об отправке в Швецию русских послов, которым даются верительные грамоты, переписка по торговым и спорным пограничным делам и т. д. Интересны документы, свидетельствующие о заинтересованности Швеции в приобретении русского хлеба. В 1652 г. отправлена грамота царя Алексея Михайловича королеве Кристине о разрешении на покупку в России 20 тысяч четвертей ржи. В грамоте имп. Елизаветы Петровны Адольфу Фредерику 1756 г. говорится о разрешении покупки хлеба в Лифляндии и Эстляндии в связи с неурожаем в Швеции и о бесплатном

отпуске десяти тысяч четвертей муки из финляндских магазинов для раздачи голодающим.

Раздел «*Muscovitica 5*» включает материалы, ноты и письма русских посланников и поверенных в делах в Швеции шведскому правительству (на шведском и французском языках) 1719—1880 гг. (15 томов, около 4500 лл.). За XVIII в. здесь сохранились материалы деятельности Ф. Лефорта, М. Бестужева, Н. Головина, В. Долгорукова, Кейта, Любераса, И. А. Кофа, И. Симолина, Н. И. Панина, И. А. Остермана, И. Рикмана, А. Мусина-Пушкина, А. Моркова, А. К. Разумовского, Палена, О. М. Штакельберга и др.; за XIX в. материалы деятельности С. П. Румянцева, А. Будберга, Д. Алопеуса, П. К. Сухтелена, Г. А. Строганова, Л. С. Потоцкого, А. С. Криднера, Я. А. Дашкова и др.

В разделе «*Muscovitica 6*» сосредоточены протоколы конференций шведских властей с членами русских посольств в Швеции 1633—1791 гг. (14 томов, около 1350 лл.). Это — документы XVII в., касающиеся подтверждения Столбовского, Кардисского и Плюсского мирных договоров, вопросов о перебежчиках и пограничных спорах и материалы за XVIII в. по вопросу о русско-шведском оборонительном союзе.

Раздел «*Muscovitica 7*» состоит из 8 томов копий (на шведском, частью на русском языках) договоров между Россией и Швецией 1323—1812 гг. (свыше 2000 лл.).

Раздел «*Muscovitica 8*» включает в основном книги и собрания копий разных документов (преимущественно на шведском языке) 1537—1846 гг. (17 томов, около 2200 листов). Здесь мы находим документацию, относящуюся к переговорам между Швецией и Россией, переписку русских царей и шведских королей и т. д. Среди копий попадаются и подлинные документы (письма шведского короля Густава III конца XVIII в.).

Раздел «*Muscovitica 9*» составляет архив шведского посольства в Петербурге 1812—1880 гг. (103 дела преимущественно на французском яз., свыше 29 тыс. лл.). Архив состоит главным образом из депеш Министерства иностранных дел Швеции, нот русского правительства и писем шведских консулов.

Важные для советской исторической науки материалы можно найти в коллекции «*Extranea*». Это русские документы (в оригинале и в переводе на шведский язык), попавшие в руки шведских властей и войск, а также материалы, касающиеся России (на шведском, немецком, голландском, французском языках) 1504—1838 гг. (14 томов, около 3000 лл.). Среди них дипломатические бумаги, документы, характеризующие экономику, финансы, военное дело, а также письма к русским военнопленным в Швецию из России и письма русских пленных на родину.

Из источников XVI в. представляют интерес клятвенная запись опричников Таубе и Крузе Ивану Грозному (копия на немецком яз.); судное дело по денежному иску «человека» доктора Елисея (Бомелия) — «немчина» Герта Фреза к Богдану Скугорину (1571 и следующих годов); «проезжие» грамоты псковского воеводы И. П. Шуйского псковским торговым людям, едущим с товарами в Колывань (1584—1586 гг.); челобитная «свицкого немчина» Мелхера Гунтера царю Федору Ивановичу об уплате денег за товары, отобранные в Новгороде; грамота царя Федора Ивановича Любеку и другим ганзейским городам (1594 г.).

Дело Герта Фреза заслуживает внимания особенно потому, что в нем содержатся новые детали о походе Ивана Грозного на Новгород в 1570 г. В своих показаниях Герт Фрез сообщал: «...И в те поры государь царь и великии князь Иван Васильевич всея Руси поехал в Великии Новгород, а меня взял с собою в Новгород, а иск мои и протор за мои живот и за волокиту тысячю рублев хотел дати мне ис своея государьскои казны в Новгороде, а на Богдане (Скугорине.— *Авт.*) велел доправити в свою государьскую казну на Москве. И как государь приехал в Великии Новгород, и в те поры к государю из Юрьева пригонили и сказали, что отъехал от государя из Юрьева князь Ивантув да Илерд Круш к литовскому королю. И государь на немец в те поры роскручинился, и яз, государь, о своем деле в те поры государю бити челом не смел...» («Extranea», № 156).

Из памятников XVII в. в этом собрании имеются грамоты Бориса Годунова бранденбургскому курфюрсту Иоахиму Фридриху 1605 г., боярский список 1613 г., краткое топографическое описание России первой половины XVII в. (на голландском языке), копии и переводы писем царям Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу от правителей Австрии, Польши, Дании, Франции, Бранденбурга, Персии, Турции, Курляндии, описание восстания 1648 г. (на немецком языке), псковские акты конца XVII в. и т. д.

Из документов начала XVIII в. заслуживают внимания письма и бумаги, захваченные шведами у русского дипломатического курьера, урядника Преображенского полка А. Темирева, посланного в 1705 г. с царскими грамотами в Голландию к послу А. А. Матвееву. Здесь грамоты Петра I 1705 г. А. А. Матвееву с полномочиями на заключение договора с Голландией «о купечестве на Балтийском море»; французскому королю Людовику XIV с предложением об установлении дружественных отношений и свободной торговли, о возвращении захваченных французскими судами русских торговых кораблей, а также об отправлении во Францию русского посла А. А. Матвеева для переговоров, секретная инструкция А. А. Матвееву, посланному к Людовику XIV.

Из частной переписки начала XVIII в. по колоритным бытовым подробностям привлекают внимание письма русских солдат и офицеров из-под Нарвы 1700 г., письма к А. А. Матвееву его тещи Анны Барятинской, вотчинного приказчика Богдана Булатова и др.; письмо 1705 г. Петра Шафирова к своему брату М. П. Шафирову («студиозу юриспруденции московского народа во Утрехте»). Среди перехваченных шведскими властями бумаг следует упомянуть также письма из Стокгольма бывшего резидента в Швеции А. Я. Хилкова 1705—1715 гг. братьям, матери, дочери и другим лицам, письма 1715 г. русских военнопленных в Швеции Ивана Чередеева, Анисима Исакова, Якова Неелова, Артамона Головина к своим родственникам и знакомым и т. д.

Из документов второй половины XVIII — начала XIX в. в «Extranea» находим табель о сборах в Петербургской портовой таможне в 1725—1744 гг., ведомость о продукции металлургических заводов в России в 1766 г., письма канцлера Н. П. Румянцева русскому посланнику в Швеции 1808 г., ведомость о доходах России в 1820 г., обзор внутреннего состояния России в 1822 г. и т. д.

Заслуживают быть отмеченными экстракты на шведском и голландском языках из иностранных газет о событиях в России в 1580, 1607, 1620—1812 гг. Специальное внимание обращено на восстание Степана Разина. В этой же коллекции имеется «С.-Петербургская газета» за 1731—1813 гг. (на немецком яз.).

Совершенно особые разделы «Extranea» представляют новгородские и смоленские документы. Новгородские столбцы (в количестве 351, около 6000 лл.), книги и тетради (в количестве 139, около 12 тыс. лл.) охватывают период с 1590 по 1617 г. Это делопроизводство Новгородской приказной избы, вывезенное из Новгорода (после окончания шведской интервенции) Яковом Делагарди и Эверт Горном, возглавлявшими управление городом в момент его оккупации шведами [5].

Дошедшие до нас книги весьма разнообразны по своему содержанию. Книги переписные, дозорные и обыскные дают представление как о помещичьем, монастырском и дворцовом, так и о крестьянском хозяйстве, рисуя запустенье, явившееся следствием интервенции. Обычно указываются поименно убитые, умершие и разошедшиеся «безвестно» крестьяне. В то же время определяются размеры наделов и посевов крестьян, зарегистрированных переписью.

По окладным, отдельным и «дачным» (раздаточным) книгам можно восстановить историю поместного землевладения в период шведской оккупации Новгорода. Дополнительным источником в этом отношении являются записные книги пошлин с поместных дел, с выдачи отдельных и ввозных грамот. Наконец, интересны сыск-

[5] К. И. Якубов. Русские рукописи Стокгольмского государственного архива. ЧОИДР, 1890, кн. 1, отд. II. стр. 1—38; кн. 4. отд. III стр. 39—78.

ные книги, в которых собраны сведения о землевладении и крестьянах «вдовых боярынь» и недорослей.

Важный материал сохранился по так называемым «изменничьим» (с точки зрения оккупантов) поместьям, т. е. поместьям, принадлежавшим лицам, которые уехали из Новгородской земли и вступили в активную борьбу с ее захватчиками. Отписные и выдельные книги содержат данные, касающиеся отписки таких поместий на шведского королевича Карла-Филиппа с определением повинностей крестьян в размере пятого снопа с «живущих» деревень и четвертого снопа — с пустошей. В ужинных («пожонных») и умолотных книгах зафиксированы специально посланными для этого лицами результаты снятия в поместьях «отъехавших» служилых людей урожая (в копнах) и указан ожидавшийся (на основе произведенного опыта), а иногда и действительный умолот. В отдаточных (раздаточных) книгах записаны сведения о выдаче «опального» хлеба из конфискованных поместий дворянам и детям боярским, служившим шведскому правительству.

Специальные книги относятся к дворцовым селам, владельцем которых в период оккупации считался королевич Карл-Филипп. Так, значительный интерес представляют ужинные и умолотные книги «государеву десятинному пашенному хлебу» по различным дворцовым селам. Особо указывается количество «выдельного хлеба», то есть размеры крестьянских посевов на государя (из расчета каждый пятый или четвертый сноп из урожая). Наконец, фиксируется «пустотный хлеб» (то есть посевы убитых, умерших или беглых крестьян) и регистрируются «охудалые» и «збавочные» земельные участки (т. е. наделы обедневших крестьян, нуждавшихся в льготе). Для характеристики хозяйства на дворцовых землях источником являются также приходо-расходные книги «государеву хлебу и запасом» и книги мельничных целовальников. В «припмочных» книгах регистрировался сбор «корма» (денежного и натурального) с русских людей на содержание шведских войск, а в «раздаточных» — выдача этого жалования.

Для истории самого Новгорода в период шведской оккупации имеют значение список новгородских ремесленников, составленный по улицам (год не указан), а также записная книга купчим на дворы и лавки 1611—1612 гг. Интересный материал имеется по вопросу о торговле и товарном производстве в Новгородской земле. Это — списки, составленные в 1612 г. в Повенецкой таможной избе, крестьян, которые «от моря солью мимо Повенец, не платя государевы пошлины, проехали», книга сбора таможенных пошлин в устье Невы с торговых людей (русских и шведов), которые ездили в Орешек, Новгород и обратно и «стоя торговали на Невском устье» (1605 г.), Новгородские таможенные книги 1610—1611 гг., 1614—1615 гг. Особо следует отметить книгу (1612 г.) сбора весчих пошлин с хлебов и калачей.

Заслуживают внимания приходо-расходные книги Новгородского денежного двора, кабацкие, книги сбора банных пошлин. В книгах денежного двора указывается сумма купленных у населения и розданных мастерам для сплава «старых денег». В кабацких книгах помещены сведения о количестве вина, взятого из государева погреба в кабаки, о количестве сваренного пива, о прибыли, полученной после продажи напитков населению.

Хорошо известно, какой богатый источник по социальной истории представляют собой кабальные книги. В рассматриваемых материалах новгородского происхождения сохранились две такие книги: 1614—1615 гг. и 1615—1616 гг. В качестве источника по истории классовой борьбы могут быть использованы записные книги пошлинам, взятым с разных дел на Судном дворе («с кабальных судов», с «татиных дел», «с холопьех приводов и выдачи, с холопьев и с крестьянских голов»). Это сведения первостепенной важности.

Данные по истории Новгорода, содержащиеся в различных рассмотренных выше книгах, в значительной мере дополняются материалом столбцов — делопроизводством Новгородской приказной избы периода шведской интервенции. Суд и управление в Новгороде вершились в это время от имени шведского королевича Карла-Филиппа «боярином большим и ратным воеводой Яковом Пунтосовичем Делагарди»,

«бояриным и ратным воеводой Эверт Карлусовичем Горном», бояриным и воеводой князем Иваном Никитичем Одоевским, секретарем Моншей Мартиновичем.

Большое число столбцов представляет собой поместные дела. Они возникли по челобитьям новгородских служилых людей о пожаловании их поместьями «в оклад» и на «прожиток», о мене поместными землями и т. д. При этом некоторые дела восходят еще ко времени Федора Иоановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского. Таким образом, восстанавливается за длительный период история землевладения в Новгородской земле, связанная с политическими и международными отношениями. Имеется значительное количество «ввозных» грамот.

Заслуживают внимания политические биографии служилых людей: с одной стороны, некоторые из них участвовали в борьбе с интервентами (польскими и шведскими) и погибли в сражениях с ними, другие — бежали с оккупированной территории. Видно, что росло национально освободительное движение против шведских оккупантов, в котором принимали участие и широкие массы поместного дворянства. Отражена в поместных делах и другая сторона: роль дворян в подавлении крестьянских движений, в борьбе с восстанием, возглавленным Болотниковым, и т. п.

Интересные сведения имеются в рассматриваемых делах о судьбе поместных земель в Новгородской земле. Сохранились росписи помещиков и поместий. Рисуется яркая картина разорения последних в результате интервенции. Некоторые поместья, как выясняется, оказываются захваченными «ворами» (а этим термином часто обозначались в документах восставшие крестьяне). Важным источником являются коллективные и индивидуальные челобитные помещиков о дозоре их земель и о сыске беглых крестьян и холопов, которые, убегая, иногда захватывали с собой поземельные документы (например, ввозные грамоты). В некоторых челобитных имеются просьбы помещиков о выдаче им из тюрем заключенных туда холопов (это разрешалось указом Василия Шуйского). Все это — яркий материал для изучения общественно-политических отношений и классовой борьбы.

Наиболее интересной чертой новгородских документов является наличие среди них значительного числа дел, рисующих положение крестьян на землях поместных, монастырских, дворцовых. Наибольшее значение для исследователей имеют, конечно, коллективные челобитные самих крестьян об отягощении их повинностями, в частности работами на государевой десятинной пашне, о правеже с них денежных и натуральных кормов (хлеба, скота, хмеля, солода и т. п.) в пользу «немецких людей» (т. е. шведских войск), об ограблении (а иногда и убийстве) крестьян шведскими ратными людьми, бывшими на постое в деревнях. Данные, содержащиеся в крестьянских челобитных, дополняются сведениями правительственных документов, касающихся земельных переписей и договоров, организации государевой десятинной пашни, взимания с крестьян «заемного хлеба», сбора жалованья (денежного и хлебного) «немецким людям», организации косьбы на них сена, поставки для них подвод, привлечения «посошных людей» для «острожного дела» и т. д. Сохранились списки «посошных людей», выставленных крестьянами; росписи крестьян, как проживающих на землях поместных, дворцовых и монастырских, так и умерших и вышедших в другие места, наличного хлеба («выдельного» в дворцовых селениях, «отписного» в конфискованных поместьях). Много важных сведений дают поручные записи по крестьянам в исполнении ими государственных и частновладельческих повинностей. Наконец, следует отметить многочисленные выписи из дозорных, писцовых, ужинных, умолотных книг, приходных книг дворцовых сел и т. д. Это важное дополнение к самим книгам, о которых речь шла выше.

Богатый материал имеется о беглых крестьянах (их росписи по сказкам старост и целовальников; обыски о беглецах; сыскные дела; допросы беглых; челобитные крестьян, оставшихся в опустевших селениях, о невзимании с них повинностей за пустые дворы и т. д.). Беглые крестьяне скитались в лесах, находили приют у посадских людей, составляли отряды «шишей» (своего рода партизан) и т. д. При попытке задержать их и вернуть на прежние места жительства беглые крестьяне оказывали сопротивление. Острую классовую борьбу рисуют дела о неповиновении

крестьян помещикам и органам государственной власти, главным образом при взыскании повинностей. Внутренние общественные отношения среди крестьян характеризуют записи о выборе целовальников.

Из документов, относящихся к жизни горожан в период шведской оккупации Новгорода, в первую очередь следует назвать челобитные посадских людей. В них, как и в крестьянских челобитных, звучат жалобы на тяжесть повинностей в пользу «немецких людей», содержатся просьбы сбавить податной оклад. Посадские люди — плотники, взятые на пушечный двор, жалуются на то, что их семьи «помирают с голоду». Мельничные мастера-целовальники просят выдать им хлебное жалованье. Имеются просьбы о пожаловании дворовых мест. Из других источников, касающихся положения посадских людей, надо упомянуть поручные записи в выполнении ими повинностей, купчие на дворы и лавки (ценное дополнение к соответствующим книгам, о которых шла речь выше), списки посадских жителей, у которых взяты сукна, или торговых людей, у которых «в рядах» отобраны хлебы на «немецких людей», дело о привлечении «веревочных мастеров» к выделке фитилей «на государев обиход».

Для изучения экономики города имеют значение такие материалы, как приходо-расходные росписи новгородских приказов, данные о сборе весчим целовальником помытных денег с хлебников и калачников, кабацкие дела со сведениями о продаже вина и пива и т. д. Имеются сведения об остром недостатке среди населения соли, в силу чего были случаи, когда крестьяне громили соляные запасы. Очень важны материалы о торговых связях новгородских районов, оккупированных шведами, с ближайшими уездами, независимыми от оккупантов. Вопреки распоряжениям шведского правительства в Старорусский и Порховский уезды приезжали торговые люди из Пскова и вели торговлю кожей, салом, пенькой, льном.

Организация военной обороны и приказного аппарата в Новгороде может быть освещена по таким источникам, как дела об устройстве осадных дворов, службы стрельцов, челобитные о жалованьи подьячих и рассыльщиков, поручные по них записи и т. д.

Ярко выступает из документов установленная в это время система политического сыска, которая, однако, не могла задавить народный протест. Эту систему рисуют «изветы» относительно предполагаемых «отъездов» новгородских людей в Москву, Псков и другие места, «обыски» про «непригожие речи»; поручные записи, бравшиеся новгородскими властями по крестьянах, посадских, служилых людях, стрельцах и т. д. с обязательством не «отъезжать» из Новгорода, не слушать «смутных речей», не ссылаться «письмами» и «грамотками» с теми, кто не сочувствует установившемуся в Новгороде порядку. Специально такие поручные записи брались по выходцах из Псковской земли, где были русские власти. В Новгороде тюрьмы были заполнены. Челобитные тюремных сидельцев — важный источник по истории классовой и народно-освободительной борьбы.

Много данных в новгородских столбцах о «шишах», боровшихся со шведскими властями. Иногда национальная борьба перерастала в борьбу социальную — против гнета со стороны как иноземных, так и русских феодалов-крепостников. По своему социальному составу «шиши» были главным образом крестьянами. Как видно из новгородских столбцов, некоторые новгородские деревни были целиком заняты крестьянами-«шишами», которые поддерживали связи с псковским населением. В донесениях новгородских приказных людей, ездивших из центра в сельские местности, очень часты жалобы на то, что там действуют «воровские люди шиши», что из-за «воровской смуты» нельзя проехать, что «шиши» «погромили» деревни, учан, судно с рожью и т. д. «Шиши» были связаны с жителями Новгорода, останавливались на их дворах. В ряды «шишей», как указывалось выше, попадали и мелкие служилые люди.

Новгородские столбцы представляют ценный источник не только для изучения жизни Новгородской земли в период шведской оккупации. Они имеют и более широкое значение, в известной мере (хотя бы по частям) позволяя воссоздать картину

состояния Руси в течение первых двух десятилетий XVII в., в годы крестьянской войны и иноземной интервенции. В целях воссоздания такой картины следует использовать «сказки» людей разных сословий, уходивших по различным причинам из Новгорода и по истечении некоторого времени возвращавшихся обратно, а также «сказки» лиц, пришедших сюда из других мест. На допросах они рассказывали о своих странствиях, передавали те слухи, которые дошли до них в пути; по их показаниям можно составить представление о том, что происходило под Смоленском, Москвой и т. д.

Специально надо остановиться на новых материалах, относящихся к выдающемуся политическому писателю начала XVII в.— дьяку Ивану Тимофееву — автору «Временника» [6]. Известно, что Иван Тимофеев пробыл в Новгороде в течение всего периода оккупации города шведами и его впечатления этого времени отразились во «Временнике». Но данные о жизни и деятельности Ивана Тимофеева в указанный период чрезвычайно скудны. Сохранившиеся среди новгородских столбцов три судебных дела в известной мере восполняют пробел в биографии Ивана Тимофеева. Одно из них относится к 1611 г. Оно возникло по обвинению Ивана Тимофеева в утайке образов из «опального» имущества Михаила Татищева, опись которого была произведена в присутствии дьяка. Из дела выясняется круг тех представителей новгородского общества, к которым был близок или с кем сталкивался Иван Тимофеев (протопоп Амос, гость Степан Иголкин). Отчетливо выступает близость Ивана Тимофеева к князю М. В. Скопину-Шуйскому. Второе дело (1613 г.) содержит челобитную Ивана Тимофеева о пожаловании его рожью в отписном поместье Г. П. Загоскина, «сбежавшего» из Новгорода. Наконец, третье, большое и полное колоритных подробностей дело началось в 1615 г. по обвинению Ивана Тимофеева дьяком Пятым Григорьевым в присвоении казенных денег. Здесь же — челобитье Ивана Тимофеева об «управе» на Пятого Григорьева, его «обесчестившего».

Помимо данных о служебном и материальном положении Ивана Григорьева, помимо некоторых подробностей, могущих быть привлеченными для понимания текста «Временника», эти дела представляют интерес и потому, что они сохранили нам челобитные Ивана Тимофеева. Если челобитные являются автографами дьяка, то они могут дать новый материал для палеографического анализа рукописи «Временника» в целях решения до сих пор неясного вопроса, принадлежит ли один из почерков, которым она написана, самому автору.

В целом материалы новгородского происхождения представляют весьма существенный интерес для советской исторической науки.

Смоленские столбцы, характеризующие национально-освободительную борьбу русского народа против польских интервентов, осадивших, а в 1611 г. и захвативших, Смоленск, были вывезены по окончании интервенции в Польшу. В 1655 г. шведы, оккупировав территорию Польши, увезли эти документы в Швецию. Сохранилось 8 связок, содержащих 75 столбцов и мелких связочек. В значительной части они опубликованы Ю. В. Готье [7].

В особую коллекцию выделено *260 договоров* России и Швеции 1537—1897 гг. (на русском, шведском, немецком и французском яз.). Среди них договоры о перемирии 1561, 1564, 1583 гг., договоры Валиесарский 1658 г., Кардисский 1661 г., Плюсский 1666 г., Ништадтский 1721 г., Выборгский трактат 1723 г., договоры об оборонительном союзе между Россией и Швецией 1724 г. (с последующим продлением в 1735 г.), Абовский 1743 г., об оборонительном союзе 1745 г. (с возобновлением в 1758 г.), Верельский 1790 г., об оборонительном союзе 1799 г., Фридрихсгамский 1809 г., об оборонительном и наступательном союзе 1812 г. Кроме того, в эту коллекцию входят полномочные и охранные грамоты русского и шведского правительств послам, ратификации договоров, отдельные статьи к ним, специальные трактаты, декларации, ноты, конвенции и протоколы. Таковы, например, декларация о безопасности тор-

[6] Временник Ивана Тимофеева. Подгот. к печати, перевод и коммент. О. А. Державиной. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР. М.— Л., 1951.

[7] Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. Под ред. Ю. В. Готье. М., 1912.

говли и мореплавания в Балтийском море 1758 г., конвенция о вооруженном морском нейтралитете 1780 г., трактат о дружбе, торговле и мореплавании 1801 г., почтовая конвенция 1810 г., конвенция о дружбе и торговле 1828 г., почтовая конвенция 1846 г., телеграфная конвенция 1860 г., конвенция о почтовой связи 1895 г., декларация о телеграфной связи 1897 г. и т. д.

Из 50 томов (свыше 15 тыс. лл.) состоит так наз. *«Военно-историческая коллекция»*. В ней собраны документы, относящиеся к Ливонской войне XVI в. и войнам России и Швеции 1554—1557 гг., 1570—1595 гг., 1609—1617 гг., 1656—1660 гг., 1700—1721 гг., 1740—1743 гг., 1788—1790 гг., 1808—1809 гг. Это в основном документы шведских учреждений на шведском языке.

Из документов XVI в. представляют интерес прокламации шведского короля Иоанна III 1573 и 1581—1582 гг. (на русском и шведском языках), адресованные к населению Новгорода, Юрьева, Яма, с призывом к переходу в шведское подданство. Прокламации содержат обращение к князьям, воеводам, духовенству, служилым, посадским и «всем черных людям». Дается резкая оценка политики Ивана Грозного, проводимой через опричнину («а Ваш княз великии зоветцся государем крестьянским, а чинит однако над всеми вами не по крестиянски и всех вас со женами и с малыми детками не крестиянскими казними казниты»). Всем русским людям, которые перейдут на сторону Швеции, король обещает «вольности... в торговлех и во иных... надобех», землевладельцам — сохранение их вотчин и поместий, а также новые земельные пожалования.

Среди материалов о русско-шведской войне 1609—1617 гг. обращают на себя внимание: письма русских ивангородских и псковских воевод к ругодивскому «державцу», списки с грамот Д. М. Пожарского из Ярославля к новгородским властям и к Я. П. Делагарди 1612 г.: частные письма русских людей; ведомость об умерших в период с 1 сентября 1614 г. по 20 апреля 1615 г. жителях Новгорода (7652 чел.).

Весьма значительна документация, касающаяся Северной войны 1700—1721 гг. (официальные бумаги, письма Карла XII и шведских генералов и т. д.). Имеются сведения о снабжении шведской армии, о военных действиях, о шведских военнопленных в России и русских пленных в Швеции (в том числе их письма).

В коллекции *«Торговля и мореплавание»* собраны документы (на шведском и немецком языках) 1591—1813 гг. Коммерц-коллегии и других шведских учреждений, представляющие интерес для изучения торговых связей России и Швеции (5 томов, до 1400 лл.). Отдельные группы дел рисуют торговлю Швеции с Москвой, Новгородом и Псковом.

Интересные для советской науки данные по истории народов СССР можно найти в коллекциях «Cosacica», «Tatarica» и «Moldava-Valachica».

Материалы *«Cosacica»* (главным образом на шведском и латинском языках), охватывающие период 1654—1747 гг., разбиты на два тома (около 660 лл.). В первом томе сосредоточены письма и донесения шведского резидента Даниэля Оливеберга Карлу X Густаву из Львова, Ясс, Трансильвании, о событиях на Украине 1655—1658 гг., письма Богдана Хмельницкого (1654—1657 гг.) и Ивана Выговского (1654—1658 гг.) шведскому королю Карлу X Густаву и польским властям, документы о переговорах между Швецией и казаками 1655—1660 гг., бумаги о шведских посольствах к Богдану Хмельницкому 1657 г. и т. д. Во втором томе собраны письма и мемориалы украинского гетмана Филиппа Орлика шведским королям Карлу XII, Ульрике-Элеоноре и Фридрику I, а также в Иностранную коллегию, письма жены, дочери и сына Орлика и казацких старшин шведским властям (1711—1747 гг.).

«Tatarica» включает материалы, касающиеся сношений Швеции с Крымом через Россию (два тома, 200 лл.): письма и депеши шведских послов в Крымском ханстве своему правительству, 1592—1713 гг.; документы о переговорах между Швецией и Крымом, 1592—1742 гг.; письма крымских ханов шведским королям, 1655—1742 гг.

Коллекция *«Moldava-Valachica»* содержит документы, касающиеся сношений Молдавии со Швецией 1598—1744 гг. (один том, 160 лл.). Должны быть отмечены

письма молдавских господарей Георгия Стефана, Константина Щербана, Николая Маврокордато, Дмитрия Кантемира и др. шведским королям (на латинском яз.), письма и мемориалы молдавских посланников (1659—1665 гг.), письма из Молдавии капитана Давида де Бриана (1712—1714 гг.), письма асессора Самоэля Гюльтена из Бухареста и Тарговиц (1713 г.) и т. д.

Громадный по объему и очень ценный по содержанию документальный материал сосредоточен в двух группах, объединенных одним названием «*Livonica*», одна из которых входит в отдел «Дипломатика», а другая составляет так наз. «Главную серию». Первая группа заключает семь томов (около 1150 лл.) документов, касающихся сношений Швеции с Ливонским орденом за 1421—1605 гг.: письма шведских посланников, агентов, корреспондентов королю и герцогу Иоганну (1523—1563 гг.), оригиналы писем магистров Ливонского ордена, коадъюторов, разных орденских чиновников и церковных властей шведскому королевскому двору (1523—1563 гг.), письма властей города Риги королю Юхану III, Государственному совету и герцогу Карлу (1570—1600 гг.), материалы переговоров между Швецией и Ригой (1421—1605 гг.) и т. д. В «Главную серию» включены документы 1562—1712 гг., в основном касающиеся шведского управления в Прибалтике (868 томов, до 12 тыс. лл.). Здесь в свою очередь две группы материалов: 1) дела Королевской канцелярии, Государственного совета и коллегии по управлению Лифляндией, Эстляндией, Ингерманландией и островом Эзелем; 2) архивы генерал-губернаторов Эстляндии, Лифляндии, Ингерманландии и острова Эзеля, Лифляндской консистории, Дерптского (Юрьевского) университета и т. д. Из документов, не относящихся к шведскому управлению в Прибалтике, представляет интерес архив магистра Ордена.

Кроме Государственного архива Швеции, источники по истории России и русско-шведских отношений хранятся в К о р о л е в с к о м в о е н н о м а р х и в е. Там находятся коллекции документов по истории русско-шведских войн 1700—1721 гг. (433 тома), 1788—1790 гг. (116 томов), 1808—1809 гг. (412 томов).

Первая коллекция (касающаяся Северной войны 1700—1721 гг.) состоит главным образом из остатков полевых архивов шведских армий и документов финансового характера Военной коллегии, Камер-коллегии, касающихся организации и действий отдельных армий, рекрутских наборов, военнопленных и т. д.

Во вторую коллекцию (относящуюся к 1788—1790 гг.) входят протоколы совещаний при короле, с участием статс-секретаря Эрика Рутте, генерал-адъютанта Толля, документы Главного штаба и Канцелярии генерал-адъютанта (приказы, оперативные сводки, сведения о количестве и состоянии русских сил и т. д.), приказы, рапорты и другие материалы полевых канцелярий. Следует также отметить 27 папок русских документов, захваченных во время войны 1788—1790 гг. Это материалы Финляндского егерского корпуса третьего батальона Невского пехотного полка и Рязанского пехотного полка (аттестаты, ордера, ведомости, указы, рапорты, формулярные списки, приходо-расходные книги, счета и т. д.). В числе захваченных шведами бумаг имеется также тетрадка, в которой переписано 12 песен («сии песни Рязанского пехотного полка подпрапорщика»), некоторые из которых посвящены войне со Швецией.

Документы коллекции 1808—1809 гг. распределены таким образом: сначала идут материалы Королевского штаба и Канцелярии генерал-губернатора, затем — дела отдельных фронтов, подразделений, «крыльев», бригад.

В Королевском военном архиве имеется интересное для советской науки *собрание карт и планов*. Это: 1) генеральные карты России 1648—1867 гг. (печатные, 59 №№); 2) топографические карты и планы России 1633—1784 гг. (рукописные, 40 №№); 3) планы русских городов и крепостей XVII—XIX вв. (рукописные и печатные, 120 №№); 4) карты и планы военных действий в период Северной войны (68 №№); 5) карты Лифляндии и Курляндии 1621—1750 гг. (рукописные и печатные, 36 №№); 6) карты Ингерманландии и Эстляндии 1681—1811 гг. (рукописные и печатные, 30 №№).

Наиболее ранние топографические карты России относятся к 1633 г. (Волга и

Кама), 1650—1670 гг. (Днепр), 1690 г. (Черное море, Перекоп, Крым). На рубеже XVII и XVIII вв. составлена карта дельты Дона. К началу XVIII в. относится карта Европейской России и Сибири. Значительное число карт и планов первой половины XVIII в. посвящено Ладожскому каналу. Имеются карты области Каспийского моря, Сибирской экспедиции Беринга, Казани (1734 г.). Второй половиной XVIII в. датируются карты Пермского наместничества, Сибирских линий (редут Песчаный — крепость Омская — крепость Устькаменогорская — город Кузнецк), Крыма (1784 г.). Заслуживает внимания «роспись» 1777 г. казенных и частных металлургических заводов Сибирской и Оренбургской губерний со сведениями о времени основания, количестве домен, горнов, печей, о размерах продукции (золото, медь, чугун, железо), о числе мастеровых людей и приписных крестьян.

Объяснения к топографическим картам даны как на шведском, так и на русском языках.

Имеются следующие планы городов и крепостей: Азова, Архангельска, Астрахани, Бахмута, Гатчины, Екатеринбурга, Казани, Киева, Кронштадта, Москвы, Новгорода, Омска, Оренбурга, Очакова, Перекопа, Пскова, Петербурга, Смоленска, Тобольска, Тулы, Херсона, Шлиссельбурга. Большинство планов относится к XVIII в., частично — к XIX в. Планов XVII в. немного, среди них особенно достопримечательны планы Пскова (1615 г.), Гродно (1655 г.), Азова (1697 г.), Тулы. Больше всего планов Петербурга.

Наиболее интересные военные карты и планы периода Северной войны относятся к действиям под Нарвой (1700 г.), Сестрорецком (1703 г.), Ниеншанцем (1703 г.), Нарвой (1704 г.), Головчиным, Могилевом, Молвятичами, Тикочиным, Лесной (1708 г.), Полтавой (1709 г.), к Прутскому походу 1711 г., к морским сражениям 1713—1714 гг.

В Королевской национальной библиотеке хранится 135 автографов русских общественных, политических деятелей, ученых, писателей и т. д. XVIII—XX вв. (на русском, французском, немецком, шведском яз.): письма русских царей (Петра I, Екатерины II, Александра I, Николая I, Александра II) [8] шведским королям; письма разным лицам Н. Панина (1754 г.), Г. Потемкина (1777 г.), А. И. Мусина-Пушкина (1780 г.), А. Безбородко (1790 г.) и др. [9] Интересны письма Ф. Булгарина 1838 г., в которых он рассказывает о своих впечатлениях о Стокгольме и Швеции. В письме (на французском яз.) выдающегося русского историка С. М. Соловьева неизвестному адресату подробно говорится об истории некоторых рукописных собраний Польши, попавших в Россию. Наконец особо следует упомянуть об одном письме А. С. Пушкина.

Из списков русских литературных памятников в Королевской национальной библиотеке хранится «Новый летописец», на первой (пустой) странице рукописи которого — надпись: «Historia Moschorum Tyranni Ivan Wasiliewitz Eyusdem Bellicum Suecis ... et discriptis Siberias».

На первых листах внизу — владельческая запись: «Летописец стольника Поликарпа Евсигнеевича Дурасова, а потписал брат ево Анисим Евсигнеевич Дурасов». Выдающийся интерес представляет пергаменная «скра» немецких купцов в Новгороде конца XIV в.

В библиотеке Упсальского университета хранится собрание греческих и славянских рукописей (68 №№). Среди них «Книга Большого чертежа» (список XVII — начала XVIII в.), «Лексикон славяно-латинский» и «Лексикон латино-славянский», составленные в Москве в 1686 г. по инициативе известного шведского дипломата и культурного деятеля (побывавшего в России) И. Г. Спарвенфельда [10], «Лексикон» Епифания Славенецкого, польская хроника Стрыйковского,

[8] Четыре письма из этого собрания (Петра I, Екатерины II, два письма Александра I) напечатаны С. В. Арсеньевым. См.: «Письма русских государей, хранящиеся в Королевской библиотеке в Стокгольме». ЧОИДР, 1900, кн. 3, отд. IV/2, стр. 10—12.

[9] Здесь же письма Филиппа Орлика разным лицам.

[10] См. о нем: C. Vilh. Iacobowsky. I. G. Sparwenfeld bidrag en till biografi. Stockholm, 1932.

чехо-латинский лексикон, польско-русский лексикон, «шведский букварь языка словенского», историческое описание посольства Никиты Толочанова при царе Алексее Михайловиче, опись имущества Ивана Окунева при царях Петре и Иване Алексеевичах. Нет надобности специально останавливаться на хорошо известном сочинении Г. К. Котошихина.

В рукописном собрании библиотеки гимназии в Вестеросе внимание советских ученых не могут не привлечь четыре больших сборника, составленных по инициативе упомянутого выше Спарвенфельда. На обстоятельства возникновения рукописей указывает имеющаяся на одной из них (№ Ad 11) помета: «Сия книга Иоанна Гаврила Спарвенфелта шлахты свейскаго, жалование Андрея Артемоновича ко мне в царствующем граде Москве лета от воплощения бога слова 1686, да будет давшему и стяжателю спасение, мир и благословение от господа бога вседержителя, ему же да будет слава и похвала во веки веков, аминь». В другом сборнике (№ Ad 12) имеются следующие справки под текстами отдельных произведений: «Тщанием Иоанна Спарвенфелта его ж и есть списано на Москве лета от создания мира 7194-го, от воплощения бога 1685-м году»; «...списано повелением Иоанна Г. Спарвенфелта в нынешнем 7194-м году в месяце сентевря».

Содержание сборников разнообразно. В первом из них (Ad 9) помещена (на 756 стр.[11] окладная книга, в которой перечислены служилые люди по пяти Новгородским пятинам: городовые, дворовые, выбор, гусары, ротмистры гусарского строя, конейного строя, рейтарского строя, уездные новокрещены поместные и кормовые, отставные дворяне московские, земцы. Во втором сборнике (Ad 10, 1867 стр.) собраны такие произведения, как «Книга лошадинаго учения», изданная в 1653 г. в Брауншвейге, а в 1670 г. переведенная с французского на русский язык; Хроника Феодосия Софоновича 1672 г., описание Ново-Иерусалимского Воскресенского монастыря, 1685 г., «Книга, глаголемая Проблемата, о прирождении и ставлении удов человеческих и зверей многих», притчи и житие Эзопа, «Книга Большого чертежа», «Описание Новыя земли сиречь Сибирскаго царства», чин венчания на царство русских царей, родословия великих князей и т. д. В третий сборник (Ad 11, 1675 стр.) вошли «Книга степенная царского родословия», «Новый летописец», «Летописец вкратце», «Родословец великих князей великия России». Четвертый сборник (Ad 12, 918 стр.) включает в свой состав «Казанский летописец», «Новый летописец»[12].

Интересны для советских ученых материалы конца XIX в. и XX в., сосредоточенные в Архиве Министерства иностранных дел Швеции. Там были просмотрены документы, касающиеся истории России и русско-шведских отношений с 70-х гг. XIX в. до 1917 г. (40 групп дел, около 23 тыс. лл.). Это донесения шведских миссий в Петербурге своему правительству; годовые отчеты шведских консулов в Петербурге, Москве, Архангельске, Кронштадте, Риге, Варшаве, Владивостоке, Ростове, в губерниях Екатеринославской, Полтавской, Таврической и т. д.; материалы о поездках по России шведского генерального консула, торгового атташе и т. д. В делах много интересных сведений об экономических и политических взаимоотношениях России и Швеции. Специальная группа дел касается пароходного сообщения и телеграфной связи между Россией и Швецией. Имеются материалы о торговом судоходстве, о распространении в России сведений о шведской промышленности, о научных экспедициях (дела 1880—1885 гг. об экспедиции Нурденшельда на «Веге», дело 1896 г. о русской экспедиции на шведско-финскую границу для изучения солнечного затмения, дело 1898—1908 гг. об экспедиции по изменению градусной сети на Шпицбергене и т. д.).

Из проблем международного характера затрагиваются «восточный вопрос»

---

[11] Нумерация дана не по листам, а по страницам.

[12] Описание этих сборников см.: Slavica Arosiensia Katalog... av E. Gawryś och P. Janson. Västerås, 1956; St. Dahl. Codex ad 10 der Västeräser Gymnasial. Bibliothek, Uppsala, 1949.

(1902—1912 гг.), вопросы, связанные с русско-японской войной 1904 г., с расторжением шведско-норвежской унии в 1905 г., с первой мировой войной 1914—1917 гг. и т. д.

Большой интерес представляют данные о революционном движении. В 1881 г. к русскому консулу в Хаммерфесте попало случайно приложение к номеру «Колокола» Герцена от 1863 г. Консул потребовал от шведских властей расследования относительно «распространения русских нигилистических прокламаций среди русских моряков в Финнмаркене». В донесениях шведской миссии в Петербурге подробно излагаются революционные события 1905 г. в Петербурге, Баку, Одессе (где Швеция имела консулов). Приводится много выдержек из русских газет (с переводами). В деле 1906 г. содержатся сведения о съезде Российской социал-демократической партии в Стокгольме в 1906 г. К делу приложены вырезки из шведских, немецких и русских газет с сообщениями о съезде. В деле 1907 г. говорится о пребывании в Швеции в мае 1907 г. русской социал-демократической делегации, направлявшейся в Лондон. Имеются письма по этому вопросу русского посланника в Стокгольме Будберга и вырезки из шведских газет, в которых описываются условия пребывания делегации в шведском городе Мальме.

Наш обзор является, конечно, очень кратким. Материалы по истории России и русско-шведских отношений в архивах Швеции, и прежде всего в архивах Стокгольма, значительны. Если мы в очень короткий срок могли, хотя бы и бегло, ознакомиться с большим количеством документов, то мы этим во многом обязаны содействию директора государственных архивов Швеции проф. Андерсона, директора Архива и Министерства иностранных дел Швеции г. Кромнова, директора Королевской библиотеки г. Виллерса, проф. Аттмана, а также сотрудников Государственного архива и Архива МИД гг. Иегершельда, Холма, Карлгрена, Остранда, сотрудников Королевского военного архива и Упсальской университетской библиотеки [13].

[13] Л. В. Черепниным осуществлен просмотр новгородских и смоленских документов (в Государственном архиве в Стокгольме), части картографического материала и русских документов, захваченных шведами в 1788—1790 гг. (в Военном архиве), рукописей Королевской библиотеки в Стокгольме, библиотеки Упсальского университета и гимназической библиотеки в Вестеросе; В. Н. Шумиловым — коллекций «Muscovitica», «Extranea», Военно-исторической коллекции, договоров и трактатов Cosacica, Tatarica, Moldava-Valachica, Livonica (по описям), Торговля и мореплавание (в Государственном архиве), коллекций документов по истории Северной войны, войн 1788—1790 и 1808—1809 гг. и части собрания карт (в Военном архиве); М. И. Александровой — материалов Министерства иностранных дел Швеции и документов по истории русско-шведских отношений в XIX в. Государственного архива.

Сообщения

ПЯТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КРУГЛОГО СТОЛА» АРХИВОВ

Г. А. БЕЛОВ

«Круглый стол» архивов, ведущий свою деятельность с 1954 г., 2—5 июня 1959 г. проводил в Лиссабоне (Португалия) очередную V конференцию, на которой были рассмотрены вопросы, объединенные общей темой «Архивы на службе исторических исследований».

Эта конференция оказалась наиболее многочисленной из всех предшествовавших [1]. В ней приняли участие руководители архивных учреждений 21 страны: Бельгии, Венгерской Народной Республики, Ватикана, Великобритании, Германской Демократической Республики, Греции, Дании, Ирана, Испании, Италии, Польской Народной Республики, Португалии, Нидерландов, Румынской Народной Республики, СССР, Финляндии, Франции, Федеративной Республики Германии, Федеративной Народной Республики Югославии, Швеции, Швейцарии. В работе конференции участвовали архивисты Организации объединенных наций и ЮНЕСКО.

В соответствии с темой конференции главное внимание было уделено трем основным вопросам: 1) о работе читальных залов архивов; 2) о связях между архивами и исторической наукой — «архивы как центры исторических исследований»; 3) о планировании работы архивов, издании публикаций и описей.

По этим вопросам сотрудниками архивов были подготовлены доклады, материалом для которых послужили ответы 37 архивных учреждений 27 стран на разосланную анкету. Как обычно, на конференции доклады не зачитывались; текст их был роздан участникам конференции заблаговременно.

Делегация советских архивистов принимала участие в обсуждении всех вопросов, рассмотренных на конференции, однако в настоящей статье автор останавливается главным образом на опыте работы архивов зарубежных стран.

В докладе о работе читальных залов было оговорено, что общие цифры по этому вопросу оказалось собрать очень сложно, так как статистические данные в различных архивах собираются по-разному. Не вполне идентичны и функции читальных залов: иногда им вменяется выдача дел во временное пользование (по запросам учреждений), в других случаях речь идет о работах чисто научного характера. Некоторые архивы включают в отчетные данные сведения о документах, изучавшихся самими архивистами, другие — нет. В хранилищах ФРГ каждая старинная грамота

---

[1] О работе III—IV Международных конференций «Круглого стола» архивов см. «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 167—173; 1958, № 6, стр. 179—187. Протоколы первых трех конференций см.: Charles Braibant et Robert-Henri Bautier. Une table ronde utile à l'Histoire. Paris, 1958.

составляет отдельную единицу хранения и заключается в конверт, тогда как в других местах, например в Париже, грамоты выдаются исследователю целыми коробками. Часто каждое дело получает соответствующий индекс, а иногда один индекс ставится на целые связки дел. Несмотря на эти трудности, Международным советом архивов собраны интересные сведения, которые получили существенные дополнения в выступлениях участников конференции.

Общим для работы всех архивов является постоянный рост числа читателей. Так, в Дании в 1926—1940 гг. ежегодно в среднем число читателей составляло 8400 чел., а в 1954—1958 гг.— 11600 чел. В Румынии число исследователей в архивах за последние годы увеличилось вдвое, а количество выданных документов — в восемь раз. В читальных залах преимущественно занимаются научные сотрудники исследовательских учреждений, студенты высших учебных заведений, преподаватели высших и средних школ. В последнее время изменилось направление исторических исследований: центр тяжести перемещается к изучению экономической истории, все больше читателей обращается к материалам нового времени. Однако в капиталистических странах исследования генеалогического направления продолжают иметь высокий процент, а в ряде случаев занимают основное место.

Посещаемость архивов иностранцами бывает также самой различной. Если в Дании в читальных залах работают преимущественно датские исследователи, то в исторических хранилищах других стран работа иностранных исследователей становится заметным фактором. Так, в Париже в 1958 г. из 1013 вновь записавшихся читателей 264 были иностранцами из 37 государств.

Принцип свободного доступа отечественных исследователей в архивы признается теперь почти везде, но в разных странах он осуществляется по-разному. В большинстве случаев допуск разрешается после предварительной записи, для чего необходимо подать заявление (обычно на имя директора архива) и документы, удостоверяющие личность читателя. Иногда имеются возрастные ограничения. В некоторых странах требуется предъявление служебного удостоверения или письма от научного учреждения или предприятия.

В отношении допуска иностранцев к архивным материалам существуют следующие положения: в отдельных странах не делается различий между отечественными и иностранными исследователями; в ФРГ, Публичном архиве Англии, Испании, Португалии, Франции требуется рекомендация дипломатических органов страны, из которой прибыл исследователь. Наконец, несколько стран разрешает допуск к документам с согласия Министерства иностранных дел. Так, в США допуск осуществляется с согласия Государственного департамента.

В крупных архивах, как указывалось в докладе, исследователям выдаются читательские билеты по аналогии с библиотеками, однако эти билеты употребляются редко и чаще всего на читателя заводится специальное личное дело, в котором, помимо сведений об исследовании, указывается тема работы и отмечаются выданные ему документы, а иногда и дни, в которые читатель работал. В архивах Англии, Бельгии и Греции ведется ежедневный журнал, в котором читатели должны расписываться и где опять-таки указываются исковые данные выданных материалов.

Пользование пишущими машинками и фотоаппаратами в большинстве архивов не допускается либо существенно ограничивается, хотя в ряде стран такая возможность исследователям предоставляется. Принцип предоставления читателям права пользования научно-справочным аппаратом никем не оспаривается (по крайней мере в отношении открытых фондов), но чаще всего описи собраны в особом помещении, куда посетители не допускаются; нужные описи приносятся читателю обслуживающим персоналом. Для облегчения работы исследователей почти во всех архивах созданы научно-справочные библиотеки.

Заведующими читальных залов в ряде стран назначаются архивно-технические сотрудники (в архивах Мадрида, Люксембурга и др.), а иногда и научные сотрудники, среди последних некоторые предпочитают молодых архивистов (Франция, Бельгия), а другие, например в Дании,— опытных работников, которые смогут по-

делиться с читателями своим опытом. У опытного архивиста в качестве помощника может быть молодой сотрудник.

В большинстве случаев заведующие читальными залами назначаются на длительный срок. В ряде стран введена система поочередного дежурства в читальном зале. Как отмечалось выступающими, если в большинстве архивов дежурный архивист следит за соблюдением правил работы читального зала, дает читателям пояснения и по возможности направляет их работу, помогая иногда даже в чтении документов, то в ряде архивов он ограничивает свою деятельность только научной работой, а архивно-технические сотрудники следят за соблюдением правил и дают читателям разъяснения и справки несложного характера.

Разбирая вопрос о способе контроля за документами, участники конференции отмечали, что если контроль за читателями осуществляется сравнительно легко, то контроль за документами затрудняется большим количеством выданного материала. Во многих странах установлено, что заведующий читальным залом проверяет документы до и после пользования ими, но даже и при такой системе проверка не всегда может оказаться полной и систематической.

Вот почему преимущественно применяется выборочная проверка — до и после выдачи дел или перед возвращением дел в хранилище — или же только в отношении наиболее ценных документов. В Венгрии перед выдачей дела все листы нумеруются, а после сдачи — просматриваются еще раз. Применяются и другие меры. Например, после использования документов архивист ставит свою визу. Картотека, заведенная на шифры выданных документов, или регистрация выдачи документов также может принести пользу при последующем контроле.

В Национальном архиве Франции, во избежание утраты документов специально выделено некоторое количество наиболее ценных фондов, работать над которыми можно только за специальным столом под непосредственным наблюдением заведующего читальным залом. Кроме того, запрещается выдавать оригиналы документов с большим количеством печатей; рекомендуется заменять их микрофильмами.

Ранее проставление штампов архива на материалах было обязательным, однако, значительное увеличение массы документальных материалов, хранящихся в архивах, делает эту систематическую работу почти невозможной. В некоторых архивах это все же делается перед выдачей дел читателям.

Непосредственный доступ читателей в хранилище в подавляющем большинстве стран запрещен, исключение делается лишь в случае необходимости, и то в сопровождении работников архива. Выдача документов на дом строго запрещена всеми архивными правилами. Процедура выдачи документальных материалов в читальные залы, не только в зависимости от страны, но и отдельных ее городов, бывает самой различной. В большинстве случаев все делается по-старому, без учета современных архивных требований. Однако независимо от принятой практики повсюду на месте выданного дела оставляется или требование, или одна из карточек, которую у нас принято называть «карта-заместитель».

Для улучшения работы читальных залов были высказаны следующие пожелания:

1) Чтобы секретариат архива регулярно вел картотеку читателей и одновременно тщательно хранил их личные дела, пронумерованные по порядку. Личные дела должны содержать сведения общего характера: а) *о читателе* — его фамилия, имя, должность и профессия, национальность, адрес, номер удостоверения личности или паспорта, а также там, где это требуется, название организации, которая рекомендовала исследователя; б) *о его работе* — тема исследования; цель работы (административные изыскания; юридические исследования, генеалогические, научные исследования и т. д.), желательно с указанием предполагаемого результата (диссертация, дипломная работа и т. д.), в деле должно также указываться выявление документов по запросу читателя, его просьбы снять микрофильм или фотокопию, отмечать исковые данные, просмотренные исследователем.

2) Личные дела должны облегчить читателю составление карточки-требования. В ней следует указывать только исковые данные, причем, она должна быть из плотной бумаги или легкого картона, по возможности печатной, на оборотной стороне карточки желательно напечатать выдержки из правил.

После возвращения документа на место на карточке-заместителе нередко ставится контрольная отметка, и карточка оставляется на хранение, хотя бы и временно. Однако к таким требованиям прибегают очень редко. Запись их в журналах посещений заменяет использование самих требований, особенно по истечении определенного срока. Представляется целесообразной лишь систематизация требований по фамилиям исследователей и особенно по шифрам. Количество выдаваемых в день документов не ограничивается, однако признано целесообразным выдавать новые дела лишь по возвращении ранее взятых материалов. Таким образом, практически читатель не может за один день получить значительного количества документов. Процедура допуска к частным фондам также различна в различных странах. В большинстве случаев придерживаются условий соглашения, заключенного между архивом и частным лицом при сдаче последним этих материалов на хранение.

Следующий день работы конференции происходил в красивом горном городке Синтра. Обсуждался вопрос об архивах, как центрах научных исследований.

В докладе подчеркивалось, что почти повсеместно архивы стараются, насколько это возможно, облегчить читателям исследовательскую работу.

Помощь исследователям в различных странах оказывается по-разному. В некоторых крупных архивах были созданы специальные справочные отделы, непосредственно обслуживающие интересы исследователей. Так, в Национальном архиве Франции справочный отдел существует с 1812 г., в его штат входят три архивиста, два младших архивиста и секретарь. В их обязанности входит: прием посетителей, проверка у них разрешения на допуск к работе, разъяснение условий работы, ознакомление с имеющимися путеводителями. Сотрудники отдела просматривают картотеку, куда занесены темы всех уже проведенных ранее исследований, результаты которых отражают читательские карточки. Этим же отделом посылаются «требования исследователей» в различные отделы архива, где они изучаются квалифицированными архивистами, ответы которых поступают затем в справочный отдел. Запросы и ответы заносятся в читательский билет; присланные карточки помещаются в общую картотеку. Наведенные для исследователя справки в основном касаются шифров и характера документов, без раскрытия их внутреннего содержания, библиографические сведения даются в очень кратком изложении.

Большинство архивов отвечает на письменные запросы исследователей, если эти запросы не требуют слишком большой работы (примерно одного часа). На последнем съезде департаментских архивов Франции был поставлен вопрос о том, что эти письменные запросы отнимают все больше и больше времени (особенно запросы биографического и генеалогического характера) и в то же время вносят слишком незначительный вклад в науку. Было решено уделять запросам такого рода минимум внимания.

В большинстве архивов существуют картотеки исследований, как правило, двух типов: одни для исследований, проводимых исследователем в архиве, другие — для исследований, предпринятых самим архивом по просьбе исследователей, чаще всего для ответа на письменный запрос.

В ряде стран не публикуется никаких сведений о проводимых в их архивах исследованиях. В некоторых архивах даже бытует мнение, что подобные публикации явились бы посягательством на работу исследователей. Время от времени публикуются лишь данные статистического характера. Иногда в годовых отчетах архивы характеризуют состояние проводимых исследований.

Во Франции при Национальном архиве в 1952 г. был создан «Центр информации об исследованиях по истории Франции», который берет на учет все проводимые исследования по всей территории страны. Два раза в год Национальный и де-

партаментские архивы, министерства, ученые общества, государственные университеты и другие высшие учебные заведения получают соответствующие информации, публикуемые в «Бюллетене», который содержит систематический перечень исследований с указанием архивов и список исследователей с их адресами, что позволяет заинтересованным лицам наладить между собой контакт [2]. Это, отметил Брэбан, исключает совпадение тематики исследований. Конечно, не следует задевать интересы тех ученых, которые не желают оповещать о направлении своей работы.

Архивистам и сотрудникам архивов во всех странах строго запрещено исполнять запросы частных лиц в свое рабочее время.

При рассмотрении вопроса об участии архивов в крупных исторических исследованиях отмечалось, что во многих странах Западной Европы архивы не принимают участия в больших совместных исследованиях в области социальной истории, истории экономики и т. д. Обычно роль архива сводится к исполнению запросов исторических институтов, которые приравниваются к запросам обычных исследователей.

Все архивы и архивисты стремятся наладить контакт с университетами, академиями и исследовательскими институтами, но очень часто они носят характер личных связей. Все же во многих странах, особенно в странах социалистического лагеря, дирекции архивов принимают участие в работе исторических институтов академий наук.

Связи между архивами и высшими учебными заведениями чаще всего осуществляются посредством высших советов архивов, которые координируют деятельность архивов и способствуют разработке их рабочих планов [3].

Значительна также роль архивов в исторических исследованиях местного характера. Многие архивы выступают центрами изучения местной истории, причем, как правило, чем меньше город, где расположен архив, тем значительнее роль архива в его культурной жизни. Архивы собирают всевозможные сведения по местной истории. Не ограничиваясь оказанием помощи исследователям, работающим по изучению местной истории, они расширяют свою деятельность по привлечению внимания общественности к изучению истории своей местности. С этой целью местными архивами организуются многочисленные выставки, которые устраиваются в самих архивах, реже — в музеях; их организацию архив стремится приурочить к годовщине какого-нибудь памятного события. Выставки бывают и передвижными.

В Польше и Югославии были проведены «недели архива». В эти дни особенно большой наплыв посетителей наблюдался на выставках, посвященных местной истории. По сообщению Альтмана (Польша) во время такой недели архивы и выставки документов посетило около 100 тыс. чел.

Третье заседание конференции проходило в местечке Каскас, в помещении Национальной библиотеки. Обсуждался вопрос о планировании работы архивов в области исторических исследований. Наиболее дискуссионным оказался вопрос о составлении плана работы и разработке архивной политики. Как в докладе, так и в выступлениях отмечалось, что в этом деле две группы стран противостоят друг другу.

В социалистических странах имеются долгосрочные планы работы архивов, как плавило пятилетние, которые обычно включаются в общий пятилетний план научных, технических и исторических исследований, осуществляемых в стране. Этот план разрабатывается ведущим архивным учреждением с учетом мнения консультативного научного совета, в котором наряду с архивистами представлены историки и другие лица, интересующиеся архивами. Пункты плана формулируются обычно в общей форме. Однако каждый архив имеет, кроме того, годовые планы, которые составлены более подробно и точно. В Польской Народной Республике, помимо обыч-

---

[2] См. об этом «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 219—221.

[3] Высшие советы архивов функционируют почти во всех странах и осуществляют деятельность, сходную с работой Научного совета Главного архивного управления или научных советов государственных архивов в СССР.

ного пятилетнего плана, в настоящее время разрабатывается перспективный план развития архивного дела на 1961—1975 гг.

В других странах официальные планы работы архивных учреждений отсутствуют; особенно крайней позиции в этом вопросе придерживается генеральный архивист Бельгии Э. Сабб, который считает, что нет необходимости «измерять диаграммами» работу архивов, что она должна двигаться сама по себе, подталкиваемая возникающими вопросами. По его мнению, планирование работы архивистов является проявлением своего рода диктатуры. Деятельность архивов должна основываться не на планировании, а на проявлениях энтузиазма сотрудников. Основное же направление работы должно заключаться в подготовке описей. Такой же позиции придерживаются некоторые архивисты Италии.

Архивисты большинства буржуазных стран хотя и не имеют твердых планов, но в какой-то степени определяют направление в работе архивов, причем это направление, как правило, не охватывает всего комплекса вопросов и на нем сказываются элементы случайности и субъективности.

В Дании общая организация работы определяется директором Национального архива совместно с директорами провинциальных архивов. В Ватиканском тайном архиве дирекция разрабатывает программу работы по составлению и изданию описей и указателей.

Во Франции план работы архивных учреждений никогда не был официально сформулирован, однако направление в работе генеральной дирекции архивов заслуживает внимания. В общую архивную политику здесь входит программа строительства департаментских архивов (за 10 лет было построено, переоборудовано или расширено 35 архивохранилищ) и расширение национального архива (план его постепенного расширения осуществляется в течение почти 20 лет); программа увеличения штатов, являющаяся необходимым условием развития всех других сторон деятельности архивов; прикомандирование архивистов к различным министерствам и ведомствам; создание центров документации, микрофотолабораторий и в каждом архиве просветительных отделов; учет частных (личных) архивов; издание тематических справочников.

Архивисты Великобритании и Бельгии концентрируют свои усилия на разработке новых архивных законов. Некоторые архивы Швейцарии занимаются, главным образом, проблемами работы архивов в современных условиях, связанных с приемом больших масс документов и необходимостью сотрудничества с администрацией учреждений. В Швеции деятельность архивов развивается в трех направлениях: систематизация и экспертиза ценности современных документальных материалов; издание исторических источников; учет, обеспечение сохранности и описание частных архивов.

При рассмотрении вопроса о подготовке справочных пособий, было установлено, что лишь в немногих странах имеются планы подготовки справочных пособий. В ряде стран существует принцип, согласно которому все фонды, поступившие в архив, должны быть снабжены кратким справочным аппаратом; позднее (но не всегда) на эти материалы составляются более подробные описи, исходя, главным образом, из значения исторических трудов, которые могут быть подготовлены благодаря такому справочному аппарату.

На конференции было отмечено, что исторические институты и отдельные исследователи очень редко высказывают свое мнение или вмешиваются в решение вопроса о выборе фондов, подлежащих описанию. Это приводит к тому, что в большинстве стран личная инициатива директора или сотрудника архива является главным критерием в вопросе о первоочередности описания фондов.

Многие участники конференции пришли к мнению, что в настоящее время уже невозможно предоставлять каждому архивисту право описывать тот фонд, который ему заблагорассудится, и заниматься этим по своему усмотрению, в то время как многие другие не менее ценные фонды будут лишены справочного аппарата.

Разбирая вопрос об описании документальных материалов и отметив, что в этой

области господствует подлинная анархия, конференция обратила внимание на издание справочных пособий, причем пришлось констатировать, что лишь очень немногие архивные учреждения имеют общий план издания описей и других справочных пособий.

В Венгрии первоочередной задачей выдвигается издание на множительном аппарате всех «первичных», так называемых «основных описей» архивов, а в дальнейшем предполагается печатание типографским способом «информационных» описей на фонды [4]. В США издание справочных пособий входит в план работы Национального архива, причем в соответствии с законом эти пособия должны размножаться не типографским способом. В Швеции вопрос об издании описей решается директором архива и соответствующим хранителем, но из финансовых соображений чаще всего только размножают описи на множительном аппарате.

Суть предложений по вопросу издания справочного аппарата на конференции была сведена к следующему: а) в то время как кредиты повсюду ограничены, то можно лишь сожалеть о расточительстве, которое представляет собой издание описей типографским способом, тем более, что это не вызывается, как правило, необходимостью [5]; б) слабо используются множительные аппараты, которые позволят экономно и в сжатое время значительно расширить издание справочных пособий.

Внедрение микрофильмирования сделало ненужным составление реестов и «календарей». Последние, хотя и составлены довольно подробно, но не могут заменить самих документов. Однако краткое раскрытие содержания документа, многочисленные и подробные указатели позволяют исследователям легко найти нужные ему документы и при желании получить микрофильм текста. В первую очередь должны печататься общие путеводители или краткие справочники (содержащие список архивов и сведения об их составе и датах) по каждому архиву, затем справочные пособия по фондам, представляющим интерес для исследователей, изучающих историю всей страны или отдельных ее районов.

Специальному обсуждению был посвящен вопрос об издании путеводителей. Одним из достижений архивов является издание общих путеводителей, благодаря чему читатели получили возможность ориентироваться в материалах по теме исследования. Однако, как правило, издающиеся путеводители мало аннотированы: по существу это сборник кратких справок о материалах. Так, в Бельгии путеводитель по Главному архиву королевства издан в форме комментированного списка фондов с указанием справочных пособий; в Испании опубликованы краткие справки о содержании материалов ряда архивов и т. д.

Если издание общих путеводителей по архивам практикуется во многих странах, то тематические путеводители издаются весьма редко. В некоторых странах (например, в Нидерландах) подготовка таких путеводителей встречает возражения теоретического характера. Во Франции Национальным архивом недавно издана серия тематических путеводителей. Некоторые из них касаются определенных видов исследований (генеалогических, по истории искусства, истории литературы). Другие охватывают определенную группу фондов (судебных учреждений, королевского совета, карт и планов).

На конференции рассматривался также вопрос о микрофильмировании архивных документальных материалов, причем, принимались во внимание различные стороны этого вопроса, а именно: а) микрофильмирование материалов зарубежных архивов с целью пополнения фондов, б) микрофильмирование материалов других архивов своей страны с той же целью, в) микрофильмирование с целью создания страхового фонда; г) микрофильмирование в качестве одного из способов публикации документов.

---

[4] Подробнее о задачах описания материалов венгерских архивов см.: «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 177; 1959, № 1, стр. 191—192.

[5] Особенно это относится к местным архивам, в которых в основном содержатся материалы, редко интересующие широкий круг исследователей.

В ряде стран создана центральная служба микрофильмирования, которая разрабатывает общий план микрофильмирования в интересах исторических исследований и проводит его в жизнь. Так, дирекции архивов большинства скандинавских стран разработали мероприятия по микрофильмированию документальных материалов, хранящихся за границей, и приступили к осуществлению этих мероприятий. Во Франции Национальный архив регулярно проводит обмен и покупку микрофильмов за границей. Большинство архивов других стран также разработали широкую программу микрофильмирования документов, хранящихся в зарубежных архивах.

Почти во всех странах архивные учреждения стали проводить в той или иной степени микрофильмирование с целью создания страхового фонда. Так, во Франции Национальный архив полностью замикрофильмировал наиболее ценные древнейшие материалы, в том числе фонд «Сокровищницы хартий», «Памятники исторические» и «Памятники церковные», записные книги Королевской канцелярии, буллы; «документы, снабженные печатями», и т. д.

В Вашингтоне Национальный архив производит микрофильмирование документов, преследуя при этом две цели: опубликование документов и обеспечение их сохранности. В первом случае позитивы микрофильмов, изготовленные для облегчения исторических исследований, поступают в продажу учреждениям и отдельным лицам (существует печатный каталог таких микрофильмов). Во втором случае преследуется цель предотвратить повреждение документов от слишком частого использования и уберечь от дальнейшего повреждения уже пострадавшие документы. Высказывались мнения, что микрофильм, снятый с целью создания страхового фонда, может одновременно служить пополнению фондов для других архивов, причем подчеркивалось пожелание учитывать при создании страхового фонда интересы внутреннего и международного обмена микрофильмами. Оживленной была дискуссия и по вопросу подготовки к печати и изданию архивами документальных сборников.

Мнения архивистов различных стран по этому виду работы противостоят друг другу. Архивисты Австрии, Бельгии, Италии, Португалии, Швейцарии и ряда других стран считают, что публикация документов не входит в обычные задачи архивов и должна быть передана научно-исследовательским учреждениям, в деятельности которых архивисты, впрочем, могут принимать участие. Оправдывая такую точку зрения, они приводят в качестве мотивировки, что в их странах еще с XVIII в. имеются крупные собрания документальных публикаций и более чем столетие существуют научные общества, основной задачей которых является публикация источников по национальной истории. Во Франции никто в принципе не возражает против публикации документов архивами; но практически эта работа почти не проводится.

Архивисты социалистических стран, скандинавских стран, США и другие считают публикацию источников одной из существенных сторон деятельности архивов.

С большим вниманием участники конференции прослушали сообщение советской делегации о публикаторской деятельности государственных архивов СССР и о работе комиссии Министерства иностранных дел СССР по изданию дипломатических документов. Размах этой работы, достигнутый в нашей стране в последние годы, явился неожиданностью для большинства из присутствующих.

Следует еще упомянуть об издании многими центральными управлениями архивов, национальными ассоциациями архивистов, а также отдельными архивами периодических и непериодических журналов и бюллетеней. Иногда эти издания носят узко профессиональный и технический характер. В других случаях в них публикуются сведения о новых поступлениях в архивы, о составе некоторых фондов, о деятельности отдельных архивных учреждений и т. д. В-третьих, они предоставляют архивистам свои страницы для опубликования исторических работ, написанных ими на основании исследования архивных документов.

Необходимо отметить, что хотя архивисты буржуазных стран и заявляли, что какова бы ни была организация архивов в разных странах и взгляды архивистов

на различные стороны своей деятельности, общим для всех является желание служить своими силами и средствами нуждам исторической науки. Однако из выступлений и деятельности архивов нетрудно установить, что в этих странах капиталистический строй накладывает свой отпечаток на всю деятельность архивов и архивистов. Материалы V конференции «Круглого стола» архивов убедительно свидетельствуют также о преимуществах архивного строительства в социалистических странах. Успехи архивного дела в СССР и других социалистических странах все чаще вынуждены признавать наши коллеги из капиталистических стран.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОКУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВНОГО ФОНДА СССР

За последние годы деятельность архивов направлена на всемерное улучшение дела использования документальных материалов в научных и народнохозяйственных целях.

В архивоведческой литературе появлялись сообщения об этой работе архивных органов отдельных республик или обобщавшие сведения по стране в целом. Естественно, что эти сообщения не могут дать конкретного представления о работе архивов в данной области. Публикуемые ниже сообщения о работе архивов по использованию документальных материалов в научных и особенно народнохозяйственных целях дают представление не только об объеме и конкретных результатах ее, но и о постоянных поисках новых форм использования документальных богатств в интересах нашего народа.

ЦГАОР СССР

С начала 1957 г. работа ЦГАОР СССР, в связи с решениями партии и правительства об использовании архивных документов как важнейшей задачи архивов, начала резко меняться и оживляться. Прежде всего оживилась работа по публикации сборников архивных документов, чему, в частности, сильно способствовала широко развернувшаяся в стране подготовка к проведению празднования 40-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции [1].

Кардинально изменился характер работы отдела использования. Во второй половине 1957 г. он разослал заинтересованным учреждениям ряд квалифицированных информаций, которые уже не являлись простым перечнем архивных документов: в них давался анализ содержания и значения выявленных документов для данного учреждения. Отделом использования были предприняты меры к тому, чтобы знать, как используются высланные информации. В центральной прессе, в газетах и журналах появились статьи сотрудников архива (начальник архива А. Ф. Бутенко дважды выступал по радио и рассказывал о замечательных документах ЦГАОР СССР), в которых отражена история подготовки Октябрьского вооруженного восстания. Был составлен план работы отдела использования, основной целью которого было дальнейшее расширение работы по использованию в самых различных направлениях и формах. В настоящее время можно подвести первые итоги этой работы.

---

[1] О публикаторской работе архива имеются сведения в докладе начальника ЦГАОР СССР А. Ф. Бутенко на заседании Научного совета ГАУ МВД СССР 12 ноября 1957 г. (См. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 7, 1958, стр. 46—48).

За 1958—1959 гг. отделом использования ЦГАОР СССР подготовлено и отправлено в адреса заинтересованных учреждений свыше 100 информаций. Назовем некоторые из них и проследим формы их реализации.

В январе 1958 г. ЦГАОР СССР послал информацию в Политическое управление Военно-морского флота СССР о найденных новых документах периода 1917—1919 гг., освещающих роль В. И. Ленина в создании и руководстве боевыми действиями Красного флота в годы гражданской войны. Следствием этой информации была, во-первых, просьба политуправления к архиву выступить с рядом статей по этому вопросу на страницах журнала «Советский моряк». Выполняя эту просьбу, группа сотрудников отдела архива выступила со статьями, опубликованными в этом журнале [2]. Кроме того, по просьбе политуправления отдел использования архива выявил и передал Центральному военно-морскому музею в Ленинграде копии 650 документов, на базе которых музей организовал постоянную выставку. Такие же копии были переданы отделу агитации и пропаганды Политуправления для использования в повседневной работе флотов. На страницах газеты «Советский флот» было опубликовано четыре статьи о связях флота с В. И. Лениным и его роли в руководстве жизнью флота.

В марте 1958 г. архивом была послана информация в Институт мировой литературы имени А. М. Горького и заместителю министра культуры РСФСР о новых документах, касающихся деятельности А. М. Горького в качестве комиссара типографии «Копейка» в Петрограде (1918 г.). В результате в журнале «Вопросы литературы» была опубликована статья «Максим Горький — комиссар типографии „Копейка“», написанная сотрудниками архива [3]. Эти документы войдут в готовящийся институтом сборник «В. И. Ленин и А. М. Горький».

В том же 1958 г. была сделана информация в Институт права АН СССР о наличии в архиве документов, характеризующих историю развития кодификации в советской стране, что имело очень большое значение в связи с подготовкой в Верховном Совете СССР нового Положения о советском уголовном праве. Следствием этой информации явилась работа по подготовке серии сборников по истории кодификации в РСФСР. Всесоюзный институт юридических наук также занялся аналогичной работой, организовав дальнейшее выявление в архиве документов, интересующих институт.

В 1959 г. архив информировал Министерство культуры РСФСР о наличии документов по вопросам библиотечного дела. Министерство культуры объявило благодарность сотрудникам ЦГАОР СССР, обнаружившим Ленинский декрет о централизации библиотечного дела и всю переписку по этому вопросу. Эта находка имела важное практическое значение для Министерства культуры РСФСР. В 1958—1959 гг. архивом посланы информации о наличии документов, которые могут быть использованы при исследовании проблем советского общества. Получив эти информации, институты истории академий наук УССР и Латвийской ССР, Институт леса Академии наук СССР и другие командировали своих сотрудников для дальнейших поисков материалов.

В мае 1959 г. была послана информация в ВЦСПС о документах I съезда ударников (декабрь 1929 г.): секретариат ВЦСПС вынес решение издать по этой теме сборник документов; эта работа сейчас завершается. Секретариат ВЦСПС также предложил подготовить и опубликовать в газете «Труд» несколько статей об этом съезде, тридцатилетие которого отмечается в этом году. К юбилейной дате ЦГАОР СССР готовит выставку документов съезда, которая будет организована в Высшей школе профдвижения.

В связи с 40-летним юбилеем ВЛКСМ, ЦГАОР СССР выявил значительное количество документов по истории комсомола и информировал о них ЦК ВЛКСМ. В настоящее время ГАУ СССР совместно с ЦК ВЛКСМ готовят сборник архивных

---

[2] «Советский моряк», 1958, № 5 («Остаюсь депутатом Балтики»); там же, 1958, № 7 («Волжская флотилия рапортует»).

[3] «Вопросы литературы», 1958, № 3, стр. 63—66.

документов, посвященный комсомолу. ЦГАОР СССР принял активное участие в организации и проведении встречи с сотрудниками редакции газеты «Комсомольская правда». В этой же газете было опубликовано несколько специальных подборок по истории комсомола.

Архив принимал активное участие в организации и проведении встречи с членами студенческого научного общества Исторического факультета МГУ, где было сделано сообщение о характере документов ЦГАОР СССР и организована выставка.

В настоящее время готовятся и другие выставки с целью ознакомления ученых столицы с сокровищницей архива и организации более широкого использования документов в интересах советской науки. С 1958 г. нами практикуется проведение студенческих экскурсий в архив с целью ознакомления студентов вузов с архивными документами, работой архива по их использованию. За последние два года архив посетило восемь экскурсий студентов МГИАИ и Московского педагогического института имени В. И. Ленина.

Таковы некоторые данные о характере работы ЦГАОР СССР в области использования документальных материалов.

И. П. Зюзенков

ЦГАЛИ СССР

Документальные материалы Центрального государственного архива литературы и искусства СССР используются главным образом, в интересах развития науки и культуры. Виды и формы использования находятся в прямой зависимости от хранящихся здесь материалов.

Важнейшее место в этой работе занимает тематическое выявление документов, проводимое либо по запросам заинтересованных учреждений и отдельных исследователей, либо по инициативе самого архива. В зависимости от содержания запроса, результаты выявления могут явиться простой справкой, копией отдельного документа или целой документальной подборкой.

Составляемые архивом справки являются обычно конкретным ответом на вполне определенный вопрос (например, когда украинский драматург и актер М. Кропивницкий вступил в Союз драматических и музыкальных писателей; когда начал свою деятельность художник-декоратор М. Шишков; с кем из русских деятелей XIX в. переписывался румынский ученый И. Богдан и т. д.) или подтверждают факты из трудовой биографии заявителя. Кроме того, ряд справок является ответом на запросы о наличии в архиве документов по каким-либо темам.

Однако в большинстве случаев к помощи сотрудников архива обращаются после предварительного изучения состава его фондов. В таких случаях заинтересованные лица и учреждения обычно сразу запрашивают копии необходимых документов или описей. Так, в связи с подготовкой к изданию произведений И. О. Дунаевского, издательство «Советский композитор» заказало копию описи фонда композитора; Отделение литературы и языка АН СССР обратилось с просьбой скопировать лекции А. В. Никитенко в записи его слушателя Н. Г. Чернышевского; Южносахалинскому педагогическому институту потребовалась копия рукописи романа А. Куприна «Поединок» и т. д. Фотокопии документов ЦГАЛИ выдавались для экспонирования в мемориальные музеи.

Немало фотокопий высылалось по запросам иностранных граждан и учреждений. Так, по просьбе итальянского посольства в Италию были отправлены фотокопии двух автографов Джузеппе Гарибальди и документов К. Кавура, главному режиссеру Пражского оперного театра высланы фотокопии нотных материалов оперы С. С. Прокофьева «Повесть о настоящем человеке» и т. д. Словацкая академия наук, получив микрофильмы рукописей крупного русского филолога-слависта И. И. Срезневского, писала, что эти материалы дороги им не только тем, что [они] «обогащают наши знания о научно-исследовательской работе этого знаменитого ученого и о его путешест-

вии по Словакии, но и как свидетельство все возрастающего творческого сотрудничества словацких и советских научных работников...».

Использование документальных материалов ЦГАЛИ СССР с каждым годом расширяется. Однако в этой работе имеется целый ряд скрытых возможностей, реализация которых позволила бы поднять ее на более высокий уровень. Например, исполнение тематических запросов иногда затягивается на два-три месяца. Дело заключается, с одной стороны, в низкой пропускной способности микрофотолаборатории Главного архивного управления (своей лаборатории ЦГАЛИ СССР не имеет), с другой — во «внутренних» причинах: не всегда исполнение запросов поручается тем сотрудникам архива, которые свободно ориентируются в соответствующих фондах (здесь сказывается недостаточный штат ЦГАЛИ).

Важным видом использования архивных материалов являются различные формы их популяризации. Сравнительно новой среди них является организация вечеров встреч сотрудников архива с деятелями культуры и искусства. Некоторые встречи ставили своей задачей ознакомить присутствующих с содержанием архивных материалов, раскрыть перед ними богатейшие возможности их использования в научных и творческих целях, другие носили тематический характер. Сюда относятся встречи, проведенные в Центральном доме литераторов: «Писатели в Октябрьской революции и гражданской войне», «Редкие автографы писателей», о документах С. М. Эйзенштейна. В Центральном доме работников искусств был проведен вечер, посвященный материалам С. С. Прокофьева. Как правило, к вечерам встреч сотрудники архива подготавливали небольшие выставки документов.

Однако выставки организуются и как самостоятельная форма популяризации материалов ЦГАЛИ, обычно в связи с выдающимися событиями в культурной жизни страны, юбилейными датами (например, выставка в Малом театре к столетию со дня рождения А. И. Сумбатова-Южина), съездами деятелей искусства и т. д. Выставки пользуются большим успехом; об этом свидетельствуют записи в книге отзывов: «Какая счастливая мысль устроить к Съезду художников[4] уголок из драгоценных материалов Архива литературы и искусства. Надо всячески продолжать это, отличное для всех нас, художников и любителей искусства, начинание. Очень удачно подобран этот забытый, а в большинстве новый, неизвестный материал, воскрешающий перед нами столько былых воспоминаний и радостей. Игорь Грабарь»

«То, что показано на выставке, организованной Архивом литературы и искусства ко Второму съезду композиторов СССР, вызывает самый горячий интерес. Нет сомнений, что организаторы выставки обладают, по крайней мере, двумя необходимыми для своей увлекательной работы качествами — знаниями и любовью к делу. Д. Кабалевский».

Документы ЦГАЛИ использовались и на выставках за границей. Совместно с ВОКС была подготовлена экспозиция материалов «Интерес советского народа к культуре Франции», с помощью ЦГАЛИ работники югославской кинотеки подготовили выставку «Жизнь и творчество С. М. Эйзенштейна» и т. д. Недостатком этой формы популяризации является кратковременный характер действия выставок, хотя на их подготовку затрачивается много сил и времени. Отсутствие специального помещения для архивных экспозиций в Москве и, главным образом, забота об обеспечении сохранности подлинных уникальных экспонатов не позволяют открывать выставку более чем на один-два дня. Это резко сокращает круг лиц, знакомящихся с выставленными материалами. Большим успехом пользовалась выставка документов по истории советского искусства для слушателей Университета культуры Тимирязевского района (1958 г.). Задачей архива является организация выставок фотокопий документов на крупных предприятиях и в вузах столицы, создание передвижных выставок.

Документальные материалы ЦГАЛИ используются в передачах по радио и телевидению. Архив участвовал в телепередачах, посвященных творчеству композито-

[4] Имеется в виду Первый Всесоюзный съезд художников.

ров Ф. Листа, С. С. Прокофьева и И. О. Дунаевского, кинорежиссера С. М. Эйзенштейна, артиста И. В. Ильинского, писателя А. А. Серафимовича и других выдающихся деятелей искусства и литературы.

Наконец, важным средством популяризации материалов ЦГАЛИ СССР является периодическая печать. В журналах и газетах довольно часто помещаются материалы, раскрывающие какую-то небольшую часть документального богатства архива или информирующих читателей о новых поступлениях, в некоторых случаях публикуются отдельные документы и даже небольшие тематические подборки.

Важнейшим каналом использования является читальный зал архива. Только в 1957 и 1958 гг. документальные материалы ЦГАЛИ СССР были использованы для подготовки 194 диссертаций, 108 дипломных работ, 518 публикаций документов, 114 монографий, 235 статей, обзоров и сообщений информационного характера.

Документальные материалы ЦГАЛИ широко используются при подготовке к изданию сочинений писателей и работников искусств. Сверка текстов с рукописями, находящимися в архиве, производилась при подготовке изданий сочинений А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, А. П. Чехова, В. В. Маяковского, Н. А. Островского, А. С. Макаренко, Ф. И. Шаляпина, С. М. Эйзенштейна, В. А. Серова, С. А. Есенина и других.

Дальнейшее развитие работы по использованию документальных материалов находится в прямой связи с усовершенствованием научно-справочного аппарата архива, в первую очередь каталогов. В течение нескольких лет в архиве ведется работа по составлению именного каталога, который в настоящее время содержит свыше 650 тыс. карточек (из них 130 тыс. были составлены работниками Государственного литературного музея). Сравнительно недавно введено правило, по которому научно-техническая обработка вновь поступивших фондов должна включать в себя составление именных карточек.

Сейчас сотрудники ЦГАЛИ СССР работают над созданием тематического каталога; составлены картотеки по следующим темам: Великая Октябрьская социалистическая революция в отражении литературы и искусства, документы ЦГАЛИ по истории Советской Армии, гражданской войны и иностранной интервенции в нашей стране; по истории Украины, Белоруссии, Молдавии; о русско-болгарских, русско-сербских, русско-монгольских, русско-французских культурных связях и др. В настоящее время в тематическом каталоге насчитывается 96 тыс. карточек.

Серьезным препятствием к созданию тематического каталога ЦГАЛИ СССР было отсутствие единого классификатора документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР, руководствуясь которым мы внесли бы в работу бóльшую организованность и целеустремленность. В настоящее время наряду с работой по составлению единого классификатора, ведущейся в ГАУ СССР, ЦГАЛИ СССР также подготавливает свой классификатор по профилю документов литературы и искусства.

Н. И. Родионов

ЦГАВМФ СССР

Использование документальных материалов в интересах развития науки, народного хозяйства и культуры является одной из основных задач Центрального государственного архива Военно-морского флота СССР.

В течение ряда лет ЦГАВМФ СССР по запросам заинтересованных учреждений и по собственной инициативе проводил тематическое выявление документов по ряду актуальных и важных в научном отношении вопросов: о жизни и деятельности В. И. Ленина и выдающихся деятелей Коммунистической партии Советского Союза; о знаменитых русских флотоводцах, деятелях отечественной науки и техники, изобретателях и рационализаторах; об участии матросов в революционном движении, в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции; об участии флота в гражданской войне против интервентов и белогвардейцев; о круго-

светных плаваниях и географических открытиях русских моряков; об экономических, научных и культурных связях России с иностранными государствами; по истории Петербурга, военно-морских учреждений, соединений, кораблей, воинских частей и заводов морского ведомства; о шефстве комсомола над флотом и по другим вопросам.

В архиве имеется свыше 75 000 тематических карточек; здесь ведется работа по созданию единого предметно-тематического каталога, доступ к которому будет предоставлен широкому кругу исследователей.

Проводимая в архиве работа по тематическому выявлению документов сочетается с научно-публикаторской работой. Помимо работы по подготовке к изданию сборников документов, сотрудники ЦГАВМФ СССР активно используют документальные материалы для составления обзоров и других справочных пособий, публикации научных статей, информационных сообщений и т. д.

За последние семь лет сотрудниками архива было подготовлено свыше 200 статей и информаций, два тематических обзора материалов по истории Октябрьского вооруженного восстания. Выявленные документы использованы для составления перечня кораблей и частей Балтийского флота, принимавших участие в Октябрьском вооруженном восстании, и схемы расположения военных судов на Неве в Октябрьские дни. Эти материалы были приняты за основу редакцией Морского атласа при составлении одной из карт на эту тему и широко используются научно-исследовательскими учреждениями и в экспозициях музеев.

Сотрудниками архива было также проведено рецензирование военно-морских исторических карт «Морского атласа» (т. III) по истории Октябрьской революции и гражданской войны. В результате во многие карты внесены существенные исправления и дополнения. ЦГАВМФ принял активное участие в исследовательской работе по составлению истории судостроительных заводов. Серьезную помощь в разработке научных проблем архив оказывает исследовательским учреждениям, академиям, высшим учебным заведениям, воинским частям, выполняя их запросы. Только за послевоенные годы здесь было наведено свыше 4000 тематических справок: о закладке и спуске первых кораблей на Петербургской верфи; об организации в России морской пехоты; о развитии двигателей внутреннего сгорания и прямой реакции; о применении нефти на судах русского флота; о кораблях, совершивших кругосветные плавания; о международных протоколах и конвенциях по регулированию судоходства и рыболовства на Дунае; о нахождении подводных лодок в строю; об участии тральщиков в тралении мин; по истории соединений, частей, учреждений и т. д.

Материалы ЦГАВМФ активно используются в научных и практических целях исследователями в читальном зале. За период 1949—1958 гг. опубликовано около 300 работ, написанных на основании документов архива.

В последние годы, наряду с советскими исследователями, документальные материалы архива изучались учеными зарубежных стран, особенно стран народной демократии. Только за период с 1945 по 1958 г. в читальном зале работало 3957 исследователей, которым выдано 170 138 ед. хр. Большое внимание сотрудники архива уделяют использованию документальных материалов в народнохозяйственных целях, прежде всего для обслуживания нужд флота.

В послевоенные годы архив установил тесную связь с проектными, хозяйственными и архитектурными учреждениями и проводил тематическое выявление документов о строительстве гидротехнических сооружений доков и портов, заводов, зданий и памятников архитектуры. Установлению этих связей в значительной степени способствовало составление справок-ориентировок о хранящихся в архиве технических документах по строительству гидротехнических сооружений портов, зданий и памятников архитектуры.

Архив проводил выявление технической документации по гидротехническим сооружениям Таллинского, Севастопольского, Херсонского, Николаевского и других портов.

В 1958 г. архив расширил связи с проектными и хозяйственными организациями, занимающимися восстановлением гидротехнических сооружений. Наряду с тема-

тическим выявлением документальных материалов по строительству гидротехнических сооружений, в архиве проводилось выявление документов (чертежей, технических смет, отчетов и др.) по строительству судостроительных заводов и зданий в ряде портовых городов, которые в период Отечественной войны были разрушены или повреждены. Работу по выявлению документов сотрудники архива вели совместно с представителями архитектурных и строительных организаций. Они были использованы Государственной инспекцией по охране памятников Ленинграда, специальными научно-реставрационными производственными мастерскими Управления по делам архитектуры Ленгорисполкома при восстановлении и реставрации поврежденных памятников архитектуры: Адмиралтейства, Михайловского замка, Петропавловской крепости и др.

Для более оперативного использования документальных материалов по реставрации архитектурных памятников Ленинграда и Ленинградской области сотрудники архива совместно с представителями заинтересованных учреждений провели в 1958 г. выявление в фондах бывшего филиала ЦГВИА, переданных на хранении в ЦГВИА СССР в г. Москву; около 15 000 чертежей, технических смет и других документов по этим сооружением по разрешению ГАУ МВД СССР были оставлены на длительное хранение в ЦГАВМФ СССР [5].

По заявкам Государственной инспекции по охране памятников архитектуры Ленгорисполкома и специальных научно-реставрационных мастерских при Ленгорисполкоме изготовлено значительное количество копий документов по памятникам архитектуры Ленинграда и городов Ленинградской области и направлено этим учреждениям.

По просьбе центральных реставрационных мастерских в Москве ЦГАВМФ СССР в 1958 г. выслал во временное пользование чертежи и планы зданий военного госпиталя на Введенских горах в Москве (305 ед. хр.) для использования при реставрационных и восстановительных работах. Значительное количество фотокопий и машинописных копий проектной и технической документации по зданиям городов Украины и Эстонии архив изготовил по запросам научно-исследовательского Института теории архитектуры и строительной техники в Киеве и Комитета по делам архитектуры при Совете Министров ЭССР.

В 1955 г. по выявленным документам были составлены перечни 182 затонувших металлических кораблей в Балтийском, Черном и Азовском морях в 1914—1921 гг. с указанием координат, обстоятельств и времени их гибели. По отзыву аварийно-спасательной службы Военно-морских сил, присланные архивом перечни «представляют интерес, так как они дополняют сведения о затонувших судах, имеющиеся в АСС (аварийно-спасательной службе.— *В. Н.*) ВМС, и могут быть использованы в практической работе при планировании поисковых и обследовательских работ, проводимых с целью определения целесообразности производства судоподъемных работ».

Большое значение имеют выявленные за последние годы документы о гидрологии рек и залежах полезных ископаемых. На выявленные документы составлялись перечни и списки-справочники, направленные в ГАУ МВД СССР и заинтересованным учреждениям для использования. ЦГАВМФ СССР уделял внимание использованию документов в агитационно-пропагандистских и культурно-просветительных целях: организации тематических выставок, чтению обзорных лекций; пополнению экспозиций музеев; составлению тематических альбомов; проведению экскурсий по архиву; публикации фотодокументов; радиопередачам и т. д. Содержание и формы использования документов определялись задачами, поставленными партией и правительством в деле коммунистического воспитания трудящихся, воинов Советской Армии и Флота и составом документов, хранящихся в архиве.

В 1957—1958 гг. ленинградские архивисты организовали выставки, приуроченные к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, 250-летию Ленинграда и 40-летию архивного строительства в СССР. В 1957 г. копии фотодокументов ар-

---

[5] О передаче остальных материалов ликвидированного филиала в ЦГВИА СССР (Москва) см. «Исторический архив», 1959, № 3, стр. 229.

хива были переданы ряду заводов Ленинграда для экспонирования на выставках к 40-летию Великого Октября, а также в ГАУ МВД СССР для выставки в Москве. В том же году архив создал первый фотоальбом «Моряки-балтийцы в 1917 г.», в который было включено 80 фотокопий документов и иллюстрированных материалов об участии моряков в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Экземпляры альбома были переданы в матросский клуб Ленинграда и рабочий клуб старейшего судостроительного завода.

В 1958—1959 гг. ЦГАВМФ подготовил еще два тематических фотоальбома: «Моряки в борьбе за власть Советов», т. I, 1917—1918 гг. (совместно с Центральным военно-морским музеем) и по истории «Галерного двора — Нового Адмиралтейства», которые переданы музею, матросскому клубу и заводу для экспонирования.

Тематические фотоальбомы составлялись по заранее разработанным планам.

К документам ЦГАВМФ СССР обращались представители 42-х музеев страны; только за последние три года архивом выслано более 500 фотокопий для музеев Николаевска на Амуре, Североморска, Таганрога, Ростова, Полтавы, Пензы, Новочеркасска и многих других городов. Интересные фотодокументы предоставлены Музею связи о деятельности изобретателя радио А. С. Попова и музею Ленинграда по истории строительства зданий и памятников. Значительное количество фотокопий передано для экспонирования в музеи революции Москвы и Ленинграда, в Центральный военно-морской музей, его филиал на крейсере «Аврора» и музеям Черноморского и Северного флота, Каспийской флотилии и военно-морских учебных заведений.

По отзыву филиала Центрального военно-морского музея на крейсере «Аврора», использование выявленных в архиве документов позволило установить состав судового комитета трех созывов и фамилии матросов, избранных от команды «Авроры» в состав Центробалта и Петроградского Совета; уточнить дату восстания на крейсере в дни Февральской буржуазно-демократической революции и решить ряд вопросов по экспозиции музея. Архив также помогал представителям музеев и других заинтересованных учреждений в выявлении и отборе чертежей и при постройке моделей и макетов кораблей (подводного заградителя «Краб», крейсера «Аврора», броненосца «Потемкин», шлюпов «Восток», «Мирный», «Благонамеренный», фрегатов «Паллада», «Диана», миноносца «Стерегущий» и др.). Выявленные в архиве документы использовались в сценариях к кинофильмам «Адмирал Ушаков», «Корабли штурмуют бастионы», «Балтийская слава», «Капитан 1-го ранга», «Кортик» и др.

Для ознакомления с материалами архива проводились тематические обзорные лекции, в которых давался анализ и характеристика хранящихся в ЦГАВМФ СССР документов. Такие лекции за последние годы читались для сотрудников музеев, участников научных конференций и матросов. Одной из форм популяризации документальных материалов является проведение экскурсий по хранилищам. За последние годы архив посетили группы студентов ЛГУ и некоторых других вузов, сотрудники архивных учреждений союзных республик и стран народной демократии. Однако эта форма популяризации документов практикуется еще недостаточно.

Большое значение для пропаганды героических и революционных традиций имела работа по выявлению документов об участниках боя крейсера «Варяг» с японской эскадрой при Чемульпо (1904 г.) и восстания на броненосце «Потемкин» (1905 г.). По выявленным материалам о моряках, служивших на крейсере «Варяг» и броненосце «Потемкин», были составлены списки-справочники; по инициативе архива произведены розыски оставшихся в живых участников боя и восстания. Президиум Верховного Совета СССР наградил их орденами и медалями.

Несмотря на известные успехи, в деле использования и популяризации материалов ЦГАВМФ СССР имеется еще много недостатков. В значительной степени они объясняются несовершенством научно-справочного аппарата ряда фондов. Имеющиеся тематические картотеки не приведены в должный порядок и недостаточно привлекаются к работе как сотрудниками архива, так и исследователями. Необходимо продолжить усовершенствование научно-технической обработки и научно-справочного аппарата наиболее ценных фондов, организовать тематическое выявление и

создать тематические обзоры, принять меры к созданию в ближайшие годы общего предметно-тематического каталога.

Сотрудники архива дают очень мало статей и информаций по материалам советского Военно-морского флота. Недостаточно используется телевидение и радио, редко организуются доклады и передвижные выставки документов. Нельзя признать достаточной связь с организациями морского ведомства, занимающимися проектированием работ по восстановлению, реконструкции и строительству гидротехнических сооружений торговых портов.

Для успешного решения задач по всестороннему использованию документальных материалов в интересах Советского государства необходимо поднять творческую инициативу и активность сотрудников архива в деле выявления и научной разработки документальных материалов.

В. Н. Норнов

ЦГВИА СССР

В годы Великой Отечественной войны Центральный государственный военно-исторический архив СССР не прекращал работы по использованию документальных материалов. Были выявлены документы о Семилетней войне 1756—1763 гг. и, в частности, о взятии русскими войсками Берлина в 1760 г., о действиях сибирских полков в 1914—1918 гг., о применении немецкими войсками отравляющих веществ,о довольствовании русских войск в Иране, о происках германского империализма на Балканах и в Турции, о процессе военного министра В. А. Сухомлинова и т. д.

С февраля 1942 г. возобновляется работа ЦГВИА в Москве. Для этого времени характерна организация лекций и докладов в воинских частях и госпиталях по военно-исторической тематике с использованием материалов архива. Выполняются также задания ряда оборонных учреждений. В последующие годы проводилась работа по выявлению материалов о жизни и деятельности русских ученых, изобретателях и первооткрывателях (составлено 1500 карточек), по истории русской военно-теоретической мысли (1000 карточек).

Другим направлением в работе ЦГВИА СССР послевоенных лет по использованию своих фондов является выявление материалов для градостроительства и реставрации памятников архитектуры.

Значительно расширилась работа по выявлению в последние годы. В 1958—1959 гг. архив широко информировал крупнейшие заводы СССР о наличии материалов об этих предприятиях и краеведческие музеи о составе и содержании документов архива по истории их районов. Это дало хорошие результаты: в ЦГВИА были присланы запросы и, кроме того, в читальном зале архива появились представители этих заводов и музеев.

Материалы ЦГВИА СССР широко используются и в научных целях. Лишь за последние десять лет на основании материалов ЦГВИА СССР написано несколько сот научных работ [6]. Значительную помощь исследователям в этом деле оказывают сотрудники ЦГВИА СССР. В то же время большую работу по использованию документальных материалов коллектив архива ведет независимо от читального зала, в порядке выполнения текущих запросов научных учреждений и по инициативе самих сотрудников.

Так были составлены спецсообщения о документах, отражающих революционную деятельность М. В. Фрунзе и В. В. Куйбышева, а также о материалах, освещающих деятельность русского ученого электротехника В. Н. Чиколева (1845—1899 гг.).

За выявление документов, отражающих историю революционного рабочего движения в Польше, в адрес архива была получена благодарность от Института истории партии при ЦК Польской Объединенной Рабочей партии.

---

[6] О работе читального зала ЦГВИА СССР см. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9, стр. 47—50.

Объем работы по использованию и выявлению документальных материалов с каждым годом принимает все большие размеры. Так, в 1954 г. в целях выявления было просмотрено 228 141 ед. хр. (по описи) и 3542 дела полистно, составлено 1886 тематических карточек. Наиболее широко применяемой формой информационных документов в этот период ставится аннотированный перечень документов.

В 1956 г. было исполнено 159 тематических запросов, составлено 23 тематических перечня. Тогда же архив значительно расширил объем работы по микрофильмированию[7]. Архив обеспечивает запросы научных учреждений и ученых Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии, Финляндии.

Тематика выявления документов в 1957—1959 гг. расширилась. По инициативе архива были выявлены документы о революционной деятельности М. И. Калинина, А. И. Елизаровой, о колониальной политике США, Англии и Франции. Проводилось выявление документов о жизни и деятельности казахского ученого Ч. Валиханова и т. д.

Довольно широкий объем в последние годы приняла индивидуальная научная работа сотрудников архива по подготовке отдельных публикаций, статей, радио и телепередач. Формы использования материалов очень широки и разнообразны. За 1947—1957 гг. архивом было исполнено 769 тематических запросов, в 1950—1957 гг. составлено 108 тематических перечней и обзоров, выявлено документов и составлено тематических карточек — 40 729, в 1954—1957 гг. изготовлено и выдано учреждениям и отдельным исследователям — 12 188 лл. фотокопий документов и 19 885 кадров микрофильмов. В процессе исполнения запросов в 1954—1957 гг. просмотрено по научно-справочному аппарату 989 005 ед. хр. и 11 081 ед. хр. «в натуре».

Важнейшим условием нового подъема работы по использованию документальных материалов является постоянное усовершенствование научно-справочного аппарата. Значительный объем накопленных тематических карточек выдвигает задачу их централизации. В архиве должно быть организовано специальное структурное подразделение — каталог, который будет непрерывно пополняться и в свою очередь станет частью Единого каталога Государственного архивного фонда Союза ССР. По-видимому, первыми шагами в этом направлении будет создание тематических каталогов на наиболее содержательные фонды коллекции ЦГВИА СССР.

О. Ф. Никитина

ЦГАДА СССР

Главным каналом использования архивных документов Центрального государственного архива древних актов является (как было и раньше) читальный зал, число посетителей которого и количество выданных дел непрерывно возрастают. В 1958 г. здесь занималось 603 чел. (против 565 чел. в 1957 г.), которые использовали 41 917 ед. хр. (вдвое больше чем в 1957 г.). В первом полугодии 1959 г. в читальном зале работали 352 чел. (выдано 13 969 ед. хр.). Для улучшения условий работы исследователей читальный зал ежегодно пополняется новыми описями и указателями. Сюда сданы имеющиеся вторые экземпляры описей личных и монастырских фондов, Сибирского приказа, коллекций бывшего Государственного архива Российской империи, Дворцового отдела, картографических материалов, «Экономических примечаний» генерального межевания. В 1958—1959 гг. переданы указатели к описям Оружейной палаты, Берг-коллегии, личных и монастырских фондов, тематический и именной указатели к материалам бывшего Государственного архива.

Материалы ЦГАДА используются для изучения самых разнообразных тем по истории нашей Родины с древнейших времен до 1917 г. Наибольшее количество исследователей работает над социально-экономической тематикой XIV — начала XX вв.

---

[7] В связи с возросшим объемом работы по микрофильмированию в 1957 г. при ЦГВИА СССР было организовано отделение микрофотолаборатории ГАУ МВД СССР. В этом году с документов архива было снято 13 885 кадров микрофильмов.

Советские историки изучают крестьянское и помещичье хозяйство XVI — начала XX вв., историю городов, народных движений XVI—XIX вв., промышленности, торговли, вопросы возникновения и развития мануфактурного производства и т. д. После некоторого перерыва возобновилось исследование проблем раннего феодализма: «Западная Русь XII—XIV вв.», «Северо-русские феодальные республики» и др.

Большое внимание ученых привлекает история дипломатических, экономических и культурных отношений России с различными странами Запада и Востока. В 1958—1959 гг. целые группы исследователей занимались изучением материалов о сношениях России с Китаем, Индией, Монголией, Румынией, Чехословакией, Швецией и другими странами. По некоторым из этих тем архивом совместно с институтами Истории, Востоковедения и Китаеведения Академии наук СССР готовятся сборники документов. Разработкой истории дипломатических, экономических и культурных отношений России с иностранными государствами занималось и большинство иностранных исследователей, работавших в читальном зале ЦГАДА в 1958—1959 гг.

Чешский исследователь Честмик Аморт занимался по теме «История чешско-русских связей», Ульф Леман (ГДР) работал над докторской диссертацией о взаимоотношениях между немецкой и русской культурами в XVIII в., Чжан И-дун (аспирант ЛГУ) изучал вопрос о возникновении и начальном этапе русско-китайских отношений в XVI—XVII вв. В 1958 и 1959 гг. в течение длительного времени в архиве работали шведские историки Аттман и Карлгрен, заказавшие большое количество микрофильмов по истории Швеции и русско-шведских отношений XVI—XVIII вв.

В читальном зале постоянно работают архитекторы Москвы и других городов, занимающиеся реставрацией памятников культуры, исследователи в области музыки, русского зодчества, техники и естествознания, права, а также филологи и представители других отраслей науки.

В последние годы большое развитие получило исполнение тематических запросов: в 1956 г. поступило 128 запросов, в 1957 г.— 193, в 1958 г.— 234 и в первом полугодии 1959 г.— 113 запросов. Подавляющее большинство их получено от научно-исследовательских учреждений, фабрик и заводов, краеведческих музеев, школ и отдельных граждан; преимущественно это запросы по истории своего завода, района, сведения о разных исторических событиях, лицах и т. д.

Исполнение таких запросов помогает пропаганде исторических знаний, воспитывает любовь к прошлому своего края. Так, исполнение в 1957—1958 гг. запросов средней школы села Мыт Ивановской области и изготовление фотокопий документов об этом селе и окружающих его населенных пунктах положило начало созданию школьного Мытского краеведческого музея.

Жители села Ашиткова Бронницкого р-на Московской обл. также решили создать у себя музей. Эта мысль явилась у них после ознакомления с фотокопиями документов об Ашиткове XVII—XVIII в., которые ЦГАДА выслал местному историку-пенсионеру А. Д. Балашеву.

Больше всего запросов поступает от краеведческих музеев, многие из которых получили из ЦГАДА фотокопии различных документов. Это позволяет им пополнять, а в отдельных случаях и перестраивать экспозиции.

По запросам фабрик и заводов архив выявляет документы о времени основания этих предприятий и их истории в дореволюционное время. Такие запросы чаще всего поступают с предприятий Урала, где много заводов, которые уже отмечают 200-летний или даже 250-летний юбилей. Так, выполнены запросы Невьянского, Очерского, Лысьвенского и других заводов Урала, Кировского (бывш. Гончарова) завода, Фряновской мануфактуры и других предприятий.

В 1958 г. архив проводил выявление документов по запросам киностудии «Мосфильм» для постановки картины «Хованщина» и Ленинградской киностудии научно-популярных фильмов, работающей над кинокартиной «Следы минувшего. О роли науки в раскрытии невидимого».

Архив занимается также исполнением международных тематических запросов. Число их с каждым годом также увеличивается. Только в 1958 г. было исполнено

45 таких запросов. Из них наиболее значительными по объему были запросы Венгерской Народной Республики по истории Венгрии и о документах по истории отношений России с народами Югославии в XVII—XIX вв. Остальные запросы касались отношения России с Чехословакией, Албанией и другими странами народной демократии, Швецией, Японией и т. д. Ряд запросов посвящен истории культурных связей России с иностранными государствами (например, запрос из ГДР о гастролях в России в 40-х годах XVIII в. немецкой актрисы Каролины Нейбер).

В настоящее время сотрудники архива работают над исполнением большого заказа, сделанного представителями шведских архивов.

Архив ведет подготовку заметок и сообщений информационного характера для периодической печати и радио в целях ознакомления общественности с его документальными материалами. С 1957 г. работа над такими информациями ведется в плановом порядке [8].

Большое внимание уделяется выявлению и публикации документов прошлого, способствующих установлению и развитию дружественных связей с различными странами, рассказывающих о дружественном отношении нашего народа к другим народам мира. Л. В. Корженевская в информации о дневниках С. С. Абамелек-Лазарева, совершившего в 80-х гг. XIX в. вместе с известным художником В. Д. Поленовым и ученым А. В. Праховым путешествие по странам Востока, приводит ряд отзывов путешественников об арабах Египта, Сирии и Туниса [9]. В дни пребывания императора Эфиопии Хайле Селассия I в СССР была опубликована и передана по радио для стран Африки информация В. Н. Шумилова о первых русских документах о далекой стране Эфиопии [10]. Научные сотрудники архива стремятся к тому, чтобы наши древние документы служили целям, за которые сегодня борется советский народ.

Важными формами пропаганды, способствующими расширению использования документальных материалов, являются выставки, экскурсии и читательские конференции. Большой интерес вызвали выставки документальных материалов, организованные к 285-летию первой русской газеты, к 175-летию со дня рождения Стендаля и к 80-летию со дня рождения чешского ученого Зденека Неедлы, который в самом начале XX в. работал в читальном зале бывшего Московского архива МИД, часть материалов которого вошла в состав ЦГАДА. В 1959 г. были развернуты выставки к 1100-летию Новгорода и 10-летию КНР. Однако технические условия, в частности, отсутствие специального помещения, не позволяют архиву сколько-нибудь широко экспонировать документы на выставках.

Посещения архива студентами Историко-архивного института, исторических факультетов МГУ и московских педагогических институтов стали хорошей традицией. Кроме того, в 1958—1959 гг. архив посетили члены Дома ученых Академии наук СССР, работники библиотек и музеев, комсомольский актив Фрунзенского района Москвы и другие. В 1958 г. было проведено 15, а в первом полугодии 1959 г. 13 экскурсий. Иногда организуется индивидуальный показ материалов архива советским и иностранным посетителям. В 1958 г. архив посетили: начальник управления государственных архивов Венгерской Народной Республики А. Седё, генеральный директор архивов Польской Народной Республики Г. Альтман, профессор Оксфордского университета С. А. Коновалов (Англия), болгарский патриарх Кирилл, профессор Бродель (Франция) и другие.

---

[8] Среди информационных сообщений, преследующих цель популяризации архивных материалов, следует отметить заметку В. Р. Шуликовой о письмах Стендаля, хранящихся в ЦГАДА («Литературная газета» от 23 января 1958 г.), опубликованные В. Н. Шумиловым документы об истории поступления в Оружейную палату серебряных барсов («Комсомольская правда» от 19 января 1958 г.), Р. В. Овчинниковым — о героической борьбе русского народа с угнетателями в период восстания Е. И. Пугачева («Пензенская правда» от 16 февраля 1958 г. и «Новый мир», 1958, № 10) и др.

[9] «Советская Россия» от 10 января 1958 г.

[10] Там же, от 9 июля 1959 г.

Работа по использованию документов во многом зависит от состояния научно-справочного аппарата архива и степени ознакомления научной и широкой общественности с содержанием и характером хранящихся документов. Особое внимание сейчас уделяется подготовке к изданию систематических (не инвентарных) описей. После их издания подготовленные карточки будут использованы для создания высококачественной инвентарной описи, а затем включены в тематический каталог. Все это будет способствовать расширению использования материалов.

Опубликование справочных пособий, описей и тематических обзоров особенно поможет периферийным исследователям, которые смогут непосредственно с места заказывать микрофотокопии определенных документов. В настоящее время архив ведет работу над описями крепостных книг XVIII в., материалов переписи населения XVIII в. и книг Якутской приказной избы.

Архив разработал семилетний перспективный план работы, в котором главное внимание уделено вопросам использования документальных материалов в политических, научных и культурно-просветительных целях.

М. Я. Волков

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АРХИВЫ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

В последние годы Архивный отдел УВД Леноблисполкома и государственные архивы Ленинградской области значительно активизировали использование и популяризацию документальных материалов.

Одной из форм популяризации архивных документов является использование их в лекциях для молодежи. Эта форма работы (сравнительно новая для ленинградских архивов) особенно развернулась при подготовке к 40-летию ВЛКСМ и успешно применяется в настоящее время. В 1957 г. сотрудниками архивов было прочитано свыше 30 лекций с демонстрациями фотодокументов по истории комсомола, а в 1958 г.— 60 лекций. Эти выступления происходили на Кировском и Металлическом заводах.

Молодые архивисты часто проводили консультации для пропагандистов по истории комсомола.

Распространенной формой популяризации архивных документов является представление копий фотоматериалов. Большим достижением следует считать выпуск Лениздатом в конце 1958 г. книги «Традиции зовут вперед», авторами которой являются сотрудник Архивного отдела В. А. Зубков и инструктор ГК ВЛКСМ Г. А. Меркурьев. В этой работе освещена история комсомольской организации Ленинграда, широко использованы архивные документы

Популяризация архивных материалов и архивного дела для научной общественности проводилась посредством организации научных конференций, посвященных 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, празднованию 250-летия Ленинграда, 40-летнему юбилею ВЛКСМ и 40-летию архивного строительства в СССР. Конференции были организованы Архивным отделом УВД Леноблисполкома, ЦГИАЛ и ЦГАВМФ, в их работе приняли участие сотрудники Архива и Института истории АН СССР, партархива Ленинградского обкома КПСС, ГАУ МВД СССР, архивисты Эстонии, Пскова и Новгорода, представители общественных организаций города. Из 23 прочитанных докладов восемь были подготовлены сотрудниками архивного отдела, ГАОРЛО и ГИАЛО.

Большой интерес вызвали доклады начальника архивного отдела П. В. Виноградова «Проблема обеспечения сохранности документальных материалов государственных и ведомственных архивов Ленинградской области», сотрудников ГАОРЛО Ю. С. Токарева «Революционное движение в Петрограде после свержения самодержавия» и В. И. Старцева «Июльский кризис и конец двоевластия». Эти доклады яви-

лись следствием работы над выявлением документальных материалов при подготовке сборников и обзоров. Конференции вызвали живой интерес научной общественности. Ленинградские газеты и радио дали широкую информацию о работе этих конференций.

В последние годы практиковалась организация выставок документов. Выставки были двух типов. На одних экспонировались в большом количестве подлинные документы и они организовывались в юбилейные дни в помещении архивного отдела. Материалы для выставок предоставлялись областными архивами, а также ЦГИАЛ и ЦГАВМФ. Всего на выставках было экспонировано около 6 тыс. документов (включая фотоснимки). Они функционировали в течение одного — трех месяцев. У экспозиций постоянно находился консультант — научный сотрудник архива. Выставки посетило более 2500 чел.

Здесь были группы студентов, школьников, молодежь ремесленных училищ и т. д. Некоторые кружки политического просвещения предприятий и учреждений, расположенных в районе архивного отдела, проводили занятия по истории Октябрьской революции непосредственно в зале выставки. Выставки получили хорошие отзывы центральной и местной печати [11].

Особенно большая работа была проведена архивным отделом по организации выставок второго типа — в домах культуры, учреждениях и т. д. Основными экспонатами здесь были материалы фотоотдела ГАОРЛО. Наиболее показательным примером этой работы является успешное сотрудничество, осуществляемое архивным отделом и крупнейшим в Ленинграде Дворцом культуры им. А. М. Горького. С апреля по ноябрь 1957 г. в вестибюле дворца была организована демонстрация еженедельного фотокалендаря революционных событий 1917 г. и экспонировались фотовыставки «От февраля к Октябрю» и к 40-летию создания в Петрограде Социалистического союза рабочей молодежи. Эти выставки посетило более 300 тыс. человек. Аналогичные выставки, но меньших масштабов, были организованы еще в нескольких домах культуры, кинотеатрах и клубах города.

Архивный отдел широко использовал документальные материалы при подготовке к 40-летию ВЛКСМ. Большую роль в этом деле сыграли комсомольцы — научные сотрудники архивов. Они приняли участие в выработке обращения к молодежи Советского Союза с призывом организовать сбор материалов по истории Октябрьской революции и гражданской войны [12].

Первой большой работой на эту тему была выставка «Фотостраницы по истории комсомола Ленинграда». Она демонстрировалась в Педагогическом институте им. Герцена, на заводе им. Кулакова, в театре им. Ленинского комсомола, в обкоме ВЛКСМ и получила одобрение на страницах печати [13].

Ленинградский обком комсомола представил фотовыставку в ЦК ВЛКСМ, где было дано указание об издании этих материалов в виде альбома к XIII съезду комсомола. В апреле 1958 г. альбом вышел тиражом в 2000 экз. и получил положительную оценку делегатов XIII съезда, а также комсомольской печати.

В связи с развертыванием работы по написанию истории фабрик и заводов, в крупнейших дворцах культуры будут организованы выставки фотодокументов предприятий исторически сложившихся районов Ленинграда. Например, материалы заводов и фабрик Выборгской стороны будут демонстрироваться в Выборгском дворце культуры, фотовитрина, посвященная рабочему классу предприятий Нарвской заставы,— в Доме культуры им. А. М. Горького и т. д. Такая организация выставок позволит более детально осветить историю каждого конкретного района и вызовет к ним больший интерес общественности.

---

[11] См. «Известия» от 15 июня 1957 г., «Ленинградская правда» от 11 июня 1957 г., «Вечерний Ленинград» от 23 октября 1957 г.

[12] Это обращение было опубликовано 1 апреля 1957 г. в «Комсомольской правде» под названием «Поиски и находки следопытов революции».

[13] Положительные отзывы об этой выставке см.: газ. «Смена» от 9 декабря 1956 г. и «Ленинградская правда» от 10 января 1957 г

При выявлении документов по истории рабочего класса Ленинграда в советский период особо подбираются материалы о жизни производственной молодежи, комсомола. Эти материалы будут специально экспонированы в райкомах ВЛКСМ. Развивается использование материалов посредством радио и телевизионных передач.

В последнее время отделение использования архивного отдела наладило регулярную организацию информаций по Ленинградскому радио к юбилейным датам с сообщением о новых архивных документах.

Важнейшую роль в деле использования и популяризации архивных документов играет периодическая печать. Статьи и публикации наших сотрудников можно найти не только на страницах ленинградской печати, но и газетах Пскова, Тулы, Ульяновска, Пензы, Вологды, Ростова, Риги, Смоленска, а также в «Советской культуре», «Учительской газете», «Литературной газете». Сотрудники отделения использования поддерживают постоянный контакт с редакциями газет и журналов, радио и телевидения. Периодически составляются перечни наиболее актуальных тем, календари памятных дат и другие пособия, которые рассылаются по отделам архивов. Администрация архивного отдела и архивов охотно идет навстречу желаниям сотрудников заняться популяризацией документов. Некоторым архивистам, особенно начинающим публикаторскую работу, начальники отделов отводили плановое время на подготовку материалов к печати.

Плановая работа по использованию организуется с учетом научных интересов исполнителей. На замещение вакантных должностей старших научных сотрудников выдвигаются работники, наиболее проявившие себя в этой области.

В архивном отделе организована постоянно действующая выставка печатных работ сотрудников, которая обновляется по мере выхода в свет новых материалов. Отдел использования ведет систематический учет всей печатной продукции архивистов.

Серьезной трудностью, стоящей на пути архивистов-публикаторов, является чрезвычайно узкая издательская база. Настало время поставить вопрос о выпуске периодического архивного сборника типа «Трудов» или «Ученых записок», издаваемого Главным архивным управлением.

Другим направлением в области использования документальных материалов является организация помощи исследователям. Как и раньше, документы выдаются в читальных залах, и количество использованных читателями дел из года в год растет. Однако новым в этой работе является то, что ленинградские областные архивы начали активно организовывать работу тех категорий исследователей, которые впервые начинают изучать документальные материалы. В первую очередь здесь речь идет о писателях и журналистах, начавших работу по истории фабрик и заводов. Ленинградские архивисты выявили и подвергли систематизации большое количество материалов по этому вопросу. Стремясь раскрыть их содержание широкому кругу заинтересованных лиц, архивный отдел провел несколько заседаний в Ленинградском Доме журналиста. На первом из них выступила с докладом А. В. Белинская о принципах работы с документальными материалами архивов, В. И. Старцев и О. П. Романова с сообщениями о документальных материалах ГАОРЛО и ГИАЛО. Затем по просьбе правления Ленинградского отделения Союза советских журналистов В. И. Старцев прочитал доклад о документальных материалах по истории советской печати Ленинграда.

В результате популяризации документальных материалов в архивный отдел гораздо чаще, чем раньше, стали обращаться представители партийных, советских, комсомольских организаций промышленных предприятий, научных учреждений, киностудий, музеев.

Сотрудники архивного отдела стремятся удовлетворить все поступающие запросы. Так, Выборгскому исполкому городского Совета была выдана справка о документальных материалах по городскому хозяйству.

Всесоюзному научно-исследовательскому институту озерного и речного рыбного хозяйства в Ленинграде был направлен перечень документов о рыболовстве и рыбо-

водстве в СССР за 1917—1928 гг. Институт сообщил, какие документальные материалы нужны в его работе. В соответствии с этим было организовано дополнительное выявление документов. Аналогичные письма были направлены в Тихоокеанский и Полярный институты, а затем, по их запросам, высланы копии документов.

В Государственную комиссию по сортоиспытанию сельскохозяйственных культур Министерства сельского хозяйства архивным отделом было направлено информационное письмо о наличии в областных архивах документов о производстве опытов по выращиванию различных сортов кукурузы на Шатиловской опытной станции в 1902—1911 гг. в Тульской губернии. В ответ комиссия запросила копии некоторых документов и впоследствии сообщила, что материал представляет большой интерес для обобщения вопроса истории возделывания кукурузы в СССР.

Архивисты внесли свой вклад в дело перестройки системы управления промышленностью. Ленинградскому обкому КПСС было передано во временное пользование в 1957 г. 22 ед. хр. с материалами об организации и деятельности Совета народного хозяйства Северного района. Когда начал функционировать Ленсовнархоз, ему был направлен обзор по истории организации социалистической промышленности Ленинградской области.

Значительная работа проведена по выявлению документальных материалов по истории химической промышленности; составлены перечни научной и технической документации в общей сложности на 308 документов. Эти материалы были переданы обкому КПСС, Ленинградскому совету народного хозяйства и другим заинтересованным организациям. В самом конце 1958 г. архивный отдел направил в Городской отдел народного образования справку-ориентировку об имеющихся в областных архивах Ленинграда документальных материалах, которые могут служить хорошими наглядными пособиями на уроках по истории СССР в средней школе. Эти материалы вызвали интерес у работников ГорОНО. В настоящее время изучается вопрос о выявлении таких документов в архивах. Работа по выявлению документальных материалов в народнохозяйственных целях, проводимая архивным отделом, за последние годы значительно возросла. Однако ее настоящий уровень все еще не удовлетворителен. Очевидно, назрела необходимость создания авторитетного централизованного органа, который координировал бы действия архивов в этой области, подсказывал бы им актуальные и важные темы.

Следует иметь в виду, что вся эта большая и важная работа являлась лишь частью деятельности архивов. За это же время был проделан огромный труд по наведению десятков тысяч справок о трудовом стаже. Проводилось дальнейшее комплектование архивных материалов и совершенствовалась их сохранность.

Вдохновленные историческими решениями внеочередного XXI съезда Коммунистической партии, весь коллектив ленинградских архивистов стремится еще лучше организовать свою работу.

С. Н. Семанов

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МИНИСТЕРСТВА РЕЧНОГО ФЛОТА РСФСР

ЦА МРФ применял следующие формы и методы использования материалов:

1) выявление документов по наиболее актуальным вопросам работы речного транспорта. Так, в связи с огромным размахом гидротехнического строительства в нашей стране, в 1955—1957 гг. было проведено выявление материалов по теме «Искусственные водные пути и гидротехнические сооружения». По результатам выявления в 1957 г. был составлен обзор, разосланный заинтересованным организациям и учреждениям (в частности, всем научно-исследовательским учреждениям и высшим учебным заведениям МРФ РСФСР, Главгидропроекту Министерства электростанций СССР и Транспортной секции Академии наук СССР);

2) популяризация архивных материалов в периодической печати. Так, в газете

«Водный транспорт» было опубликовано сообщение о составе и содержании документальных материалов архива и призыв к широкому их использованию [14]. В редакцию журнала «Речной транспорт» направлены для опубликования статьи: «Органы управления в области речного транспорта с 1917 по 1956 годы» и «Доументальные материалы Центрального архива МРФ — источники по истории речного транспорта».

Кроме того, документальные материалы Центрального архива использовались при подготовке и проведении выставки «Речной транспорт СССР за 40 лет», организованной Домом техники министерства;

3) Центральный архив поддерживает постоянную связь с хозяйственными, планирующими и научно-исследовательскими организациями Министерства речного флота. С этой целью нами периодически созываются совещания представителей этих организаций и учреждений;

4) Одним из наиболее распространенных каналов использования материалов является читальный зал. Здесь созданы все условия для плодотворной работы исследователей. Почти за четверть века существования читального зала ЦА МРФ здесь работали тысячи исследователей, ученых и практических работников. Их число растет из года в год. В 1957 г. в читальном зале работали 73 исследователя, которым было выдано 1547 ед. хр., в 1958 г.— 93 исследователя, получивших 1267 ед. хр., а в первом полугодии 1959 г. в читальном зале работали 72 исследователя, использовавших 1064 ед. хр. Кроме того, читатели получают от работников архива квалифицированные консультации и практическую помощь.

5) большое место в деятельности архива занимает наведение справок биографического характера по запросам граждан, учреждений и организаций. За последние три-четыре года, несмотря на то, что объем справочной работы все время растет, мы добились такого положения, что справки выдаются в течение 1—5 дней: в 1958 г. выдано 500 справок, а за первое полугодие 1959 г. 300 справок. Из года в год растет число справок с положительным ответом. Это объясняется тем, что мы глубже изучили состав и содержание материалов архива и создали отдельную картотеку на личные дела и приказы по личному составу и указатель на документы по личному составу.

Все эти формы и методы работы ЦА МРФ дали положительные результаты в деле лучшего и всестороннего использования документальных материалов архива в народнохозяйственных и научных целях. В народнохозяйственных целях по инициативе руководства министерства и архива используются документальные материалы таких фондов, как: Техническое управление, Главное управление водных путей и гидротехнических сооружений, Планово-экономическое управление, центральная бухгалтерия, Главное управление по транспортному освоению малых рек, Главное управление перевозок и др.

С 1950 г. в архиве работали сотрудники Управления Большой Волги треста «Гидроэнергопроект» Министерства электростанций СССР над материалами, относящимися к «Обь-Арало-Каспийскому водно-энергетическому комплексу». Использование документальных материалов позволило не отправлять в район Енисея дорогостоящих топографических, геодезических и геологических партий, что дало государству ориентировочно экономию в сумме около 3 000 000 рублей.

В 1955 г. инженер Государственного института по проектированию на речном транспорте Р. В. Клейнер разработал по документальным материалам о грузообороте речного флота «схему транспортного освоения Москворецкого водного пути». На следующий год инженер Гидропроекта Министерства электростанций СССР А. Ф. Пименов изучал технические материалы по изысканиям на р. Лене. Использованные материалы были включены в проект энергетического использования Лены.

Материалы архива повседневно используются работниками центрального аппарата Министерства речного флота для решения оперативных вопросов. Широко используются архивные фонды и в научных целях.

---

[14] Газ. «Водный транспорт» от 31 декабря 1958 г.

В 1955 г. доцент Куйбышевского планового института В. А. Арефьев написал по материалам архива и защитил докторскую диссертацию на тему: «Некоторые вопросы развития экономики Волжского речного транспорта»; в 1956 г. инженер Главного управления подводно-технических работ Г. Н. Анисов использовал материалы ЦА МРФ в монографии по истории ЭПРОНА; в 1957 г. группа работников центрального аппарата министерства, А. Ф. Рукавишников, М. Ф. Коннонов, С. М. Румянцев и другие, на основании документов архива составили несколько разделов сборника о развитии речного транспорта в нашей стране [15]. В 1958 г. преподаватель Горьковского института инженеров водного транспорта В. А. Куприн, использовав документальные материалы, защитил кандидатскую диссертацию по теме «Коммунистическая партия Советского Союза в борьбе за выполнение четвертой пятилетки на речном транспорте».

Использование архива в научных целях продолжается и в настоящее время. В текущем году сотрудники Центрального научно-исследовательского института экономики водного транспорта М. И. Богатырева, Ф. Ф. Иванова и Н. А. Рылина работают в архиве над темой «Показатели и методика оценки эффективности капиталовложений на речном транспорте и пути ее повышения». Научный сотрудник Совета по изучению производительных сил Академии наук СССР Н. В. Феденко изучал документальные материалы по освоению р. Витим. Таких примеров можно привести много.

Задача Центрального архива состоит в том, чтобы шире развернуть работу по выявлению и организации использования документальных материалов для решения ряда важнейших проблем развития и реконструкции речного транспорта. Сотрудники ЦА МРФ должны активизировать и усилить информацию заинтересованных учреждений и организаций об имеющихся в архиве документальных материалах.

В настоящее время ЦА МРФ готовит издание путеводителя, а также описей и обзоров фондов, имеющих важное научное и практическое значение.

И. А. Пешков

[15] Речной транспорт СССР за 40 лет. М., Речиздат, 1958.

Заметки архивиста

ПРЕДСМЕРТНЫЕ ПИСЬМА СОВЕТСКОГО ПАТРИОТА ИМАНТА СУДМАЛИСА

Публикуемые ниже письма Героя Советского Союза Иманта Судмалиса, приговоренного к смерти фашистскими палачами в годы Великой Отечественной войны,— яркое свидетельство величия духа нашего героического народа.

Вместе со всем советским народом, народы Прибалтики вели тяжелую борьбу за освобождение своей Родины от фашистских захватчиков. Одним из лучших своих сынов латышский народ по праву считает Иманта Судмалиса — руководителя Рижского подполья. В первые дни войны Имант Судмалис — в рядах героических защитников города Лиепая. После падения города он с группой комсомольцев уходит в подполье. Позднее в составе белорусской партизанской бригады Захарова действует в юго-восточной части и на юге Латвии. За успешную боевую работу был представлен к награждению орденом Ленина.

20 июля 1943 г. Имант Судмалис прибывает в Ригу и здесь создает подпольную антифашистскую организацию, в декабре организует типографию. Однако вскоре гестапо выследило Судмалиса. Ему удается переправить к партизанам наиболее активных участников организации, но сам он был схвачен фашистами и 25 мая 1944 г. в 6 часов вечера повешен в камере пятого корпуса Рижской центральной тюрьмы. Публикуемые ниже два его предсмертных письма найдены после войны в щели стены этой камеры смертников.

Подлинники хранятся в Государственном музее революции Латвийской ССР.

Б. И. Жучков

Два письма Героя Советского Союза Иманта Судмалиса жене и детям

I

Марии Судмалис. Лиепая, улица Упмалась, № 6

IV.1944 г.

Передать после войны

Марусенька, мало вероятно, что ты получишь это мое последнее письмо, но может быть все же!

13 апреля меня осудили на смерть, какое сегодня число — не знаю, дни перемешались. Но прошло уже много времени после суда, будет примерно 28 апреля, и я думаю о том, что у нашего Айюка может быть сейчас день рождения — ему сейчас шесть лет, а меня, может быть, в эту ночь выведут на расстрел.

Книг мне не дают, я один в пустой одиночке централки, у меня много времени передумать былое. Я смотрю в прошлое и вижу, что много за эти недолгие годы пережито, нахожу и вспоминаю о многих светлых минутах. И эти воспоминания о больших боях, в которых принимал участие, о тихих, солнечных часах с тобой — эти воспоминания мне теперь помогают. Я не сожалею о пройденном пути... [1]

Было бы много о чем сказать, написать, но нет карандаша — в кармане нашелся кусочек обломанного графита, им и пишу.

Под каким забором я буду зарыт ты наверное никогда не узнаешь, да это и не нужно — та же земля покроет нас всех. Я чувствую, девочка, что после войны ты вернешься обратно в нашу милую Латвию. И тогда, когда-нибудь вечером после дневной работы, вспомни, что когда-то был такой Имис, который тебя любил,— расскажи о нем что-нибудь Яйюку и Сармуку...

Воспитывай, Марусенька, наших деточек — учи их любить то будущее, в котором они будут жить и за которое пролито столько крови.

Приласкай за меня Айюка и Сармука, прощай Марусенька, больше не увидимся. Умирать еще не хочется, но верь — я сумею умереть, как подобает. И Овода расстреляли весной, когда пробивалась молодая травка. Будь здорова и радостна, Марусенька. Не печалься особенно.

Твой Имис

Государственный музей революции Латвийской ССР, инв. № 406-а — VII.— Перевод с латышского.

II

25 мая 1944 г.

Дорогая Марусенька, Айюк, Сармук! Не знаю, будете ли вы когда-нибудь читать мои последние слова, но все же напишу. Через пару часов приведут в исполнение смертный приговор. Суд был 13 мая [2] и поэтому у меня было достаточно времени передумать свою жизнь. Оглядываюсь на прожитые дни; мне не в чем себя упрекнуть. Я был человеком и борцом в эти столь роковые дни для человечества. Хоть бы будущее было лучшим и счастливым, оно таким должно быть! Понапрасну так много крови не может быть пролито.

Много не горюй, Марусенька — вечно еще никто не жил. Воспитывай Айюка и Сармука так, чтобы они когда-нибудь обо мне вспомнили, чтобы их жизнь была радостнее и лучше.

Будь здорова Марусенька, спасибо за все хорошее, что ты мне дала. Знаешь, приласкай Айюка и Сармука за меня.

Имис

Государственный музей революции Латвийской ССР, инв. № 8402 — VII.— Перевод с латышского.

[1] Здесь и далее отточия документа.
[2] Ошибка: суд состоялся 13 апреля.

Критика Библиография

ДОКУМЕНТЫ О РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ В ПЕТРОГРАДЕ[1]

Выход в свет рецензируемого сборника документов о революционной борьбе рабочего класса Петрограда против царизма и буржуазии в 1912—1917 гг. является отрадным фактом. Давно существовала настоятельная необходимость в таком издании. Публикации, появившиеся в 1923—1939 гг., были выборочными, неполными, и в настоящее время стали библиографической редкостью[2].

Сборник подготовлен сотрудниками ГИАЛО и Архивного отдела УВД Леноблисполкома. В книге общим объемом около 45 печатных листов помещено 363 документа, из них 291 опубликован впервые: уже одно это свидетельствует о серьезном научном значении данной публикации.

Публикуемые документы позволяют создать более полную хронику стачечного рабочего движения в Петрограде, чем это можно было сделать на основе имевшихся до сих пор в распоряжении исследователей документальных публикаций[3], а также выяснить значение стачечной борьбы петроградских рабочих в подготовке вооруженного восстания против царизма в феврале 1917 г. Они позволяют исследователям изучить выдающуюся роль передового отряда российского пролетариата — питерских рабочих в общероссийском рабочем движении в ответственный период отечественной истории, закончившийся свержением векового врага народов СССР — ненавистного царизма. Они делают ощутимой величайшую революционную энергию и творчество рабочих Петрограда, проявленные ими в эти годы. Впервые опубликованные документы дают возможность раскрыть провал попыток буржуазии и социал-предателей вовлечь рабочих в деятельность военно-промышленных комитетов.

Сборник состоит из двух частей; в первую включены документы о рабочем движении в годы нового революционного подъема (1912 — июль 1914 г.), а во вторую — о рабочем движении в Петрограде в годы империалистической войны (июль 1914 — февраль 1917 г.). Эти части в свою очередь состоят из разделов и тематических подразделов, совпадающих с хронологическим делением; лишь в двух случаях допущены отступления от хронологического принципа — в первом разделе, где в одном подразделе собраны документы о страховой кампании 1912—1913 гг. (стр. 79—89), и в четвертом — сосредоточены документы о бойкоте военно-промышленных комитетов (стр. 343—368). Такая структура облегчает использование сборника не только в научных, но и в учебных и пропагандистских целях.

Однако, как нам кажется, выделение небольших по объему тематических подразделов не всегда является оправданным — их можно было бы сделать более крупными; например, объединить в первом разделе первые два подраздела, мало чем отличающиеся по составу и характеру документов; то же самое относится и

---

[1] «Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы». Сост.: А. Л. Старикова, В. Е. Бондаревский, А. В. Белинская и др. Под ред. Ю. И. Кораблева. Лениздат, 1958, 686 стр.

[2] «Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической рабочей партии». Т. VI, вып. 1. М.— Л., Госиздат, 1923; «Рабочее движение в годы войны». Материалы по истории рабочего движения в России. Центрархив. М, 1925; «Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны 1914—1917 гг.». Л., 1939; «Большевики в годы империалистической войны 1914 — февраль 1917 г.». Сборник документов местных большевистских организаций. М., 1939.

[3] Сравни, напр., «Хронику рабочего движения в Петербурге (1870—1917 гг.)» в энциклопедическом справочнике «Ленинград». Изд. БСЭ, М.— Л., 1957, стр. 381—392.

к первому и второму подразделам второго раздела.

Составители ограничили хронологические рамки сборника периодом нового революционного подъема и первой мировой войны. Однако начало революционного подъема они относят к 1912 г., в то время как началом революционного подъема следует считать 1910 г.[4] Поэтому можно только пожалеть, что в сборник не включены документы 1910—1911 гг.

Составители провели большую исследовательскую работу по выявлению и отбору наиболее ярких и значимых по содержанию документов, хранящихся в ЦГИАЛ, ЦГИАМ, ГИАЛО, а также в ЦГВИА, ЦГАВМФ и архиве Артиллерийского исторического музея в Ленинграде. В заслугу составителям следует поставить использование фондов трех последних хранилищ, до сих пор мало использованных для изучения истории рабочего движения. Всего было выявлено 2000 документов, но в сборник включены лишь наиболее яркие и насыщенные содержанием о стачечной борьбе рабочих Петрограда. Ценным является и то, что многие документы исходят непосредственно от самих рабочих — это требования, наказы, резолюции рабочих митингов и собраний, рабочие корреспонденции (см. док. №№ 44—50, 52, 53, 55, 352, 354 и др.). Составители использовали периодическую большевистскую печать; часть документов взята ими из ранее опубликованных сборников («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1; «Листовки петербургских большевиков», ч. II, и др.), что позволило показать руководство петербургской большевистской организации массовыми стачками рабочих, благодаря чему забастовки были организованными и политически целенаправленными. Эти документы придали сборнику политическую остроту и научный характер.

Основным содержанием публикуемых документов является революционная политическая борьба петербургских рабочих, и особенно массовые политические стачки и демонстрации. Другие формы рабочего движения: возникновение и рост профсоюзов, политических партий, участие рабочих в культурно-просветительных обществах и т. д. не получили освещения в сборнике. Это объясняется его сравнительно незначительным объемом, который не позволил составителям включить документы и материалы об экономическом положении рабочих Петрограда. Тематическая ограниченность книги не позволяет достаточно полно раскрыть все стороны рабочего движения в Петрограде в 1912—1917 гг. и глубоко проанализировать причины подъема стачечной борьбы питерских рабочих.

Промышленный подъем и вызванный им повышенный спрос на квалифицированные рабочие руки, тяжелые условия труда и быта рабочих, низкий уровень их материального положения, усиливавшаяся эксплуатация рабочего класса русским и иностранным капиталом, политический гнет третьеиюньской монархии вызвали мощную стачечную волну петербургских рабочих в 1912—1914 гг., чему посвящена первая часть рецензируемого сборника.

Уже первые выступления рабочих Петербурга в 1910—1911 гг. ознаменовали начало подъема рабочего движения; они показали рост организованности и упорства стачек (среди которых преобладали экономические стачки), их наступательный характер.

Стачки с апреля 1912 г. до июля 1914 г.— замечательная страница в истории питерского пролетариата. В борьбе против царизма и капиталистов рабочие Петербурга провели 1631 стачку с общим количеством бастующих в 3 млн человек. Если учесть, что в Петербурге тогда насчитывалось 250—300 тыс. рабочих, то это значит, что в среднем каждый рабочий бастовал 10—12 раз; 80% стачек носили политический характер[5]. Начало массовой борьбе питерских рабочих в 1912 г. положили стачки и демонстрации в связи с ленским расстрелом и празднованием 1 мая (док. №№ 1—16). Выдающееся место среди стачек 1912 г. занимали также: стотысячная стачка рабочих 5—15 октября в связи с отменой выборов уполномоченных на 30 крупнейших предприятиях в период выборов в IV Государственную думу (см. док. №№ 21—24), шестидесятитысячная стачка протеста против суда над матросами Черноморского флота (см. док. № 25), стачка в день открытия IV Государственной думы (см. док. №№ 26, 27) и др.

Публикуемые документы показывают непримиримость интересов пролетариата и буржуазии: развивающееся революционное движение рабочих ускорило организацию класса капиталистов для борьбы с этим движением. 28 июня 1912 г. была принята новая конвенция Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, предусматривавшая проведение ряда мер в борьбе против рабочих: капиталисты договорились не сокращать продолжительность рабочего времени, не устанавливать минимума зарплаты, не принимать рабочих с бастующих фабрик и заводов и т. д. (см. док. № 17). Однако мощная волна стачек смела эти попытки капиталистов задержать рост рабочего движения.

Весь 1913 г. характеризуется нарастанием мощной лавины политических забастовок питерских рабочих: 1 мая бастовало 250 тыс. рабочих, которые оказали более упорное сопротивление полиции, чем в 1912 г. (см. док. № 42); в стачке

[4] См. В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 12.

[5] «Очерки истории Ленинграда», т. III. Изд. АН СССР. М.— Л., 1956, стр. 526.

протеста против суда над матросами Балтийского флота участвовали 70 тыс. чел. (см. док. № 54), мощные стачки прошли в защиту рабочей печати (см. док. № 57). Своей героической стачечной борьбой пролетарии Петербурга вовлекали в политическое движение все новые и новые отряды рабочих других промышленных центров — Москвы, Прибалтики, Центрально-промышленного района, Баку и др.

Поронинское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками (23 сентября — 1 октября 1913 г.) признало, что рабочее движение «подходит к постановке на очередь всероссийской политической стачки. Систематическую подготовительную агитацию за эту стачку необходимо начать немедленно и повсеместно» (док. № 56). Вторая половина 1913 г. и первая половина 1914 г. в Петербурге проходили под знаком подготовки всеобщей политической стачки. Во второй половине 1913 г. петербургские рабочие провели ряд стачек (см. док. №№ 59, 61, 65).

Замечательные образцы стойкости и героизма показали рабочие отдельных заводов: 102 дня бастовали рабочие завода «Новый Лесснер» (см. док. № 40), 68 дней бастовали рабочие Обуховского завода (см. док. №№ 66—68). Во второй половине 1913 г. более половины всех забастовщиков в стране составляли питерские рабочие. В 1914 г. стачечная волна питерских рабочих поднялась выше, чем накануне 1905 г.— в январе бастовало 140 тыс. рабочих; массовые забастовки возникли в связи с отравлением рабочих «Треугольника» и других заводов (см. док. №№ 80—84), в знак солидарности с бастующими нефтяниками Баку (см. док. №№ 102—103), в знак протеста против расстрела митинга путиловских рабочих (см. док. №№ 104—107); в последней забастовке участвовало сперва 130, а затем — 200 тыс. рабочих. Стачки сопровождались демонстрациями, столкновениями с войсками и полицией (см. док. № 106 и др.).

Стачка в Петрограде в начале июля 1914 г. начала перерастать во всеобщую; в ряде мест рабочие строили баррикады (см. док. №№ 111, 112, 115, 116 и др.). Публикуемые документы описывают настоящие сражения между рабочими и войсками (см. док. №№ 113, 116). Рабочий класс Петрограда смело шел ко всеобщей стачке, увлекая за собой на борьбу против царизма и капиталистов рабочих других промышленных центров. В. И. Ленин в июле 1914 г. писал, что петербургский пролетариат «развил громадную активность, откликаясь, как чуткий барометр, на все события, имеющие отношение к рабочему движению. Петербургский пролетариат стоит на первом месте...» [6]. Барометр показывал приближение бури, и только разразившаяся мировая империалистическая война на некоторое время привела к спаду стачечной волны питерских рабочих.

Вторая часть рецензируемой книги посвящена рабочему движению Петрограда в период первой мировой войны. В первые месяцы войны число стачек резко сократилось: в августе — декабре 1914 г. по всей стране бастовало 34,7 тыс. рабочих в 68 стачках [7]. Однако уже в первый день мобилизации рабочие Петрограда провели забастовки, митинги и демонстрации, ярко выявив свои антивоенные настроения (см. док. № 120). Рабочие организовали ряд экономических (см. док. №№ 124—127) и политических забастовок (см. док. №№ 128—130); последние проводились в знак протеста против ареста большевистской фракции IV Государственной думы. Рабочие сорвали попытку царизма судить членов фракции военным судом и приговорить их к смертной казни.

Война привела к серьезному ухудшению материального положения рабочих, к усилению политического гнета в стране. В начале 1915 г. стачки характеризуются преобладанием экономических требований и разрозненностью. Однако, благодаря руководству большевистской организации, забастовочное движение питерских рабочих приобретает большую организованность и политический характер. Об этом свидетельствуют политические стачки в день 9 января и 1 мая 1915 г. (см. док. №№ 147 и 165) в знак протеста против расстрела рабочих в Костроме и Иваново-Вознесенске (см. док. №№ 189—194). В сентябре 1915 г. крупные стачки питерских рабочих проходят против преследований революционных рабочих, против самодержавия и войны (док. №№ 195—201).

Поднявшаяся волна стачечного движения в 1915—1916 гг. была важнейшим показателем того, что в России создалась непосредственно революционная ситуация. 1916 г. прошел под знаком нарастания революции (см. док. №№ 318—346). Составители поступили правильно, уделив этому значительное место в сборнике. Последний раздел второй его части посвящен рабочему движению накануне Февральской революции: мощный размах забастовочного движения питерских рабочих создал одну из важнейших предпосылок победы революции в феврале 1917 г.

Таково содержание рецензируемого сборника. Исследователи, преподаватели и пропагандисты получили ценное пособие для изучения и пропаганды одной из славных страниц в революционной летописи рабочего класса нашей страны. Сборник подготовлен с большой тщательностью и знанием источников. Передача текста документов проведена в целом в соответствии с требованием советской археографии. Как правило, документы

[6] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 518.

[7] «Очерки по истории Ленинграда», т. III, стр. 964.

приводятся полностью, а купюры убедительно оговариваются. Неясные места в тексте документов объясняются в подстрочных примечаниях, смысловые понятия — в комментариях. Однако составители не всегда высказывают свое отношение к явным искажениям событий и фактов, допускаемым авторами документов (стр. 44, 229, 259, 260 и др.).

Так, в докладе начальника Петербургского охранного отделения первомайская демонстрация рабочих в 1912 г. изображается как шалости подростков-хулиганов, которые легко были разогнаны городовыми (стр. 44). Составители оставили без внимания эту обычную в устах полицейского чиновника клевету на рабочих, хотя приводимый даже в этом искаженном документе материал свидетельствует о политическом характере движения, большой выдержке и организованности рабочих.

В докладе того же начальника министру внутренних дел от 9 июля 1914 г. о массовой забастовке рабочих Петербурга в искаженном виде излагается отношение различных политических партий к продолжению забастовки и внутреннее состояние партийных организаций (стр. 229). Составители сделали к этому документу лишь краткое примечание о причинах прекращения забастовки Петербургским комитетом большевиков. В документе № 126 неверно оценивается значение требования рабочих завода Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов: автор документа квалифицирует их как «незначительные» и причину возможной забастовки видит не в них, а лишь «во внешней агитации, которая проявляется на заводах со времени ареста рабочих-депутатов» (стр. 269).

Как правило, составители давали свои примечания лишь к тем местам документов, где содержалось приуменьшение количества забастовавших рабочих, оставляя без внимания идеологическую сторону документов, исходящих из враждебного лагеря, что является неправильным.

Заголовки к документам в большинстве случаев правильно отражают их содержание, дают им верную политическую оценку. Лишь некоторые из них неточно или неполно передают содержание документов. Так, в документах №№ 173 и 175 заголовки не соответствуют подписям; в документе № 181 заголовок составителя к документу повторяет заголовок самого документа. Иногда в заголовках неточно указывается вид документа. Так, в заголовке к док. № 183 сказано, что «это доклад», а в действительности — это «донесение» (см. то же в док. №№ 187, 197). Имеются и противоречия: в заголовках док. №№ 109 и 111 по-разному указано служебное положение одного и того же лица.

Некоторые заголовки громоздки: в тексте документов №№ 22—25 повторяются сведения о причинах забастовок, сформулированные в заголовке всего подраздела. Составители взяли за правило не упоминать в заголовках фамилий должностных лиц (корреспондентов и адресатов). Это, конечно, затрудняет работу исследователя [8].

Научно-справочный аппарат сборника составлен продуманно и позволяет читателю ориентироваться в документах. Предисловие, написанное Ю. И. Кораблевым и Б. П. Кондратьевым, довольно полно отражает содержание сборника. Однако археографическая часть предисловия нуждается в некоторых дополнениях и поправках: отсутствует анализ содержания использованных фондов и наиболее характерных документов, периодической печати, а также ранее изданных сборников на эту тему. В предисловии не раскрыты также принципы выявления и отбора документов, а это необходимо было сделать для обобщения практики создания сборников по рабочему движению.

В приложениях к сборнику приводится «Хроника стачечного движения в Петрограде в период с апреля 1912 по февраль 1917 г.». Ценность ее не вызывает сомнений; она в значительной мере дополняет сведения о стачечном движении, поскольку составители не могли поместить многих документов о стачках питерских рабочих. Примечания к документам сборника во многих случаях основаны на архивных и печатных источниках и убедительно дополняют или разъясняют документы. Однако в ряде случаев они неоправданно растянуты. Указатель промышленных предприятий не вызывает особых замечаний, но следовало бы указать источники, на основе которых установлены наименования данных предприятий. В сборнике, к сожалению, отсутствуют именные и географические указатели, что снижает ценность издания.

В целом сборник заслуживает положительной оценки и будет с интересом встречен советскими читателями. К сожалению, его тираж ничтожно мал (3 000 экз.) и многие читатели, особенно на периферии, не смогут приобрести его. Книготоргующим организациям, как правило, определяющим тиражи изданий, следовало бы обратить внимание на увеличение тиражей книг по истории нашего героического рабочего класса.

Д. А. Коваленко

---

[8] Следует отметить, что в отдельных случаях составители нарушили это правило. См. заголовки док. №№ 121, 181, 215.

КНИГА ОБ ИСТОЧНИКАХ ПО РУССКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ [1]

Советская историческая наука уделяет много внимания изучению и использованию исторических источников.

Однако большой опыт изучения источников, их критического анализа и оценки не получил еще достаточного развития в советской исторической науке. Об этом свидетельствует и рецензируемая книга Л. Г. Бескровного, являющаяся первой попыткой в советской историографии изучения и освещения источников по военной истории России. Если до сих пор эти источники изучались в отдельных военно-исторических монографиях в связи с конкретными задачами исследования, то книга Л. Г. Бескровного всецело и специально посвящена изучению источников по военной истории СССР за весьма длительный исторический период. В этом ее значение.

Рецензируемая книга состоит из семи очерков, каждый из которых посвящен военно-историческим источникам в определенный исторический период, начиная с древнейших времен и включая первую мировую войну (источники о военном деле у древних славян, в Древнерусском государстве, в период феодальной раздробленности Руси, в централизованном государстве XIV — XVII вв., в XVIII в., в первой половине XIX в., второй половине XIX — начале XX вв.). Эта периодизация источников соответствует, в основном, общеисторической периодизации и не вызывает замечаний.

По каждому периоду (очерку) даны соответствующие виды источников, расположенные в определенной последовательности. Так, для Древнерусского государства IX—XI вв. (очерк второй) автором охарактеризованы летописи, «Правда русская», «Поучение Владимира Мономаха», былины, византийские и западноевропейские источники, восточные источники о военном искусстве славян. Такое расположение источников в остальных очерках показывает степень важности и достоверности данного источника. Можно спорить о степени достоверности летописей, с одной стороны, и «Правды русской», «Поучения Мономаха», с другой, но бесспорно, что по степени важности и богатству содержащихся в них сведений, летописи являются более важным источником по военной истории, чем «Правда русская» и другие источники.

В процессе экономического и культурного развития общества расширялись виды источников и изменялось их место. По истории Русского централизованного государства автор в первую очередь рассматривает законодательные материалы (судебники и уставы), документальные материалы государственных учреждений (книги и столбцы), затем — летописи. С этого времени появляются и специальные источники по военной истории: военно-исторические повести и сочинения, описи укреплений и военного снаряжения, военная картография.

Указанное расположение источников сохраняется в основном и в последующих очерках, с добавлением именных фондов, мемуарной литературы, периодических изданий. Шире показаны военные источники. В очерке об источниках по военной истории XVIII в. упоминаются материалы о войнах и вооруженных силах, военные записки, сочинения и трактаты, военно-публицистические сочинения, переводные сочинения по военным вопросам, а в очерк о XIX — начале XX в. включены военно-теоретические и военно-статистические работы, труды по истории войсковых частей, военная журналистика. По каждому виду источников в книге даны обзоры их состава и содержания с большими или меньшими подробностями. Из этих обзоров читатели узнают о происхождении источника, его составе и содержании, значении для военной истории и степени его достоверности. По некоторым источникам (военно-теоретическим работам, истории войсковых частей и пр.) даны историографические сведения, а по документальным материалам указана степень их опубликованности.

Расширение круга источников в позднейшие периоды и степень подробности освещения их отразились на объеме очерков. Если источникам Древнерусского государства уделено 20 страниц, то источникам централизованного государства — около 50 страниц, XVIII в.— более ста страниц, а разбор источников XIX — начала XX вв. занимает половину всей книги.

Таково краткое содержание рецензируемой книги. С поставленной задачей — познакомить читателей с источниками по военной истории России автор справился успешно и написал нужную и полезную книгу. Следует отметить заслугу Л. Г. Бескровного и в том, что при характеристике общеисторических источников автор сумел показать их значение для военной истории, что не всегда учитывается и используется военными историками.

Многообразие источников за обширный исторический период и правильная характеристика их делают книгу Л. Г. Бескровного настольным пособием не только для военных историков, но и для всех, интересующихся военным прошлым нашей родины. Книга является результатом многолетней упорной научной и педагогической работы автора. Как первый опыт военного

[1] Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. Отв. ред. акад. М. Н. Тихомиров. Изд. АН СССР. М., 1957, 453 стр.

источниковедения, да еще за такой обширный исторический период, книга не свободна и от недостатков.

Прежде всего, в книге нет определения понятия исторического источника. А этот вопрос невольно возникает при ознакомлении с кругом источников, освещаемых автором. Так, по XIX — началу XX вв. к источникам отнесены военно-теоретические работы по стратегии, тактике и т. д. (стр. 256—287, 375—403). Включение таких работ (опубликованных авторских исследований) в число источников является спорным. Авторы этих работ выдвигали свои личные взгляды (теории), основанные на опыте войн и развитии всего военного дела в предыдущий период, используя существующие источники, литературу и т. д. Если такие работы являются источниками, то почему не включить в число последних военно-исторические работы, тоже использующие документальные материалы, литературу и другие произведения, выдвигающие свои обобщения, выводы и т. п. Автор и здесь непоследователен. Опустив общие военно-исторические работы, он в то же время включил в число источников истории войсковых частей (стр. 337—338, 422—430), дав их в виде библиографического списка. Такой список излишен, достаточно было ограничиться общей характеристикой, отослав читателей к имеющимся библиографическим указателям. Анализ военно-теоретических и исторических работ является задачей историографии, а не источниковедения.

Не останавливаясь на содержании этих разделов, следует упомянуть, что борьба «различных направлений» в области военной идеологии показана недостаточно четко. Автор считает, что «выразителями передовых идей были те военные круги (?), которые стремились направить строительство армии и военно-теоретическую мысль по пути обобщения и развития национального опыта» (стр. 256). Эти стремления были не чужды и «консервативному дворянству», а борьба шла за превращение армии в оплот передовых взглядов социально-экономического развития.

К недостаткам книги следует отнести нечеткое наименование некоторых источников, особенно в более позднее время. Документальные материалы государственных учреждений по XVI—XVII вв. указаны как «книги и столбцы» (стр. 72), по XVIII в. как «материалы правительственных и военных учреждений» (стр. 148), по XIX—XX вв. как «архивные материалы военных учреждений» (стр. 243, 365). Фактически это одни и те же материалы за разные исторические периоды и делопроизводственное название их вносит только путаницу. Не каждому читателю понятны «книги и столбцы» как источник и различие между ними. Кроме того, военные учреждения являются тоже правительственными (государственными) учреждениями, а ограничивать источники по военной истории материалами только военных учреждений нет оснований. Известно, что фонды высших государственных учреждений и таких гражданских центральных учреждений, как финансовые, транспортные и другие, содержат ценные материалы по военной истории.

Не везде выдержано единообразие в расположении источников. Если в большинстве очерков автор располагал иностранные источники после отечественных, то в очерке четвертом сочинения Г. Котошихина (охарактеризованные слишком кратко) помещены после «сказаний» иностранцев. Разве эти сказания мемуарного характера ценнее и достовернее сведений Г. Котошихина?

Основными источниками по военной истории, как и всей истории СССР, начиная с периода феодальной раздробленности Руси, являются документальные материалы (опубликованные и неопубликованные); их роль возрастает в позднейшие периоды. Между тем, в книге этому виду источников уделено очень скромное место. В очерке о военно-исторических источниках периода феодальной раздробленности Руси документальные материалы вообще не разбираются, хотя такие памятники, как духовные и договорные грамоты русских князей и другие, содержат ценнейшие сведения по военному делу. В последующих очерках документальным материалам уделено по несколько страниц и в общей сложности этим материалам (с XVI—XVII вв.) посвящено около 40 (из 400) страниц. Этого слишком мало.

Обзоры документальных материалов с XVIII в. сведены к перечню фондов, частью — к краткой их характеристике. Такие перечни справочного характера не дают полного представления о содержании материалов за освещаемый период. Известно, что почти по всем государственным архивам, хранящим документы по военной истории, имеются справочные пособия — путеводители, дающие более полные сведения о фондах, их составе и содержании. Автору лучше было ограничиться общей характеристикой состава, содержания и значения документальных материалов за определенный период в целом, отослав читателей, для более конкретного ознакомления с источниками, к соответствующим путеводителям по архивам.

Мало дают читателям такие указания автора: «В отделе рукописей Исторического музея также находятся документы и материалы по военной истории» (стр. 246) или: «В отделе рукописей библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина собрано много документов по истории армии и флота». Такие же сведения имеются о Сенатском архиве, архиве Министерства иностранных дел и др. (стр. 247; см. также стр. 249, 250). Без указания времени, к которому относятся документы, и их содержания, такие упоминания почти бесполезны.

Дезориентирует читателей и то обстоя-

тельство, что эти хранилища упоминаются в очерке, посвященном первой половине XIX в., хотя в них хранятся документы, начиная с XVI—XVII вв. Про архив Артиллерийского исторического музея сказано, что документы этого архива характеризуют состояние и развитие русской артиллерии в первой половине XIX в., тогда как там хранится фонд Пушкарского приказа. Про отдел рукописей библиотеки имени В. И. Ленина сказано, что там имеется много важных документов и материалов по строительству армии XIX в., фактически в отделе имеются материалы, начиная с XVI в. (стр. 246).

В ущерб документальным материалам с излишней подробностью характеризуются уставы. Этим материалам уделено с XVI в. около сотни страниц. А между тем, эти источники хорошо известны и значение их ограничено. Уставы и другие регламентирующие материалы определяли — как должны были быть устроены и как должны были действовать вооруженные силы. Также известно, что между уставами и фактическим состоянием армии существовали значительные разрывы. Кстати сказать, в четвертом очерке судебники и уставы объединены искусственно.

О таком важнейшем собрании уставов и законодательных материалов, как Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), в книге сказано несколько строк и почему-то в очерке, посвященном первой половине XIX в. (стр. 229), хотя общеизвестно, что это собрание охватывает период со второй половины XVII в. ПСЗ и по богатству содержания требует особой характеристики. Помимо уставных материалов, в нем имеются обширные сведения об изменениях в комплектовании, численности армии и флота, их вооружении, снабжении, о военном и морском управлении в центре и на местах и т. п.

В книге мало анализа и критической оценки источников. Слабо показан классовый характер происхождения и содержания источников, достоверность их. Отсутствуют и обобщающие выводы по большинству глав. Задачу критического анализа содержания и значения источников автор, по-видимому, и не ставил перед собой. Во введении (слишком кратком) указывается, что в книге «рассматривается появление и развитие отдельных военно-исторических памятников в конкретно-исторической обстановке и устанавливается, кем, когда, где и в чьих интересах были созданы эти памятники и каково их содержание» (стр. 4). Действительно, происхождению и содержанию источников автор уделяет много внимания, но критическая оценка этих источников недостаточна. Например, на стр. 24—27 автор характеризует русские былины, не подчеркивая своеобразие этого источника и степень его достоверности.

Не со всеми выводами автора можно согласиться. Так, по периоду Древнерусского государства указано, что письменные источники «лишь частично дополняют научные и достоверные данные археологии» (стр. 31). Археологические (вещественные) памятники в области военного дела имеют ограниченное значение, главным образом в области военной техники (вооружения, снаряжения и т. п.). Что касается состава и организации вооруженных сил, боевых действий и других вопросов, то сведения об этом дают письменные источники, как бы недостаточны они ни были.

В книге имеются фактические неточности. Земельные наделы служилых дворян и детей боярских были установлены не в 3 и 6 тыс. четвертей, а в 300—600 четвертей (стр. 57); проект устава о служебном старшинстве был попыткой реакционного боярства сохранить свое руководящее положение в войске и государственном управлении в связи с отменой местничества и не имел прогрессивного значения (стр. 59); неверно, что Разрядный приказ ведал всеми служилыми людьми страны: он был одним из многих военных центральных учреждений; не точно указана и структура приказа (стр. 72); Иноземский приказ не мог быть учрежден в первой половине XVI в. (стр. 73): Флетчер упоминает об этом приказе в конце XVI в., а отечественные источники знают этот приказ с XVII в., Приказ Великие России не ведал сношениями с Украиной, а был финансовым органом на территории черкасских полков (в Белгородском разряде). Неубедительно отнесение повести о Савве Грудцыне к 60—70 гг. XVII в., так как указанная военная терминология появилась на Руси с 30-х годов XVII в. (стр. 96). Закон о майорате был утвержден Петром не в 1711, а в 1714 г. (стр. 193).

Все имеющиеся недостатки в книге Л. Г. Бескровного носят частный характер и легко устранимы при переиздании. Эти недостатки не снижают научного и практического значения книги в целом.

А. В. Чернов

УКАЗАТЕЛЬ НОВЕЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ О ПЕРВЫХ ГОДАХ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ [1]

Библиографический указатель литературы, вышедшей в 1957—1958 гг., по истории Великой Октябрьской социалистической революции и борьбе за власть Советов в период иностранной интервенции и гражданской войны, представляет для читателей несомненный интерес. Оценивая значение этого указателя, надо иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, указатель включает литературу, опубликованную в связи с 40-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, которая по своему объему и содержанию занимает ведущее место во всей литературе, вышедшей по этой проблеме. В 1957—1958 гг. было переиздано более 70 произведений В. И. Ленина периода 1917—1920 гг. и опубликовано около двадцати его новых документов, относящихся к этому времени. Издано более 30 произведений соратников В. И. Ленина и около 100 воспоминаний о нем, вышло в свет более 150 сборников документов и материалов и около 140 публикаций документов в различных изданиях, более 10 хроник, свыше 3500 авторских работ и около 1000 воспоминаний.

Чтобы иметь представление о количестве, выпущенной литературы, достаточно сказать, что только в 1957 г. издано документальных сборников больше, чем за все предыдущие 39 лет.

Все эти цифры говорят о несомненных успехах исторической науки в изучении Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и борьбы с иностранной интервенцией. Материалы, содержащиеся в указателе литературы, свидетельствуют о том, что по ряду проблем: союз рабочего класса и крестьянства, фронт накануне Октября, солидарность международного пролетариата с Советской Россией, которые ранее разрабатывались слабо, сейчас ведется большая археографическая и научно-исследовательская работа.

Указатель подтверждает также, что ряды историков Октября пополнились способной молодежью, которая проявила большую творческую активность в издании юбилейной литературы; появилось немало новых имен авторов, составителей, редакторов и т. д.

Во-вторых, в нашем распоряжении имелось лишь несколько библиографических указателей по истории Великого Октября, изданных еще в 1920-х годах, или же носящих рекомендательный характер и не рассчитанных на исследователей [2]. Правда, в 1957 г. работники Государственной публичной исторической библиотеки в Москве подготовили указатель документальных изданий по истории Октября. Книжную мемуарную литературу можно найти в указателе «История Советского общества в воспоминаниях современников», выпущенном издательством МГУ в 1958 г. Но всего этого конечно мало. Большое количество литературы не попало ни в один из этих указателей.

Выход в свет рецензируемого издания может оказать большую практическую помощь также работникам архивов. В их распоряжении теперь имеется указатель почти всех сборников документов, воспоминаний, обзоров фондов отдельных архивов, опубликованных в 1957—1958 гг., что несомненно будет содействовать повышению качества публикаций документов и воспоминаний, улучшит координацию публикаторской работы, поможет избежать дублирования, заострит внимание на подготовке к изданию документов, способствующих более глубокому исследованию малоизученных вопросов истории Октябрьской революции.

Содержавшиеся в указателе сведения помогают уточнить определенные итоги публикаторской деятельности по истории Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны за 40 с лишним лет. Составители и редакторы рецензируемого издания стремились сделать все возможное, чтобы облегчить работу исследователям и преподавателям над библиографическим пособием. Немалое значение при этом имеет распределение материалов по отдельным, довольно дробным рубрикам.

Указатель состоит из четырех небольших томов; в каждом из них материал систематизирован по хронологическому и тематическому принципам. В специальном разделе собраны сведения об опубликованных произведениях В. И. Ленина и воспоминания о его деятельности. В общий отдел выделен материал, охватывающий весь период Октябрьской революции и гражданской войны. Далее следуют три больших раздела; каждый из них включает сведения о литературе, посвященной всей стране: «Победа Великой Октябрьской социалистической революции», «Развитие социалистической революции и упрочение Со-

---

[1] Великая Октябрьская социалистическая революция. Борьба за власть Советов в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Указатель литературы 1957—1958 гг., чч. 1—4. Отв. ред. А. Е. Иоффе. М., 1959 г.

[2] См., например, С. Л. Данишевский. Опыт библиографии Октябрьской революции. М.—Л., 1926; Доброницкий. Систематический указатель литературы по истории русской революции. М.—Л., 1926. Тридцать лет Великой Октябрьской социалистической революции. 1917—1947 гг. Краткий указатель. М., 1947 и др.

ветской власти», «Советская страна в период иностранной военной интервенции и гражданской войны». Внутри этих разделов материал в свою очередь расположен по тематическому принципу. Специальные разделы посвящены рабочему классу, трудовому крестьянству, советскому строительству, внешней политике и т. д. Следующие разделы указателя включают литературу о победе социалистической революции в отдельных районах нашей страны. Несомненный интерес для широкого круга читателей представляют заключительные разделы: «Движение солидарности международного пролетариата с Советской Россией», «Всемирно-историческое значение победы Великой Октябрьской социалистической революции», «Изучение истории Великой Октябрьской социалистической революции».

Достоинством указателя является то, что он снабжен справочным томом, который значительно облегчает работу исследователей, преподавателей и лекторов по выявлению необходимой литературы. При такой структуре читателю легко найти необходимую ему книгу, сориентироваться в материале. Указатель отвечает основному требованию научного библиографического пособия — в нем тщательно собраны почти все сведения о литературе по истории Октябрьской революции, вышедшей в 1957—1958 гг., хотя ряд работ он не учитывает: например, «Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917—1920 гг.)». Документы и материалы. Астрахань, 1958, 447 с.; Тезисы Н. К. Крупской о политехнической школе (к первому партийному совещанию по народному образованию в декабре 1920 г.). Публикация 2-го варианта, с примечанием редакции. («Политехническое обучение», 1958, № 3, стр. 3—5) и ряд других.

Научные работники могут получить полное представление о состоянии разработки истории Великой Октябрьской социалистической революции; преподаватели и лекторы, вооруженные таким справочником, могут отобрать необходимые материалы, использовать в своих лекциях и выступлениях новинки литературы и рекомендовать студентам наиболее достойные и содержательные книги, статьи и сборники. Указатель знакомит читателей с продукцией не только центральных, но также республиканских и областных издательств. Заслугой рецензируемого издания является и то, что в указателе учтена литература, вышедшая на языках различных народов Советского Союза.

Хотелось бы высказать несколько замечаний о принципах расположения материала в указателе. В частности, составители почти не пользуются ставшим уже обычным в библиографии методом отсылок. Поэтому ряд книг, особенно сборников статей и документов, им приходится упоминать по нескольку раз, что значительно увеличивает объем указателя и затрудняет работу по выявлению литературы. Так, в общем отделе указываются сборники «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции» (М., МГУ, 1957, № 330) и «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в СССР» (М., 1957, № 331), а затем эти сборники статей расписываются аналитически в соответствующих разделах указателя. То же самое касается и материалов о В. И. Ленине и его соратниках. И подобных случаев немало. Такой метод не облегчает, а затрудняет пользование указателем.

Отсылки необходимо было использовать и в тех случаях, когда работа, посвященная в основном одной теме и одному периоду, содержит материалы по другой тематике или другим периодам истории социалистической революции. Составители правильно поступали, когда помещали сведения о таких книгах и статьях в разделы, которым посвящено основное их содержание, но при этом путем отсылок нужно было указать, что эти работы содержат и более широкий материал.

Ознакомление с рецензируемым библиографическим указателем позволяет сделать ряд положительных выводов. Указатель является одним из первых опытов объединения усилий двух ведущих отраслевых библиотек (Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР и Государственной публичной исторической библиотеки) и работников Научного совета Отделения исторических наук по проблеме истории Октябрьской революции. Опыт этого сотрудничества привел к созданию весьма полезного и крайне нужного издания, заслуживающего всяческого поощрения и развития. Выход указателя вновь поставил вопрос о координации библиографической работы.

Указатель явится ценным пособием по истории Великой Октябрьской социалистической революции, но безусловно не может заменить собой полного академического указателя по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Желательно, чтобы коллектив, работавший над рецензируемым изданием, использовал бы накопленный опыт составления полного тематического указателя, охватывающего всю литературу, вышедшую по истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Л. М. Гаврилов, В. З. Дробижев

ЦЕННОЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

Библиографический указатель «Русская военная периодическая печать» [1] содержит полный перечень русских военных периодических изданий с первого издания подобного рода, вышедшего с 1702 г., по 1916 г. включительно. В него вошли периодические издания, выпускавшиеся различными военными учреждениями, обществами, комитетами, военно-учебными заведениями, а также частными лицами. Указатель дает сведения о названии каждого издания, его периодичности, месте и годах издания, объеме, количестве вышедших номеров по годам, о редакторах, издателях и т. п.

В указатель в хронологическом порядке включено 384 издания, каждому из них дана развернутая характеристика. Для удобства наведения справок, кроме основного, помещен ряд вспомогательных указателей: алфавитный, предметный, синхронистический, топографический; указатели фамилий редакторов и издателей, а также организаций, учреждений и учебных заведений.

Библиографический указатель составлен на основе фондов Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Центральной военно-морской библиотеки и библиотеки Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. С выходом его в свет нашим историкам представляется возможность полнее использовать богатейшие фонды периодической литературы, ввести в научный оборот ряд изданий, представляющих уникальную ценность.

Следует, однако, отметить и отдельные недочеты рецензируемого издания. Так, на наш взгляд, ничем не оправдано выделение журналов кадетских корпусов и военных училищ из общего указателя в отдельный (стр. 225—234) в виде приложения (приложение № 1). Мотивировку составителей, будто эти издания мало отражали военную тематику (стр. 5), нельзя признать достаточно обоснованной.

К сожалению, систематизация периодических изданий по их основному содержанию сделана составителями очень условно и не всегда правильно, что значительно снижает возможности полноценного использования предметного указателя. Есть в издании и отдельные досадные опечатки. Так, например, в предисловии сказано, что в указатель включено 381 издание, а фактически их включено 384. Но все эти недостатки не умаляют значения библиографического указателя, имеющего исключительно ценный научный аппарат.

Я. М. Горелик

[1] Русская военная периодическая печать (1702—1916). Библиографический указатель. Составители: З. П. Левашева и К. В. Синицына. Под ред. Л. Г. Бескровного. Изд. Военного отдела ордена Ленина библиотеки СССР имени В. И. Ленина, М., 1959, стр. 240.

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[1]

В VI и VII тт. журнала «Архивум» (органа Международного совета архивов) опубликована «Международная аналитическая библиография изданий, относящихся к архивному делу и архивам», насчитывающая 3830 названий. В библиографию включены названия книг и статей, изданных в 63 странах мира в 1954—1956 гг., а также дополнения к библиографии за предшествующие годы, опубликованной во II—IV тт. журнала.

В первой части библиографии аннотируются работы по различным вопросам теории и практики архивного дела; они систематизированы по следующим разделам:

I. Библиографии и работы общего характера; II. Архивная теория и терминология; III. История архивов; архивы Древнего мира; IV. Вспомогательные исторические дисциплины: 1) палеография, 2) дипломатика; 3) сфрагистика; 4) история бумаги и изучение водяных знаков; V. Архивы и государственные учреждения: 1) архивы действующих учреждений, 2) «документация» (информационная работа.— *В. Ч.*); VI. Местные архивы; VII. Архивы предприятий; VIII. Частные архивы; IX. Экспертиза ценности документальных материалов; X. Систематизация и классификация; XI. Вопросы описания и каталогизации; XII. Вопросы издания документов; XIII. Воспроизведения документов (кино-фото-фонодокументы): 1) способы воспроизведения документов (фотокопирование, микрофильмирование и т. п.), 2) фотографирование в ультрафиолетовых и инфракрасных лучах, 3) кино-фото-фонодокументы; XIV. Картографические, иконографические

[1] «Archivum». vol. VI. Paris, 1958, pp. 177—282; vol. VII, Paris, 1958, pp. 61—288.

и технические документы; XV. Строительство и оборудование архивохранилищ; XVI. Консервация и реставрация документов: 1) обеспечение сохранности документов и борьба против разрушающих факторов, 2) борьба с термитами, 3) защита архивов в военное время, 4) реставрация документов; XVII. Обслуживание исследователей и других лиц; XVIII. Музеи и выставки архивных документов; культурно-просветительная и учебная роль архивов; XIX. Профессиональная подготовка и общественное положение архивистов; XX. Биографии, биобиблиографии и некрологи архивистов; XXI. Международный совет архивов и международное сотрудничество архивистов: 1) международные конгрессы архивистов, 2) конференции «Круглого стола архивов», 3) международное сотрудничество в области архивного дела, 4) международные архивные курсы в Париже.

Во второй части библиографии аннотируются книги и статьи, характеризующие состояние архивного дела в отдельных странах, состав и содержание документальных материалов различных архивов, а также путеводители по архивам, обзоры и описи документальных материалов, публикации документов (преимущественно средневековых).

В библиографии довольно подробно аннотируется литература по архивному делу, изданная в СССР и других европейских странах социалистического лагеря, что выгодно отличает ее от библиографий, публиковавшихся в предшествующих томах этого журнала.

Однако архивоведческая литература, издающаяся в Китайской Народной Республике, по-прежнему не нашла в ней отражения.

К библиографии приложены географический и предметный указатели.

В. А. Черных

БИБЛИОГРАФИЯ АРХИВОВЕДЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1957—1958 гг.[1]

Методическая работа, научно-техническая обработка документальных материалов, создание научно-справочного аппарата, библиотеки архивов

Антонец Л., Беленкина С., Липянская Р. Подготовка путеводителя по Государственному архиву Харьковской области. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1(31). Киев, 1958, стр. 36—39 (на украинском яз.).

Богданов Г. В. Методика описания документальных материалов и издания описей Московского отделения Общего архива Главного штаба (1901—1917 гг.) [ныне часть ЦГВИА]. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 83—94.

Брегман А. А., Назаров Ф. С. Комплексный метод научной обработки архивных фондов. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 6. М., 1957, стр. 25—28.

Об опыте работы бывш. Ленинградского филиала ЦГВИА, совмещавшего научно-техническую обработку документальных материалов с экспертизой их научной и практической ценности и тематическим выявлением.

Вайнштейн А. Л., Маркова Н. Г. Научно-справочная библиотека ЦГИА СССР в Ленинграде. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 147—152.

Вязанкина В., Леонтьева Т. Рабочая инструкция по подготовке путеводителя по Государственному архиву Минской области. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 3—4. Минск, 1957, стр. 40—52.

Публикация инструкции.

Гарнага И. Отдельные замечания на статью С. П. Майбороды. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4(34). Киев, 1958, стр. 17—23 (на украинском яз.).

Автор полемизирует со взглядами, изложенными в статье С. П. Майбороды «К вопросу о методике подготовки путеводителей по государственным архивам». *См. ниже.*

Гранстрем Е. Э. О подготовке сводного каталога славянских рукописей.—Л., 1958, 30 стр.

Доклад на IV Международном конгрессе славистов в Москве.

Григорьян Р. Об опыте работы ЦГА Армянской ССР по составлению фондовых и тематических обзоров. «Научно-информационной бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 4 (11). Ереван, 1958, стр. 81—85.

Доброхотова В. П. Научно-справочный аппарат Центрального государственного архива литературы и искусства СССР и пути его усовершенствования. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957, стр. 359—362.

Анализируются структура, приемы опи-

---

[1] Окончание. Начало см. «Исторический архив», 1959, № 5, стр. 232—240.

сания, научно-справочный аппарат описей и каталогов ЦГАЛИ.

Ефимова К. М. Научно-техническая обработка фонда полевых управлений воинских частей и соединений русской армии. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 19—25.

Характеризуются состояние и организация работы по усовершенствованию научно-справочного аппарата к материалам отдела фондов полевых управлений, частей и соединений русской армии (ЦГВИА).

Инструкция по научно-технической обработке документальных материалов фондов личного происхождения. ГАУ МВД СССР. АН СССР. Отдел культурно-просветительных учреждений Министерства культуры СССР. М., 1958, 52 стр.

Иовидзе А. М., Чхетия Ш. К. Схема путеводителя по Центральному государственному историческому архиву Грузинской ССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Грузинской ССР, № 2. Тбилиси, 1958, стр. 29—46.

Кобяко А. А., Смоктунович Л. Л. Научно-методическая работа в Главном архивном управлении. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 71—82.

Копанев А. И. Научное описание как основной метод раскрытия рукописных фондов Библиотеки Академии наук СССР. «Труды» Библиотеки АН СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР, т. 3, М.— Л., 1958, стр. 129—141.

Автор высказывается за систематическое описание рукописей (книг XII—XVIII вв.) библиотеки.

Коршунова О. Е. Обзор работы по приведению в порядок документальных материалов Военно-ученого архива [ныне часть ЦГВИА]. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 26—33.

Кузьмина А. Г. Больше внимания подготовке путеводителей по государственным архивам РСФСР. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 2—3. М., 1957, стр. 70—71.

Кузьмина А. Г. Из опыта работы государственных архивов РСФСР по разработке схем путеводителей. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 4—5. М., 1958, стр. 44—48.

Кунтиков И. Н. Принципы описания фондов Военной коллегии. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 34—39.

Либеровская Т. Составление схемы классификатора в Государственном архиве Брестской области. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 3—4. Минск, 1957, стр. 53—62.

В статье приводится схема классификатора по теме «Сельское хозяйство».

Ловцова И. Д. Методический кабинет ГАУ МВД СССР. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 75—76.

Лосенкова Г. В. Система построения и усовершенствования научно-справочного аппарата Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР. «Известия» АН Эстонской ССР. Общественные науки. Таллин, 1958. № 4, стр. 375—378.

Майборода С. К вопросу о методике подготовки путеводителей по государственным архивам. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2(32). Киев, 1958, стр. 43—54 (на украинском яз.).

О состоянии работы по подготовке путеводителей по архивам УССР; рассматриваются вопросы схемы построения путеводителей, составления исторических справок, аннотирования материала.

Мацкина Р. Ю., Пишванова Н. И. К вопросу об издании описей архивных фондов. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 41—50.

О подготовке к изданию описей на фонды ЦГИАЛ.

Некоторые вопросы подготовки путеводителей. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3(33). Киев, 1958, стр. 126—128 (на украинском яз.).

Ответы на вопросы читателей.

Нефедова С. В. Из истории создания первого путеводителя по Центральному государственному военно-историческому архиву СССР. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 75—82.

Нефедова С. В. Опыт описания документальных материалов и подготовки описей к изданию в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957, ср. 367—370.

Нефедова С. В. О тематических обзорах. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 6. М., 1957, стр. 10—17.

В статье рассматриваются вопросы создания тематических обзоров, анализируется методика составления ряда тематических обзоров.

Пестова Г. Из опыта обработки россыпи фонда Совнаркома Арм. ССР. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 4(5). Ереван, 1957, стр. 41—43 (на армянском яз.).

Пестрый А. Библиотека Государственного архива Львовской области. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1(31). Киев, 1958, стр. 40—49 (на украинском яз.).

Петровская И. Ф. Система научно-справочного аппарата к документальным материалам и пути ее усовершенствования. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 22—40.

О научно-справочном аппарате ЦГИАЛ.

Петровская И. Ф. Систематизация документов о вотчинном хозяйстве, откладывавшихся в помещичьих архивах. «Ин-

формационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 6. М., 1957, стр. 17—24.

Приводятся наиболее удобные схемы систематизации материалов о вотчинном хозяйстве.

Попова Л. Описание актовых книг в отделе древних актов ЦГИА УССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3(33). Киев, 1958, стр. 77—89 (на украинском яз.).

Прокофьев В. В. Методика составления путеводителя по фондам Государственного архива Свердловской области. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 2—3. М., 1957, стр. 53—58.

Рудельсон К. И. Каталогизация документальных материалов в архивах СССР. Под ред. К. Г. Митяева. М., 1958, 81 стр.

Рудельсон К. И. Каталоги документальных материалов. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8. М., 1957, стр. 236—268.

Согомонян М. Заголовок архивной единицы. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 2(3). Ереван, 1957, стр. 18—22 (на армянском яз.).

Соломко Р. А. Организация и методика работы по составлению тематического обзора [из опыта ЦГА Даг. АССР]. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 42—43.

Сырченко Л. Г. Опыт издания описей фондов личного происхождения Центральным государственным архивом литературы и искусства СССР. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8, М., 1957, стр. 172—201.

Тыжнова И. А. Издание каталогов документальных материалов фондов личного происхождения. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957, стр. 239—261.

О группировке, описании материалов, научно-справочном аппарате издачных каталогов.

Чепель П. О. Опыт составления схемы путеводителя по Государственному архиву Ставропольского края. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 36—39.

Шобухов М. Н. Основные принципы составления заголовков единиц хранения в государственных архивах СССР. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. 9, М., 1957, стр. 140—173.

Использование и популяризация документальных материалов

А. К. Встреча архивистов с художниками [17 января 1957 г.]. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 44—45.

Алехин И. И. Научная работа Филиала Государственного архива Ярославской области в городе Угличе. «Исследования и материалы по истории Угличского верхневолжья». Вып. 1. Под ред. Н. Д. Русинова. Угличский краеведческий музей. Филиал Государственного архива Ярославской области в г. Угличе. Углич, 1957, стр. 36—37.

Алферов Н. Ценнейшие источники по истории архитектуры на Урале. В кн.: 40 лет Государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 41—42.

Алавядина Н. А. Методика организации использования документальных материалов государственных архивов СССР в научных и народнохозяйственных целях. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8. М., 1957, стр. 131—171.

Аржаева Л. Популяризация документальных материалов государственных архивов гор. Гродно в печати и по радио. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6. 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 62—73.

Боголюбов К. Писатель в архиве. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 33—37.

О работе над материалами архивов при написании повести «Зарницы» и очерков.

Бойко Ф. Инженер о свердловских архивах. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 53—56.

О работе научного сотрудника ЦНИИ МПС в архивах Свердловска и Н. Тагила над документами по истории строительства и развития железных дорог Урала.

Болтин Е. А. О создании истории советских вооруженных сил и роли архивов в этой работе. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958 стр. 44—59.

Вагина П. Материалы Свердловского областного государственного архива по истории Урала XVIII века. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 50—52.

Вардумян С. Использование архивных документов в области народного хозяйства и культуры. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 3 (10). Ереван, 1958, стр. 6—15 (на армянском яз.).

Ветошкин А. Использование документальных материалов государственных архивов Узбекистана. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД УзССР, № 2—3. Ташкент, 1958, стр. 12—31.

Волкова Н. Ф., Иогансен М. В. Работа исследователей в читальном зале ЦГИА СССР в Ленинграде. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 153—158.

Голованов Д. Д. Выставка документов в Главном архивном управлении. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 7. М., 1958, стр. 70—73.

Информация о выставке, посвященной 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Горфейн Г. М. Библиография в работе над документальными материалами по истории русской промышленности. (Источники, изданные до Великой Октябрьской социалистической революции). «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 103—124.

Григорян Г. О выявлении документов. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1(2). Ереван, 1957, стр. 22—23 (на армянском яз.).

Григорян Р. Шире использовать архивные материалы. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 4(5). Ереван, 1957, стр. 25—29 (на армянском яз.).

Давыдова Н. Справочная работа архива. «Оренбургский архив» (Информационный бюллетень) АО УВД Оренбургского облисполкома, № 1. Оренбург, 1958, стр. 22—26.

Дарбинян А. За всестороннее использование архивных материалов (по поводу семинара, состоявшегося в ГАУ МВД СССР. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 5(6). Ереван, 1957, стр. 40—43 (на армянском яз.).

Дьяков В. А. Об использовании документальных материалов Центрального государственного военно-исторического архива русскими военными историками периода капитализма. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 95—116.

Жуковская Н. П., Подлазова М. С. Из опыта работы ЦГВИА по выявлению и использованию документальных материалов и обслуживанию исследователей через читальный зал. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 40—50.

Зак Л. М. За научную разработку истории фабрик и заводов. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 95—108.

Захарян Г. Архивные материалы на службу изыскания каменного угля в Армении. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 2(9). Ереван, 1958, стр. 71—73 (на армянском яз.).

Захарян Г. Архивные материалы о полезных ископаемых на службу развития народного хозяйства. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 1 (8). Ереван, 1958, стр. 62—63 (на армянском яз.).

Звездич А. Наведение справок по запросам учреждений и заявлениям граждан в Государственном архиве Гомельской области. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 3—4. Минск, 1957, стр. 63—65.

Ив. Б. Документы и материалы по истории Ленинского комсомола. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4(34). Киев, 1958, стр. 168—171 (на украинском яз.).

Ильин П. В. Задачи архивных учреждений РСФСР по использованию документальных материалов в народнохозяйственных и научных целях. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 7—15.

Ильина М. Н. Состояние справочной работы в государственных архивах РСФСР и задачи по ее улучшению. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР № 2—3. М., 1957, стр. 64—69.

Кафенгауз Б. Моя работа в свердловских архивах. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 29—32.

Кирсанов С. А. Использование документальных материалов в периодической печати. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 4—5. М., 1958, стр. 54—55.

Козлова З. Использование документальных материалов Государственного архива Сумской области. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4(34). Киев, 1958, стр. 171—172 (на украинском яз.).

Кривоногов В. Важные источники о наемном труде в крепостное время. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 47—49.

Кривошеева Е. А., Шпарог Ю. А. Создать условия для лучшего использования документальных материалов архивов Западной Сибири в интересах науки. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1958, стр. 37—41.

Затрагиваются вопросы комплектования архивов Западной Сибири в связи с изменением административно-территориального деления, кооперирования научно-публикаторской работы архивов, восполнения пробелов документальных сведений путем организации сбора воспоминаний.

Кулагина Г. Сокровищница документальных материалов по истории уральских рабочих. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 43—46.

Кучина Э. Использование документальных материалов государственных архивов БССР при подготовке статей для периодической печати и информаций по радио за 1956—1957 гг. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 5. Минск, 1957, стр. 45—55.

Кушков Г. Н. Работа студентов над архивами. «Вестник Ленинградского ун-та»,

№ 23. Серия экономики, философии и права. Вып. 4. Л., 1958, стр. 132—133.

Лайгна К. В. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР как база исторической научно-исследовательской работы. «Известия» АН ЭССР. Общественные науки. Таллин, 1958, № 4, стр. 383—384.

Леонтьева Т. Использование документальных материалов Государственного архива Минской области. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6. 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 74—81.

Мирошниченко Н. Использование документальных материалов Государственного архива Львовской области в народнохозяйственных целях. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4 (34). Киев, 1958, стр. 30—34 (на украинском яз.).

Никитина О. Ф. Из опыта справочной работы Центрального государственного военно-исторического архива СССР. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 51—58.

Онисковец Г. Популяризация документальных материалов Государственного архива Гомельской области. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 3—4. Минск, 1957, стр. 30—31.

Павловский Б. Ценный источник по истории художественной культуры на Урале. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 38—40.

Пирадов Б. А. Использование документальных материалов государственных архивов Грузии в научных и народнохозяйственных целях. «Информационный бюллетень» АУ МВД Грузинской ССР, № 1. Тбилиси, 1958, стр. 55—61.

Пирадов Б. Использование документальных материалов государственных архивов Грузинской ССР в народнохозяйственных и научных целях. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2(28). Киев, 1957, стр. 52—60.

Плешевеня А. Использование материалов Государственного архива Гродненской области в народнохозяйственных и научных целях. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 3—4. Минск, 1957, стр. 32—35.

Подлов В. К. Организация справочной работы в Государственном архиве Курской области. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР. № 4. М., 1957, стр. 39—43.

Полетаев В. Е., Томашевич Ю. У. Шире использовать архивные документы при изучении истории Октябрьской революции. «Вопросы истории», 1957, № 6, стр. 192—196.

Попова Л. Фотоальбом украинских памятников XVI—XVIII вв. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4(34). Киев, 1958, стр. 166—167 (на украинском яз).

Похвалов В. Использование архивных документов ЦГИА БССР в научных и народнохозяйственных целях. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6. 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 82—85.

Похлебкин В. В. О работе финляндских историков в русских архивах в XIX— начале XX века. «Скандинавский сборник», т. III. Таллин, 1958, стр. 270—277.

Перепечатка из: Historiallinen aikakanskirja, vt. 1. 1958, s. 1—8.

Редькин Д. Ф. Роль научного совета в организации использования документальных материалов государственных архивов. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 43—47.

Розин С., Мисюра В., Людковский Ш., Рабинович И., Винниковецкий С. Использование документальных материалов в агитационно-пропагандистских и культурно-просветительных целях — одна из важнейших задач государственных архивов. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3 (29). Киев, 1957, стр. 49—74.

Рябко В. Ф. Использование документальных материалов Государственного архива Ростовской области в народнохозяйственных целях. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 23— 26.

Страхова Н. Б. К возобновлению работы по написанию истории фабрик и заводов. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 41—43.

Тищенко В., Грабко Л., Губных З., Яцышина С., Авдушева М., Антонец Л., Барбашева К., Штуль Н., Скуднова Л., Осадчук О., Людковский Ш. Совершенствовать организацию и методику справочной работы в архивах. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1(27). Киев, 1957, стр. 29—55.

Траат А. М. Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР и его роль в разработке истории Эстонии. «Известия» АН ЭССР. Общественные науки. Таллин, 1958, № 4, стр. 380—383.

Туманян М. Больше внимания запросам граждан. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 2(3). Ереван, 1957, стр. 17—18 (на армянском яз.).

Файнштейн В. М. Опыт подготовки выставок документальных материалов в Центральном государственном историческом архиве ЭССР. «Известия» АН ЭССР. Серия обществ. наук, № 4, 1958, стр. 372—375.

Фирштейн Ц., Гарнага И. Из опыта работы группы использования Госархива Хмельницкой области. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2(28). Киев, 1957, стр. 61—69.

Цинкович В. А., Бедин В. В., Плюхина М. А. Научные связи ЦГИА СССР в

Ленинграде с зарубежными учеными. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 159—173.

Цирох А. Использование документальных материалов Государственного архива Драгобычской области. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1 (27). Киев, 1957, стр. 20—28.

Шестакова Е. Читальный зал архива. «Оренбургский архив». «Информационный бюллетень» АО УВД Оренбургского облисполкома, № 1. Оренбург, 1958, стр. 18—21.

Шехтман Е. Выставка «Житомирщина в литературе». «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4(34). Киев, 1958, стр. 172—174.

Шишонок И. Эффективность использования документальных материалов государственных архивов Белорусской ССР. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6. 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 48—61.

Шляпников Н. П. Работа Центрального государственного военно-исторического архива по выполнению Постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 5—9.

Публикаторская работа

Альтшуллер Р. Е. Некоторые вопросы методики работы по подготовке к печати документов М. И. Кутузова. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 59—74.

Анашкин И. Д. Государственные архивы РСФСР к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Вопросы истории», 1957, № 8, стр. 213—215.

О подготовке сборников документальных материалов по истории Октября.

Анашкин И. Д. Повышать научный уровень публикаций исторических источников (с совещания работников архивных учреждений РСФСР). «Вопросы истории», 1958, № 12, стр. 199—204.

Бем Ю. О. Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР. «Археографический ежегодник за 1957 г.». Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, 1958, стр. 481—485.

Бем Ю. О. Обсуждение новых публикаций. (Общее собрание Археографической комиссии). «Вестник» АН СССР. М., 1958, № 4, стр. 95—96.

Информация о III общем собрании комиссии, посвященной археографическим работам 1957 г.

Бем Ю. О. Организация Археографической комиссии «История СССР», 1957, № 1, стр. 267—268. Информация.

Болтин Е. А. Важная задача советских историков. «Вопросы истории», 1957, № 11, стр. 219—222.

В статье, посвященной вопросам разработки истории Великой Отечественной войны, автор отмечает необходимость изданий соответствующих сборников документов.

Бутыч И. Научная работа государственных архивов Украинской ССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1(31). Киев, 1958, стр. 6—19 (на украинском яз.).

Об опыте подготовки сборников документов, работе по подготовке научно-справочной литературы и задачах в области научной работы архивов.

Бутыч И. Л. Публикация документальных материалов архивными учреждениями Украинской ССР. В кн.: Из истории архивного строительства на Украине. Сборник статей, посвященный 40-летию советского архивного строительства на Украине. Архивное управление УССР. Харьков, 1958, стр. 27—57 (на украинском яз.).

Георгиевская И. А. О подготовке сборника по истории Великой Октябрьской социалистической революции в Татарии. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 35—36.

Дешалыт И. Л. К вопросу выявления и отбора документов для публикации на тему: отмена крепостного права в России и крестьянское движение (на основе анализа сборника документов «Отмена крепостного права»). «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957, стр. 262—274.

Демкин И. Некоторые вопросы подготовки к изданию документов советского периода. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2(32). Киев, 1958, стр. 64—72 (на украинском яз.).

Об опыте публикаторской работы ЦГАОР УССР.

Залога М. Новые документы о Великой Октябрьской социалистической революции в Белоруссии. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 5. Минск, 1957, стр. 30—38.

Залога М. Обзор публикаторской работы в Белоруссии за 40 лет Советской власти. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6. 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 16—37.

Ивницкая Т. В. О методике выявления и отбора документов в публикациях по истории рабочего класса СССР 1918—1920. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 11. М., 1958, стр. 69—88.

Инструкция по учету публикаций документальных материалов государственных архивов СССР. ГАУ МВД СССР. М., 1958, 12 стр.

К 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Вопросы истории», 1957, № 2, стр. 198—202.

Имеются сведения о подготовке сборников документов.

Кондратьев В. А. Из истории издания документов о деятельности Советов рабочих депутатов 1905 г. «Археографиче-

ский ежегодник за 1957 г.». Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. М., 1958, стр. 189—209.

Корнева И. И. Основные принципы передачи текста документов при публикации и некоторые вопросы воспроизведения текстов раннего периода (XIV—XVIII вв.). «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8. М., 1957, стр. 43—65.

Королюк В. Д. и Миллер И. С. О совместной советско-польской публикации источников по истории восстания 1863—1864 гг. «Новая и новейшая история», 1958, № 5, стр. 178—181 .

Кушкова З. В., Мальцева Н. А. О подготовке к изданию документальных сборников по истории рабочего и крестьянского движения в России XIX—начала XX вв. «Информационный бюллетень», ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 125—146.

Лепехина М. Е. Научно-публикаторская работа ЦГАОР. «Вопросы истории КПСС», 1957, № 2, стр. 231—232.

Логинова А. И. Итоги выполнения планов научно-публикаторской работы ГАУ МВД СССР и центральных государственных архивов СССР за 1956 г. и планы научно-публикаторской работы на 1957 г. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 5—14.

М. Л. Заседания научного совета. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД УзССР, № 2—3. Ташкент, 1958, стр. 41—42.

Информация о заседаниях научного совета при АО МВД УзССР по вопросам публикаторской работы и использования документальных материалов.

Мастерова Н. И. Из опыта подготовки сборников документов. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 26—35.

Методическое пособие по археографии. Под ред. М. С. Селезнева, Е. М. Тальман. МГИАИ. М., 1958, 301 стр.

На стр. 295—298 — краткая библиография методической литературы по вопросам археографии.

Михайлова Н. В., Хевролина В. М. Подготовка сборников документов к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 7. М., 1958, стр. 92—97.

Мусатов Б. И. О подготовке архивными учреждениями РСФСР сборников документов, посвященных 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 2—3. М., 1957, стр. 11—21.

Новосельский А. А., Кондратьев В. А. О публикации исторических источников в СССР за 40 лет. «История СССР», 1958, № 3, стр. 204—219.

Обзор документальных сборников по истории первой русской революции, изданных архивными органами и государственными архивами СССР в 1955—1956 гг. ГАУ МВД СССР. М., 1957, 51 стр.

Очередные задачи научно-информационного бюллетеня. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1 (31). Киев, 1958, стр. 3—5 (на украинском яз.).

Павлов М. Н., Полетаев В. Е. Обсуждение итогов научно-издательской деятельности в связи с 40-летием Октябрьской революции. «Вопросы истории», 1958, № 7, стр. 190—203.

О сессии Научного совета Отделения исторических наук АН СССР с краткой характеристикой прочтенных докладов.

Панкратова М. Я. О работе Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС по подготовке к изданию произведений В. И. Ленина в 1958 г. «Вопросы философии», 1958, № 4, стр. 159—163.

О составе дополнительных томов к 4-му изданию XXXVI Ленинского сборника и новых документах в новом издании сочинений В. И. Ленина.

Программа курса «Археография». Московский государственный историко-архивный институт. М., 1957, 24 стр.

Пушкарев Л. Н. Четыре года работы Сектора источниковедения и издания исторических документов дооктябрьского периода (1953—1957 гг.). «Археографический ежегодник за 1957 г.». Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 486—493.

Рейхберг Г. Е. Издание серии документальных сборников «Великая Октябрьская социалистическая революция» и местные архивы. «Археографический ежегодник за 1957 г.». Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 210—214.

Селезнев М. С. Некоторые вопросы археографии и их отражение в трудах классиков марксизма-ленинизма. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. М., 1957, т. 8, стр. 3—42.

Селезнев М. С. О публикации документальных материалов по истории советского общества. «Вопросы истории», 1958, № 6, стр. 86—95.

Скородумов Д. Е. Каким должен быть научный сборник военно-исторических документов. «Сборник докладов» Военно-исторической секции Ленинградского Дома ученых им. Горького АН СССР, № 1. Л., 1957, стр. 33—38.

Создание Археографической комиссии (в Отделении исторических наук). «Вестник» АН СССР, 1957, № 1, стр. 100.

Краткая информация.

Софинов П. Г. Из истории русской дореволюционной археографии. Краткий очерк. ГАУ. М., 1957, 157 стр.

В книге рассматриваются основные этапы развития русской археографии в XVIII — XX вв.

Стуканов Е. К вопросу о совместном издании сборников [документов] несколькими учреждениями. «Научно-информаци-

онный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3 (33). Киев, 1958, стр. 90—96 (на украинском яз.).

Сулейманов Б. С. Вопросы публикации документов и материалов по истории Казахстана в советскую эпоху. «Известия» АН КазССР, Серия истории, археологии и этнографии. Вып. 2/7. Алма-Ата, 1958, стр. 90.

Тальман Е. М. Археографическое оформление документов при их публикации. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. М., 1957, т. 8, стр. 66—94.

Тартаковский Б. Г. Третья сессия комиссии историков СССР и ГДР. «Вопросы истории», 1958, № 8, стр. 195—197.

Имеются сведения о подготовке издания архивных документов.

Уткина Л. Н. Приемы публикации газетных источников в сборнике документов «Коммунистические субботники в Москве и Московской губернии в 1919—1920 гг.». «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957. стр. 350—358.

Фостик П. К вопросу о принципах публикации документов XIV—XVIII вв. на иностранных языках. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2 (28). Киев, 1957, стр. 70—82.

Рассматриваются вопросы выявления и отбора, расшифровки сокращений и передачи текста, датировки и перевода документов.

Чумалова Г. Г. Выявление и отбор документов для печати в издании «Рабочее движение в России в XIX в.». «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8. М., 1957, стр. 120—130.

Чхетия Ш. К. Об опыте публикации документов государственных архивов Грузинской ССР. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. 1958, стр. 83—94.

Чхетия Ш. Советская археография за 40 лет. «Труды» Тбилисского гос. пед. ин-та, 1957, т. 12, стр. 625—639. Резюме на грузинском яз.

О документальных публикациях архивных органов Грузии с 1924 г.

Эпштейн Д. М. К вопросу о журнальных публикациях исторических источников. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8. М., 1957, стр. 95—119.

Яковлев Л. И. Об итогах научно-издательской деятельности архивных учреждений за 1957 г. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 31—43.

Яцунский В. К. О выявлении и публикации источников по социально-экономической истории России XVIII—XIX вв. «Археографический ежегодник за 1957 г.». Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 169—188.

Состав и содержание документальных материалов государственного архивного фонда СССР

Справочники по архивам, описи документальных материалов

Всеукраинский Центральный комитет незаможных селян. Опись документальных материалов, фонд Р-257, 1920—1933 гг. Харьков, 1957, 199 стр.

Опись фонда, хранящегося в ЦГАОР УССР.

Государственный архив Алма-Атинской области. Путеводитель. Под ред. Н. Н. Федорова. Алма-Ата, 1958, 178 с.

Государственный архив Курской области. Путеводитель. Под ред. Ф. И. Лаппо, П. П. Пятовского. Курск., 1958, 743 стр.

Государственный архив Ульяновской области. Краткий справочник о содержании архивных фондов и научно-справочной библиотеки. Ульяновск, 1957, 22 стр.

Иванова Л. М. Фонд Н. В. Гоголя. (Дополнение к печатному каталогу «Рукописи Н. В. Гоголя». М., 1940.). «Записки» Отдела рукописей ГБЛ, вып. 19. Под ред. С. В. Житомирской и И. М. Кудрявцева. М., 1957, стр. 37—46.

Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. XIX—XX вв. Отв. ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианова-Перетц. Изд. АН СССР. М.—Л., 1958, 398 стр. Вып. I дан в 1956 г.

В книге содержится 49 обзоров рукописных собраний (см. раздел «История и организация архивного дела»).

Краткий справочник архивных фондов и научно-справочной библиотеки Государственного архива Николаевской области. Николаев, 1958, 30 стр. (на украинском яз.).

В приложениях даны правила работы читального зала и сведения о выдаче биографических справок.

Краткий справочник о составе и содержании документальных материалов Государственного архива Брянской обл. Брянск, 1957 (1958), 55 стр.

Обзор документальных материалов Государственного архива Тамбовской области. Тамбов, 1958, 27 стр. (на правах рукописи).

Путеводитель [по Центральному архиву ВЦСПС], вып. 1. Под ред. П. И. Кабанова и др. Профиздат, 1958, 368 стр.

Путеводитель по Архиву Ленинградского отделения Института истории [АН СССР]. Составители: И. В. Валкина, Л. Г. Катушкина, Г. Е Кочин и др.; редакторы: Л. Г. Маньков, В. А. Петров, В. И. Рутенбург. Отв ред. А. И. Андреев. Изд. АН СССР. М.—Л., 1958, 603 стр.

Приложение: Н. Н. Полянская. Библиотека Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.

Путеводитель по историческому архиву [Артиллерийского исторического] музея. Под ред. И. П. Ермошина. Л., 1957, 235 стр.

Путеводитель по Центральному государственному архиву Дагестанской АССР. Махачкала, 1958, 377 стр.

Центральный государственный исторический архив Армянской ССР. Путеводитель. Гл. ред. В. А. Рштуни. Ереван, 1958, 200 стр.

Очерки общего содержания документальных материалов отдельных архивохранилищ

Арутюнян Г. Краткий обзор документальных материалов, хранящихся в исторических фондах Центрального госархива АрмССР. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 4(5). Ереван, 1957, стр. 12—24 (на армянском яз.).

Бабаджанян М. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Армянской ССР (ЦГАОР СС). «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 4 (11). Ереван, 1958, стр. 45—51.

Библиотека нотных рукописей Ордена Ленина киностудии «Ленфильм». В сб.: Музыкальный Ленинград. Ред.-сост. И. В. Голубовский. Л., 1958, стр. 377.

Краткая справка о составе и содержании библиотеки.

Библиотека Ордена Ленина Консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова. В сб.: Музыкальный Ленинград. Ред.-сост. И. В. Голубовский. Л., 1958, стр. 359—365.

Рукописный отдел библиотеки содержит более 6000 рукописей русских музыкальных деятелей XIX — нач. XX вв.

Гарбуз Т. Государственный архив Минской области. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 5. Минск, 1957, стр. 26—29.

Раскрывается содержание документальных материалов.

Ефимова А. И. Обзор фондов, хранящихся в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском окружных государственных архивах Тюменской области. «Ученые записки» Тюменского гос. пед. ин-та, т. V, вып. 2, стр. 131—136.

Краткая справка о составе и содержании фондов.

Жинкин Н. П. Рукописное собрание Харьковской научной библиотеки им. В. Г. Короленко. «Труды» ОДРЛ, т. XIII. М.—Л, 1957, стр. 577—578.

Ивашкин С. С. Обзор документальных материалов Центрального государственного архива Мордовской АССР (1917—1954 гг.). «Записки» Научно-исследовательского института языка, литературы и экономики при Совете Министров Мордовской АССР, № 19, 1958, стр. 126—141.

Игитханян М. Х. Матенадаран — сокровищница мировой культуры. «Вестник истории мировой культуры», № 6, 1957, стр. 107—127.

Комарова К., Добужская Г. Документальные материалы ЦГАФФКД БССР. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6. 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 86—89.

Краткая характеристика содержания документов архива и их использования.

Краткие сведения о составе и содержании документальных материалов филиалов Государственного архива [Свердловской области]. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. Свердловск, 1958, стр. 25—28.

Раскрывается содержание материалов филиалов в гг. Ирбите, Красноуфимске, Нижнем Тагиле, Серове. (Перепечатка из справочника «Государственные архивы СССР». М., 1956, стр 183—186).

Кузьмина Э. С. Документальные богатства Челябинского областного государственного архива. В кн.: 40 лет советского архивного строительства [в Челябинской обл.]. Челябинск, 1958, стр. 24—43.

Общий обзор состава документальных материалов архива и его филиалов в Златоусте и Магнитогорске.

Лаби А. Я. Документальные материалы Центрального государственного исторического архива Эстонской ССР. «Известия» АН Эстонской ССР. Серия обществ. наук, № 4, 1958, стр. 364—366.

Справка о составе и содержании фондов.

Лапина А. И. Обзор фондов, хранящихся в Тобольском филиале Тюменского областного государственного архива. «Ученые записки» Тюменского гос. пед. ин-та, т. V, вып. 2. Тюмень, 1958, стр. 123—129.

Краткая справка о составе и содержании материалов филиала с середины XVII в.

Лебедянская А. П. Артиллерийское документальное наследие в Историческом архиве Артиллерийского исторического музея. Сборник докладов военно-исторической секции Ленинградского дома ученых им. Горького АН СССР. № 1, Л., 1957, стр. 96—102.

Краткий обзор состава архива.

Метельская Л. Документы Государственного архива Винницкой области и их использование. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3 (33). Киев, 1958, стр. 122—125 (на украинском яз.).

Мовсесян В. Краткий обзор документов, хранящихся в ЦГАФФК Арм. ССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 2(9). Ереван, 1958, стр. 66—70 (на армянском яз.).

Музей-архив Н. А. и А. Н. Римских-Корсаковых. В сб.: Музыкальный Ленинград. Ред.-сост. И. В. Голубовский. Л., 1958, стр. 405—410.

Музей-архив образован в 1944 г. в связи со 100-летием со дня рождения Н. А. Римского-Корсакова при Ин-те теат-

ра и музыки. Здесь хранятся материалы фонда нескольких поколений Римских-Корсаковых.

Онисковец Г. Документальные материалы Государственного архива Гомельской области. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 5. Минск, 1957, стр. 22—25.

О содержании документальных материалов архива и основных направлениях их использования.

С. М. Государственный архив Черниговской области. «Украинский исторический журнал», 1957, № 2, стр. 59 (на украинском яз.).

Краткая справка о составе материалов архива.

Сивков В. Документальные материалы Свердловского архива. В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. Свердловск, 1958, стр. 18—24.

Раскрывается содержание материалов архива.

Тулумджан А. О. Центральный государственный архив Абхазской АССР. «Труды» Абхазского института языка, литературы и истории им Д. И. Гулия, т. XXVIII. Сухуми, 1957, стр. 493—533.

Краткое изложение содержания основных фондов архива.

Цыбыктарова Д. Документальная историческая база [Хабаровского] края. «Дальний Восток», 1958, № 5, стр. 147—150.

О материалах госархива Хабаровского края.

Щепкина М. В. и Протасьева Г. Н. Сокровища древней письменности и старой печати. Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати Государственного исторического музея. Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. «Труды» Гос. ист. музея, вып. XXX. М., 1958, 88 стр.

Обзоры фондов и коллекций документальных материалов, сообщения о содержании отдельных групп документов

Азбелев С. Н. Описание древнерусских рукописей Новгородского областного архива. «Труды» ОДРЛ, т. XV. М.— Л., 1958, стр. 418—423.

Описание 45 рукописей (в основном XVII в.) фондов разных монастырей.

Алексеева Н. М. Архив академика В. М. Алексеева. «Советское китаеведение», 1958, № 2, стр. 198—204.

Альшиц Д. Н. Обзор русских рукописей XI—XVII вв. в Эрмитажном собрании. «Труды» Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. V (8), 1958, стр. 167—184.

Арутюнян Гр. Документы об Айвазовском. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 1(8). Ереван, 1958, стр. 9-39 (на армянском яз.).

Аскарянц А. В., Машковцев Н. Г. Архив А. А. и С. А. Ивановых. «Записки» Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 20. М., 1958, стр. 3—63.

Бугаева О. П. Рукописи Смоленского областного краеведческого музея. «Труды» ОДРЛ, д. XV. М.—Л., 1958, стр. 424—431.

Описание 70 рукописных книг.

Визирь Н. Коллекция рукописей Киевского университета, хранящихся в Государственной публичной библиотеке УССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1(27). Киев, 1957, стр. 99-108.

Обзор содержания документов коллекции.

Гейман В. Г., Пишванова В. И. Собрание грамот А С. Орлова. (Краткое описание). «Труды» Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. I (IV), 1957, стр. 267—284.

Коллекция академика А. С. Орлова состоит из документов XVI—XVIII вв. вотчинного архива дворян Михалковых.

Герасимова Ю. И. Архив Киселевых. «Записки» отдела рукописей ГБЛ. Вып. 19. М., 1957, стр. 47—94.

Гранстрем Е. Э. Греческие рукописи Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Труды» Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II(V), Л., 1957, стр. 211—237.

История складывания и состав коллекции (папирусы, греческие средневековые рукописи, иллюстрированные рукописи и памятники палеографии, новогреческие рукописи).

Григорова-Захарова С. Русские жалованные грамоты XVII века [Государственного исторического музея]. В кн.: Письменные источники в собрании Государственного исторического музея. Ч. I. М., 1958, стр. 24—38.

Дмитриев Л. А. Славяно-русские рукописи отдела редких книг Латвийской государственной библиотеки в Риге. «Труды» ОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957, стр. 579—580.

Дмитриева Л. В. Архивные материалы В. М. Ионова. «Ученые записки» Ин-та востоковедения АН СССР, т. 16. М.— Л., 1958, стр. 425—440.

В. М. Ионов — ученый-якутовед, его научный архив находится в Секторе восточных рукописей Ин-та востоковедения.

Дорошенко В. Estonica в актах Литовской метрики [хранящейся в ЦГАДА СССР]. «Известия» АН Эстонской ССР. Серия общественных наук, № 4, 1958, стр. 319—327. Резюме на эстон. и нем. яз.

Дробленкова Н. Ф., Шепелева Л. С. Описание рукописного собрания Архива Географического общества СССР. «Труды» ОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 561—568.

Емелях Л. И. Старинные рукописные книги Музея истории религии и атеизма

Академии наук СССР. «Труды» ОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957, стр. 556—560.

Житомирская С. В. Архив И. И. Пущина. «Записки» Отдела рукописей ГБЛ. Вып. 20. М., 1958, стр. 64—89.

Заморина В. Документальные материалы о полезных ископаемых Армении. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1(2). Ереван, 1957, стр. 27—28 (на армянском яз.).

Иваново-Вознесенский губернский совет народного хозяйства (ГСНХ), 1917—1928 годы. (Обзор фонда, [хранящегося в Госархиве Ивановской обл.]) Иваново, 1958, 36 стр.

К обзору приложены материалы о составе и штатах ГСНХ, списки фабрик Иваново-Вознесенского губернского текстильного объединения и хлопчатобумажного треста.

Калантырская И. Фонды деятелей науки и культуры XVIII—XIX вв. [Государственного исторического музея]. В кн.: Письменные источники в собрании Государственного исторического музея., ч. I. М., 1958, стр. 39—61.

В статье характеризуется содержание документов фондов В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, А. Н. Попова, В. И. Семевского, Д. И. Иловайского, И. Е. Забелина, А. Ф. Малиновского, Т. Г. Громовского, В. С. Ешевского, Н. Н. Балтыш-Каменского и др.

Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. «Археологический ежегодник за 1957 г.». Под. ред. акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 302—376.

Первая часть перечня иммунитетных грамот, хранящихся в различных хранилищах страны, с указанием изданий, в которых грамоты публиковались.

Коваль М. Рукописи И. Я. Франко в Государственной публичной библиотеке УССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2(28). Киев, 1957, стр. 106—110.

Коган И. Вотчинные фонды [Государственного исторического музея]. В кн.: Письменные источники в собрании Государственного исторического музея. Ч. I. М., 1958, стр. 6—23.

В статье характеризуются фонды кн. Голицыных, кн. Куракиных, гр. Воронцовых и др.

Копреева Т. Н. Обзор польских рукописей Государственной публичной библиотеки (Собрание П. П. Дубровского). «Труды» Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. V(8), 1958, стр. 137—165.

Куванова Л. К. Краткое обозрение архивного фонда С. И. Вавилова, хранящегося в Московском отделении Архива АН СССР. «Труды» Института истории естествознания и техники, т. 17. М., 1957, стр. 155—160.

Статье предпослана заметка П. Н. Корявова, Б. А. Малькевича и Н. М. Раскина «О рукописном наследии академика С. И. Вавилова» (о материалах, хранящихся в Архиве АН в Ленинграде).

Лебедев Г. И. Краткие сведения о рукописных и старопечатных книгах Чухломского районного архива Костромской области. «Труды» ОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1957, стр. 608—609.

Левшин Б. В. Документальные материалы фонда Ю. Крымова как исторический источник для изучения жизни и творчества писателя (обзор фонда). «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957, стр. 363—366.

Приводится схема систематизации фонда, ставятся вопросы исправления описи, методики составления обзоров фондов личного происхождения.

Луизова Т. В. Раннеготические рукописи публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Труды» Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. I(IV). Л., 1957, стр. 237—264.

Лукьянов В. В. Краткое описание коллекций рукописей Ярославского областного краеведческого музея. «Краеведческие записки» Ярославского краеведч. музея. Под ред. М. Г. Мейеровича. Ярославль, 1958, 290 стр.

[Лукьянов В. В.] Описание коллекции рукописей Государственного архива Ярославской области XIV—XX вв. Ярославль, 1957, 180 стр.

Лукьянов В. В. Рукописные материалы Переяславль-Залесского районного краеведческого музея. «Труды» ОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1957, стр. 610—612.

Лукьянов В. В. Рукописные сборники Ярославского краеведческого музея. (Краткий обзор). «Краеведческие записки» Ярославского областного краеведческого музея. Вып. 2, под ред.: П. Г. Андреева, А. Н. Иванова, М. Г. Майеровича. 1957, стр. 271—277.

Люблинская А. Д. Архив И. Я. Берцелиуса в Ленинградской публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Вопросы истории естествознания и техники». Вып. 5, М., 1957, стр. 177—182.

Обзор эпистолярных материалов И. Я. Берцелиуса — шведского химика XVIII—XIX вв., находящихся в коллекции П. К. Сухтелена.

Малеванов Н. А. Рукописи XVI—XVIII вв. Государственного исторического архива Ленинградской области. «Труды» ОДРЛ, т. XIII. М.— Л., 1957, стр. 574—576.

Мыльников А. С. Чешские и словацкие рукописи Государственной публичной библиотеки. «Труды» Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. V (8), 1958, стр. 119—136.

Наживина С. Я. Рукописи Иргизского монастыря и Саровской пустыни в собрании Куйбышевской областной биб-

лиотеки. «Труды» ОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1957, стр. 624—627.

Список 66 рукописей из числа оставшихся вне опубликованного в 1934 г. описания.

Описание грузинских рукописей новой (Q) коллекции. Т. 2, Тбилиси, 1958, стр. (на груз. яз.)

Описание рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского, вып. I (фольклор), вып. 2 (лингвистика). Казань, 1958.

Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957, 588 стр.

Описаны материалы, хранящиеся в ГБЛ, ЦГАЛИ СССР, Рукописном отделе Института русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом).

Описание старинных атласов, карт и планов XVI, XVII и XVIII веков и половины XIX века, хранящихся в архиве Центрального картографического производства ВМФ. 1958, 270 стр.

Полянская Л. И. Памятники древнерусской письменности в собрании Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. «Труды» ОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 659—573.

Розов Н. Н. Южнославянские рукописи Государственной публичной библиотеки. Обзор. «Труды» Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. V(8), 1958, стр. 105—118.

Руденко М. Б. Коллекция А. Д. Жаба (курдские рукописи). «Труды» Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II (V). Л., 1957, стр. 165—208.

Коллекция состоит из 54 рукописей, поступила в библиотеку в 1868 г.

Рукописные материалы химиков второй половины XVIII в. в архиве Академии наук СССР. Научное описание. Сост. Н. М. Раскин. «Труды» архива, вып. 15. Редколлегия: М. А. Безбородов, Г. А. Князев и Н. А. Фигуровский. М.— Л., 1957, 213 стр.

Сакович С. Частные коллекции документальных материалов [Государственного исторического музея]. В кн.: Письменные источники в собрании Государственного исторического музея. Ч. 1. М., 1958, стр. 62—81.

В статье характеризуется происхождение важнейших коллекций документов, хранящихся в ГИМ.

Скачков П. Е. Забытый фонд рукописей К. А. Скачкова. «Вопросы истории», 1957, № 1, стр. 124—125.

Краткий обзор материалов фонда ученого-китаиста (ГБЛ).

Скворцова В. М. Документальные материалы фонда Московского губполитпросвета о политико-просветительной работе в период восстановления народного хозяйства. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957, стр. 179—198.

Славентантор Д. Люди и рукописи. «Нева», 1958, № 7, стр. 167—176.

Литер.-худож. очерк о собрании восточных рукописей Азиатского музея в Ленинграде.

Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР, т. IV. Под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1957, 560 стр. (1 т. вышел в 1952 г., 2 т.— 1954 г., 3 т.— 1955 г.).

Старостина Т. В. Обзор коллекции древних актов XVII—XVIII вв., хранящихся в Архиве Карельского филиала АН СССР. «Труды» Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. X. Вопросы истории Карелии, 1958, стр. 87—92.

Троицкая А. Л. Архив кокандских ханов. Предварительный обзор. «Труды» Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, т. II(V). Л., 1957, стр. 185—209.

Архив поступил в библиотеку в конце 1870-х гг. и охватывает 1842—1875 гг.

Усачева Р. И. Документальные материалы [Тюменского] областного государственного архива по Тюменскому губернскому Совету народного хозяйства за 1919—1923 гг. «Ученые записки» Тюменского гос. пед. ин-та, т. V, вып. 2. Тюмень, 1958, стр. 119—121.

Фирсова Е., Иваницкая И. Окружной фабричный инспектор Харьковского округа. Обзор документальных материалов фонда. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2(28). Киев, 1957, стр. 101—105.

Шафрановский И. И., Раскин Н. М. Рукописные материалы Е. С. Федорова в Архиве Академии наук СССР. «Труды» Архива АН СССР, вып. 14. Под ред. Князева Г. А. и Николаева В. А. М.— Л., 1957, 212 стр.

Книга состоит из введения, описания, приложения (неопубликованные ранее статьи Е. С. Федорова), писем, библиографии работ Е. С. Федорова и указателя.

Шепелев Л. Е. Частнокапиталистические торгово-промышленные предприятия России в конце XIX — начале XX в. и их архивные фонды. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 75—102.

Щапов Я. Н. Собрание рукописных книг И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. «Записки» отдела рукописей ГБЛ, вып. 19. М., 1957, стр. 3—36.

Обзор коллекции (134 книги) XVI—XIX вв.

Тематические обзоры документальных материалов

Антошин Н. С. Состав молдавских грамот XIV—XV веков. «Научные записки» Ужгородского университета, т. 28, 1957, стр. 77—106.

Архивные источники по истории Октября и гражданской войны в Казахстане (1917—1920 гг.). Путеводитель. Под ред. П. М. Пахмурного, С. С. Голубятникова. Сост.: М. А. Абдулкадирова,

Е. А. Александрова, В. С. Познанский, Т. Н. Познякова, И. П. Староверова, М. Н. Томашева, Ш. Я. Шафирова (отв. составитель). Алма-Ата, 1958, 123 стр.

Приложение: Перечень сборников документов и материалов по истории Октября и гражданской войны в Казахстане; Перечень партийных и советских газет 1917—1920 гг., издававшихся на территории Казахстана, а также в Омске, Оренбурге и Ташкенте; Тематика исследовательских работ, проводимых в республиканском партархиве и ЦГА КазССР.

Книга является сборником характеристик фондов (составленных по типу путеводителя) партийных архивов Казахстана, Киргизии, Омского и Оренбургского обкомов КПСС и ЦГА КазССР, перечня фондов партархивов Ин-та истории партии при ЦК КП Киргизии, Омского и Оренбургского обкомов КПСС, госархивов Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Омской обл., ЦГАОР СССР и ЦГАСА СССР по указанной теме.

Бакст Э. Материалы по истории революционного движения в России XIX века [Государственного исторического музея]. В кн.: Письменные источники в собрании Государственного исторического музея. Ч. 1. М., 1958, стр. 82—86.

Блохина А. Н. Новые документы из истории советско-китайских отношений [в Госархиве Новосибирской обл.]. «Вопросы истории», 1957, № 3, стр. 146—148.

Бондаревский В. Е. Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО). В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. Изд. АН СССР. М.— Л., 1957, стр. 426—434.

Обзор документов по теме сборника.

Брегман А. А. Материалы бывшего филиала Центрального государственного военно-исторического архива в Ленинграде. В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. Изд. АН СССР. М.— Л., 1957, стр. 395—406.

Обзор документов по теме сборника.

Булыгин И. А., Рейхберг Г. Е., Токарев Ю. С. Обзор документальных источников о подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде в 1917 г. «Археографический ежегодник за 1957 г.». Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 243—264.

Вексельман М. Документальные материалы Государственного архива Ташкентской области об Октябрьской революции в Узбекистане. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД УзССР, № 2—3. Ташкент, 1958, стр. 43—51.

Вьюнова Н. М., Каряева Т. Ф., Чижова Л. М. Партия — организатор вооруженных сил Советского государства. (Обзор документов Центрального государственного архива Красной Армии. Октябрь 1917 г.— март 1919 г.). «Вопросы истории КПСС», 1958, № 3, стр. 85—95.

Григорян Генриетта. Из истории меднорудной промышленности Армении (Тематический обзор). «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 2(9). Ереван, 1958, стр. 8—30.

Характеризуются документальные материалы по истории меднорудной промышленности Армении за 1804—1920 гг. фондов ЦГИА АрмССР и ЦГИА ГрузССР.

Дейч Г. Источники и литература по истории крестьянства Псковской губернии в XIX и в начале XX веков. Псковский областной краеведческий музей. Изд. газ. «Псковская правда», 1957, 30 стр.

В обзоре раскрывается содержание материалов по теме, хранящихся в Государственном архиве Псковской области, ЦГИАЛ, ЦГИАМ, Пушкинском Доме, указываются публикации документов.

Доржиев Н. Н., Плюхина М. А. Обзор документальных материалов Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде о революционном движении рабочих, крестьян, солдат и матросов в 1917 г. «История СССР», 1957, № 5, стр. 211—219.

Енш Г. А. Документы по истории Прибалтики шведского периода в архивах Риги (История фондов и обзор материалов). «Скандинавский сборник», т. III. Таллин, 1958, стр. 224—256.

Журавлева З., Байнова М. Документальные материалы Государственного архива Витебской области об установлении Советской власти на Витебщине. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 5. Минск, стр. 18—21.

Зубков В. А. и Токарев Ю. С. Государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ГАОРСС ЛО). В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. Изд. АН СССР. М.— Л., 1957, стр. 367—381.

Обзор документов архива по теме сборника.

История развития медицины и здравоохранения в России. Обзор документальных материалов. Сост. Р. Ю. Мацкина. Ред. Б. Д. Петров. М.— Л., 1958, 99 стр.

Обзор материалов ЦГИАЛ СССР по истории развития медицинской науки с первой половины XVIII в. до 1917 г.

Касимовцева Е. Документальные материалы периода буржуазно-демократических революций XX в. В кн.: Письменные источники в собрании Государственного исторического музея. Ч. 1. М., 1958, стр. 87—93.

Характеризуются документы, собранные тридцатью историко-бытовыми комиссиями музея.

Качалкин Н. А. Обзор документов Ростовского государственного архива о положении и революционной борьбе рабочих Таганрога и Таганрогского округа в 1912—1914 годах. «Краеведческие записки» Та-

ганрогского музея. Вып. 1. Таганрог, 1957, стр. 297—303.

Кино- и фотодокументы по истории Великого Октября (1917—1920 гг.). Изд. АН СССР. М., 1958, 354 стр.

Обзор документов ЦГА КФФД СССР.

Комарова М. А. и Терентьева Л. И. Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства СССР (ЦГАОР СССР). В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Изд. АН СССР. М.— Л., 1957, стр. 361—366.

Обзор документов архива по теме сборника.

Кудрявцев Ф. А. Материалы по истории Бурятии в конце XVIII и первой половине XIX в. (Краткий обзор). «Записки» Бурятского научно-исследовательского института культуры, т. XXV. Улан-Удэ, 1958, стр. 192—202.

О материалах ЦГИАЛ, ЦГА Бурятской АССР, ГА Иркутской обл.

Кунтиков И. Н. Крестьянское движение в России в XIX в. (Обзор документальных материалов Центрального государственного военно-исторического архива СССР). «Вопросы истории», 1957, № 8, стр. 143—153.

Маркова Т. Архивные материалы по истории сельского хозяйства Сибири. «Сельское хозяйство Сибири», 1958, № 3, стр. 95—96.

Обзор документов Государственного архива Омской обл.

Мастерова Н. И. Обзор дореволюционных фондов Ростовского областного государственного архива, содержащих материалы по истории Таганрога. «Краеведческие записки» Таганрогского музея. Вып. 1. Таганрог, 1957, стр. 275—295.

Приложение: Перечень фондов по истории Таганрога и бывшего Таганрогского округа Области войска Донского за 1750—1919 гг. (В перечне указаны фонды, не упомянутые в обзоре).

Материалы архива [Свердловской области] по истории Великой Октябрьской социалистической революции на Урале (1917 г.— июль 1918 г.). Обзор документальных материалов. Ч. I (январь — ноябрь 1917 г.). Свердловск, 1957, 78 стр., ч. II (декабрь 1917 г.— июль 1918 г.). Свердловск, 1958, 83 стр.

Матсулевич А. Т. Документы Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР о вооруженном восстании 1 декабря 1924 г. «Известия» АН Эстонской ССР. Серия обществ. наук, 1958, № 4, стр. 354—357.

Миклухо-Маклай Н. Д. Некоторые персидские и таджикские исторические, биографические и географические рукописи Института востоковедения Академии наук СССР. «Ученые записки» Ин-та востоковедения АН СССР, т. 16, М.— Л., 1958, стр. 235—279.

Музыкальные фонды Ордена Трудового Красного Знамени Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. В сб.: Музыкальный Ленинград. Ред.-сост. И. В. Голубовский. Л., 1958, стр. 351—355.

Общий обзор рукописных фондов библиотеки, хранящих автографы Глинки, Даргомыжского, Бородина, Мусоргского, Кюи, Римского-Корсакова и др., а также музыкальные памятники русской крюковой и линейной нотации.

Музыкальные фонды Института русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом). В сб.: Музыкальный Ленинград. Ред.-сост. И. В. Голубовский. Л., 1958, стр. 374—375.

Личные фонды Аренского, Балакирева, Стасова, письма Чайковского, Кюи, автографы Глинки, Даргомыжского и др.

Муравьев А. А. Обзор документальных материалов по истории Таганрога XVII—XVIII вв., хранящихся в Центральном государственном архиве военно-морского флота СССР. «Краеведческие записки» Таганрогского музея. Вып. 1. Таганрог, 1957, стр. 305—319.

Муравьев А. А. Центральный государственный архив военно-морского флота (ЦГАВМФ). В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. Изд. АН СССР. М.— Л., 1957, стр. 407—419.

Обзор документов по теме сборника.

Новоселова В. М. Документальные материалы по истории художественного театра в архиве музея МХАТ. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957, стр. 199—213.

Обзор документальных материалов Ставропольского краевого государственного архива по истории борьбы трудящихся масс за установление и упрочение Советской власти на Ставрополье (1917—1921 гг.). Ред. В. М. Суров. Ставрополь, 1958, 44 стр.

Овчинников Р. В. Обзор документов Астраханской приказной палаты о русско-индийской торговле последней четверти XVII в. «Археографический ежегодник за 1957 г.». Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 217—227.

В статье характеризуется содержание таможенных выписей Астраханской таможни.

Октябрь 1907 года в Москве и Московской губернии. Обзор документов Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области. Под ред. Г. Д. Костомарова, В. А. Кондратьева, Л. И. Яковлева. М., 1957, 174 стр.

Октябрь 1917 года в Петрограде. Обзор документов государственных архивов Ленинградской области. Под ред. П. В. Виноградова, В. А. Кондратьева, Л. И. Яковлева. ГАУ МВД СССР, ГАОРСС ЛО. М., 1958, 123 стр.

Плюхина М. А. Центральный госу-

дарственный исторический архив СССР в Ленинграде. В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. Изд. АН СССР. М.— Л., 1957, стр. 420—425.

Обзор документов по теме сборника.

Пронштейн А. П. Обзор материалов по истории донского казачества XVIII—XIX вв., хранящихся в Государственном архиве Ростовской области. «Археографический ежегодник за 1957 г.». Под редакцией акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 228—243.

Пушкарев Л. Н. Рукописи житийного содержания Центрального государственного архива литературы и искусства. «Труды» ОДРЛ, т. XIII, М.— Л., 1957, стр. 543—555.

Родионов Н. И. Документы о становлении советского искусства и литературы (по фондам Центрального государственного архива литературы и искусства СССР). «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 7, 1958, стр. 59—69.

Статья посвящена вопросам состава и использования материалов ЦГАЛИ.

Рухманова Э. Д., Курсков Ю. В. Источники по истории русско-скандинавских отношений в рукописных собраниях г. Ленинграда. «Скандинавский сборник», т. III. Таллин, 1958, стр. 257—269.

Саарнийт А. Д. Документальные материалы Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР о борьбе трудящихся Эстонии с диктатурой буржуазии. «Известия» АН Эстонской ССР. Серия обществ. наук, 1958, № 4, стр. 358—364.

Селивановская Л. Аграрные отношения в Оренбургской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (Обзор документальных материалов Государственного архива Оренбургской области). «Оренбургский архив» (Информационный бюллетень»), № 1. АО УВД Оренбургского облисполкома. Оренбург, 1958, стр. 36—68.

Семенова М. С., Хомякова Г. С., Шепелев Л. Е. Обзор документальных материалов Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде по истории обрабатывающей промышленности России в первой половине XIX века. Ред. В. В. Бедин. ГАУ, ЦГИАЛ, М.— Л., 1957, 60 стр.

Установление Советской власти в Омске (Обзор документальных материалов Государственного архива Омской облати). Сост. Н. В. Горбань, Т. Т. Марков. Омск, 1957, 27 стр.

Центральный исторический архив в СССР. В сб.: Музыкальный Ленинград. Ред.-сост. И. В. Голубовский. Л., 1958, стр. 411.

Автор заметки пользовался устаревшим справочным материалом.

Шляпников Н. П. Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА). В кн.: Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Изд. АН СССР. М.— Л., 1957, стр. 382—394.

Обзор документов по теме сборника.

Кино-фото-фоноархивы

Вартанян О. 15-летие ЦГАФФК АрмССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 4(11). Ереван, 1958, стр. 78—80 (на армянском яз.).

Добровольский Б. Кладовая песни. «Нева», 1958, № 5, стр. 221

О материалах созданного в 1926 г. фонограммархива Института русской литература (Пушкинского Дома) Академии наук, где хранятся записи песен народов СССР, голоса знаменитых сказительниц, хоров, иностранных музыкальных ансамблей и т. д., начиная с 1897 г.

Инструкция по научно-технической обработке и каталогизации кинодокументов в государственных архивах. ГАУ МВД СССР, М., 1958, 35 стр.

Инструкция по научно-технической обработке и каталогизации фотодокументов в государственных архивах. ГАУ МВД СССР. М., 1957, 35 стр.

Кузин А. А. Некоторые вопросы организации кино-фото-фоноархивов в действующих учреждениях. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8. М., 1957, стр. 202—235.

Левкович Ю. И. Некоторые вопросы медицинской фотодокументации. «Труды Ин-та онкологии» Академии медицинских наук СССР. Л., 1958, вып. 2, стр. 47—54.

Мовсисян В. Больше внимания вопросу о создании фоноархива. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1(2). Ереван, 1957, стр. 16—17 (на армянском яз.).

Мовсисян В. М. Обеспечить сохранность кинодокументов. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 3(4). Ереван, 1957, стр. 40—41 (на армянском яз.).

Наджарян Г., Азарян А. О задачах хранения и использования фотодокументов. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 2(3). Ереван, 1957, стр. 23—24 (на армянском яз.).

Пихельгас Х. Я. Фотодокументы и хроникальные кинофильмы и их использование. «Известия» АН Эстонской ССР. Серия обществ. наук, 1958, № 4, стр. 379—380.

О материалах отдела кино-фото-фонодокументов ЦГАОРиСС ЭССР.

Пшеничный Г. С. Кино-фото-фонодокументы на службе советскому народу. В кн.: Из истории архивного строительства на Украине. Сб. статей, посвященный 40-летию советского архивного строительства на Украине. Архивное управление

УССР. Харьков, 1958, стр. 70—77 (на украинском яз.).

Освещаются вопросы создания архива, собирания и использования документов.

Фотограммархив Иститута русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский Дом). В сб.: «Музыкальный Ленинград». Ред.-сост. И. В. Голубовский. Л., 1958, стр. 377—381.

В архиве хранятся свыше 6000 фоновaликов, дисков, магнитофонных лент (свыше 3000 записей).

Городские и районные архивы

Андреева К. Работа Государственного архива Шполянского района. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3(33). Киев, 1958, стр. 110—115 (на украинском яз.).

Асатрян И. Улучшить работу райгосархивов. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 5(6). Ереван, 1957, стр. 37—39 (на армянском яз.).

Асатрян К. Нор-Баязетский райгосархив. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1(2). Ереван, 1957, стр. 32 (на армянском яз.).

Вайн А. Г. Документальные материалы Таллинского городского и Харьюского районного государственного архива. «Известия» АН Эстонской ССР. Серия общественных наук, 1958, № 4, стр. 336—368.

Справка о составе и содержании фондов этих архивов с постоянным составом документальных материалов.

Б. О. К вопросу об организации межрайонных государственных архивов. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Уз. ССР, № 2—3. Ташкент, 1958, стр. 31—34.

Бакрадзе Ш., Берадзе И. Тбилисский городской государственный архив. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Грузинской ССР, № 2. Тбилиси, 1958, стр. 53—56 (на грузинском яз.).

Джалалов И. Ленинаканский госархив. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 3(4). Ереван, 1957, стр. 42—43 (на армянском яз.).

Из опыта работы Попельнянского районного государственного архива. Изд. АО УВД Житомирского областного Совета депутатов трудящихся. Житомир, 1958, 20 стр.

О планировании работы архива, контроле за ведомственными архивами, комплектовании и справочной работе.

Коган Л. Тюря-Курганский районный государственный архив. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Уз. ССР, № 2—3. Ташкент, 1958, стр. 36—37.

Краткая справка об архиве.

Ламбарян Р. Как мы готовим документальные материалы для сдачи в ЦГА АрмССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 4(11). Ереван, 1958, стр. 87—88.

Из опыта работы районного архива.

Лысенко Л. Киево-Святошинский районный государственный архив. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4(34). Киев, 1958, стр. 38—42 (на украинском яз.).

Из опыта работы заведующего райархивом.

Малкиель С. Общественный смотр районных и ведомственных архивов Сумской области. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3(33). Киев, 1958, стр. 106—109 (на украинском яз.).

Мовсисян В. Наш архив. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 3(4). Ереван, 1957. Раздел: В городских архивах республики, стр. 44—45 (на армянском яз.).

Мурашко Л. Из опыта работы Архивного отдела УВД Могилевского облисполкома по руководству районными государственными архивами. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 3—4. Минск, 1957, стр. 27—29.

Об организации проверок и оказания помощи райархивам.

Пирузян А. Улучшить положение архивов в Алавердском районе. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1 (2). Ереван, 1957, стр. 31—32 (на армянском яз.).

Положение о районном (городском) государственном архиве. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 3—4. Минск, 1957, стр. 5—7.

Правила работы районных государственных архивов. М., 1957, 67 стр.

Степанов Д. О работе Ставропольского городского государственного архива. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 4—5. М., 1958, стр. 52—53.

Тагворян Е. Повседневная работа с зав. райгосархивами (Консультация). «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1(2). Ереван, 1957, стр. 30—31 (на армянском яз.).

Товмасян Г. Постановка архивного дела в Севанском районе. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 4 (11). Ереван, 1958, стр. 86—87 (на армянском яз.).

Удовиченко М. Повышение деловой квалификации заведующих городскими и районными архивами Полтавской области. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2 (32). Киев, 1958, стр. 73—75 (на украинском яз.).

Ханамирян А. Вывести архив из затруднительного положения. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 3(4). Ереван, 1957. Раздел: В городских архивах республики, стр. 45—46 (на армянском яз.).

Христолюбов В. Омский городской государственный архив. «Информацион-

ный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 4—5. М., 1958, стр. 50—51.

О создании и деятельности Омского городского государственного архива.

Шубладзе И. Н. Городские и районные государственные архивы Грузинской ССР к 40-летию Ленинского декрета. «Информационный бюллетень» АУ МВД Грузинской ССР, № 1. Тбилиси, 1958, стр. 41—44 (на грузинском яз.). (Резюме на русском яз.).

Сведения о сети и состоянии районных и городских архивов.

Яковенко Г. Организационно-методическая работа в районном архиве. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1 (31). Киев, 1958, стр. 54—56 (на украинском яз.).

Организация и методика работы заведующего Двуричанским районным архивом.

Вопросы постановки делопроизводства, работы ведомственных и технических архивов

Акиньшина А., Борисов М. Ведомственные архивы. «Оренбургский архив» (Информационный бюллетень). АО УВД Оренбургского облисполкома, № 1. Оренбург, 1958, стр. 27—30.

О состоянии и организации работы по приведению в порядок материалов ведомственных архивов.

Альбом новых форм статистической отчетности по промышленности и строительству. ЦСУ СССР. М., 1958, 518 стр.

Альбом форм первичной документации по административно-хозяйственной деятельности. МПС СССР. М., 1957, 169 стр.+ вклейки.

Апенько Л. Откуда берется бумажный поток. «Советы депутатов трудящихся», 1957, № 2, стр. 72—79.

О необходимости пересмотра регламентации вопросов делопроизводства местных Советов.

Асатрян В. Архив Статистического управления АрмССР. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 2 (3). Ереван, 1957, стр. 27—28 (на армянском яз.).

Бондаренко З. К вопросу о руководстве архивами учреждений. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4 (34). Киев, 1958, стр. 3—12 (на украинском яз.).

Варенцова Е., Бурканенко А. Наведем порядок в ведомственных архивах. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2 (32). Киев, 1958, стр. 76—80 (на украинском яз.).

Освещается опыт работы архивных отделов Запорожской и Одесской областей по приведению в порядок ведомственных архивов.

Гольденберг Л. А. Научно-техническая обработка картографических материалов в техническом архиве. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8. М., 1957, стр. 236—259.

О вопросах комплектования, организации, описания и путях использования картографических материалов в техническом архиве Министерства совхозов РСФСР.

Давтян С. Помощь Архивного управления МВД АрмССР ведомственным архивам. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 3(10). Ереван, 1958, стр. 40—43 (на армянском яз.).

Дербина В. Е. Паспортизация архивов учреждений, организаций и предприятий. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 4-5. М., 1958, стр. 38—44.

[Дмитриева]. Методическое письмо о ведении текущего делопроизводства в учреждениях, организациях, предприятиях и подготовке документальных материалов для передачи в государственные архивы. АО УВД Исполкома Калининского облсовета. Калинин. 1957, 15 стр. + формы.

Еганян М. Усилить контроль над архивами учреждений. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 3(10). Ереван, 1958, стр. 49—50 (на армянском яз.).

Енокян А. Наша помощь архивам учреждений и предприятий. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 2(9). Ереван, 1958, стр. 86 (на армянском яз.).

Замковой П. Больше внимания наведению порядка в ведомственных архивах. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2(28). Киев, 1957, стр. 11—14.

О состоянии работы по приведению в порядок материалов ведомственных архивов.

Инструкция по ведению делопроизводства (Всесоюзная промышленная выставка. Канцелярия). М., 1957, 31 стр.

Инструкция по ведению делопроизводства в аппарате Совета народного хозяйства Московского (областного) экономического административного района. М., 1958, 9 стр.

Инструкция по общему делопроизводству в управлении железных дорог, организациях и предприятиях железнодорожного транспорта (МПС СССР). М., 1958, 31 стр.

Инструкция по общему и исполнительному делопроизводству Главгаза СССР (Гл. упр. газовой промышленности при СМ СССР). М., 1958, 55 стр.

Карпачева А. Организация работы по контролю за ведомственными архивами в Белорусской ССР. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6, 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 38—45.

Ким П. Совещание архивистов Узбе-

кистана. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД УзССР, № 2-3. Ташкент, 1958, стр. 39—41.

Информация о совещании (20—21 февраля 1958 г.), посвященном итогам выполнения постановления Совета Министров УзССР от 31 мая 1956 г. о ведомственных архивах.

Кирсанов В. Делопроизводство в исполкомах районных Советов. «Советы депутатов трудящихся», 1958, № 11, стр. 95—99.

Клинова М. С. Из опыта работы по контролю за ведомственными архивами в Хабаровском крае. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 2-3. М., 1957, стр. 62—63.

Козлитин И. П. Архивы учреждений, организаций и предприятий СССР (Законодательство и современная организация). Конспект лекций. Под ред. В. В. Максакова. МГИАИ. М., 1957, 90 стр.

Козулева Е. Из опыта организации упорядочения материалов учреждений гор. Пинска. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6, 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 46—47.

Кучеренко Е. Методическое пособие по учету материалов фонда Министерства легкой промышленности БССР. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6. 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 95—109.

Матвеев С. Что мешает наладить делопроизводство в сельисполкомах. «Советы депутатов трудящихся», 1958, № 5, стр. 68—69.

О порядке составления номенклатуры дел текущего делопроизводства в учреждениях, организациях и предприятиях (АО УВД Калининского облисполкома). Калинин, 1958, 7 стр.

Полностью изжить недооценку в архивном деле. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1(2). Ереван, 1957, стр. 3—5.

Об улучшении хранения материалов ведомственных архивов.

Правила работы технических архивов. ГАУ МВД СССР. М., 1957, 38 стр.

Приказ министра просвещения Белорусской ССР, № 111, 27 апреля 1957 г. [об улучшении хранения архивных документов в учреждениях системы министерства]. Минск, 1957, 185 стр.

Приложение: «Перечень документальных материалов, образующихся в деятельности Министерства просвещения БССР и подведомственных ему учреждений и организаций с указанием сроков хранения материалов».

Саакян Л. Усилить контроль над работой архивов в учреждениях и предприятиях. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 2(3). Ереван, 1957, стр. 10—11 (на армянском яз.).

Саландыкова З. Навести порядок в архивах. «Социальное обеспечение», 1958, № 2, стр. 52.

Письмо в редакцию о необходимости улучшения работы ведомственных архивов.

Смальченко В. Организация учета ведомственных архивов. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4(34). Киев, 1958, стр. 35—37 (на украинском яз.).

Из опыта работы АО УВД Сталинской обл. по паспортизации ведомственных архивов и контролю за их состоянием.

Тарабрина З. Из опыта работы по контролю за ведомственными архивами. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД УзССР, № 2—3. Ташкент, 1958 стр. 35—36.

Типовая инструкция Министерства финансов Украинской ССР по делопроизводству городских и районных финансовых отделов. В кн.: Приказ министра финансов Украинской ССР, № 29, 5 апреля 1958 года об утверждении типовой инструкции по делопроизводству. Киев [1958], 20 стр. (на украинском яз.).

Торосян В. О состоянии архивов Министерства мясо-молочной промышленности и его объектов в г. Ереване (обзор). «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1(2). Ереван, 1957, стр. 18—20 (на армянском яз.).

Торосян В. Серьезное внимание техническим архивам. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 4(5). Ереван, 1957, стр. 43—45 (на армянском яз.).

Черданцев Г. Н. О научных архивах. «Известия» АН УзССР. Серия обществ. наук. Вып. 2, Ташкент, 1958.

О значении научных архивов в системе Академии наук и недостатках постановки архивной работы в академических учреждениях Узбекистана.

Шумская В., Коваленко Л., Долинская О., Пузиков В., Коробкова О. Использование документальных материалов ведомственных архивов. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2 (32). Киев, 1958, стр. 81—85 (на украинском яз.).

О видах использования документов архивов Министерства просвещения УССР, Киевского инженерно-строительного института, Министерства сельского хозяйства УССР, Министерства здравоохранения УССР, Министерства культуры УССР.

Кадры архивистов, историко-архивное образование

Арапова Л. И. Производственная практика студентов V курса Московского государственного историко-архивного института. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 6. М., 1957, стр. 60—62.

Берков Б. Н. Актов П. Я.— забытый собиратель древнерусских рукописей и старопечатных книг. «Труды» ОДРЛ, т. XIV. М.— Л., 1957, стр. 637—643.

Бондаренко З. В. Курсы работников архивов министерств и других центральных учреждений СССР и РСФСР. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 4. М., 1957, стр. 76—77.

Вардумян С. 20 лет архивной работы. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 2(3). Ереван, 1957, стр. 8—9 (на армянском яз.).

Виноградов П. В. Люди ленинградских областных государственных архивов. «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 4—5. М., 1958, стр. 16—24.

Григорянц Ал. Архивист-ученый. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 2(3). Ереван, 1957, стр. 7—8 (на армянском яз.).

Гурский В. Кадры архивных учреждений БССР к 40-летию архивного строительства. «Информационный бюллетень» АУ МВД БССР, № 6. 40 лет архивного строительства в СССР. Минск, 1958, стр. 5—9.

Давыдова М. Б. Исторический кружок в Центральном государственном архиве древних актов. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 46.

25 лет безукоризненного труда в государственном архиве. «Информационный бюллетень» АУ МВД Грузинской ССР, № 1. Тбилиси, 1958, стр. 66.

О 25-летнем юбилее А. М. Иовидзе.

Из истории научного студенческого общества МГИАИ. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 10. Сборник студенческих научных работ. М., 1957, стр. 412—418.

Ильин С. Когда работают с любовью (Из опыта работы районного государственного архива). «Информационный бюллетень» АУ МВД РСФСР, № 4-5. М., 1958, стр. 48—49.

О работе зав. Урманским районным государственным архивом М. А. Алексеевой.

Кириченко И. Повышение квалификации архивных кадров. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1(31). Киев, 1958, стр. 50—53 (на украинском яз.).

О формах и тематике занятий по повышению квалификации научных и технических сотрудников Госархива Хмельницкой обл.

Ковалев И. Ф. Л. И. Полянская. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 10. М., 1958, стр. 174.

О сорокалетней деятельности архивиста.

Козинцева Р. И. Чествование Александра Игнатьевича Андреева. «Археографический ежегодник за 1957 г.». Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 494—496.

Памяти Ильи Лукича Маяковского (1878—1954). «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 8. М., 1957, стр. 355—364.

Рабинович М. Д. Памяти М. М. Семина (к 15-летию со дня гибели). «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 47—48.

Розов Н. Н. Член-корр. Академии наук И. А. Бычков. «Известия» АН СССР. Отд-ние литературы и яз., т. 17, вып. 4, 1958, стр. 353—355.

К столетию со дня рождения выдающегося русского археографа.

Рослова А. С. 25 лет работы Московского государственного историко-архивного института. «Труды» Московского государственного историко-архивного института, т. 11. М., 1958, стр. 3—51.

Саакян Л. О повышении квалификации архивистов. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 1(2). Ереван, 1957, стр. 21—22 (на армянском яз.).

Архивное оборудование, внедрение новой техники в архивное дело

Букатин Е. А. За широкое развитие изобретательства и рационализаторства в архивных учреждениях. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 6. М., 1957, стр. 7—9.

Букатин Е. А. О внедрении новой техники в архивное дело. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 60—70.

Лесюк К., Сабитов. Опыт применения передвижных металлических стеллажей (Государственная историческая библиотека РСФСР). «Библиотекарь», 1958, № 8, стр. 37—38.

Неклеса Г. Создать условия для работы исследователей. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1(27). Киев, 1957, стр. 56—60.

Об оборудовании читальных залов архивов.

Резник И. С. Механизация печатно-оформительских работ в проектных организациях (опыт работы ин-та «Гипростройиндустрия»), «Техническая информация» [Бюллетень Ин-та «Гипростройиндустрия»]. Вып. 1, М., 1958, стр. 61—74.

Освещаются методы и средства ускорения графических работ, вопросы бескопировочного черчения, фотомеханического копирования, применения диазокальки, технологии светокопировальных работ, способов размножения проектной документации и др.

Архивное дело за рубежом, материалы по истории СССР в иностранных архивах

«Архивум» (Краткий обзор 1—4 номеров журнала). «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 4(5). Ереван, 1957, стр. 61—64 (на армянском яз.).

Бржостовская Н. В. Архивы и архивное дело в иностранных государствах (Краткий конспект лекций для заочного факультета). Вып. II. Архивное дело в

странах Европы и Америки в период капитализма (от французской буржуазной революции конца XVIII в. до первой мировой войны). Под ред. В. В. Максакова. МГИАИ МВО СССР. М., 1957, 93 стр.

Организация, деятельность, состав и содержание архивов стран Европы и Америки.

Варес О. Я. Документальные материалы по истории ЭССР в архивах зарубежных стран. «Известия» АН Эстонской ССР. Серия обществ. наук, 1958, № 4, стр. 369—372.

Краткая справка охватывает архивы Англии, Италии и Ватикана, Польши, Швеции, Германии, Финляндии, Дании и Чехословакии.

Вайнштейн О. Л. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции. «Вестник АН СССР», 1957, № 1, стр. 83—91.

Венгерский национальный архив. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 2(3). Ереван, 1957, стр. 30—32 (на армянском яз.).

Волченков Г. И. Архивное дело в Китайской Народной республике. «Советское китаеведение», 1958, № 4, стр. 149—155.

Горемыкин Ю. Е. Об архивном законодательстве в Чехословакии. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 51—53.

О постановлениях Правительства Чехословакии от 7 мая 1954 г., на основании которого созданы Единый государственный архивный фонд и сеть архивов, и от 13 июля 1956 г. об архивах действующих учреждений.

Грязнович П., Халидов А. «Лига арабских стран». «Советское востоковедение», 1958, № 2, стр. 171—175.

Обзор 1 и 2 тт. специального журнала, посвященного всем вопросам, касающимся арабских рукописей и документов (Каир).

Губоглу М. Материалы по востоковедению, хранящиеся в архивах, библиотеках и музеях Румынской Народной Республики. «Известия» АН УзССР. Серия общественных наук. Вып. 1, Ташкент, 1958, стр. 67—72. Резюме на узбекском яз.

Маглакелидзе С. Архивное дело в Чехословацкой Народной Республике (впечатления). «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Грузинской ССР. Тбилиси, 1958, стр. 60—69 (на грузинском яз.).

Маркина В. Документы польского архива «Скарб коронный» о социально-экономических отношениях на Правобережной Украине в XVIII в. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4 (34). Киев, 1958, стр. 82—91 (на украинском яз.).

Озимок Н. Венгерский архивоведческий журнал «Архивный вестник». «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4 (30). Киев, 1957, стр. 105—109.

Обзор журнала за 1956 — первую половину 1957 г.

Отливанова Л. Совещание архивистов Чехословакии [в сентябре 1958 г.]. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4 (34). Киев, 1958, стр. 24—29 (на украинском яз.).

Передача Германской Демократической Республике ценных архивных материалов (из Московского отделения Архива Академии наук). «Вестник АН СССР, 1958, № 3, стр. 104—105.

Пилькевич С. Архивное дело в Германской Демократической Республике. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1(27). Киев, 1957, стр. 82—87.

Организация управления архивным делом, обеспечение сохранности и использование материалов.

Пилькевич С. Архивное дело в Югославии. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3(29). Киев, 1957, стр. 75—80.

Краткие сведения по истории архивного дела в Югославии, о сети архивов и системе архивных органов, помещении архивов и работе по реставрации документов.

Пилькевич С. В архивах ГДР. «Научно-информационный бюллетень» АО МВД Армянской ССР, № 5 (6). Ереван, 1957, стр. 58—61 (на армянском яз.).

Пилькевич С. В архивах Югославии. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 1 (8). Ереван, 1958, стр. 64—67 (на армянском яз.).

Рутенбург В. И. В архивах и научных институтах Италии. «Средние века», вып. 10, М., 1957, стр. 365—368.

По материалам научной командировки в Италию.

Селезнев М. С. Важная веха в истории архивного строительства Китайской Народной Республики. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5, 1957. М., стр. 49—51.

Об издании в Китае «Постановления Государственного Совета об улучшении архивного дела в стране».

Сизоненко Г. Об архивах Италии. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 2 (28). Киев, 1957, стр. 91—95.

Об организации управления архивами; краткие сведения о деятельности архивов.

Сизоненко Г. Об организации микрофильмирования в Италии (Заметки делегата III Международного конгресса архивистов). «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1 (27). Киев, 1957, стр. 88—90.

Тарле Е. В. Национальный архив в Париже. В кн.: Академик Евгений Викторович Тарле. Сочинения, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 589—623.

Впервые опубликовано в кн.: История архивного дела классической древности в Западной Европе и на мусульманском Востоке. Пг., 1920, стр. 153—202.

Рецензии на архивоведческие работы[2], архивная библиография

Библиографический справочник работ, напечатанных по материалам Государственного архива Омской области. АО УВД Исполкома Омского областного Совета депутатов трудящихся. ГА Омской области. Омск, 1958, 54 стр.

В справочник включены сведения о монографиях, статьях и заметках по архивному делу, научно-справочных изданиях, сборниках и отдельных публикациях документов, авторефератах диссертаций и т. д., в которых использованы материалы ГА Омской области.

Боярский В. А. Два издания архивного отдела Омской области. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 122.

Рецензия на кн. «Установление Советской власти в Омске (Обзор документальных материалов Государственного архива Омской области)» и брошюру «Восстание омских рабочих против Колчака 22 декабря 1918 г.».

Валк С. Н. Правила издания источников новейшей истории (XVI—XX вв.). «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 7. М., 1958, стр. 106—108.

Рецензия на «Правила издания исторических источников новейшей истории (XVI—XX вв.)», опубликованные чехословацкой комиссией по изданию источников нового и новейшего времени.

Вартаньян А. Д. О «Бюллетене» Архивного управления Казахской ССР. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 123.

Рецензия на № 2—3(10) «Бюллетеня» Казахской ССР за 1957 г.

Воронин Е. П., Шляпников Н. П. Печатные работы сотрудников ЦГВИА СССР. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 9. М., 1958, стр. 128—132. Краткий обзор.

Г. С. Указатель к журналу «Архів Радяньскої України». «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3 (33). Киев, 1958, стр. 148—155.

Г. С. Указатель к журналу «Архівна справа». «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 1 (31). Киев, 1958, стр. 111—130 (на украинском яз.).

Гольденберг Л. А., Кравченко А. Г. Методические указания по экспертизе научной и практической ценности технических документальных материалов. Примерный перечень технических документальных материалов с указанием сроков и мест их хранения. Главное архивное управление МВД СССР. М., 1956, 67 стр. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 54—58.

Рецензия на указанные методические пособия.

Горфейн Г. М., Маркова Н. Г. О составлении указателя литературы, в которой использованы документальные материалы Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 6. М., 1957, стр. 28—33.

Опыт работы архива по составлению указателя.

Диссертации и статьи по материалам вотчинных фондов ГИМ. В кн.: Письменные источники в собрании Государственного исторического музея. Ч. 1. М., 1958, стр. 100—101.

Указываются работы (1929—1956 гг.), написанные по материалам фондов кн. Голицына, кн. Куракиных, гр. Воронцовых и Шишкиных.

Дробижев В. З. Материалы архива по истории Великой Октябрьской социалистической революции на Урале (1917 — июль 1918 гг.). «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 120—121.

Рецензия на кн. «Обзор документальных материалов. Ч. 1 (январь—ноябрь 1917 г.)». Свердловск, 1957, 78 стр.; ч. 2 (декабрь 1917 — июль 1918 г.). Свердловск, 1958, 84 стр.

Иванько И. В помощь исследователям Ф. М. Достоевского. «Вопросы литературы», 1958, № 11, стр. 226—228.

Рецензия на кн. «Описание рукописей Ф. М. Достоевского».

Кондратьев В. А. Ценный труд по теории и практике архивного дела в СССР. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 109—114.

Рецензия на кн. «Теория и практика архивного дела в СССР».

Краглик В. Справочник о Государственном архиве Николаевской области. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4 (34). Киев, 1958, стр. 167 (на украинском яз.).

О «Кратком справочнике об архивных фондах и научно-справочной библиотеке Государственного архива Николаевской области». Аннотация.

Мисюра В. Опись средневековых документов Братиславского городского архива. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3 (33). Киев, 1958, стр. 145—147 (на украинском яз.).

Рецензия на кн.: Inventar stredovekysh listin, listov a inych pribuznych pisomnnosti. Archivna sprava Ministerstva vnutra. Praha, 1956.

Мовсисян Р. Путеводитель ЦГИА АрмССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД Армянской ССР, № 3(10). Ереван, 1958, стр. 51—54 (на армянском яз.).

Рецензия на путеводитель.

Нефедова С. В. Библиография изданий по архивному делу, составу и содержанию Государственного архивного фонда

[2] Рецензии на сборники документов в библиографию не включены.

СССР (1945—1956 гг.). «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 61—71.

Перечень работ, написанных с использованием документальных материалов Государственного архива Свердловской области и его филиалов (1919—1958 гг.). В кн.: 40 лет государственных архивов Свердловской области. АО УВД Исполкома Свердловского облсовета депутатов трудящихся. Свердловск, 1958, стр. 57—71.

Петров Н. А. Библиографические работы Архива востоковедов Института востоковедения Академии наук СССР (Ленинградское отделение). «Краткие сообщения» Института востоковедения. Вып. 25, 1957, стр. 96—102.

Обзор тематических картотек, каталогов коллекций книг, библиографических сводок, составленных востоковедами по Китаю, Японии и Корее.

Портнов И. М. Краткий справочник по государственным архивам Советского Союза. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 8. М., 1958, стр. 115—117.

Рецензия на кн. «Государственные архивы СССР. Краткий справочник» (М., 1957).

Публикации исторических источников и трудов по археографии за 1957 год. «Археографический ежегодник за 1957 год». Под ред. акад М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 509—518.

В библиографии имеется раздел «Книги и статьи по археографии и вспомогательным историческим дисциплинам» (стр. 517—518).

Рудельсон К. И. Тематический обзор «Дагестанская АССР в период борьбы за социалистическую индустриализацию страны (1926—1929 гг.)», Махачкала, 1955. 64 стр. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР, № 5. М., 1957, стр. 58—60.

Рецензия.

Сарана Ф. К. Указатель к журналу «Літопис революції» «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3 (29). Киев, 1957, стр. 99—128; № 4 (30). Киев, 1957, стр. 111—146 (на украинском яз.).

Селезнев М. С. Первый опыт систематического освещения истории русской дореволюционной археографии. «Информационный бюллетень» ГАУ МВД СССР. М., 1957, стр. 63—73.

Рецензия на кн. П. Г. Софинова. «Из истории русской дореволюционной археографии. Краткий очерк». М., 1957, 157 стр.

Список научных трудов профессора И. Л. Маяковского. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. М., 1957, т. 8, стр. 365—367.

Список печатных трудов А. И. Андреева. «Археографический ежегодник за 1957 год». Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 496а—501.

Список печатных трудов С. Н. Валка (К семидесятилетию со дня рождения). «Археографический ежегодник за 1957 год». Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР, М., 1958, стр. 502—508.

Указатель статей и материалов, напечатанных в «Научно-информационном бюллетене» АУ МВД УССР, №№ 17—34 за 1954—1958. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 4 (34). Киев, 1958, стр. 177—190.

Шведова О. И. Указатель «Трудов» губернских ученых архивных комиссий и отдельных их изданий. «Археографический ежегодник за 1957 год». Под ред. акад. М. Н. Тихомирова. Изд. АН СССР. М., 1958, стр. 377—433.

В предисловии содержатся краткие сведения по истории губернских ученых архивных комиссий, в указателе содержание «Трудов» кратко аннотируется.

Эксузян Е. Научно-информационный бюллетень Архивного управления МВД Армянской ССР. «Научно-информационный бюллетень» АУ МВД УССР, № 3 (33). Киев, 1958, стр. 140—144 (на украинском яз.).

Рецензия на №№ 1 (8) и 2 (9) за 1958 г.

Научная информация

КУСТОВОЕ СОВЕЩАНИЕ АРХИВИСТОВ ПРИБАЛТИКИ

8—10 июля 1959 г. в Риге проходило кустовое совещание работников архивных учреждений Латвийской, Литовской и Эстонской ССР. Совещание было посвящено вопросам состояния и перспектив развития архивного дела в нашей стране.

В работе совещания наряду с архивистами Прибалтийских республик приняли участие сотрудники ГАУ МВД СССР, архивных учреждений Белоруссии, Молдавии, Ленинграда, Псковской и Новгородской областей. Начальник Главного архивного управления Г. А. Белов выступил с докладом «Состояние и перспективы развития архивного дела в СССР»; были заслушаны сообщения начальника Архивного отдела МВД Эстонской ССР М. И. Музыкантовой «Организация работы архивных учреждений Эстонской ССР по выполнению Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г.», начальника Архивного отдела МВД Литовской ССР Е. А. Разаускаса «Организация использования документальных материалов в государственных архивах Литовской ССР», ст научного сотрудника Архивного отдела МВД Латвийской ССР Л. М. Пурышевой «Организация и методика работы по контролю и руководству архивами Латвийской ССР».

В докладе *Г. А. Белова* было отмечено, что за последние годы архивные учреждения Советского Союза, руководствуясь решениями XXI съезда КПСС, указаниями Коммунистической партии и Советского правительства по архивному делу, осуществили серьезные мероприятия по улучшению режима хранения и расширению использования документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР.

Опыт сорокалетней деятельности советских архивных учреждений нашел свое выражение в новом «Положении о государственном архивном фонде Союза ССР», утвержденном 13 августа 1958 г. Советом Министров СССР. Новое положение еще выше поднимает значение архивного дела и создает необходимые условия для дальнейшего укрепления советского архивоведения.

Докладчик указал на серьезные недостатки, которые еще имеют место в деятельности архивных учреждений. Отсутствие целеустремленности в вопросах комплектования привело к тому, что фонды крупнейших предприятий и учреждений на государственное хранение не поступали. До последнего времени не решен вопрос о пополнении Государственного архивного фонда Союза ССР за счет подлинников или копий документов, не хранящихся в государственных архивах. Не уделяется должного внимания вопросам комплектования государственных архивов документами личного происхождения выдающихся государственных и общественных деятелей, представителей литературы, науки и искусства, передовиков социалистического производства.

Г. А. Белов отметил неблагополучие с сохранностью документальных материалов в архивах учреждений, организаций и предприятий — основной базе комплектования государственных архивов. В этих архивах сохранность не обеспечивается не только потому, что они в подавляющем большинстве не имеют приспособленных помещений и необходимых условий для хранения материалов, но в основном из-за плохо организованной работы по приему документальных материалов из отделов, структурных подразделений и подведомственных органов.

Серьезным тормозом в развертывании широкого использования материалов в научных и народнохозяйственных целях является неудовлетворительное состояние научно-справочного аппарата. До сих пор мы очень мало работали над созданием предметно-тематических каталогов.

Главным архивным управлением разработан перспективный план развития архивного дела на 1959—1965 гг. Его общей задачей является приближение архивов к потребностям развития народного хозяй-

ства, к строительству коммунизма, устранение односторонней ориентации на обслуживание лишь исторической науки, возможно полная реализация принципиальных преимуществ социалистического архивного дела, подъема его технического уровня.

Осуществление общих задач перспективного плана должно быть достигнуто путем решения ряда научных и научно-организационных проблем. Важнейшими из них являются: создание научно-обоснованной системы хранения документальных материалов Государственного архивного фонда с целью обеспечения их долговременной сохранности; внедрение в практику размножения и воспроизведения документов новейших технических достижений (в первую очередь микрофотокопирования); создание рациональной системы научно-справочного аппарата с применением механизации при пользовании им и внедрение соответствующих форм учета документальных материалов; значительное расширение информации о составе и содержании документальных материалов во всех ее видах; наиболее широкое использование архивов в интересах науки, культуры и народного хозяйства. Важной задачей советских архивистов является увеличение изданий документов, в первую очередь по истории советского общества, а также издание популярных книг и брошюр.

Архивисты должны взяться за изучение некоторых теоретических вопросов в области делопроизводства: разработать основные принципы классификации всей документации, которая образуется в работе государственного аппарата, единую систему учета документов как в делопроизводстве, так и в архивах, подготовить и издать лекции и брошюры по вопросам текущего делопроизводства, принимать непосредственное участие в подготовке и переподготовке работников канцелярий.

Начальник Архивного отдела МВД Эстонской ССР *М. И. Музыкантова* доложила об организации работы архивных учреждений Эстонии по выполнению Постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств». За период с 1956 г. по настоящее время было издано четыре Постановления Совета Министров Эстонской ССР по вопросам улучшения архивного дела в республике [1]. В 1958 г. в Таллине начато строительство здания для Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства ЭССР; ведется строительство здания для Антелаского районного государственного архива; в ЦГИА ЭССР за период с 1957 г. установлено более 1,5 тыс. погонных метров стеллажей; созданы реставрационная мастерская и микрофотолаборатория. М. И. Музыкантова указала в своем сообщении на многие недостатки, имеющие место в работе архивных учреждений Эстонии, на неупорядоченность документальных материалов в государственных и ведомственных архивах, несовершенство справочного аппарата и т. д.

Е. А. Разаускас рассказал участникам совещания об организации работы по всестороннему использованию документальных материалов в государственных архивах Литовской ССР. Архивисты республики подготовили сборник документов о революционных событиях 1905—1907 гг., готовится публикация документов о восстановлении советской власти в Литве в 1939—1940 гг., намечено издание сборника, содержащего листовки, воззвания и прокламации Коммунистической партии Литвы за период 1919—1940 гг. Значительно активизировалась работа по организации документальных выставок. Только за 1958 г. Центральным государственным архивом и Каунасским горархивом было организовано 10 выставок на актуальные темы, в том числе: «Сорокалетие комсомола Литвы», «Борьба литовского народа за Советскую власть в 1918—1944 гг.»; «Комсомольцы-подпольщики Каунаса в период немецкой оккупации» и др. Выставки экспонировались в кинотеатрах, музеях и т. п.

До 1957 г. использование документальных материалов в народнохозяйственных целях почти не было организовано, сейчас эта работа заметно оживилась. Составлены справки-ориентации об использовании культурных пастбищ на территории Литвы, о разведении рыб и состоянии рыбного хозяйства в Литве и др. По запросам заинтересованных учреждений были выявлены документы о переписях населения в буржуазной Литве, о продолжительности рабочего дня в учреждениях и на предприятиях Литвы, о янтарной промышленности. Весьма эффективной была работа по выявлению и использованию технической документации о мостах через реки Литвы. Для Клайпедского морского порта выявлены и высланы во временное пользование технические планы и описания устройства порта. Выявленные Каунасским городским архивом материалы, по отзыву республиканского института «Литпроекта», дали экономию государственных средств в 24 000 руб. Однако связи архивов Литвы с учреждениями, заинтересованными в использовании их документальных материалов, все еще недостаточны. Тематическое выявление почти не проводится. Тематических каталогов нет. Недостаточна творческая инициатива архивных работников в области всестороннего использования документальных материалов государственных и ведомственных архивов республики.

[1] См. «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 240—241.

Сообщение ст. научного сотрудника Архивного отдела МВД Латвийской ССР *Л. М. Пурышевой* было посвящено вопросам организации и методики работы по контролю и руководству ведомственными архивами республики. В целях повышения качества работы ведомственных архивов были разработаны методические пособия по составлению номенклатур дел, об организации и методике проведения экспертизы ценности документальных материалов в ведомственных архивах. Для инспекторов была разработана также памятка по оформлению результатов обследования. Изменена методика работы по контролю за архивами учреждений, организаций и предприятий. Существовавшая ранее практика проверок с обязательным составлением актов была упразднена, ее заменили систематическими выходами на места для оказания архивам учреждений необходимой практической и методической помощи. Акты проверок составляются лишь в отдельных случаях.

Во время обследования для учреждения устанавливаются определенные сроки выполнения работ по упорядочению и обеспечению сохранности документальных материалов. После проверки выполнения учреждением указаний инспектора составляется письмо руководителю учреждения, иногда, если это требуется, партийным и профсоюзным органам.

Работники Архивного отдела совместно с руководителями министерств и ведомств разрабатывали проекты приказов и решений коллегий министерств о мерах по выполнению указанных постановлений в министерствах, управлениях и подведомственных им учреждениях. В результате более 70% учреждений и организаций упорядочили свои архивы.

В прениях выступили — начальник ЦГАОР Эстонской ССР *В. А. Новиков*; начальник группы использования ЦГА Латвийской ССР *А. В. Цейцан;* начальник ЦГА Латвийской ССР *Н. Б. Жаугро;* начальник ЦГВИА Эстонской ССР *И. И. Ларин;* научные сотрудники ЦГА Латвийской ССР *О. Я. Балтаусе, В. К. Рутманис* и *Г. А. Енш*; начальник ЦГА Литовской ССР *Г. К. Валинскене,* которые отметили, что архивные учреждения Прибалтийских республик за последние годы добились известных результатов в выполнении задач, вытекающих из постановления Совета Министров СССР от 7 февраля 1956 г. и соответствующих постановлений республиканских правительств. Вместе с тем они указали на серьезные недостатки, которые еще продолжают иметь место в работе архивных учреждений Латвии, Литвы и Эстонии. Архивные органы и государственные архивы не добились коренного улучшения состояния ведомственных архивов и многих районных государственных архивов. Ряд райисполкомов Латвийской ССР продолжает использовать заведующих райгосархивами не по назначению. Заметен самотек в работе по комплектованию государственных архивов; медленно ведется очищение государственных и ведомственных архивов от материалов, не подлежащих дальнейшему хранению. Не уделяется должного внимания работе по созданию тематических каталогов и других видов полноценного научно-справочного аппарата. Серьезным упущением является и то, что в работе по информации не привлекаются документальные материалы ведомственных архивов и не организуется их использование в практической деятельности учреждений.

Начальник Архивного управления МВД БССР *А. И. Азаров* поделился опытом работы белорусских архивистов по организации всестороннего использования документальных материалов и указал на необходимость выявления и учета документов по истории белорусского народа, находящихся в архивах, рукописных отделах библиотек, институтах и музеях Москвы, Ленинграда, Вильнюса, Львова и других городов. А. И. Азаров рассказал также о мероприятиях по улучшению условий хранения документальных материалов в архивах Белоруссии, о строительстве нового здания для Минского областного государственного архива, о работе микрофотолабораторий, организованных при государственных архивах БССР. Начальник Архивного отдела МВД Латвийской ССР *А. Я. Кадикис* поставил перед участниками совещания актуальные и важные вопросы об использовании документальных материалов в борьбе против проявлений буржуазного национализма и ревизионизма, а также в области научно-атеистической пропаганды. Выступивший в прениях *Е. А. Разаускас* критиковал Главное архивное управление и Московский государственный историко-архивный институт за недостаточное внимание к вопросам подготовки квалифицированных кадров историков-архивистов для Прибалтийских республик. Он указал на необходимость серьезного изучения иностранных языков, знание которых совершенно необходимо в работе над документами литовских архивов. Начальники отделов ГАУ МВД СССР *Н. Я. Ильин* и *С. Т. Плешаков* рассказали участникам совещания о состоянии строительства архивохранилищ в СССР, внедрении техники в архивное дело, микрофотокопировании, об опыте работы по подготовке научно-справочного аппарата, каталогизации документальных материалов. С. Т. Плешаков особо подчеркнул необходимость улучшения методической работы в области архивоведения.

Заместитель начальника ЦГАЛИ СССР *Н. Б. Волкова* посвятила свое выступление вопросам собирания документальных материалов по литературе и искусству, поделилась опытом работы в этой области, накопленным ЦГАЛИ СССР. Начальник публикаторского отдела ЦГА Латвийской

ССР *А. А. Заварина* предложила шире практиковать теоретические конференции и дискуссии по вопросам археографии, разработать новые правила издания документов.

На совещании выступили также начальник архивного отдела УВД Витебского облисполкома т. *Ушаков* и начальник ЦГИАЛ *В. В. Бедин*, предложивший провести очередное кустовое совещание архивных работников в Ленинграде.

Участники кустового совещания обратились ко всем работникам архивных учреждений Советского Союза с призывом приложить всю свою энергию, знания и опыт к дальнейшему подъему и совершенствованию архивного дела в нашей стране, к организации максимального и эффективного использования документальных богатств Государственного архивного фонда для успешного выполнения задач, поставленных XXI съездом Коммунистической партии Советского Союза.

Л. Н.

ВОПРОСЫ АРХЕОГРАФИИ НА IV ВСЕСОЮЗНОМ СОВЕЩАНИИ ПО ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Одной из важнейших задач археографической работы является собирание, хранение и описание древнерусских рукописей. Эти вопросы широко обсуждались на IV Всесоюзном совещании по древнерусской литературе, созванном Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР 27—30 мая 1959 г. В работе совещания приняли участие работники научно-исследовательских учреждений, библиотек, музеев и архивов Москвы, Ленинграда, Ярославля, Калинина, Пскова, Новгорода, Риги.

Как выяснилось в ходе совещания, археографическая работа по сравнению с предыдущими годами заметно оживилась как в центре, так и на местах. Очень много сделано по разысканию старинных рукописных книг. Значительно пополнился рукописный фонд Института, насчитывающий около 3000 рукописей XV—XIX вв. (доклад *В. И. Малышева*). В состав его вошли печорское, мезенское, керженское, эстонское и гуслицкое собрания, приобретенные в результате археографических экспедиций Сектора древнерусской литературы. Особенно большое количество рукописных книг было привезено в 1958 г. В 1959 г. сектор снова направил две экспедиции — в верховья Печоры и в Карелию (совместно с Библиотекой Академии наук СССР). Много рукописей приобретено у частных лиц или получено в дар.

Ведется работа по разысканию рукописей работниками Псковского, Новгородского и Калининского краеведческих музеев (доклады *И. Н. Ларионова, А. И. Семенова, И. Ф. Голубева*). Государственный архив Ярославской области систематически приобретает рукописные и старопечатные книги от населения, намечает развертывание работы по сбору рукописного материала в районах области (доклад *В. В. Лукьянова*).

Вопрос о поисках древнерусских рукописей вызвал самое оживленное обсуждение. В выступлениях *Н. Н. Розова* (Гос. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), писателя *И. Л. Андроникова, А. И. Андреева* (Институт истории АН СССР) отмечалось большое значение работы сектора по собиранию рукописей, возглавляемой В. И. Малышевым, и деятельности областных работников-энтузиастов.

Все выступавшие отмечали значительное расширение экспедиционной работы, необходимость перехода от единичных экспедиций к планомерному собиранию древнерусских рукописей. Архивные органы МВД СССР, Президиума Академии наук СССР и Министерство культуры СССР должны позаботиться о сохранении древнерусского рукописного наследия — национального достояния нашего народа.

В качестве практических шагов по усилению археографической работы должны быть приняты меры со стороны Президиума АН СССР в отношении увеличения средств, отпускаемых на экспедиции.

Одним из действенных средств в деле собирания рукописей должно стать широкое освещение значения таких поисков в печати, по радио, телевидению, в кино. Возможность ценных находок рукописей (и древних, и XIX в.) не только в отдаленных районах, но и в крупных городах у частных лиц очень велика. Интересный факт о случайной находке у частного лица в Москве автографа «Торжественного марша» П. И. Чайковского сообщил *И. М. Кудрявцев* (Гос. библ. СССР им. В. И. Ленина).

Необходима самая широкая пропаганда среди населения, чтобы привлечь внимание советской общественности и с ее помощью полностью сберечь дошедшее до наших дней древнерусское рукописное наследие. Можно только приветствовать инициативу Архивного отдела УВД Калининского облисполкома, выпустившего массовым тиражом плакаты, призываю-

щие к сбору и сохранению рукописного материала.

На совещании был высказан ряд упреков в адрес Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР, которая недостаточно координирует и руководит работой по собиранию рукописей.

Другой проблемой, обсуждавшейся на совещании, был вопрос о хранении и систематизации древнерусского рукописного наследия. Значительные успехи достигнуты и в этом направлении.

Как сообщил В. В. Лукьянов, приведены в должный порядок рукописи Ярославского краеведческого музея. В. В. Лукьяновым была составлена инвентарная опись рукописей и Государственного архива Ярославской области. В Калинине большая работа по описанию рукописной коллекции Государственного архива проделана И. Ф. Голубевым, однако она до сих пор остается неопубликованной.

Описание рукописей ведется и в Новгородском историко-архитектурном музее А. И. Семеновым; большинство рукописей уже описано. В 1960 г. должна выйти в свет первая часть описания. Значительная работа по описанию рукописей ведется в Институте русской литературы АН СССР В. И. Малышевым; к 1960 г. будет полностью завершено описание печорского собрания.

Интересный опыт систематизации рукописного материала проводится в Псковском историко-художественном музее (доклад *И. Н. Ларионова,* выступление *Г. М. Дейча). Л. А. Творогов* предложил фондировать рукописи по принципу происхождения документа, что дало возможность многое сделать для установления древней псковской топографии, выяснить, где и когда появился данный культурный центр. Такая система каталогизации была поддержана *А. И. Роговым* (Археографическая комиссия). Отмечались и недостатки этой системы. Г. М. Дейч считает, что материалы XIX в. систематизировать в этом порядке не стоит.

И. М. Кудрявцев рассказал об опыте каталогизации, проводимом в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина. Здесь создается картотека, включающая в себя архивы личного происхождения. В скором будущем она будет напечатана. И. М. Кудрявцев призвал к составлению единого каталога, в котором бы отразились все собрания, имеющиеся в хранилищах Советского Союза.

На совещании особенно подчеркивалась необходимость скорейшего создания указателя описаний древнерусских рукописей. Такие указатели по русским собраниям вышли во Франции, в США, но в них не учтено передвижение собраний.

Известно, что в этом направлении что-то предпринимают Археографическая комиссия и Н. П. Рождественский (Усть-Каменогорск, Казахская ССР), но их работу необходимо координировать. Все это говорит о несомненных успехах, достигнутых за последние годы в деле археографии, но в то же время, как выяснилось из выступлений, многое еще предстоит сделать.

Хранение рукописей далеко не всегда стоит на должной высоте. В силу целого ряда причин, а иногда просто из-за непонимания отдельными архивными работниками ценности вверенных материалов, продолжают гибнуть отдельные рукописи и целые рукописные собрания. Яркую картину бедственного положения с хранением рукописей в архивах Рязани обрисовала в своем выступлении *В. Д. Кузьмина* (ИРЛИ АН СССР). В г. Михайлове ценные материалы пришлось извлекать из голубиного помета. В рязанских архивохранилищах рукописи подчас не имеют описания.

Как отмечал в своем выступлении *И. Н. Заволоко,* в архивохранилищах Риги (ЦГИА Латвийской ССР, Латвийская государственная библиотека) имеются рукописи, пришедшие в негодное состояние от времени, но восстановлению их мешает отсутствие реставрационных мастерских.

На совещании, как и на археографических заседаниях предыдущих лет, было обращено внимание на отсутствие единого метода в описании рукописей, что затрудняет работу исследователей и археографов. Не всегда благополучно обстоит дело и с изданием описаний. Напечатание описаний в московских издательствах подчас зависит от воли книготорга. Для устранения недостатков в хранении и систематизации древнерусского рукописного материала было предложено обратиться в Археографическую комиссию и Главное архивное управление МВД СССР с тем, чтобы созвать совещание директоров районных библиотек и музеев, на котором бы они сообщили об имеющихся у них рукописных материалах, а также провести инструктивное совещание с работниками периферийных архивов по вопросам хранения и описания рукописи.

Было выдвинуто также предложение о созыве в Москве Всесоюзного методического совещания по обмену опытом археографической работы между работниками центральных и местных архивов *(И. Ф. Голубев, Н. Н. Розов).*

Совещание содействовало обмену опытом археографической работы и показало, как много еще нужно сделать для сохранения древнерусского рукописного наследия.

М. А. Салмина, Н. С. Сарафанова

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИВАХ И ДОКУМЕНТАХ

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Центральный архив Министерства путей сообщения СССР (ЦА МПС), основанный еще во второй половине XIX в., является одним из крупнейших ведомственных архивов страны. В настоящее время здесь хранится 135 фондов общим объемом 365 124 единицы хранения. Многие материалы характеризуют состояние железнодорожного транспорта в царской России (строительство первых магистралей, развитие железнодорожной техники, паровозного и вагонного парка, путевого хозяйства, количественный и качественный состав работников транспорта и т. д.) [1].

Большое место занимают документы, относящиеся к советскому периоду. Среди них значительный интерес представляют документы периода Великой Отечественной войны; они раскрывают самоотверженный труд советских железнодорожников в 1941—1945 гг., внесших огромный вклад в общее дело победы над гитлеровской Германией. К сожалению, до настоящего времени трудовая деятельность работников железнодорожного транспорта СССР в военные годы в нашей исторической литературе почти не освещена. Богатейшие материалы архива МПС по данному вопросу продолжают оставаться вне поля зрения историков советского общества.

Среди материалов архива наиболее значительным собранием является фонд секретариата наркома (ф. 33 а), где сосредоточены директивные документы наркома и его заместителей, переписка НКПС с различными правительственными учреждениями, докладные записки, письма и телеграммы в НКПС руководителей дорог, работников политотделов, местных хозяйственных и общественных организаций транспорта, богатые статистические сведения. Документы показывают, как в сложных условиях первых месяцев войны, под руководством партии и правительства была осуществлена быстрая перестройка железнодорожного транспорта на военный лад. В самом начале военных действий движение поездов было переведено на особый воинский график. Перевозки, не имевшие военного значения, в том числе пассажирские, были значительно сокращены. Перестройка означала изменение на железнодорожных магистралях привычного порядка работы, системы материально-технического снабжения, условий ремонта, эксплуатации транспортных средств и т. д.

Большую ценность представляют материалы, повествующие о том, как советские железнодорожники в первый период войны, несмотря на громадные потери и разрушения, осуществили небывалые в истории перевозки по перебазированию промышленности, сырья, различных материальных ценностей и огромного количества людей из угрожаемых районов на Восток СССР. Только с начала эвакуации по 20 ноября 1941 г. было погружено 914 380 вагонов с эвакогрузами (ф. 33 а, оп. 968, д. 57, л. 17). Всего с июля по декабрь 1941 г., когда была проведена основная работа по эвакуации, советские железнодорожники перевезли в районы Урала и Сибири около 1500 тыс. вагонов самых необходимых грузов. Архивные документы показывают огромные трудности, вставшие перед железнодорожниками во время эвакуации, и как эти трудности преодолевались. Большой фактический материал содержится в отчетах о переписи эвакогрузов, периодически проводившейся в 1941—1942 гг. на железнодорожной сети.

Этот же фонд охватывает документы, позволяющие исследовать вопросы формирования нового рабочего пополнения на железных дорогах, борьбу партийных и хозяйственных организаций за укрепление дисциплины на транспорте, за экономию топлива и материалов, за проведение в жизнь Указа Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на железных дорогах».

В фонде Центрального юридического отдела НКПС (ф. 33) собраны документальные материалы, отражающие руководящую деятельность Народного комиссариата путей сообщения в дни войны. Здесь в основном сосредоточены многочисленные приказы НКПС, касающиеся различных вопросов эксплуатации железнодорожного транспорта; они помогают уяснить, какими соображениями обосновывалось то или иное решение, насколько правильно ориентировалось руководство в оценке текущего момента и т. д. Фонд располагает такими интересными документами, как приказы НКПС: от 23 сентября 1941 г. «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени», от 19 ноября 1942 г. «Об улучшении бытового обслуживания и снабжения паровозных бригад», от 27 января 1943 г. «О результатах проверки хранения эвакоимущества и мероприятия по его сохранности», от 4 февраля 1943 г. «Об ускорении оборота паровозов в грузовом движении», от 25 июня 1943 г. «Об улучшении использования паровозов и обеспечении их работы по графику оборота», от 16 июля 1943 г. «О выполнении плана военно-снабженческих перевозок, сокращении наличия транспорта на сети, увеличении ско-

[1] Значительная часть материалов дооктябрьского периода была также передана на хранение в ЦГАОР СССР.

рости продвижения, погрузки и выгрузки» и др. Большое место занимают приказы НКПС, посвященные вопросам социалистического соревнования, трудовому героизму железнодорожников, движению новаторов транспорта.

С первых дней Великой Отечественной войны на железных дорогах страны развернулось широкое лунинское движение, названное так по имени новатора-машиниста Томской железной дороги Николая Лунина. Оно стало новой формой социалистического соревнования в военные годы во многих отраслях народного хозяйства СССР. В сложных условиях военного времени Лунин и его последователи организовали отличный уход за паровозом, что позволило снизить себестоимость ремонта и увеличить время полезной работы паровозов. В фонде Центрального юридического отдела хранится ценный документ о лунинском движении — приказ НКПС и Политуправления НКПС от 7 января 1942 г. «О развитии лунинского движения на железнодорожном транспорте в условиях войны», который наметил конкретные пути дальнейшего роста рядов последователей знатного машиниста.

В 1942 г. в связи с потерей важнейших угольных бассейнов советский железнодорожный транспорт стал испытывать серьезные топливные затруднения. Паровозные парки целого ряда железных дорог были переведены на дровяное топливо. Передовые машинисты транспорта быстро освоили технику отопления локомотивов топливом новых видов и стали водить поезда с высокой скоростью. Благодаря внедрению прогрессивных методов первым достиг таких результатов машинист депо Вологда Северной железной дороги Василий Болонин. Движению болонинцев посвящено несколько документов фонда. Среди них приказ НКПС от 20 июня 1943 г. «О награждении старшего машиниста паровоза серии «СО» № 3100 депо Вологда Северной ж. д. Болонина В. И.».

Часть материалов фонда посвящена вопросу подготовки новых кадров на транспорте. Отечественная война отвлекла от производства сотни тысяч кадровых железнодорожников. Поэтому с первых месяцев боевых действий возникла острая потребность в пополнении рабочих рядов. По зову партии и правительства в промышленность и на транспорт пошла огромная масса женщин и подростков, которые в короткий срок овладели сложнейшими профессиями и стали мастерами своего дела. К концу войны на железных дорогах работало 45% женщин. Молодежь к этому времени составляла на транспорте одну треть. По данному вопросу фонд располагает такими интересными документами, как приказы НКПС «О повышении квалификации и подготовке работников массовых профессий железнодорожного транспорта из женщин», «Об организации подготовки техников первого класса», «О технической пропаганде на транспорте», «Об организации высших инженерных курсов по повышению квалификации дипломированных инженеров и об организации курсов по подготовке инженеров» и т. д.

Огромную работу по обучению новых кадров проделали опытные производственники, среди которых было много старых кадровых рабочих-пенсионеров, вернувшихся на транспорт. Инициаторами этого патриотического начинания выступили кадровые железнодорожники Красноярской магистрали. Об этом мы узнаем из имеющегося в фонде приказа НКПС «О награждении старых производственников Красноярской ж. д. за работу по обучению новых молодых кадров». В фонде хранится интересный материал о машинисте-инструкторе депо Тамбов Ленинской железной дороги Николае Курских, который за 25 лет работы на железнодорожном транспорте подготовил 453 машиниста и 141 помощника машиниста, в том числе только за 1942 г.— свыше 20 квалифицированных паровозников (ф. 33, оп. 763, д. 1, л. 28).

О трудовых делах работников путевого хозяйства рассказывают материалы фонда Центрального управления пути (ф. 11). Исследователь найдет здесь ценные источники о различных формах социалистического соревнования среди путейцев в годы войны. Особый интерес представляют документы, посвященные казанцевскому движению, которое развернулось на транспорте в мае 1943 г. по примеру путеобходчика Свердловской дистанции пути Максима Казанцева. Документы содержат данные о росте числа казанцевских бригад в годы войны и о той работе, которую они проделали в свободное от дежурств время по ремонту путевого хозяйства.

В фонде Главной бухгалтерии НКПС (ф. 23а) собраны главным образом годовые отчеты управлений всех магистралей по капиталовложениям и основной деятельности железных дорог, по расходам на подготовку кадров и т. д. Эти отчеты дополняются докладными записками и справками руководителей дорог по самым разнообразным вопросам. Они дают конкретное представление о задачах, стоявших перед различными железными дорогами в годы войны, об изменениях и трудностях в эксплуатационной работе магистралей, о том, как преодолевались эти трудности. Определенную ценность имеют данные о выполнении заданий по погрузке, выгрузке, среднесуточному пробегу паровозов и вагонов, о количестве тонн перевезенных грузов по каждой дороге в течение одного года и т. п.

В фонде Центрального управления движения (ф. 2) имеется ряд важных документов, характеризующих борьбу одного из ведущих отрядов железнодорожников — работников службы движения за четкое соблюдение графика и скоростное проследование поездов. Однако в этом фонде нет

обобщенных материалов, которые показывали бы участие движенцев в социалистическом соревновании. Особенно мало годовых данных о выполнении воинского графика в целом по всему железнодорожному транспорту.

Среди других фондов архива, содержащих менее обильный фактический материал о работе советских железнодорожников в период Великой Отечественной войны, следует назвать фонды: Центрального паровозного хозяйства (ф. 9), Главного управления учебными заведениями (ф. 17), Коллегии НКПС (ф. 33б), Главного управления вагонного хозяйства (ф. 10) и Центрального управления сигнализации и связи (ф. 14).

К сожалению, некоторая часть документов архива, освещающая вопросы социалистического соревнования, стахановского движения, материально-бытового положения железнодорожников, не сохранилась.

Тем не менее, все эти документальные материалы Центрального архива Министерства путей сообщения представляют в совокупности неоценимый источник для глубокого и всестороннего изучения героического труда советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны.

Г. А. Куманев

О ДРУЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЯХ РОССИИ С ИНДИЕЙ

В Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде имеются документальные материалы о связях России с Индией за 1736—1917 гг. Материалы за XVIII век по объему незначительны. В архиве хранится именной указ от 11 апреля 1736 г., из которого видно, что в этом году в Бухару приезжали индийские торговцы и что Мардари Бараев был отправлен в Индию для закупки товаров (ф. 1329, оп. 1, д. 44, лл. 73—75).

В завещании армянского купца Стефана Агабабова, составленном в 1791 г. в индийском городе Сурате, упоминается, что он начал торговлю в Сурате с 1766 г. (ф. 733, оп. 39, д. 191, лл. 27—30).

Имеется ряд дел о развитии торговли России с Индией в начале XIX века, о проекте учреждения в Оренбурге торговой кампании «для торга с азиатскими купцами», в том числе и с купцами Индии (ф. 1374, оп. 3, дд. 2200, 2399, 2402, 2490). В этих делах хранятся ведомости о количестве и ассортименте индийских товаров, привезенных в Россию в 1790—1799 гг., и записки со сведениями по истории торговли России с Индией.

Большой интерес представляет дело об установлении морского торгового пути в Индию через Черное море и о заказе парохода для совершения рейсов по этому пути (1870) (ф. 107, оп. 1, д. 373).

В фонде Министерства торговли и промышленности имеется отношение генерального консульства в Бомбее в Отдел торговли министерства о русских пароходных рейсах между Одессой и портами Индии, со сведениями о торговле России с Индией за период с 1906 по 1909 гг. и о мерах к ее оживлению (ф. 23, оп. 11, д. 5; оп. 8, д. 32).

Имеется несколько дел о дипломатических отношениях России с Индией. Среди этих дел: об учреждении генерального консульства в Бомбее (1900 г.) (ф. 1149, оп. 12, д. 123/1899), о перенесении этого консульства из Бомбея в Калькутту (1911—1912 гг.) (ф. 1276, оп. 7, д. 446; ф. 1158, оп. 1, д. 292) и др.

В канцелярии министра финансов имеются документальные материалы со сведениями об экономическом и финансовом положении Индии за 1889—1915 гг., о развитии нефтяной, хлопчатобумажной и ткацкой промышленности и о состоянии и строительстве железных дорог в Индии, о торговле Индии с иностранными государствами, а также о политических событиях в ней (ф. 560, оп. 28, дд. 456, 1123, 1234, 1253, 1256; ф. 23, оп. 8, дд. 32, 35, 36).

Из документальных материалов видно, что русские ученые всегда проявляли огромный интерес к индийской культуре и литературе. Ряд дел содержит сведения об учреждении кафедр санскритского языка в Московском, Петербургском и Казанском университетах и о назначении преподавателей санскритского языка и индийской литературы. Рассказывается о русских ученых, посвятивших себя изучению истории индийского народа и его языков: П. Я. Петрове, И. П. Минаеве, Р. Ленце, О. Бетлинге, К. А. Коссовиче и С. Ф. Ольденбурге (ф. 733, оп. 12, дд. 477, 482; оп. 13, д. 147; оп. 19, д. 185; оп. 42, д. 289; оп. 26, д. 193 и др.).

Представляют интерес дела о собирании и приобретении санскритских рукописей и книг, об изучении и издании индийских художественных произведений, «Санскритской антологии» и проч. (ф. 733, оп. 44, д. 17). Имеются также дела об изучении санскритского языка. В архиве сохранились дела о командировках в Англию с целью изучения санскритского языка и древнеиндийской литературы И. П. Минаева и К. А. Коссовича. Позднее И. П. Минаев был командирован в Индию для изучения языка пали и памятников древнебуддийской культуры (ф. 733, оп. 141, д. 54; оп. 14, д. 10).

Интересны документы о помощи русского народа голодающим индусам во время неурожая в Индии в 1896 г., когда в Петербурге, Москве и Одессе были учреждены три комитета по оказанию помощи голодающим. Калькутский благотворительный комитет помощи пострадавшим от голода индусам от имени всего народа Индии выразил благодарность русскому народу за оказанную помощь хлебом и деньгами (ф. 1284, оп. 185, д. 88).

И. Ф. Ковалев

УКАЗАТЕЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ И СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ» за 1959 г.

ДНЕВНИКИ И ВОСПОМИНАНИЯ

СТАТЬИ

СООБЩЕНИЯ

ЗАМЕТКИ АРХИВИСТА

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НАУЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

ПОПРАВКИ

В журн. «Исторический архив» № 2, 1959 г.

Стр. 76, 19 строка снизу следует читать «21-я стрелковая дивизия»

В журн. «Исторический архив» № 4, 1959 г.

Стр. 11, 7—8 строки сверху следует читать: «(представителей Варшавского и Лодзинского комитетов СДКПиЛ)»

Стр. 37, 26 » снизу » » «Варшавское правление»

» » 8 » » » » «Варшавским и Лодзинским комитетами»

» 131, 5 » сверху » » «Запись советника Никитина (В.Горева)»

Содержание

CONTENTS

Цена 16 руб. 50коп.